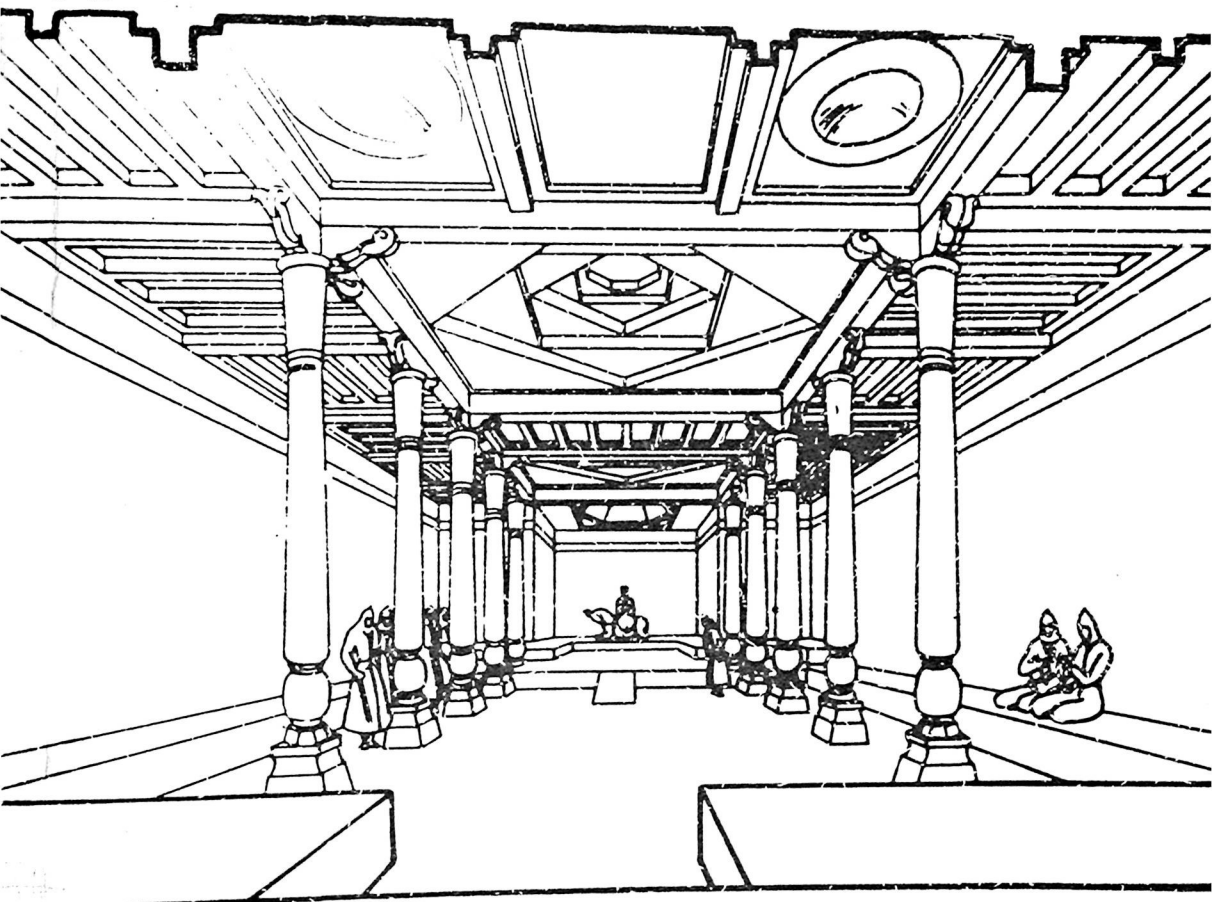


АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

XX

1980



АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ.А.ДОНИША

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ
вып. XX (1980 г.)

Под редакцией Б.А.Литвинского,
Н.Н.Негматова, В.А.Рансва

Издательство "Дониш"
Душанбе - 1987

К о л л е к т и в а в т о р о в. Археологические работы в Таджикистане. Вып. XX (1980 г.). - Душанбе: Дониш, 1987. - с. 453.

Настоящий сборник юбилейный. Это двенадцатый выпуск ежегодных отчетов о работе трех крупных археологических экспедиций: Кжно-Таджикистанской, Северо-Таджикистанской и Пенджикентской. Поэтому в первой части книги читатель найдет статьи, подводящие итоги исследований указанных экспедиций за 10 лет - 1971-1980 гг., а также обобщающие статьи, освещающие достижения в области исследований памятников каменного века, палеоантропологии и реставрации. Во второй половине сборника - информация о полевых работах 1980 г.

Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов, преподавателей средней и высшей школы.

Рецензенты: кандидат исторических наук А. Д. Бабаев, кандидат исторических наук М. А. Бубнова.

А 05070000000 - 000 26-87
М 502 - 87

© Издательство "Дониш", 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторы и редакторы "Археологических работ в Таджикистане", выпуск которых был возобновлен после восьмилетнего перерыва в 1970 г., отмечают настоящим томом своеобразный юбилей - выход 20-го выпуска.

В связи с этим решено было к обычным отчетам добавить еще несколько статей итогового характера, которые посвящены общей характеристике достижений различных разделов археологии и смежных наук за последнее десятилетие.

I. Южно-Таджикистанская экспедиция

Б.А. Литвинский в своей обобщающей работе рассматривает основные проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете работ 1971-1980 гг., начиная от бронзового века и кончая развитием средневековьем. Наиболее крупные работы были проведены на поселении Тамшоттепа, Саксан Охур, Шахринауское городище, завершены исследования буддийского монастыря Аджинатепе, на высокогорном городе рудокопов Базардара, начаты исследования Калам Кафирнитана, Тахти Сангия и ряда других менее значительных памятников. Важные материалы принесли раскопки курганных могильников рубежа II и I вв. н.э. и первые поселения эпохи бронзы Тегузак и Кангурттут.

Автор обзора приходит к выводу о том, что Бактрия-Тохаристан, имевшие тесные связи с Согдом, в то же самое время на разных исторических этапах обладали рядом собственных специфических особенностей культуры и составляли интегральную часть среднеазиатского "ареального этно-континиума".

В настоящее время Южный Таджикистан и Памир являются наиболее изученными в области каменного века Средней Азии регионов. Статья В.А. Ранова посвящена изучению этого района. Наиболее значительными раскопками памятников каменного века за отчетный период были исследования мустьерской пещерной стоянки Отзикичик, нижнепалеолитических лесовых

стоянок Каратау I и Мадуги I, мезолитических гротов Дарай Дур и Истиконая.

В результате на указанной территории получена возможность региональной периодизации, в которую включены только хорошо стратиграфическированные памятники, охватывающие период в 200 тыс. лет и практически все этапы каменного века - от нижнего палеолита вплоть до заключительных этапов каменного века.

В отчетном году в составе УТАЭ работали следующие отряды:

1. Отряд по изучению каменного века - начальник В.А. Жуков.
2. Маркансуйский отряд - начальник В.А. Жуков.
3. Вахшский отряд (камень) - начальник А.Х. Юсупов.
4. Вахшский отряд (бронза) - начальник Л.Т. Пьякова.
5. Кангуртский отряд - начальник Н.М. Виноградова.
6. Дангаринский отряд - начальник Б.П. Денисов.
7. Гиссарский отряд - начальник Б.В. Зеймаль.
8. Кафирнитаянский отряд - начальник А.В. Седов.
9. Бешкентский отряд - начальник В.С. Соловьев.
10. Колхозабадский отряд - начальник В.С. Соловьев.
11. Отряд Малой Академии наук - начальник В.В. Радилюловский.
12. Зеравшанский отряд - начальник Ю.Я. Якубов.
13. Каратегинский отряд - начальник Ю.Я. Якубов.
14. Московский отряд - начальник Э. Гулямова.
15. Памирский отряд - начальник М.А. Бунова.
16. Ховалингский отряд - начальник М.М. Муллокандов.

Отчетный материал открывается статьей В.А. Ранова, в которой изложены результаты разведочных работ на палеолит в хребте Яванский Каратау (последние не принесли успеха и сейчас необходимо найти объяснения этому факту, поскольку ранее здесь было зафиксировано несколько пунктов находок артефактов в погребенных почвах, не говоря уже о крупной стоянке Каратау I). Сообщается о поиске в почвах разреза Хонако, где впервые в 9-й почве (около 500 тыс. лет) най-

дев камень, обработанный человеком. Эта изолированная находка открывает самые радужные перспективы в плане обнаружения древнейших следов человека в Таджикистане. Описан стратиграфический шурф на стоянке Лахути I и Ховалинга, давший интересный археологический материал и фауну.

В текущем сезоне В.А.Жуков исследовал памятник древнего искусства - группу петроглифов у перевала Ак-Тал (Западный Шарт). Новые пещерные стоянки зафиксированы в средней части гряды, разделяющей Иркалды Джилгу и Кутатирсай (высота 4290 м над уровнем моря) и в верховьях сая Кок Джар Джанги Дивая, где она находится на высоте 4500 м над ур.м., и представляет собой самый высокогорный памятник каменного века в СССР.

А.Х.Юсупов, Т.Г.Филимонова публикуют результаты исследований в зоне затопления Нурекской ГЭС, где на разрушающихся берегах водохранилища обнаружено 8 новых точек каменного века. Наибольшее значение имеют раскопки стоянки Камышлы, где обнаружены остатки большого поселения конца неолита - начала ранней бронзы и получена коллекция, насчитывающая более 100 предметов. Важно, что здесь встречена керамика бронзы степного типа.

Л.Т.Пьянкова продолжала работы на поселении бронзового века Тегузак. Общая площадь заложенных раскопов 60 м². В них обнаружены строительные остатки и значительное количество керамического материала, среди которого встречаются фрагменты сосудов как земледельческой (могалинский этап), так и степной керамики при заметном преобладании первой. Однако выявление характера взаимоотношения реальных людских коллективов, стоящих за этой керамикой, - дело будущих исследований. Вероятно, перед нами временное поселение, как полагает автор раскопок типа "молочной фермы".

Н.М.Виноградова продолжала раскопки близкого к Тегузаку памятника Камгурттут. Вскрыты культурные слои мощностью от 0,5 до 2 м. Встречены остатки жилищ структур поселения, располагавшегося на террасированных площадках склона. Здесь также преобладает гончарная посуда осадлоземледельческого

облика и лишь 10% относится к остаткам степного типа. Найдены литейные формы.

Б.П.Денисов продолжил раскопки изучаемого уже много лет могильника на р.Ксиров (Саргазон). На могильнике Ксиров Ш вскрыто 10 оград. Продолжалось изучение погребального обряда, найдены интересные предметы, характеризующие быт кочевников (возможно, легендарных кочек) - железные пластины с ажурными изображениями тюльпанов, литые бронзовые пряжки с изображением грифонов, золотая серьга с дисковидной подвеской). Найдены оболы - подражания чекану Бвкратида.

Б.В.Зеймаль описал работы, проведенные в Гиссарской долине. Среди них раскопки на северном холме городища Чимкурган, холме Катортета на Шахринауском городище. Важным этапом исследования долины является стратиграфический шурф и раскопки на пониженной части Гиссарской крепости. Общая площадь двух раскопов 120 м², что свидетельствует о наиболее детальном и обширном изучении культурных напластований крепости за в.э время ее изучения. Вскрыто несколько строительных периодов, древнейший из которых может быть относиться к тохаро-кочийскому периоду (II-I вв. до н.э.).

А.В.Седов публикует итоги нового сезона работ на Калам Кафирниган, где исследована фортификация южного отрезка оборонительной стены городища - крупный жилой комплекс, состоящий из зала и огибающего его с двух сторон коридора. На цитадели заложен стратиграфический раскоп с целью выяснения полной стратиграфии памятника. Снят подробный глазомерный план-схема окрестностей городища. Основным итогом прошедшего сезона можно считать выявление комплекса керамики греко-бактрийского времени и установление более дробной, чем ранее было известно, стратиграфии.

В.С.Соловьев представил два отчета: 1) результаты исследований на Безымянном городище (слом XI в. и раннего средневековья). Среди находок особенно интересен небольшой клад газневидских монет; 2) раскопки на Кафиркале, продолжившие многолетние исследования этого памятника. Здесь работы велись как на цитадели, так и на территории собственно

города. Среди находок интересны детали поясного набора и бронзовый перстень с горельефным изображением двухгорбого верблюда на щитке.

В.И. Ногиков, В.В. Радиллиловский, Ю.М. Смирнов в короткой заметке сообщают о работах на недавно открытом металлургическом центре, расположенном у слияния рек Ширкент и Харкуш в Гиссарском хребте. Помимо печей и шлаковых конусов исследовалось поселение раннесредневекового времени и могильник.

Ю.Я. Якубов продолжил многолетние раскопки на поселении Кум. Раскапывались помещения 14 - зернохранилище, помещение 20 - святилище, а также большой парадный зал. Помимо археологических материалов автор в настоящей статье анализирует и данные источников, связанные с действиями Деваштича на Верхнем Зеравшане.

Ю.Я. Якубов и М.М. Муллокандов сообщают о работах Карагегинского отряда, который продолжил работу по изучению памятников Дяхша. На городище Чоргуль продолжены раскопки помещения, имевшего богатый декор, в том числе резной штук. Продолжила свои работы и группа по изучению курганов.

Э. Гулямова продолжила в этом сезоне раскопки на городище Сайед. В основном это были работы по расчистке внутреннего двора и раскопки за внешней стеной здания. Найдены фрагменты красочного слоя из алебаstra. Рисунок составляют розетки, нарисованные одна в другой. Обнаружены фрагменты резного алебаstra.

М.А. Бубнова отчитывается за разведки в долинах Язгулема и Бартанга, раскопки могильника в устье Бадомдара, обследования месторождения Лядкевардара и раскопок поселения Чартым. Работы вписали еще одну интересную страницу в археологическую летопись Памира.

М. Муллокандов провел археологические работы в долине р. Обимазар вблизи пос. Ховалинг. Основная часть работ связана с раскопками городища Шахри Минг. Начато исследование камчатых курганов, давно привлекавших внимание археологов. В первом раскопном сезоне в одном из секторов был удален

камень. Поисковые работы проводились также в зоне строительства новой дороги на Куляб, в местности Дусткули и в районе пещер, вырытых в лессе около кургана Сайгтуда-4.

2. Пенджикентская экспедиция

В составе Пенджикентской экспедиции работали отряды:

1. Пенджикентский - начальник А.М.Беленицкий.

2. Саразмский - начальник А.И.Исаков.

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова публикуют основные результаты раскопок древнего Пенджикента за 10 лет (1971-1980 гг.). Отмечается, что за прошедший период продолжалось исследование всех элементов структуры древнего города. Работы велись на цитадели, шахристане, пригороде и некрополе. Большое внимание уделено изучению истории оборонительных сооружений Пенджикента. Интенсивно проводились работы по изучению уличной сети, городского благоустройства, базаров. За городскими стенами исследовались наусы.

Все это привело к решению ряда исторических проблем, в частности связанных с исторической топографией. Прошедшее десятилетие значительно увеличило материалы по искусству Пенджикента, которые представляют сейчас массовый археологический материал. В целом прошедшее десятилетие явилось декадой дальнейшей разработки комплексного метода изучения раннефеодального города Средней Азии.

Те же авторы сообщают о результатах раскопок древнего Пенджикента в 1980 г. Проводились раскопки фортификационных сооружений, что позволило поставить вопрос о существовании укрепленного поселения до возникновения города на территории Шахристана. Продолжены исследования храмов, жилых зданий. Среди находок следует отметить двухстрочную надпись на хуме.

А.И.Исаков сообщает об итогах нового раскопочного сезона на поселении Саразм.

Закончены раскопки здания в 3-м раскопе. Размеры здания 14х14,75 м. Полностью раскопаны 12 помещений. Среди находок из раскопок изделия из керамики, кости и камня. Все

материалы, полученные в процессе работ подтверждают ранее сделанный вывод о том, что Саразм является самым крупным поселением протогородского типа в районе Среднеазиатского междуречья.

3. Северо-Таджикистанская комплексная экспедиция

Серия статей сборника по Северному Таджикистану открывается работой Н.Н.Негматова, в которой согласно выработанной в СТАКЭ системе хроникально-историографических и проблемно-итоговых сводок и с учетом уже ранее выполненных обобщений (о чем рассказывается в первой части работы), автор останавливается на двух важнейших проблемах археологии Северного Таджикистана и Северной Средней Азии: а) о проблеме изучения раннего города Сырдарьинского бассейна и б) о проблеме археологического изучения позднего города Таджикистана. Очень важна итоговая сводка Н.Н.Негматова раннегородских памятников историко-культурных областей древней Северной Средней Азии - Уструшаны, Ходжента, Ферганы и Ча-ча и попытка выявления наиболее древних и крупных городских центров Сырдарьинского бассейна на территории Уструшаны и Ходжента (вторая часть работы). СТАКЭ проводит не менее важную работу по изучению позднесредневековых памятников и культурных слоев ныне функционирующих старых городов Ленинабада, Ура-Тюбе, Канибадама и Исфары. Эти исследования проводятся закладкой раскопов и шурфов по специально выработанной практике, что дает свои ощутимые результаты и итоги, которые подводятся в третьем разделе статьи Н.Н.Негматова.

Северо-Таджикистанская археологическая экспедиция в 1980 г. работала в составе:

1. Нижковийского хоздоговорного отряда - начальник А.К.Мирбабаев.
2. Ходжентского отряда - начальник Т.В.Баяева.
3. Табошарского хоздоговорного отряда - начальник У.П.Пулатов.

4. Куркатского отряда - начальник А.К.Мирбабаев.

5. Шахристанского отряда - начальник Р.З.Авзалов.

Хроникально-историографический анализ работ всех этих отрядов, а также результаты отдельных поездок сотрудников изложены в статье начальника СТАКЭ Н.Н.Негматова.

Н.Н.Негматов, Т.В.Белыева и А.К.Мирбабаев в отчете "Начало исследований городища Нуртепа" подробно излагают материалы первого года раскопок на новооткрытом городище Нуртепа в Ура-Тюбинском районе, давшем стратиграфические и фортификационные материалы от УП-У вв. до н.э. до первых веков н.э. и оказавшимся одним из самых ранних городских центров Уструшаны. Примечательно, что этот памятник определен как объект многолетних раскопок Общества охраны памятников истории и культуры Таджикской ССР.

У.П.Пулатов и Е.Д.Салтовская сообщают о завершении раскопок холма Тиркаштена в районе поселка Табошар, пока единственного изученного памятника замкового зодчества таджикостанской части древней историко-культурной области Илак. Тиркаштена с его великолепными архитектурно-фортификационными характеристиками составляет яркую страницу материальной культуры и крепостно-фортификационного искусства Таджикистана.

В заметке А.К.Мирбабаева изложены итоги поездки в селение Тодку Ходаринского района, фиксации там ранее не известного могильника Бангари Ходжиён с интересными находками.

Итоги вскрытия этого культурного горизонта Раскопа I на Арке городской цитадели Ходжента с керамическим материалом XIII-XV вв. и завершение раскопок ярусов 52-55 (на глубине 24-27 м) южного участка Стратиграфического шурфа 29 на том же Арке со строительными остатками и керамическим материалом VI-IX вв. до н.э. изложены в отчете Т.В.Белыевой. Следует отметить, что это уже третий участок городской цитадели Ленинабада, на котором зафиксированы древнейшие фортификационные остатки древнего города. Завершение части этого многолетнего шурфа позволяет теперь предложить предварительную схему стратиграфической колонки Ходжентского Арка.

Отчет Р.З.Авзалова посвящен результатам раскопок 1980 г. на объектах У и УІ горсидца Калаи Каскаха I, раскапывающихся уже продолжительное время.

Фиксация и исследование новых наскальных изображений Северного Таджикистана становится одной из постоянных тем СТАКЭ. О.В.Панфилов в данном сборнике сообщает о новой группе петроглифов в Пангазе Алтского района.

СТАКЭ в течение многих лет ведет полевые исследования в Северном Таджикистане со Среднеазиатской археолого-этнографической экспедицией МГУ им. М.В.Ломоносова. В ряде предыдущих выпусков серии "Археологические работы в Таджикистане" были включены отчетные статьи по отдельным итогам исследований этой экспедиции. В данном сборнике помещена статья Н.А.Ахмадеева, которая содержит интересные материалы полевых исследований по вопросам земледелия, его обрядовым традициям, очень важные также для исторических реконструкций археологического материала на стыке археологии и этнографии.

х

х

х

Ряд статей сборника посвящены обобщениям итогов работ по всему Таджикистану в области антропологии, консервации, реставрации и изучению памятников искусства, прикладных художественных ремесел и других находок, а также библиографии сборников "Археологические работы в Таджикистане" (вып. XI-XX).

Статья сборника, составленная Т.П.Кияткиной, посвящена антропологическим работам в Таджикистане в 1971-1980 гг. Поскольку в ежегодных АРТ текущие отчеты этого плана не помещались, статья содержит большой информационный материал.

Кратко рассмотрены краниологические заключения материалов начиная от эпохи неолита (VI-У тыс. до н.э.) из Туткаула и Сайеда, вплоть до развитого средневековья (XI в. н.э.). Особое внимание уделено палеоантропологии эпохи

бронзы, которой в эти годы автор занималась особенно интенсивно. Территориально обзором охвачен и Северный Таджикистан. Упомянуты работы по современной антропологии таджиков. В целом обзор дает общую картину развития палеоантропологических исследований в республике за последнее десятилетие.

Л.П.Новикова информирует читателя о деятельности Реставрационно-Технологической лаборатории (1971-1980 гг.). В статье приведены основные работы, выполненные за указанный период, и прежде всего описано восстановление уникальной четырнадцатиметровой полихромной глиняной статуи Будды в Нирване, которая в настоящее время полностью реставрирована так же, как и коллекция глиняной скульптуры из Адживата, Калаи Кафирниган и др.

Наряду со скульптурой в лаборатории проводилась работа по реставрации лессовой настенной живописи (стенописи) из таких памятников как Калаи Кафирниган, Калаи Шодмон, Шахристан и др.

Следующим сюжетом работ было восстановление и реставрация резного дерева и резных обуглившихся скульптур из Шахристава, Гардани Хисора, Пенджикента и др.

В статье имеется и исследовательская часть, в которой специалистов привлечет описание методик реставрационных приемов.

В заключение все участники II-13, 15-16, 18-20 выпусков АРТ выражают глубокую благодарность Н.И.Ивановой, осуществившей техническую подготовку и перепечатку сборников.

УЗБЕКО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Б.А. Литвинский

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ
В 1971-1980 гг.¹

Археологические работы в Южном Таджикистане насчитывают длительную, почти столетнюю историю. До революции они носили случайный характер (хотя среди "случайностей" было и такое, как открытие Амударьинского клада)². После революции археологические работы в Южном Таджикистане идут все нарастающими темпами.³ Важной вехой явились ис-

1. В статье использованы опубликованные, находящиеся в печати и неопубликованные работы автора и участников Южно-Таджикистанской экспедиции. Б.В. Зеймаль, кроме того, представил использованный в тексте обзор работ по Гиссарской долине, А.В. Седов - по Бешкентской долине. Всем им я приношу глубокую благодарность.
2. Dalton O.M. The treasure of the Oxus. Ed. III. London, 1964.
3. Литвинский Б.А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк). Сталинабад, 1954 (Тр. АН ТаджССР, т.26); о н ж е. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. - ВДИ, 1967, № 4; о н ж е. Археология Таджикистана за годы Советской власти. - СА, 1967, № 3; Litvinskij B.A. Archaeology in Tadjikistan under Soviet Rule. "East and West" vol. 18, Roma, 1968; Литвинский Б.А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых. - ВДИ, 1977, № 4; о н ж е. Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960-1981 гг.). - Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, вып. I, 2. М., 1981-1982. См. также: Litvinskij B.A., Marsakov K.P., Mukhtarov A.M. Historiography of Tajikistan (1917-1969). Moscow, 1970, p. 5-22.

следования, проведенные в 1946-1951 гг. отрядами Согдийско-Таджикской экспедиции (начальник А.Ю.Якубовский), возглавляемыми А.М.Беленицким и М.М.Дьяконовым. Именно эти работы ознаменовали начало собственно научного изучения археологических памятников Южного Таджикистана. Были открыты и описаны десятки археологических и архитектурных памятников, начаты раскопки на таких ключевых памятниках, как Кей Кобадшах, Калаи Мир, Тупхона и др. Был создан исчерпывающий историко-географический обзор Хутталя (А.М.Беленицкий) и менее подробный - Гиссарской долины (М.М.Дьяконов); разработана сыгравшая большую роль стратиграфическая колонка эволюции культуры в Бактрии (М.М.Дьяконов) и др.

Новый этап начинается с организации сектора археологии и нумизматики Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР в 1951 г. Это первое археологическое научное учреждение в Таджикистане с момента своего основания в качестве одного из важнейших направлений полевой и исследовательской работы рассматривало археологическое изучение Южного Таджикистана. С этого времени археологическое изучение Южного Таджикистана приобретает систематический характер. Разведки, проведенные во всех районах, позволили выявить сотни археологических памятников. В 1953 г. были начаты раскопки на городище Курбаншаид, которое было идентифицировано со средневековым Хульбуком - столицей Хутталя (Б.А.Давидович, Б.А.Литвинский, с 1957 г. работы осуществляются Э.Гулямовой). В 1953-54 гг. были проведены раскопки Кушнакала и Кумтепа (Б.А.Давидович и Б.А.Литвинский). Затем последовали крупномасштабные раскопки курганов эпохи бронзы и рубежа н.э. в Бешкентской долине (А.М.Мандельштам); курганов эпохи бронзы по Вахшу и Кзылсу (Б.А.Литвинский и его сотрудники). В 50-60-е гг. интенсивно изучался весь спектр археологических памятников, от эпохи бронзы до развитого средневековья.⁴ Проводилось изучение могильников и

4: Изучения памятников каменного века Южного Таджикистана мы здесь не касаемся - о них см. в статье В.А.Ранова.

крепостей Памира (Б.А.Литвинский, А.Д.Бабаев); могильника Тушхона (Б.А.Литвинский и его сотрудники); заложены раскопы на таких важных памятниках как Аджинатепа (Б.А.Литвинский, Т.И.Зеймаль); Кафыркала (Т.И.Зеймаль); Саксан Охур (Х.Мухитдинов); Яванское городище (Б.А.Литвинский, Б.В.Зеймаль, Т.И.Зеймаль) и др.

Большинство из этих работ, как и раскопки Хульбука, было затем превращено в многолетние стационары. Особое значение сыграли работы Т.И.Зеймаль по истории ирригации Южного Таджикистана, особенно Вахшской долины. Ей удалось установить направление и характер магистральных и отводных каналов, выявить динамику ирригационных систем, уточнить видоизмененность и дополнить стратиграфическую колонку М.М.Дьяконова. Были выявлены и исследованы памятники греко-бактрийского времени (Саксан Охур), открыты замечательные архитектурные памятники и серии шедевров буддийского искусства (Аджинатепа).⁵

С такими результатами археология Южного Таджикистана подошла к началу 70-х гг. С 1973 г. начала функционировать Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция (начальник Б.А.Литвинский, зам. начальника В.А.Ранов), в которой принимает участие Институт истории им. А.Дониша, Институт зоо-токсикологии АН СССР и Государственный Эрмитаж.

Концентрация усилий трех крупных научных учреждений в деле изучения археологии Южного Таджикистана позволила поднять эту работу на новый, более высокий, уровень.

В последнее десятилетие археологические работы в Южном Таджикистане, помимо изучения каменного века, развертывались по следующим направлениям:

1. Разведывательное обследование территории (отряды в группы А.Абдуллаева, Т.М.Атаханова, М.А.Бубиновой, Б.П.Денисова, Б.В.Зеймаль, Т.И.Зеймаль, А.В.Седова, В.С.Солсывава).

5. Подробное освещение (с библиографическими указаниями) — см.: Б.А.Л и т в и н с к и й. Археологические работы в Таджикистане в 1962—1970 гг. — АРТ, Х. М., 1973.

2. Изучение памятников эпохи бронзы (отряды и группы Н.М.Виноградовой, И.Н.Медведской, Л.Т.Пьянковой, А.Х.Юсупова).

3. Раскопки курганных могильников рубежа и первых веков н.э. (отряды и группы Б.П.Денисова, И.Н.Медведской, Х.Ю.Мухитдинова, А.В.Седова, А.А.Абдуллаева, Ю.Якубова).

4. Раскопки поселений и культовых сооружений эпохи древности:

а) Тахти Сангин ("Каменное городище") (И.Р.Пичигяя, Б.А.Литвинский).

б) Тамшоттепа (А.А.Абдуллаев).

в) Саксан Охур (Х.Ю.Мухитдинов).

г) Шахринауское городище (Б.В.Зеймаль, Т.И.Зеймаль).

д) Чимкурган (отряд А.Д.Бабаева и отряд Б.В.Зеймаль и Т.И.Зеймаль).

е) Актете II (А.В.Седов).

ж) Уштурмулло (Т.И.Зеймаль).

5. Раскопки раннесредневековых поселений и культовых сооружений.

а) Аджинаттепа (Т.И.Зеймаль, Б.А.Литвинский).

б) Кафиркала (В.С.Соловьев).

в) Калаи Кафирниган (Б.А.Литвинский).

г) Уртабоз (Т.И.Зеймаль, В.С.Соловьев).

д) Калаи Шодмон (Б.А.Литвинский, В.В.Радиловский, В.С.Соловьев).

е) "Безымянное городище" (В.С.Соловьев).

ж) Памирские поселения (М.А.Бубнова).

6. Раскопки средневековых поселений.

а) Хульбук (Э.Г.Гулямова).

б) Сайед (Э.Г.Гулямова).

в) Базардара (М.А.Бубнова).

г) Небольшие раскопки и шурфы в Гиссарской долине (Т.Атаханов) и в Вахшской долине (В.С.Соловьев).

Отчеты об этих работах печатались в АРТ, краткие информации - в АО, от их перечисления мы воздержимся. Однако даже этот краткий и неполный (названы лишь важнейшие и

основные работы) перечень показывает сколь велик и разносторонен был в отчетное десятилетие размах и объем археологических исследований в Южном Таджикистане.

Работы в области бронзового века, осуществленные за отчетное десятилетие, значительно расширили географию памятников. Если основная часть ранее открытых памятников эпохи бронзы была сосредоточена в Бишкентской долине и на террасах нижнего Вахша и Кизылсу, то теперь памятники эпохи бронзы открыты в разных пунктах Гиссарской долины, в районе Нурекского водохранилища, Дангары и др. Таким образом, в эпоху бронзы территория Южного Таджикистана была целиком освоена местным населением. При этом на территории Южного Таджикистана впервые удалось выявить не могильники, а поселения с культурным слоем. Мы имеем в виду поселение Тегузак вблизи Нурекского водохранилища, поселение Кангурттут (Дангаринский район) и др. Для этих горных поселений, раскопки которых производят Н.М.Виноградова (Кангурттут)⁶ и Л.Т.Пьянова (Тегузак)⁷, характерны постройки из камня. Существовали разработанные приемы тщательной кладки каменных стен. Обильный инвентарь включает керамику, каменные и бронзовые изделия, терракотовые фигурки и т.д. Преобладает керамика оседлоземледельческого типа (ее можно сопоставить с керамикой поздних этапов культуры Сапалли, последняя четверть II тыс. до н.э.). Значителен процент лепных красноглиняных сосудов, преимущественно хозяйственного значения, а также керамики степного типа, в том числе с орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. Развертывание этих работ необычайно перспективно. Проблема сочетания и взаимодействия культур оседлоземледельческого и степного типа давно обсужда-

6. Виноградова Н.М. и др. - АО 1978 г. М., 1979 и отчеты в АРТ XVIII, XIX, XX.

7. Пьянова Л.Т. О работах Нурекского отряда. - АО 1979 г. М., 1980 и отчеты в АРТ XIX, XX.

ется и по-разному трактуется в нашей науке. Это одна из составных частей индоарийской проблемы.⁸

Поселения и могильники ахеменидского времени специально не изучались. Вместе с тем керамические комплексы этого времени вскрыты на нескольких памятниках: на Калаи Кафирнигане, Тупхоне, Тамшотепе, Хирмантепе и др. Тамшотепе (в Яванской долине) — обвалованное прямоугольное городище площадью около 16 га. Здесь на протяжении десяти раскопочных сезонов А.Абдуллаев заложил 7 раскопов и 12 шурфов общей площадью более 3 тыс. м². Большой комплекс материальной культуры, особенно керамики, датируется временем IY-II вв. и позволяет проследить эволюцию, протекавшую под влиянием эллинистической культуры.⁹

Важное место в исследованиях Южно-Таджикостанской археологической экспедиции занимали раскопки памятников, относящихся к кушанской эпохе. Они производились в разных районах Южного Таджикистана, но особенно интенсивно в Гиссарской долине, в Кобадзианском оазисе, в Яванской и Дангаринской долинах.

Работы 1974 г. в Пянджском районе¹⁰ продолжали начатые Т.И.Зеймаль в 1961 г. исследования ирригационных сооружений Сарайкомарской долины, возникновение которых удалось

8. Д и т в и н с к и й Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). — Сб.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981.

9. О раскопках на Тамшотепе и материалах с него см. отчеты в АРТ XI-XIX, а также А.А. А б д у л л а е в. Основные типы керамики Тамшотепе раннего периода. — Материалы юбилейных конференций молодых ученых АН Таджикской ССР (Общественные науки). Душанбе, 1976; А.А. А б д у л л а е в. Сопарный знак на Тамшотепе и его аналогии. — Сб. Материалы по археологии и истории Таджикистана, 1977 и др.

10. З е й м а л ь Т.И. Разведочные работы Гиссарско-Пянджского отряда ИТАЭ в 1974 г. — АРТ, вып. XIV (1974). Душанбе, 1979.

датировать серединой I тысячелетия до н.э.; максимума ирригационно-земледельческое освоение этой долины достигает в кушанскую эпоху (возможно, в конце ее) и в раннесредневековый период.

Одним из интереснейших кушанских памятников Гиссарской долины является могильник Тупхона, раскопки на котором были начаты М.М.Дьяконовым в 1946 г. и проводились три года. В 1971 г. был завершен под руководством Б.А.Литвинского (при участии М.А.Бубновой, Э.Г.Гулямовой, Б.П.Денисова, В.С.Соловьева, Х.Ю.Мухитдинова) новый, четырехлетний цикл раскопок на могильнике Тупхона (1960-1961, 1969, 1971 гг.). Было вскрыто 146 погребений с весьма разнообразным погребальным инвентарем, включающим керамику, украшения (золото, серебро, бронза, стекло и др.), монеты и т.д. Уникален составной керамический гроб. Раскопки значительно увеличили базу для суждения об этом могильнике, погребальном обряде, типологии погребений.¹¹

С 1974 г. Б.В.Зеймаль и Т.И.Зеймаль возобновили систематические исследования кушанских памятников Гиссарской долины. В 1974-1975 гг. работы велись преимущественно на территории Регарского района,¹² впервые детально обследованного в 1955 и 1958 гг.¹³ Весьма насыщенный археологическими памятниками район этот (и в особенности - правобережье Шириндарьи) представляет особый интерес с точки зрения истории ирригации: здесь в самом общем виде сохранилась древняя ирригационная схема, которая восточнее (от Каратаг-Таша до р.Душанбинки) была принципиально перестроена в результате сооружения Большого Гиссарского канала. Действующая здесь (как и в древности) ирригационная система ве-

11. Полная публикация: Литвинский Б.А., Сельский А.В. Культы и идеология кушанской Бактрии (погребальный обряд). М., 1983.

12. Зеймаль Б.В. Работы в Гиссарской долине в 1975 г. - АРТ. Вып. XV (1975 г.), 1981.

13. Давидович Б.А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. - АРТ. Вып. III. 1956; Зеймаль Б.В. Археологические разведки в Гиссарской долине. - АРТ. Вып. VI (1958 г.), 1961.

ерного типа, без магистральных каналов большой протяженности и без сколько-нибудь значительной зоны колодезного пробегания воды, может служить моделью для реконструкции общей картины древнего водоснабжения не только этого района, но и других частей Гиссарской долины. Шурфы и раскопы, заложенные здесь на поселениях Закоттепа, Курганча, Кутонттепа (или Джалтепа), Культепа, Каттаттепа (Гурмонттепа) и на нескольких безымянных памятниках, позволили установить, что активно освоенной в кушанское и в позднекушанское время была лишь сравнительно узкая (от 1 до 2 км) полоса вдоль Ширкентдарья, которая, возможно, представляет собой древний канал, превратившийся в реку (ее старое естественное русло сейчас стало сухим каналом). Ширкентдарья и выведенные из нее каналы снабжали водой главным образом окрестности городища Узбеконттепа — наиболее крупного центра этого района, который предлагалось отождествить с Ахаруном Холумо раннесредневековых источников.

С 1976 г. работы в Гиссарской долине велись главным образом в районе Шахринауского городища — наиболее крупного памятника кушанской эпохи в Южном Таджикистане.¹⁴ В настоящее время детально исследован участок восточной стены городища общей протяженностью свыше 100 м, где раскопаны четыре прямоугольные башни и соединяющие их куртины. Стена и все три фаса башен были оснащены чередующимися ложными и боевыми бойницами стреловидных очертаний, но значительная толщина стены (около 3,40 м), видимо, затрудняла использование боевых бойниц (во всяком случае, сохранившегося нижнего ряда).

Серия шурфов, заложенных на территории городища (в пределах стен), не выявила сколько-нибудь значительного культурного слоя и остатков сплошной застройки. В пространстве, защищенном стенами, существовали только отдельные здания, скрытые в настоящее время или недоступные для изуче-

14. З е й м а л ь В.В. Раскопки на Шахринауском городище. — АРТ. Вып. XVI (1976 г.), 1982, где приведены сведения об истории изучения этого памятника и литература о нем. См. также ниже отчеты о работах 1977–1980 гг.

ния (заняты действующими кладбищами или застроенные современным поселком Шахринау). Большой стратиграфический раскоп, заложенный на одном из холмов цитадели городища (ее остатки - сдвоенный холм, очень напоминающий цитадель Яванского городища), позволил установить, что цитадель (как и оборонительная стена городища общей протяженностью в 7 км) была возведена в кушанское время и не содержит остатков кечжийского или греко-бактрийского периодов.

Комплексы Шахринауского городища (и, в первую очередь, его цитадели) могут быть сопоставлены со стратиграфией городища Чимкурган (в 1,5 км к югу от Шахринау), на северном холме которого в 1977-1980 гг. Б.В.Зеймаль и Т.И.Зеймаль также осуществили большой стратиграфический раскоп (около 200 м²),¹⁵ который одновременно может служить датировочной основой для обильного материала, полученного во время раскопок на южном холме Чимкургана, с 1969 г. ведущихся Таджикским государственным университетом им. В.И.Ленина под руководством А.Д.Бабаева.

Очевидно, широкое заселение левобережья Каратагдарьи в кушанское время связано с тем, что именно в это время здесь были проведены большие ирригационные работы. И Шахринауское городище, и городище Чимкурган могли получать воду только из Каратагдарьи, а голова снабжавшего их канала должна была располагаться несколько выше современного селения Каратаг (выше берег не пригоден для отвода канала). Единственный участок верхней части этого канала - небольшой подземный водоток Тешикташ, выдолбленный в скале. Все другие остатки древней оросительной системы, начинавшейся от этого туннеля, были уничтожены в 1950-1951 гг. Древний канал, следуя на некотором расстоянии параллельно руслу Каратагдарьи, затем поворачивал на восток и шел вдоль подножия

15. Зеймаль Б.В. Раскопки на Шахринауском городище. - АРТ. Вып.ХУП (1977 г.), 1982; Зеймаль Б.В. Работы Гиссарского отряда в 1978 году. - АРТ. Вып.ХУШ (1978 г.), 1984; Зеймаль Б.В. Работы Шахринауского отряда в 1979 г. - АРТ. Вып.ХДЖ (1979 г.), 1985.

предгорных холмов (вдоль северной стены Шахринауского городища) и, видимо, вдоль восточного фаса городища поворачивал к югу.

В 1980 г. были заложены два стратиграфических раскопа в Гиссарской крепости¹⁶ — на наиболее пониженной ее части (Кургони Кульоби), давшие, помимо свиты слоев средневековой эпохи, чрезвычайно интересную стратиграфическую колонку кушанского периода и подстилающий ее слой, который относится к юэчжийскому или греко-бактрийскому времени. Продолжение этих работ, можно надеяться, позволит уточнить дату возведения Гиссарской крепости.

В Кобадрианском оазисе главные работы проводились в Бешкентской долине и в оазисе Шах.

В 1967 и 1968 гг. группы под руководством В.В.Зеймала (на поселении Клыч Дувал) и Х.Мухитдинова проводили разведочное изучение южной части Бешкентской долины с очень небольшим объемом раскопочных работ. С 1973 г. (осенью 1972 г. — рекогносцировочная поездка В.С.Соловьева) Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция в связи с широким ирригационным освоением проводит в долине стационарные работы. Одновременно исследуются две категории памятников: курганные могильники (начальники отрядов в разные годы — И.Н.Медведская и А.В.Седов) и поселения (начальники отрядов — А.В.Седов и В.С.Соловьев).

Весной 1973 г. изучались могильники и каменные выкладки бронзового века: БМ-I (относящийся к "вахшской" культуре), БМ-II и БМ-III. Всего раскопано 21 курган и 4 каменные выкладки.¹⁷ В последующие годы основные усилия были направлены на исследование курганных могильников кушанского времени типа раскапывавшихся во второй половине 50-х годов

16. Зеймал В.В. Археологические работы в Гиссарской долине в 1980 г. — В настоящем сборнике.

17. Литвинский Б.А., Зеймал Т.И., Медведская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ, вып. XIII (1973 год). Душанбе, 1977, с.76-92.

А.М.Мандельштамом Тулхарского и Аруктауского могильников.¹⁸ Сплошное археологическое обследование средней части долины позволило выявить могильники и отдельные курганные группы, часть из которых была полностью раскопана: БМ-IV¹⁹, БМ-V,²⁰ БМ-VI,²¹ БМ-VII,²² БМ-VIII.²³ Всего раскопано свыше 150 курганов. Новые материалы, полученные в процессе раскопок, предоставили дополнительные сведения для характеристики искусства и материальной культуры, погребальных ритуалов кочевников кушанского времени Северной Бактрии. Они позволили по-новому подойти к вопросам типологии погребений, проблеме их хронологического определения. Выделение к северу от Амударьи комплексов с керамикой ай-ханумского типа²⁴ заставляет относить время функционирования курганных могильников к I-IV вв.н.э.²⁵ Новый шурф на поселении Актепа позволил выявить слои, синхронные по керамике Тулхарскому

-
18. О них см.: М а н д е л ь ш т а м А.М. Кочевники на пути в Индию. - МИА, № 136, М.-Л., 1966; о н ж е. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с.3-63.
19. Л и т в и н с к и й Б.А., З е й м а л ь Т.И., М е д в е д с к а я И.Н. Отчет..., с.92-100.
20. М е д в е д с к а я И.Н. Новый кушанский могильник в Бешкентской долине. - АО 1975 г., М., 1976, с.568-569; о н а ж е. Работы Шаартузского отряда. - АО 1976 г., М., 1977, с.588; о н а ж е. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. - АРТ, вып. XIV (1974 год). Душанбе, 1979, с.110-122.
21. С е д о в А.В. Работы в Бешкентской долине. - АО 1977 г., М., 1978, с.564; о н ж е. Раскопки курганов и поселений в Бешкентской долине. - АО 1978 г., М., 1979, с.584-585; о н ж е. Разведки в Бешкентской долине. - АРТ, вып. XVII (1977 год). Душанбе, 1983; С е д о в А.В., К е р з у м А.П. Работы Шаартузского археологического отряда. - АРТ, вып. XVIII (1978 год). Душанбе, 1984.
22. С е д о в А.В. Раскопки курганов и поселений..., с.584-585; С е д о в А.В., К е р з у м А.П. Работы в Бешкентской долине. - АРТ, вып. XIX (1979 год). Душанбе, 1985.
23. Раскопки 1980 г.
24. С е д о в А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа в правобережье Амударьи. СА, № 3, 1984.
25. Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии (погребальный обряд). М., 1984, с.128-129.

могильнику и могильнику БМ-УІ и, видимо, связанные с ними (необычайно большое количество находок в двух нижних слоях грузил для ткацкого станка позволяет предположительно определять поселение как место постоянного обитания со своеобразным "производственным" центром).²⁶

В широком объеме отрядами ЮТАЭ проводилось исследование поселений кушанского и посткушанского времени и остатков ирригационной системы долины. Удалось в общих чертах воссоздать общую картину ирригационного освоения долины в древности. Она рисуется следующим образом.²⁷ Первоначально, в так называемый "раннекушанский" период, возникло поселение на холме Актепе (оно продолжало функционировать на протяжении всего кушанского периода). Его обитатели использовали, видимо, естественный сток вод источника Чильучорчашма на север, к центру долины. Немного позднее возникшее Хан Газа (самое северное в долине), видимо, снабжалось "автономным" водным источником (родник, селевые потоки). У самого источника Чильучорчашма в кушанское время располагалось небольшое поселение (нижние слои в крепости Бошкала²⁸). В кушано-сасанидское время (ІУ-У вв. н.э.) от Чашмы отводятся два магистральных канала, остатки которых отчетливо прослеживались на протяжении 6-8 км: северный и южный. Северный канал отводил воду к поселению Безымянное (нижние слои дали керамику кушано-сасанидского комплекса). Южный канал позволил оросить ранее освоенную южную часть долины. На его террасе в сер. ІУ в. возникают поселения Актепе II, Дарахшатепе, Шуртепе,

26. С е д о в А.В., К е р з у м А.П. Работы Шаартузского отряда...., с.126.

27. Ср.: М а н д е л ь ш т а м А.М. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения). - КСИА, вып.98. М., 1964.

28. С е д о в А.В., К е р з у м А.П. Работы в Бешкентской долине...., с.172.

на его ответвлении - Клыч Дувал.²⁹ Поселения средней части долины - Актепе и Хан Газа - оказываются покинутыми. На данный период (кушано-сасанидское время) приходится максимальная площадь земель в долине, использовавшихся под орошение. При раскопках на поселении Актепе II получены превосходные коллекции бронзовой и керамической посуды, утвари, монет и т.д. Впоследствии жизнь в долине сосредотачивалась лишь на поселении Безьянное, где вскрыты слои, довольно мощные, раннего и развитого средневековья.³⁰ Его обитатели продолжали использовать северный магистральный канал.

В оазисе Шах, расположенном к востоку от слияния рек Кафирнигана и Амударьи в 1977 г. отрядом под руководством Б.А.Литвинского проводились крупные раскопки на городище Тепаи Шах - древнем центре оазиса, а также на расположенном рядом некрополе. Три больших раскопа позволили выявить стратиграфию центральной части городища Тепаи Шах и его общую планировочную схему. Установлено наличие двух основных строительных периодов, укладывающихся в довольно ограниченные временные рамки. Центром планировочной схемы являлся прямоугольный двор. Постройки располагались вокруг него, вдоль оборонительной стены. Помещения, вскрытые в раскопе I, имели хозяйственное значение, в раскопе II вскрыты хранилища и жилые помещения. По характеру планировки и размерам выделяется одно из них с перекрытием на колоннах. Находки в нем скульптуры буддийского облика дают основание видеть здесь небольшую домашнюю часовню.

Анализ предметов материальной культуры и монет позволяет определить время существования этой части городища в пределах II-сер. IV вв.н.э.

29. С е д о в А.В. Работы в Шаартузском районе...; о н ж е. Работы в Бешкентской долине...; о н ж е. Раскопки курганов и поселений...; с н ж е. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. - В сб.: Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с.68-69; о н ж е. Раскопки в Бешкентской долине. - АРТ, вып.ХУІ (1976 год). Душанбе, 1982; о н ж е. Разведки...; С е д о в А.В., К е р з у м А.П. Указ соч.

30. См.: отчет В.С.Соловьева в настоящем издании.

К югу от городища Шах изучалось городище Хишттепе, расположенное прямо на берегу Амударьи. Нижние слои Хишттепе относятся к кушанскому (может быть, к докушанскому?) времени.

В 350 м к западу от городища Тепай Шах находится некрополь. Вскрывались четыре входящих в него науса. Из двух наиболее сохранившихся один однокамерный, второй — с двумя рядами симметрично расположенных друг против друга квадратных камер, соединенных коридором. Хоронились в основном предположительно считающиеся кости и черепа, в некоторых случаях — и части трупов. Во втором наусе, от которого сохранилась примерно половина площади, найдено свыше 50 черепов, первоначально их было в несколько раз больше. Погребальный инвентарь представлен керамикой, терракотовыми статуэтками, украшениями, монетами и т.д. Некрополь функционировал в I—IV вв. н.э.

Небольшие раскопки проведены на усадьбе кушанского времени Хирмантега.³¹ Начаты раскопки (под руководством Т.И.Зеймаль) входящей в этот оазис небольшой кушанской буддийской вихары Уштурмулло. Вихара состоит из монолитной ступы и примыкающего к ней каре построек. На первом этапе квадратное основание ступы было облицовано каменными плитами, на некоторых из них были горельефные буддийские изображения.³²

Успешно проводил раскопки могильника Ксиров (Дангариянский район) В.П.Денисов. Материал этого могильника (три десятка погребений) в целом аналогичен бешкентскому, отличия

31. Литвинский Б.А. Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района). — АРТ, вып. XII. Душанбе, 1976; Литвинский Б.А. Из области идеологии кушанской Бактрии (зороастрийские наусы на берегах Окса — Амударьи). — "Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae", t. XXV, fasc. 1-4, Budapest, 1977. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай Шах. М., 1982.

32. Отчет Т.И.Зеймаль о первом годе раскопок см.: АРТ, XIX, 1986.

в материале и погребальном обряде свидетельствуют о том, что в Ксирове были погребены люди, относящиеся к родственной группе населения.³³ Интересный материал, часть которого относится к концу греко-бактрийского периода, дали его же раскопки поселения Тепаи Динистон в Ленинградском районе.³⁴

Центральное событие истекшего десятилетия в области изучения памятников эпохи древности Южного Таджикистана — раскопки городища Тахти Сангин ("Каменное городище"), расположенного к западу от слияния рек Вахш и Пяндж. Оно дважды подвергалось археологическому обследованию — во второй половине 20-х гг. (экспедиция Музея восточных культур под руководством Б.П.Дениже) и в 1956 г. (отряд А.М.Мандельштама), причем проводились и небольшие раскопки, которые ничего существенного не дали. Поэтому исследования были оставлены. Несмотря на все это Кжно-Таджикистанская экспедиция решила в 1976 г. продолжить эти раскопки. При этом учитывалось стратегическое положение городища, неподалеку от переправы через р. Амударью и на большом торговом пути, а также тот факт, что где-то в этом районе в свое время был найден Амударьинский клад.³⁵

Раскопки на Тахти Сангин проводятся специальным отрядом (начальник — И.Р.Пичикян).³⁶ В 1976–1980 гг. основные

33. См. отчеты Е.П.Денисова в АРТ 17–20, а также в АО 1978 г. М., 1979.

34. Д е н и с о в Б.П. Работы в Дангаринском и Ленинградском районах. — АО 1977 г. М., 1978, с.556–557 и отчет в АРТ, ХУП.

35. З е й м а л ь Т.И., З е й м а л ь Б.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада. — ИСОН АН Тадж.ССР, в.1 (28). Душанбе, 1962.

36. См. отчеты в АРТ и заметки в АО 1976–1979 гг. См. также: Л и т в и н с к и й Ф.А., П и ч и к я н И.Р. Кушанские эроты (один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру). — ВДИ, 1979, № 2; Л и т в и н с к и й Б.А., П и ч и к я н И.Р. Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестник АН СССР, 1980, № 7; Л и т в и н с к и й Б.А., П и ч и к я н И.Р. Тахти Сангин — Каменное городище (раскопки 1976–1978 гг.). — Сб.: Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. Л и т в и н с к и й Б.А. П и ч и к я н И.Р. Ножны акиака из Бактрии. — ВДИ, 1981, № 3; Л и т

раскопки проводились на одном из четырех холмов, возвышавшихся в западной части цитадели. За четыре года раскопок была вскрыта основная часть крупного архитектурного сооружения. Это огромный (12х12 м) четырехколонный квадратный зал, с трех сторон окруженный коридором. Они соединялись с залом и стенами - перемычками были отгорожены от двора. Своим входом зал был обращен на восток, где находился колонный айван. От каменных колонн зала сохранились лишь четыре базы в виде двух ступенчатых пьедесталов, на которые водружены объемные каменные торы. Такие базы характерны для ахеменидской архитектуры (в Пасаргадах, Персеполе, Сузах). Если исходить из принятого на Востоке соотношения I:II, высота колонн зала должна была достигать примерно 7 м. В северо-западном углу зала имелась квадратная каменная площадка, на которой были основания двух круглых в плане алтарей.

Планировочная схема тахтисангинского храма восходит к иранским храмам огня. Например, совершенно идентичную планировку демонстрирует храм огня в Персеполе³⁷ и другие иранские храмы огня.³⁸ О распространении этой схемы в храмовом строительстве Бактрии свидетельствует и храм в северо-восточной части Дильберджина.³⁹

Анализ архитектурных деталей указывает, что храм был воздвигнут в III-II вв. до н.э. Он был богато украшен, в процессе своего длительного существования он неоднократно перестраивался и ремонтировался.

Наименование этого храма, как явствует из греческой надписи на алтаре, было "Храм Окса". Однако храмовый комплекс продолжал существовать и много позже - вплоть до II-III

Продолжение прим.36 со стр.29:

V i n v k i y V. A. and P i s h i k i y a n I. R. The temple of the Oxus. - JRAS, 1981.

37. G o d a r d A. L'art de Iran. Paris, p.161, fig.156.

38. S c h i r p m a n n K. Die iranische Feuerheiligtümer. Berlin-New York, 1971.

39. К р у г л и к о в а И.Т. Дильберджин. Раскопки 1970-1972 гг., ч.I. М., 1974, с.16 и след., рис.7-8.

в.н.э. В 1976-1979 гг. было найдено свыше 300 монет, больше половины из них кушанские.

В храме хранились многочисленные посвященные дары, а также пришедшие в ветхость или оказавшиеся ненужными культовые предметы, связанные с храмом.

Найден чуть ли не полный арсенал оружия, местного и греческого (одних железных наконечников стрел около пяти тысяч). Особое значение имеют разнообразные произведения искусства - из золота, серебра, бронзы (в том числе позолоченной), слоновой кости, глины, алебаstra, камня.

Среди них много шедевров мирового класса, например ножны акинака из слоновой кости, скульптурная головка Александра Македонского (слоновая кость), глиняные и алебастровые скульптуры и т.д. Большая группа этих изделий датируется V-III вв. до н.э., другие относятся к последующему времени. Эллиско-бактрийский художественный синтез, наличие произведений скифского звериного стиля, влияние Индии - таковы характерные черты художественной культуры Тахти Сангина.

Переходя к оценке результатов археологических работ на памятниках эпохи древности в Южном Таджикистане следует прежде всего отметить, что они составляли неразрывную часть обширных исследований, осуществлявшихся на территории всего Таджикистана, шире - Средней Азии в целом.⁴⁰ Вместе с тем одновременно и параллельно обширные работы велись в соседних со Средней Азией областях зарубежного Востока. Для Южного Таджикистана особенно важны работы на территории Афганистана, которые проводились Советско-Афганской археологической экспедицией и зарубежными исследователями.⁴¹

40. Л и т в и н с к и й Б.А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых. - ВДИ, 1977, № 4; Л и т в и н с к и й Б.А. Проблематика истории и истории культуры Средней Азии в советской науке (1960-1981 гг.). - Информ. бюл. Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, вып. I, 2. М., 1981-1982.

41. О работах см.: The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period. Ed. by F. Allchin and N. Hammond. London-New York-San Francisco, 1978. См. так-

Остановимся на некоторых принципиальных заключениях, вытекающих из результатов археологических работ в Южном Таджикистане, взятых как часть общего массива информации, полученной в результате археологических работ в Средней Азии в целом.

Изучение процесса урбанизации в древней Средней Азии⁴² - один из аспектов археологических работ в Южном Таджикистане.

Не касаясь начальных этапов среднеазиатской урбанизации и ее характера в ахеменидскую - греко-бактрийскую эпохи, обратимся к кушанской эпохе. Из всей совокупности материалов следует, что городская жизнь в Средней Азии в I в. до н.э. - III-IV вв. н.э. становится несравненно интенсивнее, чем в предшествующий период. Типология городских ор-

Продолжение прим.41 со стр.31:

же: G. F u s s a n. *Chronique des études kouchanes* (1975-1977). - JA, 1978.

42. О древней среднеазиатской урбанизации см.: Л и т в и н с к и й Б.А. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели). - Сб.: Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). Бриван, 1973; П ъ я н к о в И.В. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов - там же; М а с с о н В.М. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. - Сб.: Древний город Средней Азии. Тез. докл. Л., 1973; М а с с о н В.М. Проблемы города и археологические памятники Северной Бактрии. - Сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974; Р т в е л а д з е Э.В. О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии. - ВДИ, 1978, № 4; Л и т в и н с к и й Б.А. Кушанский город в Средней Азии и Индии (параллели). - Народы Азии и Африки, 1979, № 1; К о ш е л е н к о Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; Л и т в и н с к и й Б.А. Кушанский город. Индо-среднеазиатские параллели. - Древний Восток и мировая культура. М., 1981; Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Тепаи Шах. М., 1982. Для понимания структуры города наибольшее значение для Бактрии имели раскопки на Дальверзинтепе (П у г а ч е н к о в а Г.А., Р т в е л а д з е Э.В. Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1977) и Ай-Ханум (V e r n h a r d P. *Ai Khanum on the Oxus: a hellenistic city in Central Asia*. London, 1976 (Proceedings of the British Academy, vol.LIII); *Fouilles d'Ai Khanoum, I* (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968), I-2. Rapport préliminaire publié sous la direction de P.Bernard). Paris, 1973 (MDAFA, t.XXI) и ежегодные отчеты в JA).

ганизмов пока возможна лишь на основании внешних признаков (общая планировочная схема и ее составляющие, форма, размеры).⁴³ Можно отметить ряд моментов: 1) количественный рост сети городских поселений, появление новых ранее не существовавших городов. Количество городов становится максимальным за все время истории древней Средней Азии; 2) рост городских площадей в старых, давно существовавших городах, увеличение плотности городской застройки I в. Продолжение формирования трехчастной структуры города: цитадель — собственно город-пригород (включающий, кроме жилых и производственных комплексов также культовые, особенно буддийские, сооружения и некрополь). С городами трехчастной схемы соседствовали иные города, в частности бесцитадельные. Принципиальные внутренние социально-экономические изменения городского организма: усиление роли города в системе экономической жизни страны на базе прежде всего стремительного роста городского ремесла. Города — сосредоточение товарного производства, отсюда их ведущее значение в системе город — деревня — кочевая степь. Вырастает и роль городов как центров идеологической жизни, чему способствует концентрация в городах культовых сооружений.

Таким образом, города превратились в важнейшие узлы всей инфраструктуры кушанского государства. Сейчас выдвигается на первый план исследование социальной и градостроительной структуры древнего среднеазиатского города как взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов городского организма; вопрос о роли и статусе ремесленного сословия (в этом плане интересны индийские материалы).

Аграрная сфера исследовалась в плане характера, специфики и динамики ирригационных систем — в Гиссарской, а также в Сарайкамарской долинах. Полученные результаты интересны для понимания истории и истории экономики соответствующ-

43. Речь идет об общей тенденции, в конкретных случаях ситуация складывалась и иначе.

ских регионов, а также для установления земледельческо-ирригационных типов древней Средней Азии.⁴⁴

В кушанское время на территории Южного Таджикистана создаются форпосты буддийской религии. Хотя они, должно быть, не были многочисленными, влияние буддизма и связанных с ним компонентов индийской культуры на идеологию, науку и искусство Бактрии не приходится недоучитывать.

Перейдем теперь к вопросу датировки курганных могильников Бешкентской долины.⁴⁵ На основе сравнения с греко-бактрийской керамикой Ай-Ханум в правобережье Амударьи сейчас можно выделить комплексы с керамикой аналогичного типа (Тамошотепа, Дальверзинтепа I, нижние слои цитадели Старого Термеза, Калаи Кафирниган, Саксанохура, Гиссарской крепости и др.). Дата комплексов может быть ограничена III-I вв. до н.э. Сопоставление керамики этих комплексов с керамикой из могильника показывает резкое отличие последней. Не находит соответствия в первую очередь такая распространенная форма курганной керамики, как бокалы. С другой стороны, на поселениях и городищах долины р.Кафирниган и р.Сурхандарьи керамику, сопоставимую с курганной, дают слои, непосредственно перекрывающие слои с керамическими комплексами ай-ханумского типа (например, Дальверзинтепе-II).

Анализ данных новых раскопок могильника Тупхона, осуществлявшихся под руководством Б.А.Литвинского, позволил сделать важный вывод о длительности обращения подражаний оболам Эвкратида. Они найдены во многих погребениях, инвен-

44. Для Северного Афганистана: G a r d i n J.C. et G e n t e l l e P. Irrigation et peuplement dans la plaine a Ai Khanoum de l'Époque achéménide a l'Époque musulmane. - ВЕРЕО, т. LXXI, 1979; G a r d i n J.C. et G e n t e l l e P.L. L'exploitation du sol en Bactriane antique. - ВЕРЕО, т. LXVI, 1979; G e n t e l l e P. Etude géographique d' Ai Khanoum et son irrigation depuis les temps antiques. Paris, 1978 (Publication de l'URA, n.10 Mémoires, n° 2); G a r d e n J.C. L'archéologie du paysage Bactrien. - CRAI, 1980; Juillet - Octobre.

45. См. соответствующие разделы в книгах: М а н д е л ь - ш т а м А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136. М.-Л., 1968, с.137-159; о н ж е. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с.55-63, 125-130.

тарь которых датируется I-II и даже III-IV вв.н.э. С этим хорошо согласуется и новое нумизматическое исследование Б.В.Зеймаля, выделяющего восемь последовательных групп - серий чеканки оболон - подражаний. Таким образом, дата подражаний оболон Эвкратиды не может считаться твердо и окончательно установленной в тех узких пределах, которые были определены А.М.Мандельштамом (фактически, на этом базируется все хронологическое определение могильников).

Исходя из наличия комплексов с керамикой ай-ханумского типа в правобережье Амударьи и "растянутой" даты обращения оболон-подражаний, курганные могильники Бешкентской долины должны быть датированы I-IV вв.н.э. Этому не противоречит и анализ погребального инвентаря из могильников (оружие, украшения).⁴⁶ Это влечет за собой необходимость внесения серьезных коррективов и в историческую интерпретацию этих могильников, их этнической принадлежности и т.д.

Новые раскопки могильников в Бешкентской долине, Тупкони, тепаишахского некрополя и ряда других могильников дали богатейший материал для изучения погребального обряда оседлого и кочевого населения Бактрии, культов и т.д.

Благодаря тахтисангинским раскопкам в историю культуры и искусства Таджикистана вписана новая весьма яркая глава. Раскопки обогатили наши знания о монументальной архитектуре античной Бактрии, о ее материальной культуре, искусства, религиозных представлениях и т.д. На основе обширного фактического материала более рельефно выявляется роль местной традиции в генезисе античной бактрийской культуры. Изученный комплекс дал сведения о различных аспектах взаимосвязи древних народов этого региона с различными районами древних цивилизаций - от Индии до Средиземноморья. Объем и интенсивность таких связей особенно ярко подтверждается найденным материалом.

Достижения бактрийской цивилизации стали возможны именно благодаря этим обширным и разнообразным экономическим и

46. Подробно см.: Д и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.

культурным связям и контактам. Под их непосредственным влиянием "состоялся" тот творческий синтез цивилизаций, который дал мощные импульсы развитию культуры.

Одно из направлений этого развития — бактрийско-эллиническое. Синтез этих цивилизаций нашел свое проявление не только в области материальной культуры. На правом берегу Окса-Амударьи не только писали и говорили по-гречески, там почитались греческие божества, создавалась единая синкретическая эллинико-бактрийская культура. На противоположном берегу Амударьи, в левобережной Бактрии, найдены, в частности, остатки греческого театра и тексты греческих произведений. Эллинические произведения (литературные, научные, философские и др.), видимо, были распространены и в правобережной Бактрии. Вполне возможно, что какие-то элементы этой культуры могли существовать и после падения Кушанского государства.

Разумеется, это пока лишь гипотеза. Поиски дополнительных материалов необычайно важны, ибо выявление пусть даже слабых следов традиций античной науки и культуры, традиций, сохранившихся вплоть до средневековья, пролило бы новый свет на историю возникновения и развития науки и философии на мусульманском Востоке.

Столь же обширными были работы в области раннесредневековой археологии. Их особенностью являлось сосредоточение основных работ на трех крупных объектах — Кафьркала, Калаи Кафирниган, Аджинатепе, где проводились крупномасштабные многолетние стационарные раскопки.

Кафьркала — центральное и наиболее крупное раннесредневековое городище Вахшской долины. Раскопки на нем были начаты в 1956—1957 гг. Т.И.Зеймаль.⁴⁷ Они дали возможность разработать периодизацию городища Кафьркала и отождествить его со столицей владения Вахш. И то и другое нашло подтверж-

47. Литвинский Б.А., Гулямова Э., Зеймаль Т.И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. — АРТ, вып. VII. Сталинабад, 1961; Зеймаль Т.И. Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г. — АРТ, вып. V. Сталинабад, 1959; Зеймаль Т.И. Из прошлого Вахшской долины. — Сб.: Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.

дение в процессе последующих работ. Обширные систематические раскопки на Кафъркале проводились в 1968 г. и в последующие годы сначала под руководством Б.А. Литвинского, а затем (в отчетном десятилетии) - В.С. Соловьева. За истекший период было практически полностью завершено вскрытие всей площади цитадели (70x70 м) с ее дворцовым комплексом, причем на некоторых участках - по двум строительным горизонтам, раскопаны фортификационные сооружения цитадели; осуществлены раскопки на нескольких объектах шахристана.⁴⁸

Калаи Кафърниган, расположенный в узкой, средней части долины Кафърнигана, представляет не столичный, а небольшой окраинный городок. Здесь раскопки (под руководством Б.А. Литвинского) производились на протяжении 1974-1980 гг. Основные работы были сосредоточены на девяти объектах шахристана. Раскопан дом знатного лица (местного правителя?), буддийское святилище, жилища рядового городского населения, вскрыт участок городской стены. Небольшие раскопки производились на цитадели. Шурфы подтвердили, что поселение на этом участке возникло еще в III-II вв., тогда же или несколько позднее были возведены городские укрепления, функционировавшие и в раннее средневековье. При раскопках были найдены многочисленные памятники искусства.⁴⁹

48. См. отчеты Б.А. Литвинского, Б.А. Литвинского и Е.П. Денисова и В.С. Соловьева в АРТ. Кроме того: С о л о в ь е в В.С. Настенная живопись городища Кафъркала. - Материалы юбилейной конференции молодых ученых АН ТаджССР. Общественные науки. Душанбе, 1976; о н ж е. Оборонительные сооружения городища Кафъркала. - Сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии. - Тезисы. Душанбе, 1977; о н ж е. Городище Кафъркала - раннесредневековый центр области Вахш (историко-археологическое изучение). Автореф. канд. дис. М., 1977; о н ж е. Городище Кафъркала (к характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана). - УСА, вып. 4. Л., 1979. Полная публикация раскопок цитадели и частичная раскопок в шахристане: Л и т в и н с к и й Б.А., С о л о в ь е в В.С. Проблемы истории и культуры средневекового Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985.

49. См. отчеты Б.А. Литвинского и А.В. Седова в АРТ и АО. См. также: Л и т в и н с к и й Б.А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблемы генезиса. - Сб.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; о н ж е. Настенная

В отчетный период были завершены продолжавшиеся полтора десятилетия (1960-1975 гг.) раскопки Аджинатепа. Буддийский монастырь теперь вскрыт полностью - все его помещения и даже дворы. Раскопки последних лет привели к принципиальным открытиям. В частности установлено, что монастырская часть памятника была двухэтажной. В процессе раскопок обнаружена целая серия замечательных произведений искусства, особенно скульптуры.⁵⁰

Вместе с большим числом других, менее значительных по объему раскопок, все это составляет огромный фонд материалов по раннесредневековой археологии, искусству и культуре Южного Таджикистана. Его значение для истории Таджикистана, шире - Средней Азии и в целом трудно переоценить. Разработке этих проблем посвящены монографии Б.А.Литвинского, Т.И. Зеймаль "Аджинатепа" (М., 1971) и Б.А.Литвинского, В.С.Соловьева "Проблемы истории и культуры средневекового Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине)" (М., 1985) и ряд статей этих авторов. Поэтому я ограничусь кратким, без аргументации и с минимальной библиографией, изложением основных историко-культурных итогов проведенных работ.

I. Раннесредневековый город успешно изучается во всех историко-культурных регионах Таджикистана (Тохаристан, Согд, Уструшана), а также в других областях Средней Азии.⁵¹

Продолжение прим.49 со стр.37:

живопись Калаи Кафирнигана. - Сб.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток. М., 1981; Litvinskij. B.A. Kalai Kafirnigan. Problems in the Religion and Art of Early Mediaeval Tokharistan. - EW, N.S., vol.XXX. Roma, 1981.

50. Отчеты Т.И.Зеймаль и Б.А.Литвинского публиковались в АРТ. См. также: Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А. Первые глиняные модели стūра из Средней Азии (Аджинатепа). - Сб.: Санскрит и древнеиндийская культура, I. М., 1979; Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Некоторые аспекты иерархии и семантики стūра в Средней Азии и Индии. - Сб.: Центральная Азия. М., 1982.

51. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973; Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977.

Тохаристанский материал важен в нескольких направлениях.

Благодаря раскопкам Кафиркалы мы получили весьма полную информацию о цитадели города - столицы области, а также о структуре города в целом, который в данном случае состоял из цитадели, шахристана и пригорода. Изучение же Калаи Кафирнитана, если брать в целом, не только дало представление о типе укрепленного небольшого города с цитаделью, но и значительно расширило знания о планировке и структуре шахристана тохаристанского города. Еще один, причем весьма существенный аспект: это проблема перехода от города эпохи древности к эпохе средневековья: был ли этот переход непрерывным или же существовал перерыв - "проблема континуитета".

Тохаристанские материалы не дают сколько-либо основательных аргументов для решения основной стороны этой проблемы: являлась ли социально-экономическая структура раннесредневекового города закономерным развитием структуры древнего города или же отличалась (и в какой степени). Пока можно лишь сказать, что раннесредневековые города нередко развивались там же, где раньше, в кушанское время существовали поселения, а на Калаи Кафирнитане - в пределах кольца стен, возведенных в древности.

В еще более общей форме о соотношении городов древности и средневековья, наличия этапа "кризиса", якобы приведшего к упадку городской жизни и ремесленного производства, эта проблема вызвала продолжительную дискуссию, к которой в данном случае мы не намерены возвращаться. Отметим лишь, что вопреки высказывавшемуся сравнительно недавно мнению,⁵² фактические материалы отнюдь не свидетельствуют об упадке городской жизни в Тохаристане в раннее средневековье. В поддержку точки зрения об упадке ссылаются на то, что отдельные города кушанского времени запустили, лежали в руинах, на других бы-

52. А н н а е в Т.К. К характеристике раннесредневековых памятников правобережного Тохаристана (по материалам Сурхандарьинской области). - Сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душанбе, 1977, с.88.

ла обжита лишь часть их площади. Однако оценка всей совокупности фактов делает ясным, что в раннее средневековье произошла перестройка, может быть даже радикальная, сетки городских поселений, возникло много новых поселений, в том числе средних и крупных. Внутренняя структура городских поселений, насколько мы себе представляем, по неполным данным, изменилась. Вместе с тем во всех областях городской жизни, материальной культуры и искусства прослеживаются, несмотря на произошедшие серьезнейшие трансформации, связи с предшествующей эпохой. Генезис раннесредневековой культуры Тохаристана, как и Средней Азии в целом, лежит в древней культуре соответствующих областей, однако не ограничивается этим субстратом. Значительные этнические массивы, пришедшие из других регионов, безусловно внесли свой вклад в развитие самих основ культуры, в том числе и Тохаристана. Культурный синтез, подразумевающий взаимодействие и слияние этих элементов, протекал под воздействием культурных влияний, шедших с востока, юга и запада. Этот сложный процесс включал также медленные, но существенные, эволюционные изменения.

Все это объясняет сложение, на базе раннефеодальных отношений, феномена раннесредневековой культуры и модели раннесредневекового города. Что же касается уровня раннесредневекового города, то он, как показали раскопки в Тохаристане, как и в других областях Средней Азии, был необычайно высок.

2. Раскопки Аджинатепе, Кафыркалы, Уртабоза II, Калаи Мира в Вахшской и Кафирниганской долинах, так же как раскопки Балалыктепе, Джумалактепе, Тешиккалы и других в Сурхандарьинской области, показали наличие исключительно высокого стандарта в области строительной техники и архитектуры, в частности композиционно-планировочных решений. Здания отличались монументальностью, четкой разработкой плана в сочетании с геометрической правильностью элементов планировки и архитектурных деталей. Конструкции просты и надежны.

Можно думать, что перед возведением монументальных зданий составлялись их эскизные проекты, производилась тщательная разбивка на местности. В процессе строительства использовались измерительные и нивелирные устройства. В результате строители добивались строгой горизонтальности основания зданий и платформ, на которых они сооружались, стен, суф и достигали несомненно заранее намеченной симметрии и ритма.

Строительные материалы были отличного качества. Зодчие хорошо знали их свойства; учитывалась специфика местных природных условий. Арки, тромпы, своды, купола и другие конструкции свидетельствуют о большом опыте и мастерстве, которыми обладали строители.

Однако этот стандарт свойственен отнюдь не всем сооружениям. Строительно-архитектурный стандарт некоторых небольших и средних городских, а также, по-видимому, всех сельских селений на порядок ниже.

Раннесредневековая архитектура Тохаристана по ряду параметров очень близка или даже идентична архитектуре Согда, по другим, в том числе важным, — отлична от нее. Уже в 1971 г. на основании анализа материалов Аджинатапа была выдвинута идея о существовании тохаристанской школы раннесредневекового зодчества.⁵³ Новый материал позволяет расширить и уточнить представления об этой школе.

3. Раннесредневековой тохаристанской архитектуре было свойственно творческое начало. Зодчие, мастера не просто повторяли и воспроизводили уже устоявшееся, традиционное, но постоянно вводили новое. В результате именно в этот период были выработаны композиционно-планировочные схемы и конструкции, сыгравшие важную роль в развитии средневековой, шире — передневозточной архитектуры в последующую эпоху "мусульманской архитектуры". Ограничимся несколькими примерами. Оказалось, например, что четырехайванная компо-

53. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджинатапа, с.56.

зиция, свойственная ранним медресе, а также мечетям и караван-сараям, во вполне развитом виде представлена на Аджинатепе. Совокупность историко-архитектурных и историко-культурных материалов подтверждает уже высказывавшуюся идею о связи медресе и буддийского монастыря и позволяет считать Тохаристан регионом, где протекал этот процесс.

То же самое можно сказать о выработке схемы интерьера, позже характерной для ряда сооружений "мусульманской архитектуры", конструкций угловых трюмов, верхних галерей, а также архитектурных типов, легших в основу архитектурного типа центрического мавзолея.⁵⁴

4. За истекший период на раннесредневековых памятниках Южного Таджикистана была открыта большая серия первоклассных произведений искусства.

Живопись Калаи Кафирнигана с ее яркой колористической гаммой отличается высокими художественными достоинствами, стилистически она очень близка циклу Балалыктепинской живописи, причем сходство прослеживается и в целом и в ряде существенных деталей. На аджинатепинской сцене дароносцев, в живописи Балалыктепе и Калаи Кафирнигана представлен этнический тип местных жителей, их одежды и аксессуаров.

Живопись, сейчас известная по тохаристанским памятникам, объединяется общностью ряда иконографических и стилистических принципов. Очень важно, что небуддийская живопись Балалыктепе и буддийская живопись Калаи Кафирнигана во многом являются "двойниками", что две ветви среднеазиатского раннесредневекового искусства — буддийское и небуддийское (так в первоначальном приближении, на самом деле картина была много сложнее) развивалась не просто по параллельным направлениям, а как две органически связанные, хотя и не тождественные части общего единства.

54. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджинатепе; Литвинский Б.А. Среднеазиатский центральный мавзолей. Проблема генезиса. — Об.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; Литвинский Б.А. Мусульманские истоки среднеазиатской цивилизации I—XI вв. — Об.: Абулали Ибн Синн и его эпоха. Душанбе, 1980.

Большой цикл скульптурных произведений получен при раскопках Аджинатепа. Хотя среди них преобладают чисто буддийские персонажи, имеются также скульптурные произведения светских персонажей. Анализ выявил, что "...некоторые, причем существенные, черты аджинатепинского искусства в какой-то мере ведут начало из гандхарского искусства. Прослеживаются связи с позднегандхарскими скульптурами Хадды. Кое в чем, несомненно, можно усмотреть воздействие гуптской традиции. Безусловно, имеются параллели с восточнотуркестанской скульптурой. Вместе с тем особое место занимают связи с Фундукистаном".⁵⁵ Все эти связи и влияния накладывались на местную традицию, их сплав и придает аджинатепинской скульптуре черты неповторимой оригинальности. Для шедевров глиняной скульптуры Аджинатепа характерны мягкая пластичность и совершенная красота. Некоторые даны в сложных ракурсах и полны динамики.

У калаикафирниганской скульптуры, представленной несравненно меньшим количеством экземпляров, при определенном сходстве с аджинатепинской, есть и определенное отличие: скульптура Калаи Кафирнигана не просто условно раскрашена - в некоторых случаях можно наблюдать более органическую связь цвета и формы (полихромия, передача орнамента одежды и др.). В этом отношении калаикафирниганская скульптура еще ближе, чем аджинатепинская, стоит к фундукистанской.

Прекрасные образцы резного дерева обнаружены на Калаи Кафирнигане. Для них характерна глубокая, иногда двухплановая резьба, сочность рисунка.

Все это, вместе взятое, свидетельствует об исключительно высоком уровне художественной культуры Тохаристана, которая сыграла заметную, а в некоторых отношениях, и выдающуюся роль в истории художественной культуры Средней Азии.

55. Л и т в и н с к и й Б.А., З е й м а л ь Т.И. Аджинатепа, 1971, с.108.

Памятники развитого средневековья изучались как в равнинных областях, так и на Памире.

Раскопки в Восейском районе на городище Курбаншаид (средневековый Хульбук - столица Хутталя) проводились Э.Гулямовой главным образом на двухчастной цитадели (150 х 50 м). В южной, более возвышенной части цитадели, проведены раскопки на двух горизонтах. Нижний горизонт сооружений включал открытый световой дворик (11х15 м), по периметру которого располагались прямоугольные помещения. Для верхнего горизонта помещений характерно наличие крестообразного коридора, длинный отрезок которого, вытянутый с севера на юг, выходил северным кольцом к парадному входу, ведущему на нижнюю площадку цитадели. В углах оборвавшейся крестовины комплексовались многочисленные помещения.

На нижней площадке (раскопки ее начаты в 1978-1979 гг.) находился хауз, окруженный кирпичной вымосткой (длиной 25 м с каждой стороны). С трех сторон расположены помещения, сгруппированные в ячейки, каждая из которых состояла из крупного помещения и трех-пяти более мелких.

Раскопки на цитадели Хульбука дали представление о крупном дворцовом комплексе. Четкая стратиграфия, обильные находки самых разнообразных предметов материальной культуры, монеты позволили представить облик этого дворца на различных этапах его существования - от X до нач. XIII в.

В Московском районе Э.Гулямова исследует городище Саед. Здесь полностью вскрыт дом горожанина-аристократа. Вокруг квадратного двора (25х25 м) располагаются помещения - жилые, парадные, хозяйственные. На городище раскопан и другой комплекс помещений хозяйственного и ремесленного назначения.

Хульбукский дворец и аристократический дом в Саеде имели богатейшие интерьеры. Полы были выложены фигурной кладкой из кирпичных плиток (своеобразный "паркет"), стены покрыты замечательными декоративными панно, выполненными в технике резного шtukа. Высокохудожественные композиции включали геометрические, растительные и эпиграфические элементы, находили применение и зооморфные мотивы (львы). На-

ходила применение и настенная живопись: так, в Хульбуке обнаружено изображение молодого воина в парадной одежде с палицей в руке.⁵⁶ Хульбук и Саед – художественная сокровищница таджикского народа. Значение открытий в Хульбуке и Саеде огромно. И здесь мы видим историческую преемственность культуры Таджикистана эпохи развитого средневековья от культуры раннего средневековья. Именно Хульбук и Саед дают чрезвычайно полное и всестороннее представление о высокой материальной, художественной и архитектурной культуре средневековых таджиков.

Раскопки Хульбука и Саеда опубликованы пока преимущественно лишь в виде предварительных отчетов; полное издание их еще впереди. Одна из актуальных задач: ускорить исследование материалов этих раскопок и их детальную публикацию.

Очень интересны раскопки высокогорного поселения Базардара на Восточном Памире. М.А.Бубновой раскопаны здесь 6 домов и одно культовое сооружение – святилище огня. Проведенные необычайно тщательно, эти раскопки дали очень полный комплекс: от виноградных косточек и других растительных остатков до фрагментированных письменных документов. Применение естественно-научных методов исследования позволило выяснить районы изготовления разных изделий, источники получения тех или иных предметов питания и вместе с тем установить направление караванных путей.⁵⁷ Одновременно М.А.Буб-

56. См. отчеты Э.Гулямовой в АРТ и АО. Также Гулямова Э. Резной шtuk Хульбука. – МКТ, в.3. Душанбе, 1978; Гулямова Э. Хутталь. – В кн.: Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Составитель А.Айни. Душанбе, 1980.

57. См. статьи М.А.Бубновой в АРТ. См. также Бубнова М.А. Значение караванной торговли для высокогорных поселений Восточного Памира в XI в. – В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979; она же. Обеспечение рудничных поселений продуктами питания на примере поселения Базардара (XI в.). – В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980; Бубнова М.А., Половникова И.А. Янтарь на Восточном Памире. – Памироведение, вып. I. Душанбе, 1984 и др.

нова осуществила большие и трудоемкие работы по изучению истории добычи полезных ископаемых на Памире.⁵⁸ Взятые в совокупности работы М.А. Бубновой впервые открыли целые эпохи в истории и культуры Памира.

Результаты всех этих раскопок опубликованы главным образом в виде отчетных статей, большей частью очень кратких. Исследовательских статей появилось очень немного, можно сказать, они единичны. Количество монографий невелико: Б.А. Литвинский, Т.И. Зеймаль. "Аджинатепа" (М., "Искусство", 1971); А.Д. Бабаев. "Крепости древнего Вахана" (Душанбе, "Дониш", 1973); Б.А. Литвинский, А.В. Седов. "Тепай-Шах" (культура и связи Кушанской Бактрии), М., 1983; Б.А. Литвинский, А.В. Седов. "Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984; Б.А. Литвинский, Б.С. Соловьев. "Средневековая культура Тохаристана", М., 1985. Необходимо признать, что этого непростительно мало; монографическая разработка материалов еще слишком далеко отстает от их накопления.

Как в предыдущее время, интенсивно велось исследование нумизматических материалов, происходящих из Южного Таджикистана. Эти работы охватывали весь период денежного обращения. Монетные находки из раскопок определялись и изучались Б.В. Зеймалем (древность, раннее средневековье) и Б.А. Давидович (средневековье). В специальных приложениях к двум монографиям Б.А. Литвинского и А.В. Седова опубликованы исследования Б.В. Зеймала о монетах из оазиса Шах и Тупхонь; нумизматические находки из Южного Таджикистана использованы им и в работах более широкого характера.⁵⁹ В работе того же исследователя "Древние монеты Таджикистана" публикуются свыше 1600 монет с территории республики и очень большое количество монет из других территорий и музейных собраний,

58. См. отчет М.А. Бубновой в АРТ, вып. XI и Б у б н о - в а М.А. Добыча полезных ископаемых на Памире в X-XII вв. - В кн.: История горной науки и техники. Тбилиси, 1979.

59. См., например, З е й м а л ь Б.В. Варварские подражания как исторический источник. - СГЭ, 1977.

дается классификация, рассматриваются вопросы хронологии и общеисторические проблемы. Это исследование является фундаментальным вкладом в изучение нумизматики и истории Средней Азии.⁶⁰

Б.В.Зеймаль и В.А.Лившиц продолжали работу над сериями раннесредневековых тохаристанских монет местных, кжнотаджикистанских эмиссий.

Б.А.Давидович опубликовала впервые найденный клад серебряных тетрадрахм "Герая" (Вахшская долина). В своей работе она по новому рассмотрела комплекс сложнейших вопросов, связанных с этими монетами и предложила принципиально иные решения.⁶¹ Бю же опубликовано капитальное исследование "Клады древних и средневековых монет Таджикистана" (М., "Наука", 1979). В этой книге, первой публикации такого рода для Средней Азии, изданы 84 клада с огромным числом монет. Книга содержит обширную нумизматическую информацию, а также интереснейшие исторические экскурсы. Бю же опубликовано специальное исследование, посвященное характеристике денежного обращения в Южном Таджикистане в эпоху средневековья.⁶² Монетные материалы из Южного Таджикистана использованы Б.А.Давидович в других ее книгах и статьях, перечень которых занял бы слишком много места.

х

х

х

60. См. также Зеймаль Б.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. - Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

61. Давидович Б.А. Первый клад тетрадрахм кушанца "Герая". - ВДИ, 1976, № 4.

62. Давидович Б.А. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX-XVI вв. (на примере Южного Таджикистана). - Сб.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., Наука, 1979.

Раскопки в Южном Таджикистане конкретизировали и наполнили новым содержанием представление об облике культуры Бактрии - Тохаристана, глубине и степени урбанизации, иерархии поселений, характере и структуре городских поселений и замков, градостроительных принципах и архитектурно-строительном деле. Не менее существенны материалы по денежному хозяйству и обращению, характере и динамике ирригационных систем и сельскому хозяйству, искусству, погребальному обряду и религиозным верованиям.

Анализ всех этих материалов приводит к заключению, что Бактрия и Тохаристан являлись интегральной частью среднеазиатского ареального этноконтинуума (сокращенно - САЭК)⁶³.

У Бактрии были тесные связи с Согдом. Значительно более тесными связями и близостью с Согдом становятся в раннее средневековье, в это время они порядком выше, чем в кушанское время.

Это возрастание близости, очевидно, явилось результатом сложных социально-экономических и этнокультурных процессов. Можно предположить "подтягивание" социально-экономических уровней и сопоставить (адекватность?) социально-экономических моделей. Помимо торговых и культурных взаимосвязей, серьезную роль сыграло вторжение в состав населения обеих областей значительных массивов эфталитского и тюркского этносов, а также объединение Согда и Тохаристана в составе Тюркского каганата.

Вместе с тем по ряду ингридиентов культура Тохаристана имела ярко выраженную специфику, что объясняется культурным субстратом, эколого-географической ситуацией, своеобразием историко-культурных характеристик этнических комплексов

63. Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы. М., 1976, с.7-8; Литвинский Б.А. Проблемы культуры Средней Азии в свете исследования памятников Северного Тохаристана. - Сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы. Душанбе, 1977, с.19.

тохаристанского населения, иной, чем в Согде, Фергане, Чаче и Хорезме, направленностью и интенсивностью экономических, политических и культурных связей.⁶⁴ Именно в Тохаристане значительно раньше, чем в Согде, распространяется таджикский язык. Значительная часть населения Тохаристана говорила на этом новоиранском языке еще до арабского завоевания.⁶⁵

Тохаристан являлся одним из важнейших очагов, где протекал процесс образования таджикского народа и его культуры. Вместе с тем древняя Бактрия и средневековый Тохаристан сыграли важнейшую роль в истории и развитии культуры всей Средней Азии, шире - Ближнего и Среднего Востока и Индостана.

64. Литвинский Б.А. Проблемы культуры Средней Азии..., с.19.

65. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1977, с.373.

В.А.Ранов

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ КАМЕННОГО ВЕКА
ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА И ПАМИРА В (1971-1980) гг.

Южный Таджикистан (географически Таджикская депрессия, т.е. область лёссовых низкогорий, ограниченная с севера южными склонами хребтов Памиро-Алайской горной системы, с юга - реками Пяндж и Амударья, с востока - Дарвазом, с запада - долиной р.Сурхандарья) в настоящее время является наиболее хорошо изученным в области каменного века регионом Средней Азии. Нигде больше - ни в горной, ни в равнинной части Средней Азии не сконцентрировано на сравнительно небольшой территории столько разновременных памятников, начиная от нижнего палеолита, кончая неолитом. Это дает возможность создать реальную, а не гипотетическую, как это бывает обычно, периодизацию всего каменного века региона в целом, проследить развитие автохтонных культур и миграционных влияний, поставить вопрос о культурных связях с соседними территориями и т.д.

Вторым регионом экспедиционной деятельности отрядов ЮТАЭ, занимавшихся проблемами каменного века, в указанное время был Восточный Памир (рис.1).

Общую координацию всех работ по каменному веку осуществлял автор.

Изучение таджикскими археологами самых отдаленных периодов прошлого своей республики проходило на фоне развертывания археологического изучения Средней Азии¹. Археология

1. Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби Рахмат. Ташкент, 1972; Ранов В.А. Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропоге на Средней Азии. Душанбе, 1973; Виноградов А.В. Мамедов Э.Д. Первозытный Лявлякая. М., 1975; М и р-

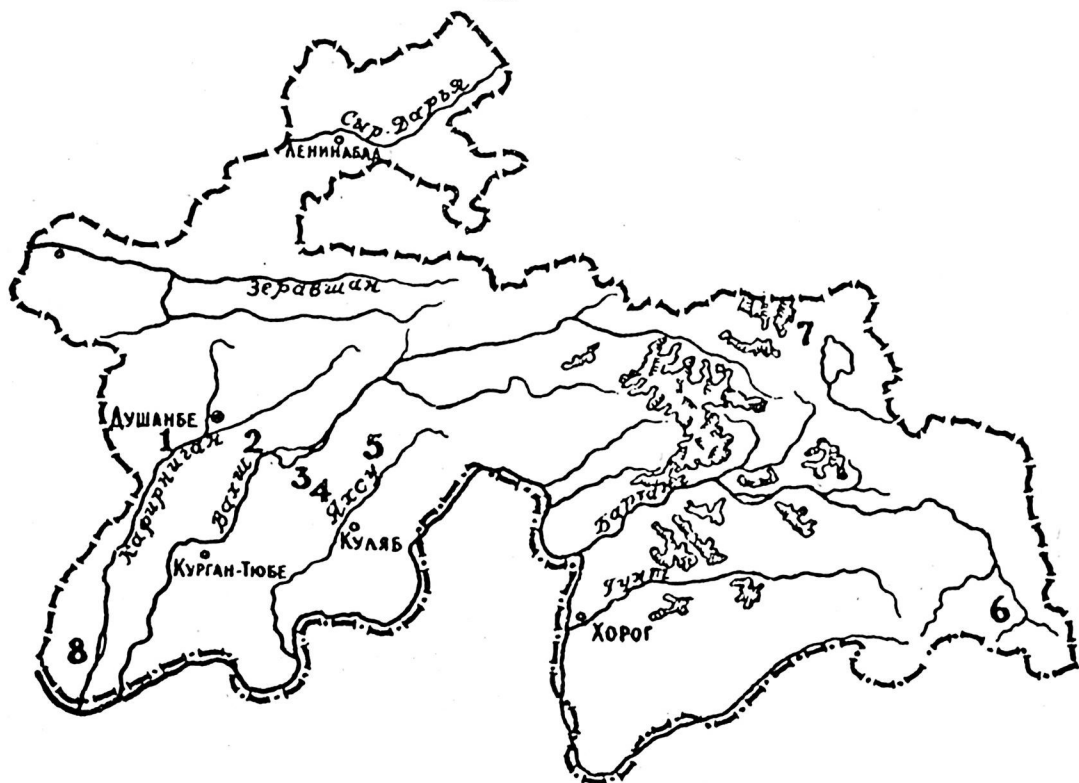


Рис. I. Основные памятники каменного века, исследованные в Таджикистане в 1971-1980 гг.: 1 - Худжи, 2 - Каратау-I, 3 - Дарай Шур, 4 - Огзи-Кичик, 5 - Лахути I, 6 - Истикская, 7 - Ошхона, 8 - Бешкентские стоянки.

каменного века этого региона определенно вступила в новый этап, который можно назвать этапом зрелости, в отличие от предыдущего, в котором лишь нащупывались общие направления работы, открывались новые памятники, проводилось широкое обследование территории, а в плане обобщений господствовали

Продолжение прим. I со стр. 50:

с а а т о в Т.М. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977; И с л а м о в У.И. Обишрская культура. Ташкент, 1980; Х о л ю ш к и н Ю.П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск, 1981 и др.

скорее гипотезы, чем заключения, опирающиеся на детально исследованные факты.

Хронология работ по каменному веку Таджикистана

1. Отряд по изучению каменного века (В.А.Ранов).

- 1971 - 1-й сезон раскопок мустьерской пещерной стоянки Огзи Кичик.
- 1972 - исследование наскальных изображений Западного Памира (Выбистдара ж Лянгар).
- 1973 - 2-й сезон раскопок в Огзи Кичике, 1-й - лёссовой стоянки Каратау I.
- 1974 - 2-й сезон раскопок стоянки Каратау I.
- 1975 - 3-й сезон раскопок в Огзи Кичике.
- 1976 - 1-й сезон раскопок лёссовой стоянки Лахути I, работы на разрезе Хонако.
- 1977 - 4-й сезон раскопок в Огзи Кичике.
- 1978 - раскопки открытой мустьерской стоянки Худжи.
- 1979 - 2-й сезон раскопок стоянки Лахути I.
- 1980 - разведочные работы на лёссовых столбах в районе Ховалинга.

2. Маркансуийский отряд (В.А.Жуксов)

- 1971 - разведочные работы в долине р.Аличур и Кабригенсав.
- 1974 - разведочные работы в долине р.Аличур и у оз.Яшилькуль.
- 1975 - раскопки стоянки Ошхона, разведки по р.Истык.
- 1976 - раскопки стоянки Ошхона, 1-й сезон раскопок пещерной стоянки Истыкская.
- 1977 - 2-й сезон раскопок стоянки Истыкская.
- 1978 - 3-й сезон раскопок стоянки Истыкская.
- 1979 - 4-й сезон раскопок стоянки Истыкская.
- 1980 - разведки в Центральном Памире.

3. Яванский и Вахшский отряды (А.Х.Юсупов)

- 1971-1973 - разведочные работы в Яванской долине.
1974-1975 - разведочные работы в Яванской и Дангаринской долинах.
1976 - разведочные работы в Яванской долине и на Нурекском водохранилище.
1977 - I-й сезон раскопок пещерной мезолитической стоянки Дараи Шур.
1978 - 2-й сезон раскопок стоянки Дараи Шур.
1979 - разведочные работы в Яванской и Дангаринской долинах и в зоне Нурекского водохранилища.
1980 - раскопки стоянки Камышлы в зоне Нурекского водохранилища и стоянки Бульёни Поён.

4. Группа по изучению каменного века в Бешкентской долине (А.Г.Амосова)

- 1978 - разведочные работы и сборы на останцах в Бешкентской долине.
1979 - разведочные работы и сборы на останцах в Бешкентской долине.

Небольшие работы в Гиссарской долине и в ущелье Варзоб были проведены в 1974 г. Р.Махмадшоевым и В.В.Радилюловским. Перечисленными исследованиями затронуты памятники нижнего, среднего палеолита, мезолита и неолита.

Нижний палеолит

Наиболее интересным открытием отчетного периода, если не сказать сенсационным, было обнаружение первых в Таджикистане хорошо стратифицированных нижнепалеолитических орудий в погребенных почвах мощных лёссовых разрезов Южного Таджикистана.

До сих пор стратиграфически четких памятников нижнего палеолита в Средней Азии не было. Однако, если фактический материал определялся развитыми мустьерскими памятниками, что по современным представлениям должно соответствовать

эпохе Вюрма альпийской схемы, отдельные галечные орудия, встреченные на высоких террасах, относимых к среднему или нижнему плейстоцену, гипотетически определялись как нижнепалеолитические. Их возраст условно колебался в рамках 200-300 тысяч лет.² Первые находки обработанного камня в погребенных почвах лёссовых разрезов были сделаны А.А. Лазаренко (ГИН АН СССР) в 1972 г.³ Фактический материал по исследованию "лессового палеолита" в Южном Таджикистане частично уже опубликован, и мы отсылаем читателя к работам в выпусках АРТ 13, 14, 16, 19 и 20, а также к другим публикациям.⁴ В данной статье, после короткого резюме, остановимся на значении этих открытий для изучения палеолита Средней Азии и окружающих стран.

В 1977 г. в докладе, представленном Международному симпозиуму "Граница неогена и четвертичной системы" (Душанбе), автор учел 14 точек. Из них в 6-м педокомплексе - 2, в 5 - 5.⁵ В 1980 г. учтено уже 24 пункта, в которых археологические находки располагаются в следующем порядке:

2. Р а н о в В.А. Кухи Пиёз - новый пункт находок нижнепалеолитических галечных орудий в Средней Азии (тезисы доклада). - Мат-лы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969, с.38-40.
3. Л а з а р е н к о А.А., Р а н о в В.А. Новая палеолитическая стоянка Каратау I в Южном Таджикистане. - Успехи среднеазиатской археологии, вып.3. Л., 1975, с.69-71.
4. Л а з а р е н к о А.А., Р а н о в В.А. Каратау I - древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии. - Булл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 47, 1977, с.45-57; Д о д о н о в А.Е., Р а н о в В.А. Периодизация и хронология палеолита Южного Таджикистана. Путеводитель экскурсий Международного симпозиума "Граница неогена и четвертичной системы". М., 1977, с.26-30; Д о д о н о в А.Е., Р а н о в В.А. I primi insediamenti umani. Enciclopedia della scienza e della tecnica. - Milano, 1978, pp.232-240; D a v i s R.S., R a n o v V.A., D o d o n o v A.E. Early Man in Soviet Central Asia. Scientific American. December, 1980, pp. 130-137 и др.
5. Р а н о в В.А. Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана. - В сб.: Граница неогена и четвертичной системы. М., 1980, с.195-196.

3-я почва - 3; 4-я - I; 5-я - 6; 6-я - 9; 7-я - 3;
8-я - I; 9-я - I.

Следовательно, на 5-ю и 6-ю палеопочву (педокомплекс) падает львиная доля пунктов - 15, или 62,5%. Это позволяет говорить, что в эту эпоху лёссовые водоразделы низкогорий Южного Таджикистана были заселены наиболее интенсивно.⁶

Хронологически 9-3-я почвы охватывают время от Кромера до Хенгело, т.е. в абсолютных цифрах от 480 тысяч до 38 тысяч лет. Есть все основания предполагать, что в дальнейшем артефакты будут найдены как в более молодых, так и в более ранних почвах. Почвенные горизонты Южного Таджикистана, таким образом, представляют собой уникальную лабораторию, в которой разновременные памятники располагаются в диапазоне 80-100 м от верхней кромки лёссовых разрезов. При этом очень важным является тот факт, что именно эти разрезы геологически и палеогеографически изучены очень подробно, что дает твердую стратиграфическую основу для определения возраста археологической культуры (вернее, культур), найденных в различных палеопочвах (геологическая стратиграфия, геоморфология, минералогия, палеогеография, палинология, термолюминисцентные и палеомагнитные даты).⁷

6. Д о д о н о в А.Е. и др. Вопросы палеогеографии и палеоэкологии палеолитической стоянки Лахути I в Южном Таджикистане. В кн.: Стратиграфия и палеогеография антропوغена. М., 1982, с.114-124.

7. Д о д о н о в А.Е., П е н ь к о в А.В. Некоторые данные по стратиграфии водораздельных лёссов Таджикской депрессии. - Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 47, 1977; Л а з а р е н к о А.А. и др. О возможности климатостратиграфического расчленения лёссовой формации Средней Азии. Поздний кайнозой Сесверной Евразии, ч. I. М., 1977; Д о д о н о в А.Е., Р а н о в В.А., П е н ь к о в А.В. находки палеолита в древних погребенных почвах Южного Таджикистана и их геологическая позиция. - Бюлл. Комиссии по изуч. четвертичного периода, № 48, 1978; Д о д о н о в А.Е., Р а н о в В.А., Ш е л к о п л я с В.Н. Геохронология плейстоцена и возраст вновь открытых палеолитических культур в ископаемых почвах Южного Таджикистана. Геохронология четвертичного периода. М., 1980.

Археологически нижнепалеолитические материалы представлены изолированными находками в 9-7-й почвах (480-280 тыс. лет) и коллекциями, полученными при раскопках стоянок Каратау I (6-я почва, 200 тыс. лет) и Лахути I (5-я почва, 130 тыс. лет).

Общее количество находок, сделанных в погребенных почвах разных уровней приближается сейчас к 2 тыс., часть из них - подлинные артефакты, другая представлена категорией *maniporots*, т.е. камней, привезенных древним человеком на стоянку.

Ни в одной, ни в другой стоянке пока не удалось обнаружить подлинный культурный слой, во всех известных случаях артефакты находятся в почве как бы во взвешенном состоянии, концентрируясь в 1,5 м выше подстилающей ее карбонатной корки.

Культура, обнаруженная в лёссовых отложениях Южного Таджикистана, получившая название каратауской, представляется как галечная культура, близкая в принципе к соанской культуре Пакистана, Северо-Западной Индии и палеолиту лёссовых районов Китая. Основной чертой галечной культуры является специфическая техника обработки галечного материала, которая позволяет обходиться без специально подготовленного для скалывания пластиа нуклеуса. Ведущей формой орудий галечной культуры является хорошо известный в палеолите Юго-Восточной Азии чоппер.⁸

Вместе с тем раскопки и исследования в погребенных почвах Южного Таджикистана принесли материал, который ранее не выделялся в индустриях галечного типа азиатских стран. Речь идет, во-первых, об особой технике, которая является очень существенной для каратауской культуры и, по всей очевидности, вообще для галечных культур - технике "цитрус",

8. M o v i u s H.L. The Lower Paleolithic Culture of Southern and Eastern Asia. Transaction of the Amer. Philological Society, n.s. v.38, pt.4, 1948; S a n k a l i a H.D. Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Роола, 1976.

состоящей в отделении сегментовидных осколков клиновидного сечения с выгнутой, покрытой галечной коркой спинкой. Другим вариантом является не сегмент, а клин. Еще одной важной чертой является распространение изделий зубчато-выемчатой группы (скребел, пилок, скребочков, острий), т.е. той совокупности, которую обычно принято называть тейякской.⁹

При этом нужно специально подчеркнуть, что "тейякские черты", которые мы видим в каратауской культуре — это не более, чем общее сходство "рабочих элементов" или "морфем", вызванное совершенно конвергентно сходством функций орудий. Тейякские орудия каратауской культуры в значительной степени отличаются от тех изделий, которые мы привыкли выделять в тейякских индустриях Европы и Ближнего Востока, поскольку в каратауской культуре подобные изделия выполняются из отщепов крайне редко, а в основном связаны с гальками, обломками подходящей породы "дольками апельсина" и т.д.

По всей очевидности, указанные технико-типологические черты, напоминающие тейякскую технику и типологию, вообще широко присущи галечным комплексам, но ранее они не выделялись в наиболее хорошо изученном в этом плане регионе — Индостане, поскольку исследователи здесь имеют дело исключительно с неполными коллекциями, собранными на поверхности речных террас. В китайском же материале тейякские черты не были до сих пор выделены в силу специфичности описаний индустрий китайского нижнего палеолита как у европейских, так и китайских исследователей.¹⁰

Подводя итоги, можно сказать следующее:

-
9. К о р о б о в И.И., М а н с у р о в М.М. К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождений Чакмалы в Западном Азербайджане). — Мат-лы и исследования по археологии СССР, № 185, 1972.
10. Напр., A i g n e r J.S. Important Archaeological Remains from North China. Early Paleolithic in South and East Asia. Mouton Publ., 1978; Jia Lanpo. Early Man in China. Beijing, 1980.

1. Обнаружение новой галечной культуры в лёссовых толщах Южного Таджикистана открывает большие перспективы для исследования самых древнейших этапов заселения Средней Азии. ^{II}

2. Нигде в Юго-Восточной и Северной Азии не имеется таких хорошо стратифицированных памятников галечного облика. Именно в Южном Таджикистане впервые получена счастливая возможность проследить развитие очень инертных в типологическом отношении галечных культур на протяжении полумиллиона лет.

3. Вскрыты новые технико-типологические особенности галечной каратауской культуры, позволяющие по-новому взглянуть на особенности палеолитических домустьерских индустрий не только Таджикистана и Средней Азии, но и всей Юго-Западной Азии в целом.

4. Получено подтверждение ранее высказывавшемуся предположению о том, что в горной части Средней Азии существовали только галечные культуры, в том числе и в ашельское время, при полном отсутствии присущей этой эпохе бифасиальной техники. Не исключено, что этот факт связан с качеством первичного материала, в подавляющем большинстве случаев непригодного для изготовления ручных рубил или кливеров.

5. Работы специалистов смежных наук позволяют произвести достаточно полные палеореконструкции для различных отрезков плейстоцена и создадут хороший палеогеографический фон для интерпретации новых находок.

6. Соотношение существующей до голоцена галечной индустрии и появляющейся где-то на уровне 4 и 3-й почв пластинчатых мустьерских комплексов может, на наш взгляд, рассматриваться как соотношение автохтонной и пришлой "линии развития". ¹²

II. Р а н о в В.А. Некоторые аспекты изучения домустьерских культур юга Средней Азии. - Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979, с.7-8.

12. R a n o v V.A. and D a v i s R.S. Toward a New Outline of the Soviet Central Asian Paleolithic. - Current Anthropology, v.20, N 2, 1979, p.261.

7. Нет никаких сомнений в том, что следующее десятилетие принесет новые, еще более интересные и многообразные материалы, связанные с лёссовым палеолитом Южного Таджикистана.

Средний палеолит

В отличие от предыдущего периода, прошедшего под знаком исследования нестратифицированных открытых мустьерских стоянок¹³, описываемый период отмечен раскопками двух мустьерских стоянок с хорошо сохранившимся культурным слоем: пещерной стоянки Огзи Кичик и открытой стоянки Худжи.¹⁴

Раскопки обоих памятников еще окончательно не завершены, но имеющиеся материалы вполне достаточны для предварительных определений.

Пещерная стоянка Огзи Кичик, расположенная в Дангаринском районе, чрезвычайно сложна в стратиграфическом отношении. Это 6- или 10-метровая толща (в зависимости от возможных вариантов реконструкции), приуроченная к площадке перед пещерой коридорного типа. Только на небольшом участке в 35 кв.м, перекрытом скальным сводом, сохранился непо потревоженный культурный слой мощностью в 1,5 м, тогда как на остальной раскопанной площади, находящейся уже за капельной линией, очажные пятна размыты и жилые горизонты прослеживаются с большим трудом.

В целом нераскопанными остались 50-40% полезной площади стоянки.

Вся названная толща, разделенная на 5 литологически различных горизонтов,¹⁵ насыщена обработанным камнем. Кол-

13. Раонов В.А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965). - Материальная культура Таджикистана, в.1, Душанбе, 1968.

14. Выпуски АРТ II,13,15,17,18.

15. Раонов В.А. и др. Пятый сезон раскопок в Огзи Кичике. Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с.562-563.

лекция, полученная на памятнике, превышает 10 тыс. номеров изделий из камня. Она представляет собой однородную в культурном плане индустрию, которая может быть определена как типичное мустье. Никаких различий в технике и типологии каменных орудий снизу вверх по разрезу не отмечается.

Подчеркнем, что в Огзи Кичике собрана лучшая по своему качеству коллекция мустьевских изделий, значительно превышающая по разнообразию типов орудий, тщательности их вторичной обработки и стабильности форм, коллекции из Тешик-Таша, Оби Рахмата, Куль Булака и других мустьевских памятников Средней Азии.¹⁶

В Огзи Кичике впервые в Средней Азии проведены комплексные исследования культурных слоев и вмещающих отложений, результаты которых уже частично опубликованы, в том числе: изучение фауны, палинологический анализ вещественного состава отложений, палеомагнитное опробование. Тщательно изучена геология стоянки.¹⁷ К сожалению, пока имеется только две радиоуглеродных даты, полученных из угольной пыли, которые кажутся сильно омоложенными - 15700 ± 500 лет (LE-1050) и > 30000 лет (ТН - 2906).¹⁸

16. R a n o v V.A. The Palaeolithic Industries of the Central Asia: A Revision. IX Congrès UISPP, coll.VII, Nice, 1976.
17. Н и к о н о в А.А., Р а н о в В.А., Ш а р а п о в Ш. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи Кичик (Восточный Таджикистан). - Докл. АН ТаджССР, т.16, № 7, 1973, с.60-63; Н и к о н о в А.А., П а х о м о в М.М., Р а н о в В.А. Изменения природной среды низкогорий Южного Таджикистана в позднем плейстоцене (по результатам изучения стратифицированных стоянок каменного века). П а х о м о в М.М., Н и к о н о в А.А., Р а н о в В.А. Динамика природной среды низкогорий Южного Таджикистана в позднем плейстоцене. - В кн.: Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982, с.99-106.
18. Представляется, что и будущие даты, которые могут быть получены радиоуглеродным методом, не будут соответствовать действительному возрасту памятников, а дадут значительно уменьшенные цифры. Это происходит прежде всего в силу того, что нигде на мустьевских стоянках Средней Азии нет хорошо сохранившегося древесного угля, а только угольная пыль, в которой органика в значительной степени уничтожена карбонатами.

Несмотря на то что приведенные работы пока не позволили точно датировать возраст вмещающих мустьерские орудия отложений, полученные данные позволяют сделать важные палеогеографические заключения.

Открытая стоянка Худжи находится в 40 км западнее г. Душанбе, в предгорных адырах южного склона Гиссарского хребта. Хорошо выраженный культурный слой залегает на кровле озерных отложений в основании верхнеплейстоценовых лёссовидных суглинков сложного генезиса (мощность до 30 м). Положение культурного слоя стоянки Худжи очень важно для определения среднеазиатских верхнеплейстоценовых лёссов и, с другой стороны, для геологического датирования мустьерских памятников.

На стоянке проведено определение богатой фаунистической коллекции, палинологический анализ. Очень важно, что палинологические диаграммы Огзи Кичика и Худжи очень сходны между собой.

Коллекция каменных изделий, полученная в результате раскопок стоянки, насчитывает 6 тыс. номеров. Технический вариант или фацья полученной индустрии — левалдуа-мустье, что свойственно открытым стоянкам Средней Азии.

Небольшие количественные сборы пластин и пластинчатых отщепов левалдуа-мустьерского облика произведены А. Юсуповым на вновь образованной террасе Нурекского водохранилища. Судя по общей ситуации, эти орудия первоначально находились в основании адырного верхнеплейстоценового лёсса точно так же, как и на стоянке Худжи.¹⁹

Таким образом, новые памятники мустьерской эпохи подтверждают ранее высказанные предположения о существовании в Средней Азии нескольких технических вариантов или фаций мустьерских индустрий.²⁰ Получены новые данные, свидетель-

19. Р а н о в В.А., Ю с у п о в А.Х. Палеолитическая стоянка Кумтепинская скала. Известия АН Тадж.ССР, Отд. общ. наук, № 2 (II2), 1983, с. II-18.

20. Р а н о в В.А. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии. — Мат-лы и исслед. по археологии СССР, № 173. Л., 1971, с. 230.

ствующие о том, что в мустьерское время территория Южного Таджикистана была интенсивно заселена, что соответствует данным, полученным в других районах Средней Азии.²¹

Если технико-типологическое обоснование мустьерской культуры в Средней Азии можно считать вполне удовлетворительным и в настоящее время этот регион относится к наиболее хорошо изученным в этом плане географическим зонам в СССР, то возраст и геологическое обоснование стоянок составляет желать лучшего.

Отсутствию радиоуглеродных датировок не позволяет судить о действительном возрасте памятников мустье в Средней Азии. Правда, радиоуглеродные даты европейского и ближневосточного мустье значительно омолаживают действительный возраст мустьерских культур, делая его нижней границей 40-44 тыс. лет,²² тогда как мустьерские культуры, достаточно развитые, типологически известны уже 70-80 тысяч лет тому назад.²³ Это суждение правильно, поскольку по всем геологическим данным мустьерская эпоха соответствует раннему вюрму альпийской схемы.

Палинологические данные показывают, что нижняя часть колонки Огзи Кичика и культурный слой Худжи соответствуют этапу похолодания и увлажнения (М.М.Пахомов). Не исключено, что этот период соответствует раннему вюрму. Таким образом, впервые получены, хотя и косвенные, но все же и некоторые данные о возрасте среднеазиатского мустье.

В последние годы появилась идея о значительном переживании мустьерских технико-типологических комплексов во

21. Сулейманов Р.Х. Указ. соч.... с.114; Тащенкобаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зеравшана. Ташкент, 1980, с.8; Юнусалиев М.Б. Каменный век Киргизии. Фрунзе, 1979, с.8 сл.

22. G a b o r i-C h a n k V. C-14 dates of the Hungarian Palaeolithic. Acta Arch. Acad. Scien. Hungaricae. Budapest, 1970.

23. M a r k v A. Comments. Current Anthropology, v.20, N 3, 1979, p.263.

времени и замещении верхнего палеолита пост-мустьерскими культурами. Впервые эта идея была высказана Г.П. Григорьевым и автором настоящей статьи.²⁴ В дальнейшем Г.П. Григорьев обосновал идею пост-мустье для послемустьерских культур Африки²⁵ и Азии²⁶. Эта идея была горячо поддержана Б.Г. Бриццаном.²⁷ Р. Дэвис считает, что верхний палеолит Афгано-Таджикской депрессии проявляется в основном, в достаточной мере поздно, не ранее 15-10 тыс. лет до н.э.²⁸

Нужно сказать, что для подобного суждения имеются некоторые основания. Это прежде всего удивительное и труднообъяснимое отсутствие верхнепалеолитических горизонтов в среднеазиатских пещерных стоянках. Переход к верхнему палеолиту в материалах грота Оби Рахмат осуществляется в рамках мустьерской техники. Четыре палинологические зоны Огзи Кичика охватывают два теплых и сухих и два влажных периода, которые в общих чертах логично было бы сопоставить с эквивалентами двух вюрмских оледенений. Но вместе с тем мустьерская индустрия Огзи Кичика, как мы говорили ранее, совершенно не изменяется снизу вверх. Отсюда можно заключить, что почти весь период верхнего плейстоцена, который соответствует эпохе вюрма Европы соответствует существованию мустьерской культуры в Азии. О переживании мустьерских (леваваллуазских в первую очередь) технических элементов в эпоху, хронологически соответст-

-
24. Григорьев Г.П., Раянов В.А. О характере палеолита Средней Азии. - Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с.195-197.
 25. Григорьев Г.П. Палеолит Африки. - В кн.: Палеолит мира. Л., 1976.
 26. Григорьев Г.В. Палеолит Азии. - В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977, с.60.
 27. Бриццан Б.Г. По поводу палеолита Средней Азии. - Current Anthropology, v.20, N 3, 1979, p.603.
 28. Дэвис Р.С. Археология плейстоцена на юге Афгано-Таджикской депрессии. - Граница неогена и четвертичной системы. М., 1980, с.50-51.

вущую верхнему палеолиту, говорят и казахстанские археологи.²⁹

Рассмотренная выше идея, безусловно, заслуживает внимания. Однако в ней не все так легко и благополучно, как кажется ее сторонникам.

Прежде всего она не может быть принята прежде, чем не будут получены абсолютные даты из мустьерских горизонтов (упомянутая цифра из Отзи Кичика пока не может быть принята по причинам, изложенным выше). Во-вторых, палеомагнитные образцы, взятые из разрезов лёссовых суглинков Отзи Кичика и Кумтепинской скалы (Нурекское водохранилище) дали только положительные образцы. Палеомагнитная инверсия Лашамп (20000 лет) в обоих случаях не проявилась. Хотя мы не имеем точных дат для 4-3 почв, но косвенные данные и геологические их датировки говорят скорее о нормально мустьерском возрасте мустьерской индустрии, с ними связанной. К сожалению, пока нельзя точно сказать, к какой почве относятся тонкие пластинки верхнепалеолитического облика, собранные на склонах разреза Гульхор в хребте Яванский Каратау и Хонако - ко 2-й или к 1-й почве (как раз между этими почвами и зафиксирована инверсия Лашамп).

Аргументом, направленным против рассматриваемой гипотезы, является и разрез верхнепалеолитической стоянки Шугноу, где четыре верхнепалеолитических горизонта, согласно данным археологии, геологии и палеогеографии располагаются в интервале 30-10 тыс. лет,³⁰ а также датировка 3-го горизонта пещеры Кара-Камар в Афганистане (около 30 тыс. лет).³¹

-
29. В о л о ш и н В.С. (Устное сообщение). М е д о е в А.Г. Арёалы палеолитических культур Сары Арка. По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с.200-202.
30. Р а н о в В.А., Н и к с о н о в А.А., П а х о м о в М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру. - Acta Archaeologica Carpatica, t.16, 1976.
31. D a v i s R. The Paleolith of Afghanistan. - In: The Archaeology of Afghanistan. London, 1978, p.48.

Таким образом, вопрос о верхней границе мустьерской индустрии в Южном Таджикистане пока остается открытым.

Верхний палеолит

Узким местом исследований палеолита Средней Азии продолжает оставаться верхний палеолит. Хотя в Южном Таджикистане специализированных исследований этого периода не производилось, достаточно широко поставленные разведки каменного века, по идее, должны были принести новые верхнепалеолитические стоянки. Этого, однако, не происходит. Во время наполнения Нурекского водохранилища водой, велось постоянное наблюдение над разрушающимися берегами. Было четко отмечено, что на геоморфологических уровнях Q_2^2 встречаются пластины и отщепы мустьерского облика, в верхней части лёсса, перекрывающего эти террасы, и в адьрной полосе - стоянки гиссарской культуры и в очень небольшом количестве - мезолит. В самих же лёссах и лёссовидных суглинках, превосходно обнажившихся в результате разрушения берегов водохранилища находок каменных орудий и следов культурного слоя не отмечено.³²

В этом плане, безусловно, интересны небольшие сборы краеведа Г.Ербабаева, сделанные им в местности Тутибулак на одном из языков крутого адьра южного склона хребта Рангантау. Находки представлены на рис.2. Это группа каренатных (или нуклевидных) скребков, причем наиболее крупные напоминают нуклевидные скребки рабо "ориньякского" типа.³³ Более мелкие скребки имеют аналогии в Самаркандской

32. Надо, правда, учитывать, что во время отложения этих верхнеплейстоценовых лёссов р.Вахш врезалась уже очень глубоко и высские уровни были лишены воды.

33. Близкие орудия известны в наиболее древнем верхнепалеолитическом горизонте - 3-м слое пещеры Кара-Камар в Северном Афганистане. См. Davis R.S. - Op. cit., fig. 2.6; 2.7.

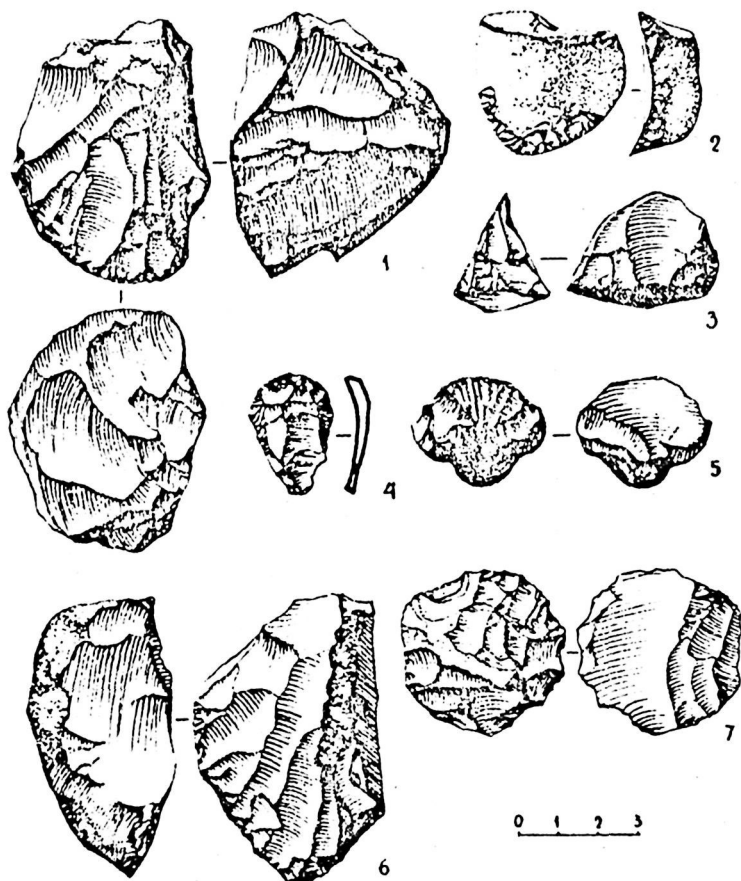


Рис.2. Нуклевидные скребки из местности Тутисбулак.

стоянке³⁴ и верхнем горизонте Шугноу.³⁵ Однако в силу неясных стратиграфических условий и скудости сопровождающего материала полной уверенности в том, что данная коллекция принадлежит верхнему палеолиту у нас нет.

34. Л е в Д.Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. ун-та им. А.Навои в 1966 г. - ТР. САМГУ, н.с., вып.218. Самарканд, 1972, с.12.
35. Р а н о в В.А. Шугноу - многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.). - АРТ, вып.10. М., 1970, табл.1,6; табл.2,1.

Мезолитические памятники привлекали археологов ЮТАЭ в достаточной степени. И хотя раскапывалось только два мезолитических памятника — грот Дарай Шур в зоне Нурекского водохранилища и пещера Истикская на Восточном Памире, полученные на этих раскопках материалы заслуживают специального рассмотрения.³⁶ К этим работам можно присоединить и работы в районе Акчадарьи в Северном Афганистане, проведенные А.В.Виноградовым.³⁷

Грот Дарай Шур находится примерно в 50 км от плотины Нурекской ГЭС в останце известняковой породы южного борта водохранилища. Площадка грота находится на высоте 100 м над бывшем ложе р.Вахш. Культурные горизонты, включенные в 6-метровую толщу щебнистого суглинка не прослеживаются и скорее всего большая часть отложений, содержащих изделия каменного века, имеет переотложенный характер, поскольку залегает очень наклонно. Поэтому, на наш взгляд, нельзя исключить, что и археологический материал Дарай Шура перемещен и смешан.³⁸ Об этом может свидетельствовать и крайне небольшое количество фауны, найденной при раскопках. Различия в инвентаре по вертикали имеют, скорее, количественный, чем качественный характер.

Общее количество находок в Дарай Шуре значительно более 5000 экз. В инвентаре присутствует хорошо определяемая группа кремневых орудий, среди которых имеются и характерные для мезолита Средней Азии орудия геометрической формы — сегменты, треугольники, разнообразные острия, в том числе острия туткаульского типа. Имеются также скребла, ножи на пластинах, боковые и концевые скребки

36. Предварительные сообщения см. АРТ 17, 18, 19, 20.

37. В и н о г р а д о в А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане. — Древняя Бактрия, вып.2. М., 1979, с.7-62.

38. Авторы раскопок Т.Г.Филимонова и А.Х.Юсупов считают, что на площадке перед гротом имеются отдельные участки, на которых сохранился непо потревоженный культурный слой, в котором, однако, также не сохранились очажные пятна.

и т.д. Вместе с тем большое место (примерно 77% процентов) занимает и "гиссарский элемент" - типичные грубые отщепы, чопперы, галечные нуклеусы и др. Специфическим изделием является первичный отщеп, чаще всего округлой формы, материалом для которого служила мягкая порода - песчаник. По определению Т.Г.Филимоновой, проводившей трасологическое исследование дарвишурского материала, это скребки, использовавшиеся без специальной подготовки.

И в слое 2-а Туткаула встречались орудия, которые принадлежат не к "кремневному", а к "гиссарскому элементу",³⁹ однако в этом памятнике соотношение между этими разнородными и трудно сопоставимыми в техническом плане элементами не столь значительно и впечатляюще, как в Дараи Шуре.

Возникает вопрос: могут ли эти две техники сосуществовать в одной культуре, или перед нами механическое смешение двух разновременных горизонтов?

Доказательства стратиграфического характера и утверждение о том, что данный материал представляет единую культуру - это дело авторов раскопок, тем более ответственное, что, как мы уже говорили, такое положение не представляется единственным. В пользу мнения А.Х.Юсупова и Т.Г.Филимоновой можно привлечь далекий территориально, но близкий в технико-типологическом плане памятник - Зави-Чеми-Шанидар.⁴⁰

39. К о р о б к о в а Г.Ф., Р а н о в В.А. Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул). Проблемы археологии Средней Азии. - Тез. докл. и сообщ. к Советанию по археологии Средней Азии. Л., 1968, с.19.

40. S o l e s k i R.L. An Early Village Site At Zawi Chemi Shanidar. - Bibliotheca Mesopotamica. Undena Publ. Malibu, 1981. При просмотре коллекции из Зави-Чеми-Шанидар, хранящейся на кафедре антропологии Колумбийского университета в Нью-Йорке, автор имел возможность убедиться в определенном сходстве между кремневыми изделиями и изделиями из грубых пород между двумя названными памятниками. В частности, в коллекции из Ирака имеются изделия на полукруглых первичных отщепах. Заметим только, что кремневый элемент Зави-Чеми-Шанидар отличается очень мелкими размерами.

Смешение двух разнородных технических традиций в одной культуре чрезвычайно интересно и может быть объяснено или новыми экономическими задачами, вызвавшими к жизни появление новых типов орудий, т.е. "гиссарского элемента", или же формированием новой культуры, связанной с ассимиляцией местных гиссарских племен, пришельцами с Ближнего Востока - носителями техники затупливания спинки и изготовления микролитов геометрической формы.⁴¹ Заметим, что в подстилах - слои с индустрией мезолита - отложениях аллювиального песка р.Вахш в Туткауле и Сайёде обнаружены горизонты раннего мезолита или финального верхнего палеолита, причем в первом случае это кремневая индустрия без геометрических орудий с каринатными скребками, близкая к первому горизонту Шугноу, датируемая, по геологическим данным, ранним голоценом,⁴² во втором - хорошо выраженная галечная культура с чопперами, грубыми отщепами и небольшим количеством орудий с ретушью.⁴³ Следовательно, не исключено, что II-IO тыс. лет тому назад в среднем течении р.Вахш порознь существовали элементы, которые объединялись затем в индустрию, представленную в Дараи Шуре.

Являясь сторонником миграционного появления техники затупленной спинки в мезолите юга Средней Азии, автор вместе с тем не снимает теоретической возможности вызревания этой техники и на месте. Правда, для этого суждения у нас еще мало доказательств. Главным аргументом может служить несколько артефактов, напоминающих европейские острия типа граветт и ножей Ргани, с хорошо выраженной затупляющей ретушью по краю, найденных во втором горизонте Шугноу.⁴⁴

-
41. Р а н о в В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии. Первобытная археология - поиски и находки. Киев, 1980, с.89-90.
42. Н е с м е я н о в С.А., Р а н о в В.А. Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 48, 1975, с.174.
43. Ю с у п о в А.Х. Отчет Нуракской группы (1972 г.). - АРТ, в.12 (1972). Душанбе, 1976, с.27.
44. Р а н о в В.А. Шугноу..., табл.2,3.

Определение возраста индустрии Дарай Шур очень сложно. К этому нет ни данных физических методов, ни геологических или геоморфологических определений, ни фауны. Увеличение доли "гиссарского элемента" как будто свидетельствует о более позднем возрасте памятника по сравнению с индустрией Туткаула 2-а. Можно вспомнить и тот факт, что в основании 2-го (ранненеолитического) горизонта и Туткаула и Сайёда вместе с гиссарскими орудиями попадались и сегменты (Сайёд) и острия туткаульского типа, причем их вторичное попадание в этот слой нельзя считать доказанным.

Радиоуглеродная дата основания 2-го горизонта Туткаула - 8040 ± 170 лет (ЛБ-772), горизонт Туткаула 2-а, по археологическим данным, относится к 7-му тысячелетию до н.э. Индустрия Дарай Шура, по всей очевидности, должна быть помещена где-то между этими двумя цифрами.

Представляется очень интересным, что в нестратифицированных открытых стоянках каменного века, обнаруженных в 1969-1976 гг. А.В.Виноградовым в Северном Афганистане (приамурская песчанная равнина между Келифтом и Ташкурганом) имеются все важнейшие элементы мезолита Южного Таджикистана: сегменты, острия "туткаульского типа" (т.е. острия с затупленной спинкой типа шательперрон), прямоугольные трапеции, выемчатые скребки скобели на пластинах, пластины со скошенным краем. Все они выполнены, в отличие от стоянок на р.Вахше, из одного материала - кремня и не сопровождаются "гиссарским элементом" - грубыми отщепами, чопперами и другими изделиями из изверженных пород.

Как и автор настоящей статьи, А.В.Виноградов является сторонником возникновения этого варианта мезолита если не в результате прямой миграции носителей техники мезолита восточносредиземноморского характера, то во всяком случае - в результате сильных влияний мезолита этого региона, а не как результат внутреннего развития местного верхнего палеолита.⁴⁵

45. В и н о г р а д о в А.В. Указ. соч., с.58.

В этом случае, имеющий место в Южном Таджикистане факт сосуществования в мезолитических памятниках двух технических традиций, может рассматриваться как безусловное влияние восточномедиземноморского мезолита на формирование местных культур этой эпохи. При этом можно одинаково принять две главные гипотезы, объясняющие появление этого "смещения": 1) адаптацией, т.е. приспособлением к новым условиям мезолитических групп, продвинувшихся с южного берега Амударьи в горные районы Таджикской депрессии и обосновавшихся в новой для них экологической нише лесовых предгорий и узких горных долин, 2) ассимиляцией, т.е. насильственным или добровольным подчинением местных племен, в технике изготовления орудий которых преобладал "галечный элемент", что обусловило существование обеих традиций в гибридной культуре. Труднее обосновать местное, автономное развитие мезолита Туткаула, Сайёда и Дараи Шура. Особенно теперь, когда совсем рядом, в долине Амударьи, обозначился новый мощный очаг мезолита восточномедиземноморского типа.

Очень интересные работы проведены В.А. Жуковым на Восточном Памире. Помимо разведок в центральной части высокогорного плато, которые принесли много новых точек маркансуйской культуры, этим исследователем на протяжении 2 сезонов продолжены раскопки стоянки Опхона с целью уточнения стратиграфии памятника. Радиоуглеродная дата, полученная по данным В.А. Жукова из 3 горизонта Опхона (гл. I м), равна 7095 ± 120 лет, т.е. 5145 до н.э.,⁴⁶ что не соответствует прежней дате, полученной из второго культурного горизонта - 9530 ± 130 лет, или 7580 ± 130 до н.э.⁴⁷ Уголь был взят с глубины 30 см от дневной поверхности.⁴⁸

46. ЛБ - 1266.

47. ЛБ - 280.

48. Ра н о в В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. - АРТ, в.8 (1960 год). Душанбе, 1962, с.19.

Таким образом, налицо прямое несоответствие двух дат, полученных в одной и той же лаборатории.⁴⁹

Если справедлива более поздняя дата, то тогда стратиграфия второго объекта, раскопанного В.А.Жуковым, получает достаточно веское обоснование - в пещере Истикская, находящейся в нижнем течении р.Истык, вскрыто несколько культурных горизонтов. Верхний из них имеет определенное сходство с маркансуйской культурой, в частности с материалами из Опхонь: здесь найдены концевые скребки, отщепы из филлита, скребля и главное мелкие двухсторонне обработанные наконечники стрел, сходные с найденными на Опхоне. Ниже залегают слои с пластинчатой индустрией. Среди находок встречаются пластинки со скошенным краем, обломки пластин с притупленной спинкой, микролитовидные нуклеусы. Здесь же обнаружены выполненные на тонких кремневых пластинках острия туткаульского типа.⁵⁰

Таким образом, перед нами мезолитическая культура, сходная в своих проявлениях с мезолитом Южного Таджикистана и Северного Афганистана (не исключена, конечно, и прямая связь с Ферганской долиной). Это наиболее восточная точка распространения мезолита этого типа в СССР и горных районах Азии.⁵¹

Не получила еще достаточного хронологического обоснования новая культура, открытая В.С.Соловьевым в Бешкентской долине и условно относимая пока к эпохе мезоли-

49. Такое несоответствие встречается в археологии каменного века довольно часто. См., например, в r a i d - w o o d R.J. Near Eastern Prehistory. - Science, v.127, N 3312, 1958; G a b o r i-Č s a n k. C¹⁴ dates of the Hungarian Paleolithic. - Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, v.22, Budapest, 1970.

50. Ж у к о в В.А. Новая культура каменного века на Восточном Памире. - Памироведение, вып. I. Душанбе, 1984, с.98-103.

51. Р а н о в В.А. Стоянка Оби-Киик..., рис.3.

та - раннего неолита.⁵² Детальные исследования, проведенные геологами А.Б.Додоновым и С.А.Несмеяновым, почвоведом С.П.Ломовым, позволяют привязать археологические находки к раннему голоцену. Об этом же говорит и палеогеографический анализ. Индустрия Бешкентской долины исследуется А.Г.Амосовой.

Основную группу находок составляют нуклеусы. Общее их количество более 700 экз. Это великолепная коллекция, позволяющая проследить весь процесс производства мезо-неолитического нуклеуса, начиная от первых ударов по выбранной плитке и кончая законченным нуклеусом, поражающим тонкостью обработки и соответствием требованиям самого уточненного эстетического вкуса древнего мастера.

Следует заметить, что нуклеусы бешкентских стоянок заметно отличаются от менее четко выраженных и завершенных нуклеусов "кремневого элемента" гиссарской культуры, что дает основания предполагать их более ранний возраст. Кстати, очень сходные нуклеусы имеются как в сборах А.В.Виноградова,⁵³ так и в аккумулярских коллекциях,⁵⁴ а также в мезолитических слоях навеса Дараи Калон.⁵⁵

А.Г.Амосова, работающая над подробной классификацией нуклеусов, предложила вместо традиционного разделения нуклеусов по форме (призматические, конусовидные, клиновидные

52. А м о с о в а А.Г., С о л о в ь е в В.С. Стоянка каменного века в Бешкентской долине. - АРТ, вып. XII (1972 г.). Душанбе, 1976, с.29-37.

Справедливости ради следует напомнить, что первые находки микролитических изделий в Бешкентской долине сделал в 1953 г. А.П.Окладников: О к л а д н и к о в А.П. Исследования памятников каменного века Таджикистана. - Мат-лы и исследования по археологии СССР, № 66. Л., 1958, с.48-59. Отчеты о работах в Бешкентской долине см. в АРТ, вып.18,19.

53. В и н о г р а д о в А.В. Указ соч., рис.20,21 и др.

54. D a v i s R.S. Op. cit., Fig. 2, 14.

55. М у в в и М. Darra Kalon Rock-shelter (North Afghanistan): Level I-V. East and West, n.s., v.29, № 1-4, 1979, Fig. 5-8.

и т.д.) подразделять нуклеусы бешкентских стоянок на техническом основании на нуклеусы с односторонним снятием, торцовым снятием, со снятием пластин на 3/4 поверхности, с круговым снятием.⁵⁶

Сопровождающий материал не очень выразителен и не дает пока основания для точной датировки бешкентского комплекса. Это многочисленные обломки ножевидных пластинок, концевые скребки, боковые скребла на пластинах и отщепах. Имеются редкие сегменты. Как кажется по этому материалу, стоянка Чильучорчама, которую А.П.Окладников датировал на основании археологического материала 5-6 тысячелетием до н.э., лишь частично входит в бешкентский индустриальный комплекс, часть инвентаря которого может быть значительно старше (особенно если справедлива радиоуглеродная дата слоя Аккупрук II - 16615 ± 215 лет - что выглядит, по нашему мнению, очень сомнительным).⁵⁷

Подводя итоги исследованиям мезолита за отчетный период, следует подчеркнуть, что работы на Восточном Памире, в Бешкентской долине, упомянутые выше исследования в примыкающей зоне - Северном Афганистане, подтверждают предложенное ранее деление соответствующего материала на мезолит с орудиями геометрических форм и одновременно существующий эпизалеолит - без оных или с очень небольшим их количеством. Допустимо предположить, что первый вариант индустрий связан с ближневосточным влиянием (или прямой миграцией), а второй продолжает линию автохтонного развития.⁵⁸

Специально следует остановиться на инвентаре 3-го горизонта гиссарского поселения Сайёд, который А.Х.Юсупо-

56. А м о с о в а А.Г. Новый материал каменного века из Бешкентской долины. - Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977, с.4.

57. D a v i s R.S. Op. cit., p.57.

58. R a n o v V.A. and D a v i s R. Op. cit., pp.258-259.

вым относится к верхнему палеолиту.⁵⁹ Этот инвентарь на-
чисто лишен кремневого элемента и представлен лишь круп-
ными отщепами из крупнозернистых пород, круговыми скребла-
ми, топоровидными орудиями, чопперами.

Культурный слой, содержащий эти изделия, находится
на кровле серого песка, который автором раскопок опреде-
ляется как аллювий р.Вахш.

Точно в таком же пойменном аллювии находится 3-й
горизонт Туткаула, где найден совершенно непохожий на
сайедский кремневый инвентарь, который несмотря на сходст-
во с I-м горизонтом Шугноу (С¹⁴ - 10500±500 лет Гин-590),⁶⁰
что проявляется в присутствии каренатных скребков, благо-
даря присутствию хорошо представленных низких прямоуголь-
ников - трапеций отнесен к раннему мезолиту.⁶¹

Как в Туткауле, так и в Сайеде конуса выносов, вклю-
чающие археологические остатки, опирались на ту же самую
террасу, но в первом случае на ее прибрежную часть, а во
втором - на тыловую. Отметки от кровли песка уреза воды
р.Вахш различны: в Туткауле - около 30 м, в Сайеде - 48 м.

К большому сожалению, сейчас уже нельзя провести де-
тальные геологические работы, чтобы сопоставить оба уров-
ня песчаных линз. Возможно, если только линза Сайеда не
является результатом размывания саем Сайед более высокой
террасы (что маловероятно), она является древнее и тогда
можно согласиться с доводами А.Х.Юсупова. Но также возмож-
но, что выше по Вахшу (между Туткаулом и Сайедом 1,5 км)

59. Ю с у п о в А.Х. Неолитическое поселение Сай Сайёд
на юго-западе Таджикистана. - Советская археология,
№ 2, 1975, с.140-145; е г о ж е. Отчет Нурекской
группы (1972). - АРТ, вып.ХП (1972 г.). Душанбе, 1976,
с.27-28.

60. Р а н о в В.А., Н и к о н о в А.А., П а х о м о в
М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру. -
Acta Archaeologica Carpatica, t.XVI, 1976, с.5-20.

61. Н е с м е я н о в С.А., Р а н о в В.А. Археологичес-
кие данные о возрасте наиболее молодых террас Средней
Азии. - Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного пе-
риода, № 43, 1975, с.174.

линза песка одной и той же террасы находится гипсометрически выше. Можно допустить, кроме того, и такой вариант — верхняя часть линзы песка в Туткауле срезана выносами соседнего ущелья.

Таким образом, 3-й горизонт Сайёда может принадлежать и к концу верхнего палеолита и к мезолиту. Но какой бы окончательный возраст этот памятник не имел, мы имеем здесь безусловное продолжение галечной традиции, теоретически являющейся истоком гиссарской культуры.

Неолит

К сожалению, больших раскопчных работ по изучению неолитических памятников и прежде всего гиссарской культуры в указанный период не производилось, но значительные разведывательные работы заметно расширили наши сведения о географическом распространении, геологической позиции и других особенностях гиссарской культуры. Меньше сведений мы получили по "негиссарскому неолиту". Опубликованы 2 ранее исследовавшиеся стоянки⁶² для изучения экономической основы неолитического гиссара, очень важны фаунистические определения, выполненные для Сайёда Ш.Шараповым.⁶³ Однако его выводы о том, что 73% определенных костей принадлежат домашним животным не могут быть однозначно приняты.

62. М а х м а д ш о е в Р. Дангаринская стоянка. Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977, с.14-21; Ю с у п о в А. Неолитическая стоянка Тегузак. Там же, с.22-28.

63. Ш а р а п о в Ш. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай Сайёд (Южный Таджикистан). — Вопросы зоологии Таджикистана. Душанбе, 1977. Проблемы экономической основы гиссарской культуры касались и другие авторы. См., например: К о р о б к о в а Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. — Тезисы докл. сессии, посвященной итогам полевых работ археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973; Р а н о в В.А. Влияние окружающей среды на формирование особенностей гиссарской культуры Таджикистана (тез. докл.). Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественно-го строя. М., 1974; Ш и н р е л ь м а н В.А. Возникновение скотоводства. М., 1980, с.76-77.

А.Х.Юсуповым произведены разведки широкого масштаба в Яванской долине.⁶⁴ Нужно сказать, что это первый в Южном Таджикистане отдельно взятый регион, изученный столь подробно. Работы проводились на современном днище долины, на речных террасах р.Явансу, адирных уступах, окаймляющих долину, склонах и водоразделах двух хребтов Рангангау и Яванский Каратау, т.е. на различных геоморфологических уровнях, полностью покрытых лёссовым платом долины.

В результате топография гиссарских стоянок представляется довольно четко. Главным выводом является приуроченность открытых стоянок, преимущественно по-видимому, охотничьих лагерей или кратковременных стоянок скотоводов, к различным формам современного рельефа, начиная от современного днища и кончая водоразделами хребтов. Среди стоянок, открытых и описанных в долинах, отмечаются такие крупные, как Гуликандоз, где сборы насчитывают до 5 тысяч предметов, стоянки Дастгираки Боло, Зулмовуд, коллекции с которых определяются 250-600 экземпляров и менее значительные: Мирзои Боло, Кози Берди и другие, сборы на которых не превышали сотни изделий. Есть и точки со сборами 5-10 предметов.

Несмотря на определенные количественные различия в инвентаре стоянок, залегающих на различных геоморфологических уровнях, в целом они представляют единый пласт неолитических стоянок и мест обитания и пока не удалось расчленить их на отдельные группы, связанные с различными занятиями древнего населения Яванской долины.

Вместе с тем каменный инвентарь стоянок этого региона заметно отличается от обычного инвентаря гиссарских стоянок других районов Южного Таджикистана. При общем сходстве каменных орудий, включающих обычные для гиссарской культуры чопперы, галечные нуклеусы, скобели, грубые

64. Отчеты А.Х.Юсупова в АРТ вып. II, I3, I4, I5, I6, I9. Сведения о работах в районе Байпазинского узла на южных склонах хребта Яванский Каратау содержатся в работе: Ю с у п о в А.Х. Разведочательные работы Яванского отряда в 1974 г. - АРТ, вып. I4. Душанбе, 1979, с.61-64.

скребла на отщепах, пластинки и микронуклеусы, процентное соотношение между "галечным" и "кремневым" элементом в стоянках Яванской долины совершенно отлично от других регионов и прежде всего от группы нурекских стоянок, расположенных по берегу р. Вахш. Если на поселениях Туткаул и Сайёд примерное соотношение указанных элементов 70 и 30%, то в яванских стоянках оно прямо противоположно и составляет для стоянки Гуликандоз, например, 20 и 80%. Эта особенность объясняется прежде всего имевшимся под рукой человека материалом — пластовым кремнем и окремненными породами в окружающих хребтах. Галька же, из которой делались обычные для гиссара орудия, скорее всего приносилась с берегов Вахша и была здесь экзотическим материалом.

Поэтому в Яванской долине мы видим особую кремневую фацию гиссарской культуры. А то, что перед нами стоянки именно неолитической, гиссарской культуры, нет никакого сомнения — об этом говорит и топография стоянок, и общий набор изделий, и совершенно сходный с классическим гиссаром набор орудий "галечного элемента".

Работы в Яване кладут начало региональному расчленению памятников гиссарской культуры в Южном Таджикистане. Уже сейчас можно выделить несколько географических районов, в которых, по всей очевидности, памятники гиссарской культуры будут проявлять локальные особенности. Среди таких регионов можно выделить Гиссарскую долину с прилегающими к ней ущельями, Яванскую и Обикижскую долины, среднее течение р. Вахш в районе Нурекского моря, долины рек Кизылсу и Яхсу в пределах Кулябской области.

Дополнительные материалы к этому заключению дают новые работы, проведенные под руководством А.Х. Кусупова по берегам Нурекского водохранилища, где открыто большое количество (свыше 100) новых пунктов и стоянок гиссарской культуры, связанных с высокими террасами и адырами, т.е. с местами, в значительной степени удаленными в прошлом от р. Вахш.⁶⁵ Наиболее интересным пунктом является стоянка Ка-

65. К у с у п о в А.Х. Исследования Вахшского отряда. — АО 1976 года. М., 1977, с.376. Отчеты о работах в этой зоне помещены в АРТ вып.16,19,20.

мышлы, которая, по мнению исследователей, проводивших ее раскопки, принадлежит заключительным этапам гиссарской культуры.

Исследование топографии стоянок этого района еще более интересно, чем в Яванской долине, поскольку здесь мы имеем два больших базовых поселения - Туткаул и Сайёд и связанные с ними временные стоянки на высоких террасах и адрах окружающих хребтов. Детальный анализ и сравнение материала, полученного на различных по объему и своему значению пунктах, поможет в решении проблемы познания экономической основы гиссарской культуры.

Менее ясно положение "негиссарского неолита", новые точки которого зафиксированы на Памире⁶⁶ и в долине р.Кафирниган.⁶⁷ До тех пор, пока не удастся обнаружить стоянку с сохранившимся культурным слоем, инвентарь которой будет принадлежать иной, чем гиссарская, микролитической пластинчатой культуре, не будет снято с повестки дня основное сомнение - не являются ли эти стоянки производным от гиссарской культуры, иными словами говоря, не может ли быть так, что те же гиссарцы, которые попадали в иные условия и пользовались иным материалом, а может быть и в силу иных хозяйственных занятий (например, только охота) пользовались совсем другим инвентарем. Кроме того, мы еще очень плохо знаем заключительные этапы гиссарской культуры и нельзя исключать поэтому определенной микролитизации кремневого инвентаря именно на этих этапах. Одним словом, и отчетное десятилетие не разъяснило соотношения собственно гиссарской индустрии и распространенной как в лёссовых (долина р.Кафирниган), так и в нелёссовых районах Таджикистана культуры, в комплексе орудий которой полностью отсутствует "галечный элемент".

66. Ж у к о в В.А. Работы по изучению каменного века Памира. - АО 1974 года. М., 1975, с.537.

67. А м о с о в а А.Г., С о л о в ь е в В.С. Находки каменного века в долине Кафирнигана. - АРТ, вып.ХІУ (1974 год). Душанбе, 1979, с.71-77.

Подводя итоги можно сказать следующее: десятилетие, включающее 1971-1980 годы, было особенно плодотворным в области изучения каменного века. Накопленные материалы далеко вперед продвинули наши представления в области древнейшей истории Южного Таджикистана и Памира.

Периодизация основных памятников указанной территории в самом общем виде может быть представлена следующим образом.

Нижний палеолит — галечная каратауская культура, имеющая сходство с соаном и палеолитом лёссовых районов Китая. Основная группа памятников датируется 200-130 тыс. лет. Имеются находки и в более низко расположенных погребенных почвах — вплоть до 0,5 млн. лет. Истоки каратауской культуры, возможно, связаны еще с эоплейстоценовыми отложениями и связаны с первоначальным приходом древнего человека в Среднюю Азию.⁶⁸ С другой стороны, совершенно очевидно, что именно индустрия каратауской культуры лежит в основе развития местных галечных культур, по всей очевидности, проходящих через весь каменный век и заканчивающихся гиссарской культурой.

Средний палеолит представлен хорошо выраженной группой мустьерских памятников, индустрия которых подразделяется на фации: левадлуа-мустье, типичное мустье, мустьеро-соан. Это вполне нормальные фации мустье, соответствующие ближневосточным и европейским стандартам.⁶⁹ Это уже культура "flake-blades" (отщепы-пластины) и только в соано-мустьерском варианте сохраняющая традиции галечных культур. Генезис мустьерских культур в Южном Таджикистане пока еще неясен. Не удалось еще точно привязать находки мустьерских изделий к 4-й и 3-й почвам лёссовых разрезов,

68. Р а н о в В.А. Некоторые аспекты..., с.7-10.

69. D a v i s R.S. and R a n o v V.A. On the Central Asian Paleolithic: Reply to Recent Comments. — Current Anthropology, v.21, N 6, 1980, p.809.

однако различия между "галечно-тейянской" индустрией, встреченной в 5-й почве (150-130 тыс. лет) и мустьерскими находками, условно привязанными к 4-3 почвам, дают возможность для объяснения появления мустье в Южном Таджикистане из других областей. Возраст мустье Южного Таджикистана по различным данным определяется условно в 70(60)-40 тыс. лет.⁷⁰

Верхний палеолит. Развитие культуры верхнего палеолита хорошо прослеживается по материалам многослойной стоянки Шугноу (35-10 тыс. лет). Бесспорно происхождение пластинчатого варианта верхнего палеолита, представленного в Шугноу из мустье типа Отзи Кичика или Худжи. К сожалению, пока не удается найти "галечный палеолит", соответствующий данному этапу.

Не исключено, что таким вариантом, существующим уже на самом заключительном этапе верхнего палеолита, является слой 3 Сайёда. Верхний палеолит по-прежнему остается наименее исследованным периодом палеолита, что затрудняет проведение единой линии развития галечных культур от нижнего палеолита до гиссара.

Мезолит. Прямых доказательств развития мезолита с орудиями геометрической формы из пластинчатого верхнего палеолита Шугноу у нас нет, поскольку традиция "притупленной спинки", которая проявляется во 2-м горизонте Шугноу, исчезает в I-м горизонте, более молодом. С другой стороны, очень заманчиво предположить, что этот мезолит связан или с прямым передвижением носителей этой культуры из областей Ирана или Прикаспия, или сложился под влиянием (менее конкретное мнение) ближневосточного мезолита.

Эта группа памятников дает наиболее хорошо выраженный типологически мезолит Средней Азии, подтвержденный стратиграфией нескольких памятников и соответствующий по

70. Р а н о в В.А. Основные черты периодизации палеолита Средней Азии. - Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с.242-243.

возрасту классическому раннему мезолиту Европы и Ближнего Востока (10-7 тысячелетие до н.э.).

Менее четко обозначаются эпилеполитические индустрии, т.е. культуры, у которых или совсем отсутствуют (Аккупрук, Дарай Калон, Опхона) или имеются в незначительном количестве геометрические микролиты (Обишир).⁷¹ Если принимать довольно сомнительную радиоуглеродную датировку эпилеполита аккупрука - 14,5 тыс. лет, то эпилеполит начинается еще в глубинах верхнего палеолита и существует по меньшей мере до 7,5 тыс. лет (Дарай Калон), но, вероятно, и еще более. Эпилеполит может в противоположность мезолиту пониматься для Афгано-Таджикской депрессии как автохтонная культура, развивающаяся на местной основе.

Неолит. Независимо от того, что гиссарская культура является наиболее хорошо и полно исследованным периодом каменного века в исследовании неолита, в промежутке 6-4(3) тысячелетий до н.э., имеется еще много нерешенных вопросов. Нет никакого основания для того, чтобы предположить, что гиссарцы пришли в Южный Таджикистан откуда-то извне, например из северо-восточных регионов Индостанского континента. Это лишено каких-либо фактических оснований.⁷²

Рис.3. Возможный вариант соотношения между галечными и пластинчатыми культурами в палеолите Таджикистана: КТ - каратауская культура, М - мустье, МС - мустье-ро-соанская фация, МТ - мустье типичное, ЛМ - леваллуа-мустье, ВП - верхний палеолит галечного типа, ВПП - верхний палеолит пластинчатый, МГО - мезолит с геометрическими орудиями, МГ - мезолит галечный (эпилеполит), ГК - гиссарская культура.

71. Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент, 1980.

72. Другое дело, что гиссарская историко-культурная общность не является изолированным явлением, а входит как составная часть в большой круг горного неолита Памира, Гиндукута и Гималаев: Раинов В.А. Соанская культура: Миф или действительность. - Сб.: Древняя Индия. М., 1982.

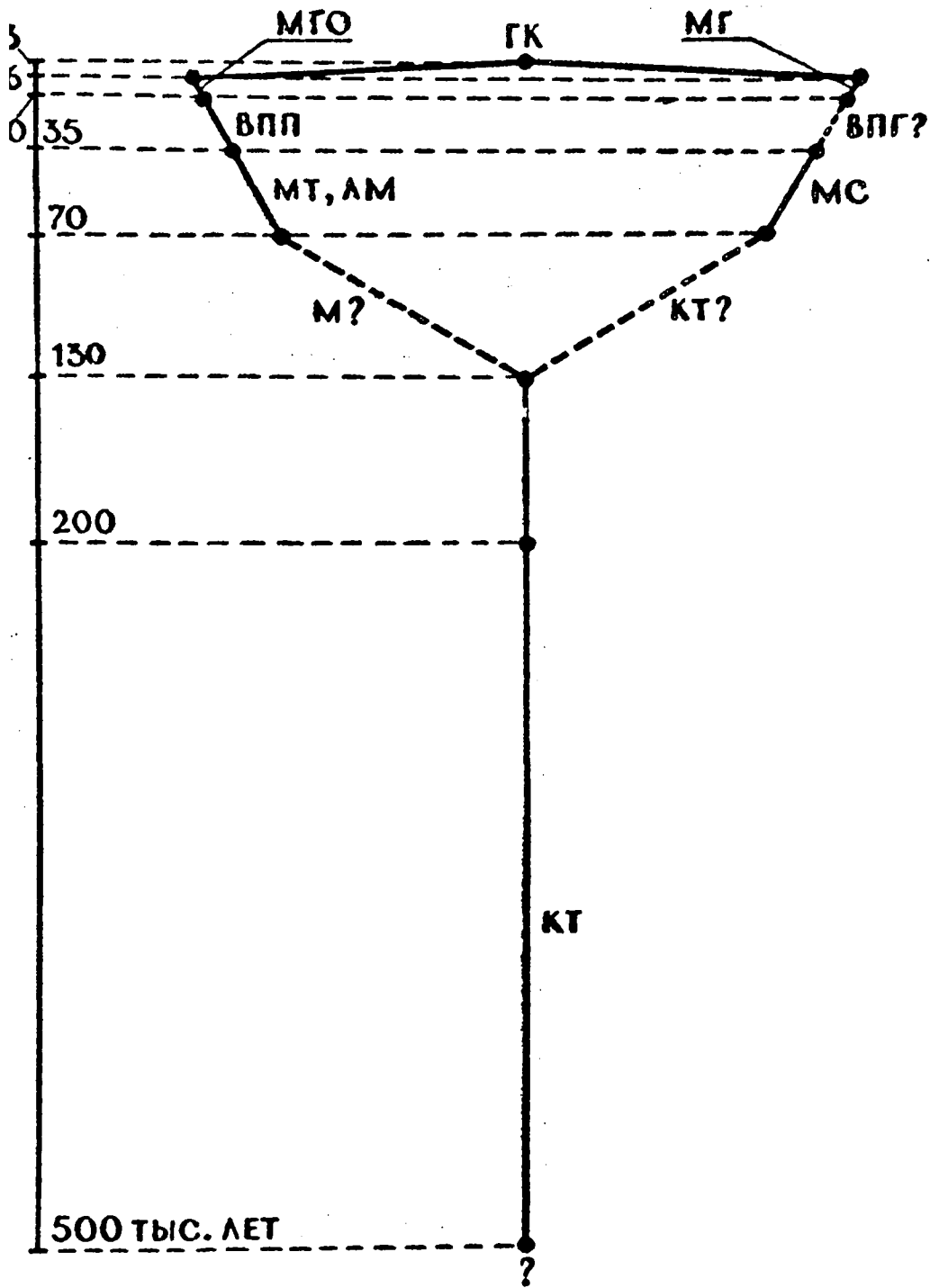


Рис.3.

Принятие линии генетической связи между самаркандской стоянкой (20-15 тыс. лет)⁷³ и гиссарской культурой,⁷⁴ как и в первом примере, скорее говорит о вхождении и Самаркандской стоянки и Туткаула в одну и ту же горную зону, в которой и формировался этот своеобразный "неолит гор Средней Азии" (А.П.Окладников), чем о продвижении предков гиссарцев со стороны равнины в горы.

Несмотря на огромный разрыв во времени, нижнепалеолитическая каратауская культура удивительно схожа с гиссаром по технике производства орудий и даже их типологии.

Гиссар представляет собой исключительно важный этап в каменном веке Южного Таджикистана и успехи в исследовании этого историко-культурного регионального образования очевидны.

Неясным остается только дальнейшая судьба гиссарской культуры. Можно думать, что в отдельных случаях гиссарская индустрия эволюционно переходит в различные варианты степной бронзы,⁷⁵ тогда, как в других, гиссарская культура могла доживать до 2-го тысячелетия до н.э. и поглощаться пришедшими в Южный Таджикистан племенами земледельческой бронзы.⁷⁶

73. Н е с м е я н о в С.А. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки. Палеолит Средней и Восточной Азии. - Новосибирск, 1980, с.46.

74. Р а н о в В.А. Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане. - АРТ, вып.8 (1960 г.). Душанбе, с.134.

75. Л и т в и н с к и й Б.А., Р а н о в В.А. Раскопки навеса Актанги в 1959 г. - АРТ, вып.7 (1959 год). с.43.

76. Р а н о в В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности. - Памироведение, вып.2. Душанбе, 1985.

По-прежнему сложным является объяснение соотношения между пластинчатыми и галечными индустриями Южного Таджикистана. Нами уже предлагались возможные варианты этого соотношения.⁷⁷ На рис.3 приведен еще один такой вариант.

К большому сожалению остается неясным хотя и сравнительно небольшой, но чрезвычайно важный отрезок времени - между 130-70 тыс. лет. Как показывает упомянутая схема, именно в это время могло бы происходить формирование мустьерской культуры, если последняя возникает автохтонно, а не является, как думает автор настоящей статьи, результатом миграции неандертальцев с Ближнего Востока.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что мустьерская культура в разных ее вариантах имеет определенное ограничение в юго-восточной Азии - мустьерская индустрия заменяется восточнее гряды Аравали невасийской, нет подлинного мустье в предгорьях Гималаев, на Индокитайском полуострове, в богатых палеолитом лёссовых районах Китая, на Корейском полуострове. И этот факт, на наш взгляд, может быть связан с тем, что в эти регионы не проникли пришедшие с запада неандертальцы, и здесь продолжали развиваться и существовать местная линия автохтонных эректусов и автохтонных не-пластинчатых культур. Определенные мустьерские технические достижения в этом случае возникают конвергентно.

77. Р а н о в В.А. Древнепалеолитические находки...,
рис.1.

В.А.Ранов

РАБОТЫ ОТРЯДА ПО ИЗУЧЕНИЮ КАМЕННОГО
ВЕКА В 1980 г.

В 1980 г. исследования отряда сосредоточивались в трех пунктах: в восточной части хребта Яванский Каратау, на разрезе Хонако и на стоянке Лахути I. В первых двух работы имели разведывательный характер, в третьем - производилось исследование погребенной почвы, перекрытой мощными отложениями лёсса I (рис. I).



Рис. I. Пункты, исследованные в 1980 г.: 1 - Лахути, 2 - Кульдарасай, 3 - Хонако.

I. Состав отряда: В.А.Жуков - начальник отряда, В.А.Ранов - ст. научный сотрудник, руководитель работ; сотрудники ЛОИА АН СССР И.И.Коробков, П.Г.Павлов, сотрудник Таджикгипропроводхоза П.М.Сосин, сотрудник Целиноградского музея В.С.Болошин, шофер П.М.Окунев. Срок работы с 1 сентября по 4 ноября. Сообщение о предыдущих работах на лёссовых разрезах Южного Таджикистана опубликовано в АРТ, выпуски: 13, 14, 16, 19. В процессе написания отчета автором использован полевой дневник И.И.Коробкова, оказавшего большую помощь в работах 1980 г.

1. Яванский Каратау. Помимо небольших зачисток на стоянке Каратау I, в процессе выполнения которых было найдено 8 предметов, в том числе хорошая "долька апельсина" с клювовидным выступом и чопер из продолговатой гальки с желобовидным лезвием, основное время работы было затрачено на поиски новых точек находок в погребенных почвах. Зачищалась рыхлая поверхность почвы, иногда с углублением от 0,1 до 1 м вглубь почвы. Всего было произведено 12 зачисток, охвативших почвы со 2-й по 5-ю включительно (счет почв по А.А.Лазаренко). Зачистки можно объединить в три группы: первая была проведена в овраге Юргайдара, около раскопа, вторая, западная группа - на том же южном склоне в приводо-раздельной части хребта Яванский Каратау, примерно в 1 км западнее, и третья - в большом цирке в районе родника Гульхор - на северном склоне.

Общая длина зачисток - 55 м, по высоте они колеблются от 3,5 до 1,5 м. Таким образом, общая площадь зачисток около 70 м². Выработки углублялись в почву от 0,1 до 1,0 м.

Несмотря на столь значительные по масштабу работы, успеха добиться не удалось. Только в одной зачистке (№ 2, западная группа) в делювиальном склоновом сросе между второй и третьей почвами найден пластинчатый отщеп, который вполне может принадлежать мустьерской индустрии.

Трудно найти объяснение нашей неудачи. Не исключено, что находки в 5-й почве соответствуют наиболее благоприятным климатическим условиям, а стратиграфически расположенные выше формировались уже в условиях интенсивного врезания Вахша и нарастающей общей аридизации, что сделало приводо-раздельные пространства мало пригодными для жизни. Люди перешли жить в долины, что и подтверждается многочисленными находками мустьерских памятников на террасах илякского комплекса.

2. Хонакс. Работы проводились во всех трех главных цирках, развитых на южном склоне горы Кугетек: Хонако I (восточный цирк), Хонако III (центральный), Хонако II (запад-

ный). Общее количество зачисток около 20 (4-9 почвы), общая площадь зачисток (глубина от 0,1 до 0,5 м) приближается к 170 м².

В результате были найдены: два мелких, невыразительных обломка *in situ* в 7-й и 6-й почвах (Хонако I), галька, осколок и хорошо выраженный пластинчатый отщеп в 6-й почве (Хонако III). "долька апельсина" или отщеп с обушком, представленным галечной коркой в 9-й (Хонако II).

Несмотря на то, казалось бы столь незначительный результат, полученный при значительной затрате рабочих часов, итоги исследования разреза Хонако можно признать успешными. Подтвердился факт наиболее частого нахождения обработанного камня в 5 и 6-й почвах (счет по А.Б.Додонову), получены новые свидетельства о том, что и 7-я почва (ТЛ дата - 280-48 тыс.лет) содержит каменные изделия *in situ*, но самый главный итог, вполне заслуживающий наименование сенсационного, это находка, сделанная на Хонако II П.Г.Павловым в 9-й почве. Возраст этой почвы, согласно ТЛ дате, определяется в 470-80 тысяч лет.² Таким образом, это древнейшее каменное изделие в Средней Азии и одно из самых древнейших на территории СССР.

Стратиграфическое положение изделия можно считать безукоризненным. Крупная "долька апельсина" найдена в верхней из двух сдвоенных зачаточных почв, определяющихся как 9-й педокомплекс, в 2 м выше хорошо выраженной корки и в 40 см от начала почвы, глубина которой от верхней кромки разреза Хонако II примерно 80 м. Отщеп находился не в рыхлой части почвы, а в плотной и, следовательно, не мог быть перемещен сверху. К сожалению, зачистка 2х2,4 м и более поверхностная - 10 м² не дали новых предметов. Изделие представляет собой крупный отщеп или "дольку апельсина" из темно-серой изверженной породы. Длина 11,5, ширина 5,4 см,

2. См. Путеводитель экскурсий Международного Симпозиума по проблеме "Граница неогена и четвертичной системы". М., 1977, с.95, 100, 104.

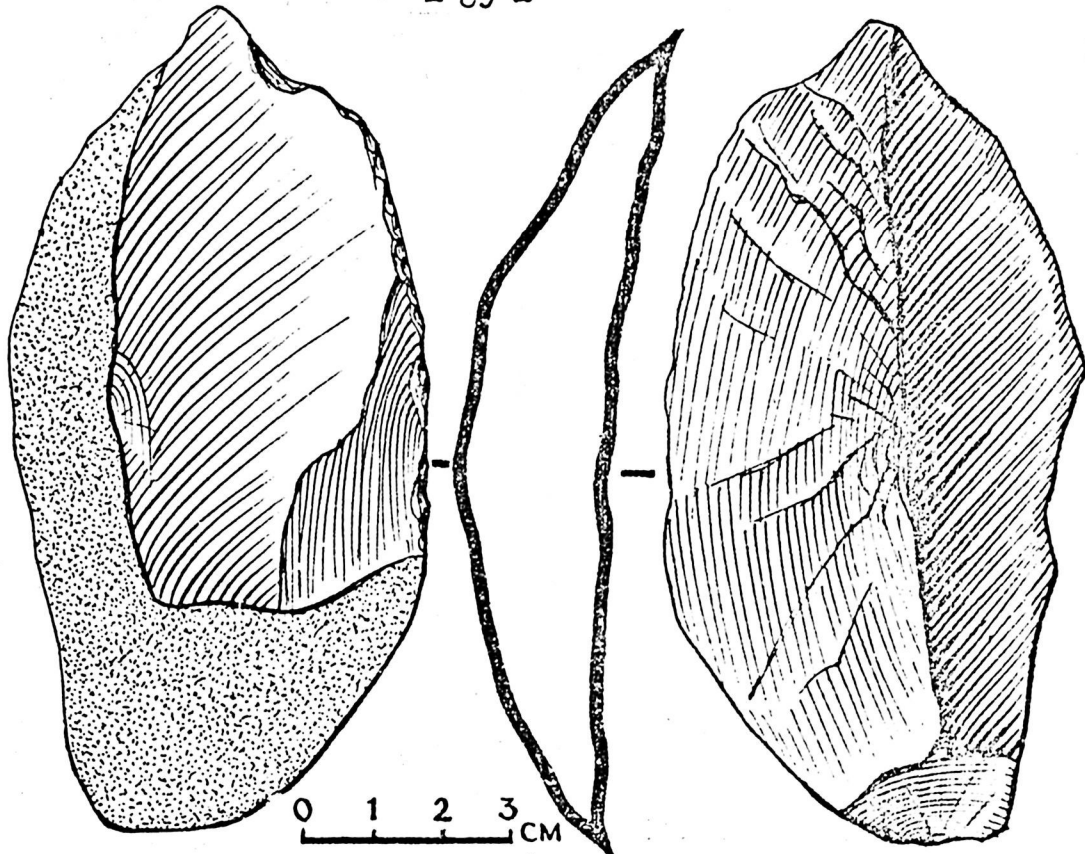


Рис.2. Находка в 9-й почве. Разрез Хонако П.

толщина максимально 4,3 см. Две свободные от галечной корки поверхности (одна вогнутая, другая выпуклая) сходятся под острым углом и образуют режущий рабочий край, на котором заметны следы ретуши (рис.2).

Очень интересными оказались также сборы на склонах цирков. Это перемещенные предметы, выпавшие из затронутых оползнями почв. И хотя их привязка затруднена, они дают возможность представить себе, какие культуры связаны с почвами, расположенными выше пятой. Не исключено, что крупные массивные пластины, напоминающие неопубликованную левалдуазскую пластину из Каратау II и подобные изделия Джаркутана, а также крупный дисковидный нуклеус, найденные на Хонако I и III принадлежат 4-й или 3-й почве и соответствуют хро-

нологически раннему этапу мустьерской культуры (по данным А.Е.Додонова, 4-я почва связывается с амерсфортотом и брёрупом, а третья - с хенгелло).³

Тонкие пластинки и отщепы с изогнутыми ударными площадками мустьерского облика, напоминающие подобные изделия из Огзи Кичика и Шугноу, вероятно, происходят из 2(3?) - I-й почвы (Хонако I-III). Во всяком случае, мы с достаточной долей уверенности можем говорить о появлении пластинчатой техники где-то на рубеже вюрма или в конце ресс-вюрма, стратиграфически только выше 5-й почвы. Скорее всего, во 2-й (паудорф) почве происходит смена культуры мустье верхним палеолитом (рис.3. I,2).

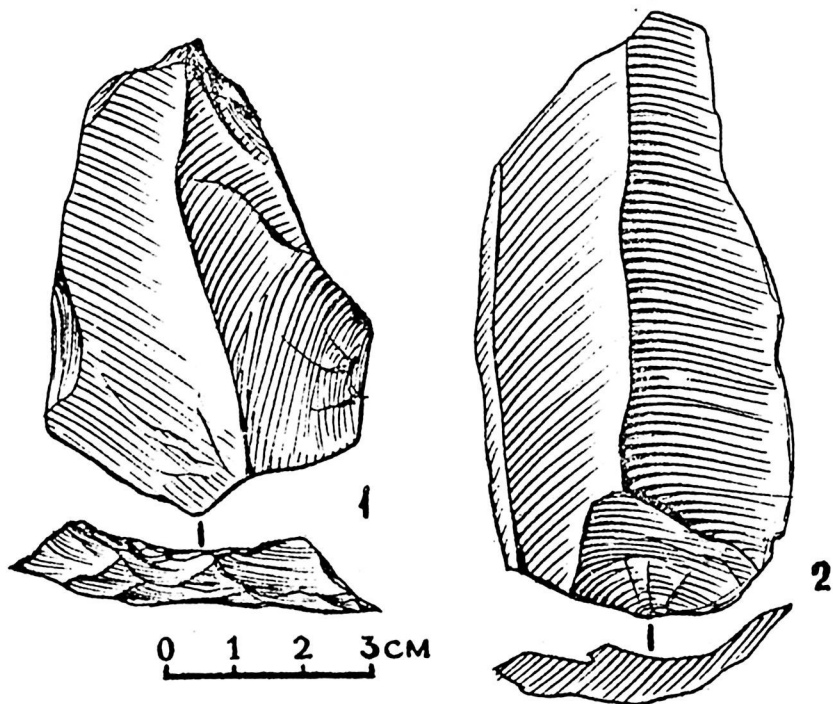


Рис.3. Отщеп с фасетированной площадкой и леваллуазская пластинка. Разрез Хонако III.

3. Додонов А.Е., Пенъков А.В. Некоторые данные по стратиграфии водораздельных лёссов Таджикской депрессии (Южный Таджикистан). - Булл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 47, 1977, с.73.

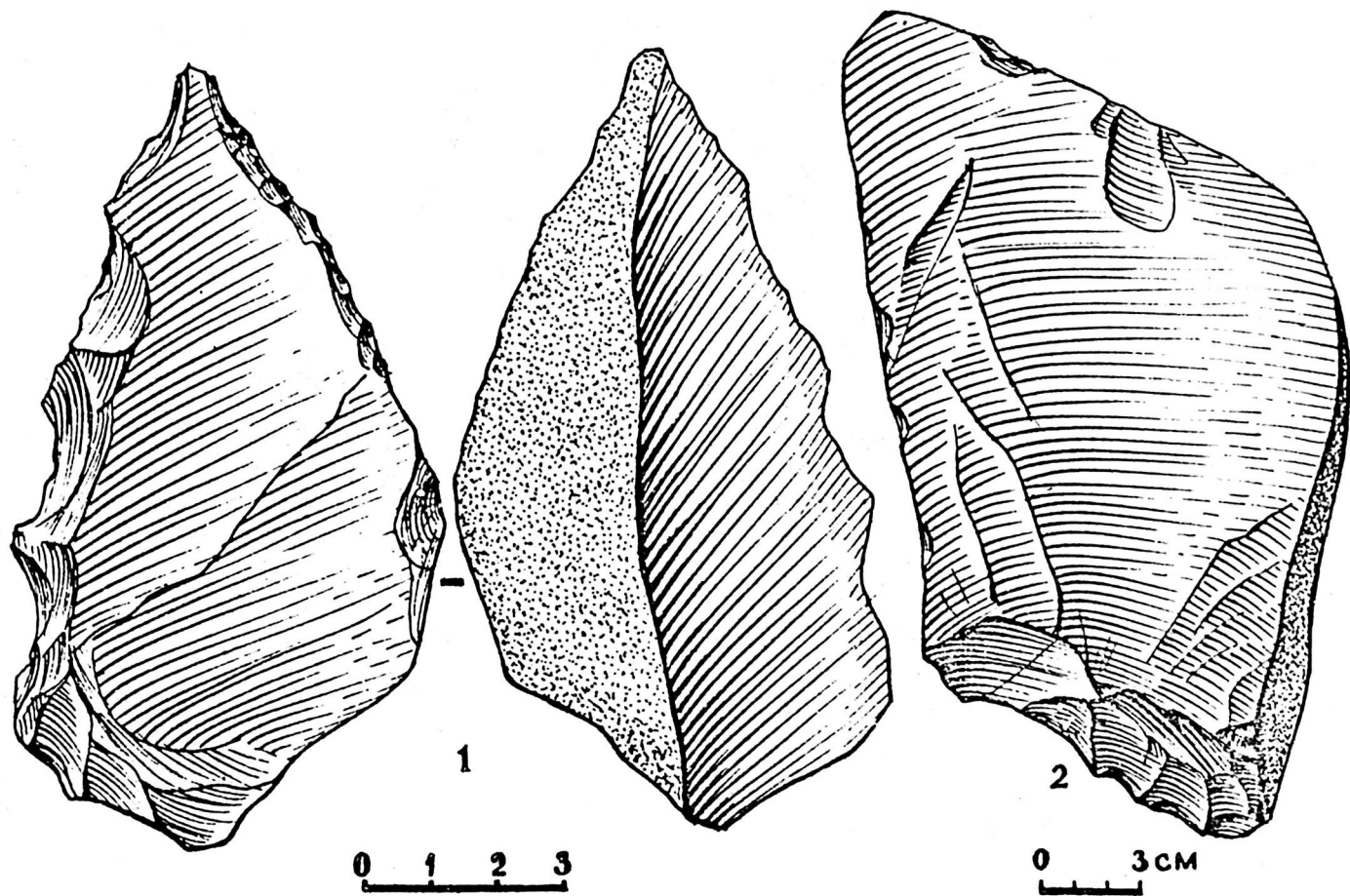


Рис.4. Стоянка Лахути I (1). Остроконечник с ретушью с бршика. Хонако II (2). Отщеп, найденный на поверхности восьмой почвы. Рабочий край образован на ударной площадке.

Следует отметить, что удалось уточнить местонахождение крупного отщепа, ударная площадка которого превращена серией сколов в скребловидное орудие (рис.4.2). Он оказался связанным не с 7-й, как мы думали раньше,⁴ а с 8-й погребенной почвой (ТЛ дата - 380±50 тыс. лет).

3. Другие точки в районе Ховалинга и Шугноу.

Р а з р е з О б и - М а з а р. Он находится на правом берегу одноименной реки, примерно в 4 км выше Ховалинга. Это отрезок в несколько километров, заключенный между двумя крупными саями: Дарай Аспон и Хурдак. Река здесь подрезает низкие адыры и переуглубляет своим аллювием русло, вследствие чего на большей части разреза вскрываются 2-4-я почвы, а нижние перекрываются галечником. Только на некоторых участках вскрыты почвы среднего и нижнего плейстоцена и верхнего плиоцена.

Несмотря на 7 зачисток разной величины, находок не было (такая находка была сделана в 3-й(?) почве в 1979 г.).

С а й К у л ь д а р а у кишлака Лахути. Здесь очень сложная геологическая ситуация и поэтому находки привязать сколько-нибудь точно не представляется возможным. Не исключено, что найденные в средней части сая клиновидные осколки и отщеп, полученные при зачистке почвы, могут принадлежать очень древним почвам - IO-II-й, а может быть и II-I2-й. Превосходное скребло на "дольке апельсина" найдено на поверхности молодой террасы сая и, скорее всего, происходит из верхних погребенных почв.

Р а з р е з Ч а ш м а н и г а р. Самый эффектный разрез, насчитывающий более 30 почв. Однодневные разведки с небольшими зачистками результата не принесли. Нет находок и на оползневых склонах (в 1979 г. не удалось найти каменных орудий и на большом разрезе Чашманигар II, расположенном в 3-4 км восточнее). Вероятно, это связано с тем,

4. Р а н о в В.А. Исследование лёссового разреза Хонако. Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980, с.478.

что оба разреза находятся далеко от реки, на водораздельном пространстве, где отсутствовал поделочный материал.

П л а т о С а г ы р А х у н (М а л о е Д а ш т а к о). Поиски палеолитических изделий на этом плато, представляющем собой участок очень высокой (350 м над р.Яксу) среднеплейстоценовой террасы не увенчались успехом, хотя ранее здесь отдельные предметы палеолитического облика были найдены.⁵ На поверхности плато и в русле ручья, его пересекающего, найдено несколько изделий, имеющих гиссарский облик.

4. Шурф на стоянке Лахути I. В северо-западном углу раскопа⁶ был заложен шурф размерами 3,5x2 м (кв.ОС 10-12). Для вскрытия столь скромной площади, однако, пришлось убрать 11,3 м лёсса, перекрывающего 5-ю погребенную почву. Учитывая профиль склона, можно считать, что при углублении в склон эта мощность в дальнейшем будет нарастать от 5 до 7 м на один горизонтальный метр почвы.

Как показала разборка почвы, мощность которой в среднем 1,64 м, количество находок вглубь склона не уменьшается. Концентрация по квадратам (на всю толщину почвы) - 12-8 предметов, более высокая, чем в квадратах, расположенных восточнее (рис.5).

По вертикали обработанный камень группируется следующим образом. В отличие от раскопанной части стоянки, значительное число изделий концентрируется в верхней части почвы - 12 предметов. Наибольшая концентрация отмечена на расстоянии 1 м над коркой - 17 предметов; 1,4 и 0,4 м - 11; 1,1-0,6 м - 8 и т.д.

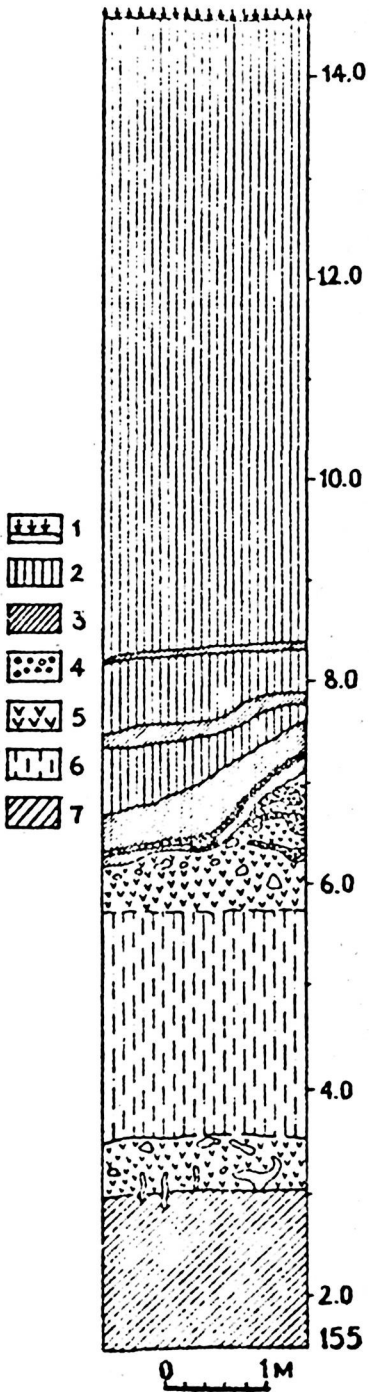
В целом концентрация находок по вертикали за исключением указанной выше особенности является обычным для памятников, связанных с древними погребенными почвами.

5. Ж у к о в В.А. Результаты разведки на плато Сагыр Ахун (Малое Даштако). - АРТ, вып.10, М., 1973, с.285-287.

6. Общий план раскопа стоянки см.: Р а н о в В.А. Раскопки палеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. - АРТ, вып.19. Душанбе, 1986, с.14.

ЛАХУТИ-1 1980г.
ТРАНШЕЯ в кв. П 12

Рис.5. Разрез южной стенки траншеи на стоянке Лахути I. Условные обозначения: 1 - современная почва, 2 - лёсс, 3 - размывтая и переотложенная почва, 4 - щебень, 5 - карбонатный горизонт, 6 - зачаточная почва, 7 - пятая погребенная почва.



По подсчетам И.И.Коробкова, среди 105 находок можно отметить следующие категории: отщепов 46 (44%), осколков - 30 (29%), галек - 12 (11%), орудий различного характера - 14 (13%), чопперов - 3 (3%). Учитывались и обломки отщепов. Среди орудий этот же исследователь отмечает тейякский остроконечник, зубчатое скребло с обушком, каренатный скребок, резец, зубчатые орудия, анкoshi, скребки.

Если все упомянутые орудия встречались в Дахути I и других памятниках каратауской культуры и раньше, то остроконечник, выполненный на полупервичном отщепе и сильно уплощенный с брюшка серией сколов, ранее ни разу не встречался (рис.4.I). По своему облику он напоминает орудие из Джаркутана.⁷ Такой тип обработки брюшка, скорее, свойствен бифасиальной технике, чем леваллуазской и, кроме двух указанных предметов, в горной части Средней Азии не зафиксирован.

Общая концентрация изделий, их распространение по вертикали и по площади, высокий процент орудий и отщепов, наконец, находка трех фрагментов костей и одной хорошо сохранившейся плечевой кости (*Сervus* sp. - определение Ш.Шарапова) дают надежду на то, что шурф 1980 г. вошел в менее поврежденный культурный слой, чем на всех ранее вскрытых участках.

7. Р а я о в В.А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, табл.УШ, II.

А.Х.Юсупов, Т.Г.Филимонова

ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА В 1980 г.

Вахшский археологический отряд работал в зоне Нурекского водохранилища и в Дангаринской долине с 5 июня по 25 июня и с 6 августа по 6 сентября 1980 г.¹

В первую очередь обследовались разрушающиеся берега Нурекского водохранилища, уровень которого по сравнению с предыдущим годом понизился на 40—45 м. Зоной поисков были охвачены оба берега — от самой плотины и до верховьев водохранилища, протяженность береговой кромки около 130 км. В результате было обнаружено 8 точек со скоплением археологического материала (рис.1). Все местонахождения расположены на поверхности размытых берегов, незначительные остатки культурного слоя сохранились только на одном из них — Камышлы.

Первые единичные находки были сделаны при обследовании берегов сая Хучарки. На I-м уступе (отсчет уступов ведется сверху), между лёссом и коренной породой была найдена кремневая пластинка удлиненной формы, спинка двухскатная, профиль прямой. В 2 км к северо-востоку на этой же террасе обнаружен наконечник стрелы. Он выполнен из темного кремня, вся поверхность тщательно обработана двухсторонней ретушью. Размеры: длина 4,5 см (рис.2.1). Аналогичные наконечники встречаются в могильниках Вахшской культуры.²

1. Состав отряда: А.Х.Юсупов — нач. отряда, Т.Г.Филимонова — лаборант, маршрутные рабочие, водитель В.Набоков.

2. Пьянова Л.Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая балка. — СА, № 3, 1974, с.165—180.

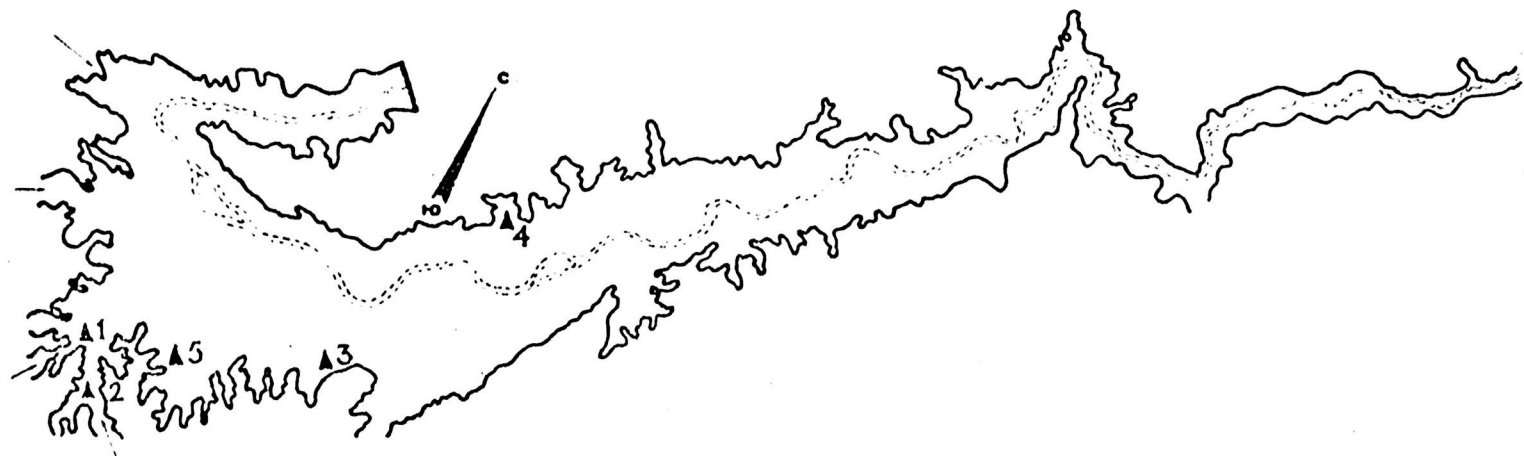


Рис. I. Карта-схема Нурекского водохранилища с обозначением места стоянок: I - пункт I, сай Хучарки; 2 - пункт II, безымянный сай; 3 - пункт III, район кишл. Кулисуфиён; 4 - пункт IV (точки I, 2, 3, 4), район кишл. Сариху; 5 - пункт V, пос. Камышы.

2-й пункт безымянный сай (2-й по правому борту Себистонского залива). На 3-м уступе левого борта сая были найдены две пластины. Одна из них укороченных пропорций. Спинка двухскатная, ударная площадка хорошо выражена, слегка скошена к брюшку, дистальная часть со стороны спинки подработана ретушью, у проксимальной части со стороны брюшка имеется ретушированная выемка. Вероятно, орудие использовалось и как концевое скребло и как скобель (рис.2.2). Вторая пластинка из светлого кремня, по обоим краям нанесена микроретушь (рис.2.3). Оба орудия напоминают изделия мезолитического поселения Дараи Шур.

3-й пункт район кишл. Кулисуфиён. Здесь обнаружено 2 точки. Первая находится к западу от кишлака (прошлогодний пункт 5), вторая - в I км к северо-западу от первой. Находки собраны на 8-10 уступах, на стыке лёсса с коренными породами. Всего найдено 12 предметов. Из них ножевидных пластин из эффузивных пород 6, отщепов - 3, скребло - 1, пластин кремневых - 2. Одна из кремневых пластин треугольной формы, другая ножевидная (рис.2.4). Пластины из эффузивных пород крупные напоминают мустьерские (размеры от 9,5x4,9x1,4 до 5,7x3,3x1,5 см) (рис.2.5,6). Наибольший интерес представляет пластина подтреугольной формы, острый конец обломан. Края обработаны микроретушью. Она могла служить наконечником копья. Размеры: 6,3x4,6x1,2 см (рис.2.7). Отщепы массивные, один пластинчатый (рис.2.8). Заготовкой для бокового скребла послужил кремневый отщеп

Рис.2. Стоянки зоны Нурекского водохранилища. Каменные изделия: 1 - наконечник стрелы; 2 - концевой скребок-скобель; 3 - пластина с ретушью; 4 - пластина; 5,6 - пластины из эффузивной породы; 7 - наконечник копья; 8 - пластинчатый отщеп; 9 - нож; 10 - нуклеус. I - пункт I (сай Хучарки); 2,3 - пункт II (безымянный сай); 4,5,6,7,8,9 - пункт III (район кишл. Кулисуфиён); 10 - пункт IV (район кишл. Сариху).

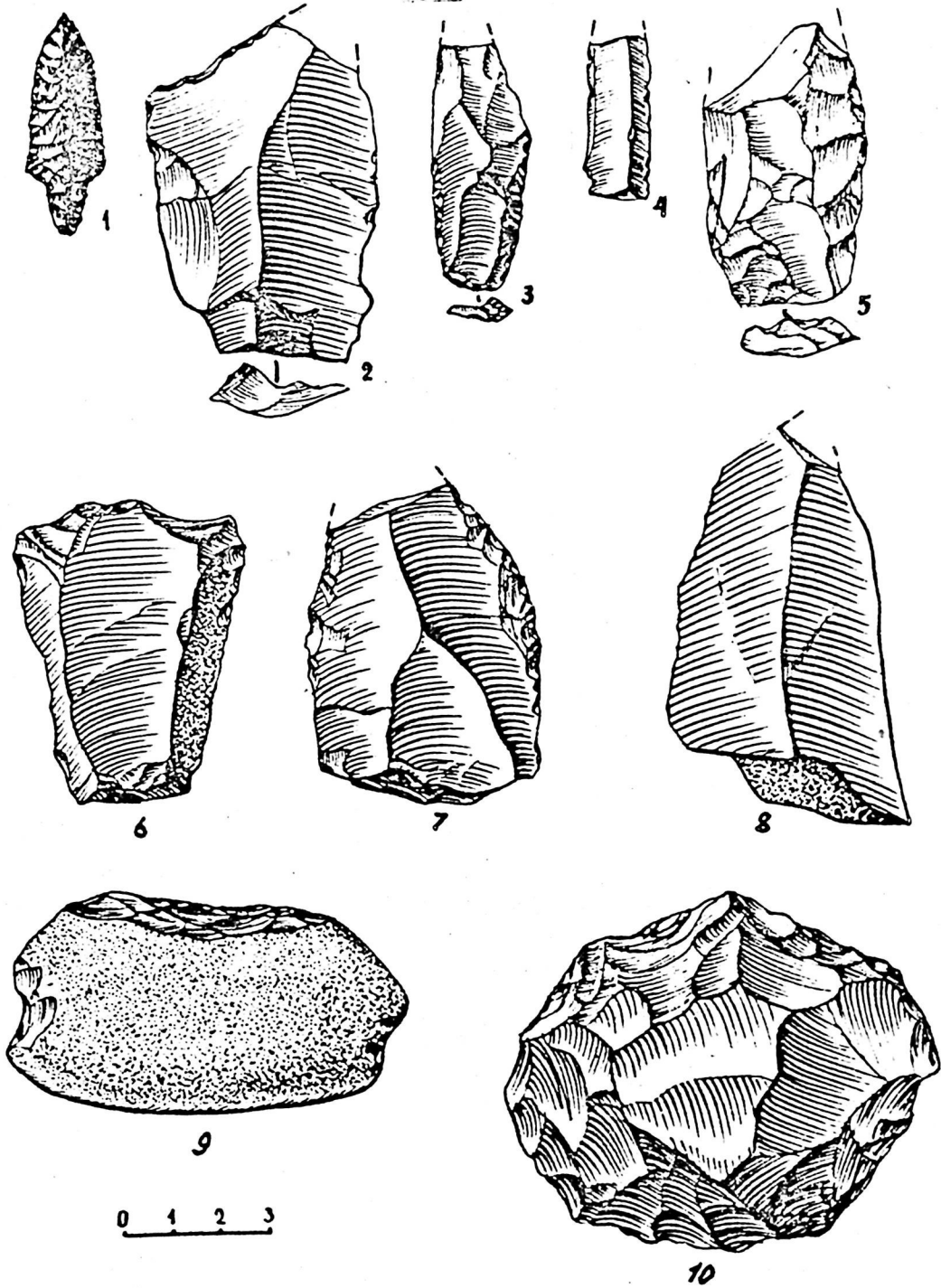


Рис.2.

грубо пластинчатой формы. Второе скребло комбинированное. Оно расположено на первичном отщепе удлиненной формы. Верхняя часть обработана затупливающими сколами, нижняя - острая, шлифованная. На суженных концах имеются выемки. Скорее всего орудие использовалось в качестве ножа (рис. 2.9). Впервые ножи подобного типа были найдены на стоянке Хучарки в Яване.³

Единичные находки датировать крайне сложно, но, вероятнее всего, данную группу орудий, за исключением шлифованного ножа, следует отнести к комплексу изделий мустьерского времени.

4-й пункт - правый борт водохранилища, район кишла Саризу. В этом районе обнаружено 4 точки с отдельными находками. 1-я точка на правом берегу сая Дудукон. Найдено 5 предметов: 2 галечных нуклеуса, 1 пластина, 2 отщепы. Нуклеусы грубые, один вторично использовался как скребло (рис.2.10). Пластина из зеленого порфирита, без ретуши. Привлекает внимание массивный пластинчатый отщеп (размеры 12,4x8,1x3,7 см), техника обработки напоминает мустьерскую (рис.3.1).

2-я точка в 3 км восточнее кишлака. Терраса, на которой находились каменные изделия, сохранила остатки аллювиального вахшского песка перекрытого лёссом. Три отщепы собраны на поверхности песка, на границе с лёссом. Среди них имеется пластинчатый отщеп, который выполнял функцию скобеля (рис.3.2).

3-я точка находится в 2 км к востоку от кишлака, у водопада. На этой террасе также сохранился вахшский песок, перекрытый сначала окатанным галечником, а затем лёссом. Всего найдено 10 предметов: 2 скребла, 3 ножа, 1 нуклеус, 3 отщепы, 1 обломок пластины, все изделия из эффузивных пород камня. Одно скребло расположено на массивном отщепе

3. Ю с у п о в А.Х., С о л о в ь е в В.С. Новые археологические открытия в Яванской долине. - АРТ, вып. X (1970 г.). М., 1973, с.67, табл.5.1.

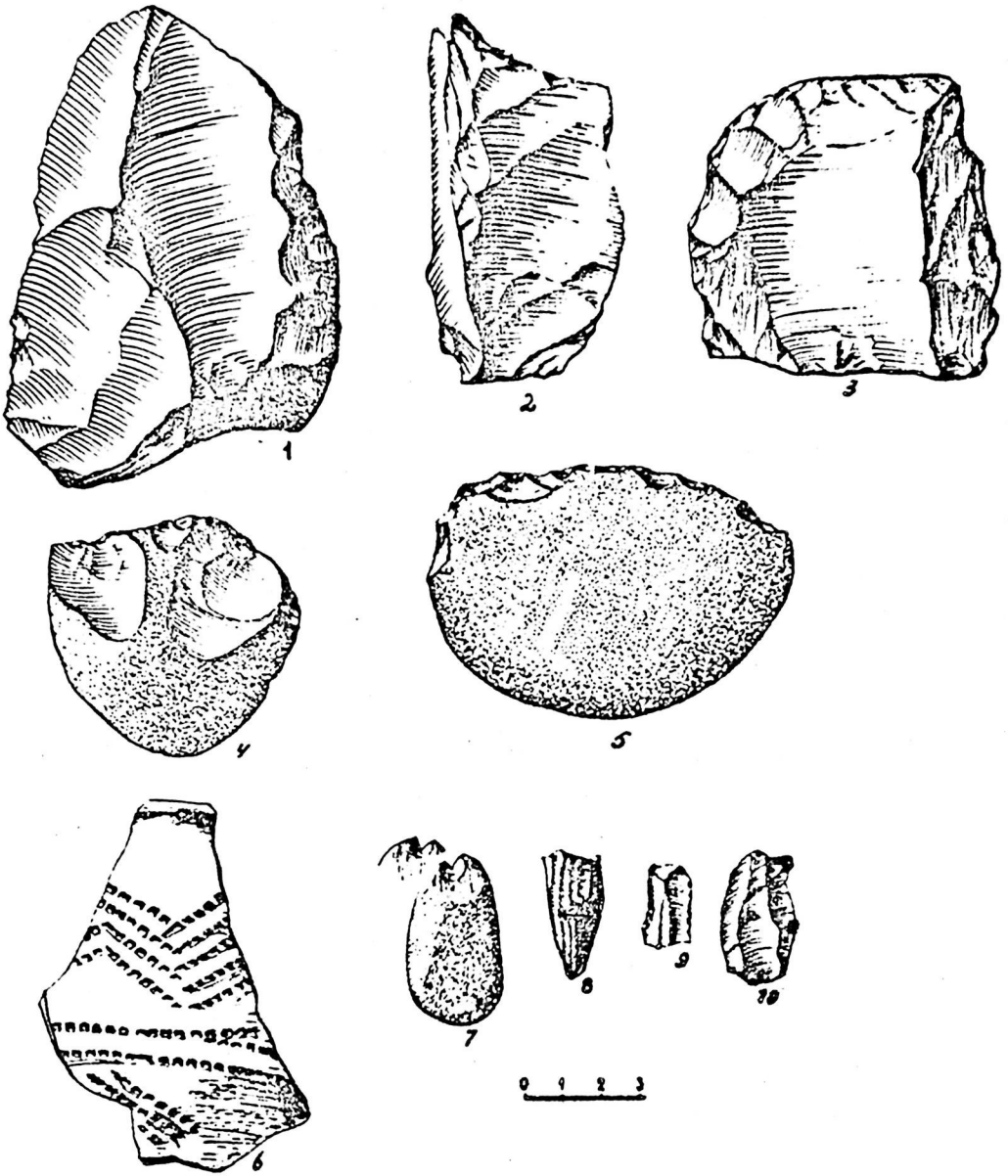


Рис.3. Стоянки зоны Нурекского водохранилища. Каменные и керамические изделия: 1 - отщеп; 2 - скребель; 3, 5 - скребла; 4 - нож; 6 - фрагмент керамики; 7 - бусина; 8 - нуклеус; Дангаринская долина. Стоянка Куйбульен. Каменные изделия: 9 - пластинка с ретушью; 10 - пластинка. 1, 2, 3, 4, 5 - пункт IY (район кишл. Сарижу); 6, 7, 8 - пос. Камышлы; 9, 10 - стоянка Куйбульен.

(рис.3.3), второе на первичном отщепе овальной формы, рабочий край захватывает почти весь периметр. В качестве ножей использовались первичные и вторичные отщепы, рабочими лезвиями служили естественные заостренные края, вторичная обработка не применялась (рис.3.4). Нуклеус - галечный, подпризматической формы.

4-я точка находится напротив третьей, на левом берегу сая. Строение террасы идентичное с предыдущей. Найдено II предметов: 4 скребла на первичных отщепах, сколотых с галек красного песчаника. Ретушь не применялась, следы от работы выступают в виде сильной выкрашенности рабочего края (рис.3.5). Большое количество таких скребков было найдено на стоянке Дарай Шур. Нуклеусов 2, сколами затронута меньшая часть поверхности нуклеусов. Отщепы эффузивных пород, типичны для гиссарских стоянок.

5-й пункт - левый рукав сая Дуздара, местность Камышлы. Здесь были обнаружены остатки, по-видимому, ранее большого поселения конца неолита-ранней бронзы. Поселение располагалось на гребне горы и на склоне прилегающей террасы. Со всех сторон оно было окружено выходами красного неогенового песчаника. При спуске воды в водохранилище оно было размыто, каменные изделия рассеяны по всему склону полосой 30x60 м. На 4-м уступе (снизу) произведена зачистка, в результате была обнаружена углистая прослойка длиной около 10 м, максимальной толщиной 5-10 см. Рядом с зачисткой заложили небольшой раскоп 3x4 м. До глубины 0,4 м шел натечный слой, образовавшийся при спуске воды, в нем встречались отдельные находки. После чего вышли на углистую прослойку, в раскопе она занимала северо-восточный угол. Скорее всего прослойка являлась полом жилища - землянки, об этом свидетельствует углубленность в центральной части. Ниже углистого слоя вышла твердая обожженная поверхность серого цвета, на ней был найден один кремневый отщеп. Сняв углистую прослойку, мы углубились еще на 30-40 см, но под ней шел чистый лёсс без находок.

Кроме этого две зачистки были произведены на 2-м уступе, 2 зачистки и небольшой раскоп на гребне. Культурный слой нигде найден не был.

На поселении было найдено 1060 предметов. Среди них: керамика - 9 фрагментов, бусина каменная - 1, бусины бронзовые - 5, бисер из пасты - 4; изделия из кремня: нуклеусы - 72, микропластины - 55, обломки микропластин - 153, отщепы - 235, сколы с нуклеусов - 16, скребели - 37, концевые скребки - 7, скребла - 11, сверла - 2; изделия из эффузивных пород: нуклеусы - 49, отщепы - 338, пластинчатые отщепы - 23, пластинки - 6, скребла - 6, обломки шлифованных топоров - 2, скребели - 4, ретушер - 1, стбойники - 2, наковальни - 3, терки - 8, обломки зернотерок - 5, утки - 6, ножи шлифованные - 3.

Собранная керамика степного типа. Это фрагменты от небольших кувшинчиков и горшков. Орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис.3.6). Судя по тому, что орнамент нанесен по всей поверхности, данную группу следует отнести к ранним этапам андроновской культуры. Бронзовые бусины мелкие, размеры от 0,9x0,6 до 0,7x0,3 см. Бисер выполнен из пасты беловатого цвета. Такие бусины и бисер встречаются в могильниках бронзового времени, например в Тандыриуле,⁴ в Нурекском могильнике.⁵ Интересна шлифованная бусина из черного туфа (рис.3.7). Аналогичные бусины имелись в верхних слоях Сай Сайёда.

Изделия из камня типичны для гиссарских стоянок позднего неолита. Мы имеем полный набор орудий, характерный для этих стоянок: большое количество отщепов, грубые галечные нуклеусы, кремневые микролитические - конусовидные (рис.3.8), грубопризматические с торцовым снятием

4. Антонова Б.В., Виноградова Н.М. 0 летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. - АРТ, вып.ХІУ (1974 год). Душанбе, 1979, с.103.

5. Пьянова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда. - АРТ, вып.ХІУ (1974 год). Душанбе, 1979, с.85.

микропластин, обломки шлифованных топоров, ножи с шлифованным лезвием.

В целом материал следует датировать концом неолита — начало бронзы, т.е. временем оседания племен на землю и перехода к производящему хозяйству.

В Дангаринской долине было начато повторное изучение поселения Куй Бульён. Новый раскоп был заложен к северо-востоку от раскопа А.П.Окладникова. Общая площадь 10х4 м, углубилась на 0,8 м. Культурный слой не был обнаружен. Вся мощность наслоений представляет из себя наносной перемешанный слой. Каменные изделия, отдельные фрагменты средневековой керамики, ганча встречались на протяжении каждого снятия. В южной части раскопа вышла каменная выкладка грубо четырехугольной формы. Центральная часть более возвышенная. Выкладка сложена из обломков известняка. Длина с севера на юг 2,5 м. При расчистке было найдено 2 фрагмента поздней керамики, 1 кремневый нуклеус, 1 обломок лопатки, 2 микропластинки, что свидетельствует о поздней засыпке.

Практически весь собранный материал кремневый, изделий из эффузивных пород камня мало. Техника обработки камня микролитовидная. Встречено большое количество микропластин, пластинок с ретушью (рис.3.9) и без ретуши (рис.3.10), мелких отщепов, микронуклеусов.

Остановившись на результатах работ прошедшего сезона, следует отметить исследования на поселении Камышли. В настоящее время мы имеем крайне незначительные сведения о переходном этапе от неолита к бронзе. Детальное изучение данного памятника позволит приблизить решение такого вопроса, как экономическая основа гиссарских племен, взаимодействие их с племенами бронзы. Продолжение раскопок на поселении Куй Бульён, относящегося также к позднему неолиту, еще более приблизит нас к решению этой проблемы.

В.А. Жуков

РАБОТА МАРКАНСУЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОТРЯДА В 1980 г.

В отчетном году отряд продолжил обследование территории Восточного Памира с целью выявления новых памятников первобытного общества. В основном фиксировались памятники каменного века. Была совершена также двухдневная поездка на Восточный Пшарт для осмотра местонахождения петроглифов в верховьях долины.¹

Памятник древнего искусства расположен недалеко от перевала Акташ, ведущего на Западный Пшарт.² Здесь, на левом борту долины хорошо видна гигантская густо патинизированная осыпь, видимо, гравитационного происхождения. При подъеме к ней прослеживаются продольные, относительно ровные террасовидные площадки, с лежащими на поверхности отдельными, довольно крупными, блоками, где выбито большинство рисунков. В верхней части обвала, где чередуются обломки различной величины, петроглифы встречаются реже. Степень патинизации, служащая иногда критерием датировки рисунков, различна. Однако преобладает самая "древняя" из выделенных для Лянгарского местонахождения.³

Предметы, применявшиеся при выбивании, различны как по форме, так и по материалу, что хорошо видно по контуру

1. Состав отряда: В.Жуков - начальник отряда, Г.Казаков - маршрутный рабочий, П.Окунев - шофер.

2. Автор благодарен Евгению Павловичу Яковлеву, сотруднику отдела охраны природы и рационального использования ресурсов АН ТаджССР, любезно указавшему местонахождение петроглифов.

3. Ра н о в В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. - АРТ, вып. XII. Душанбе, 1976, с. 20-21.

изображения. На одних линия четкая нерасплывчатая, на других неровная, рваная. Для показа отдельных деталей рисунка иногда применялась техника резьбы (изображение козла, у которого туловище и голова выбиты, а рога прорезаны). В целом все технические приемы и стили, выделенные А.Н.Бернштамом, встречаются на новом местонахождении петроглифов.⁴

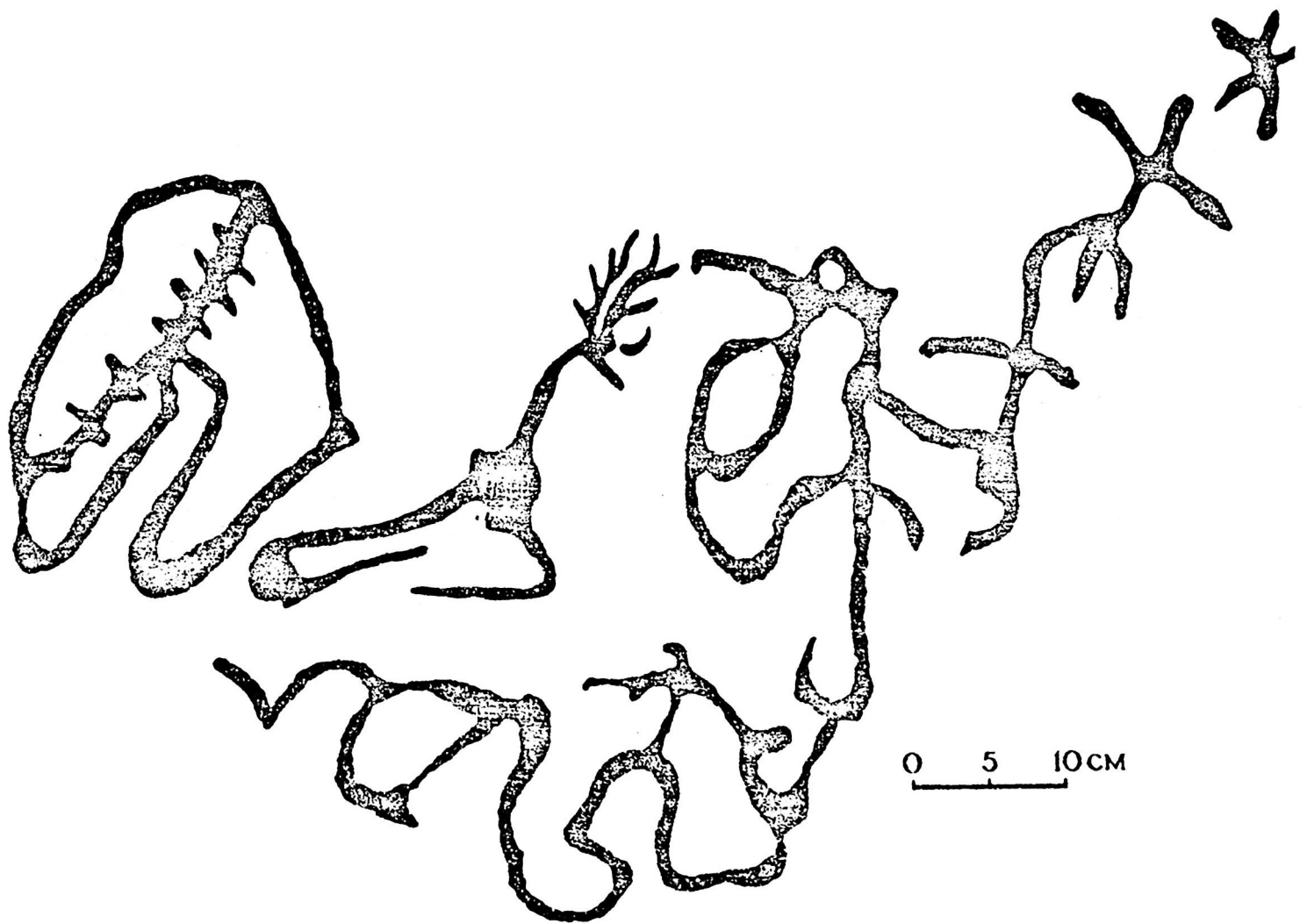
Рассматривая восточношартский комплекс (Акташ) в плане выделенных выше признаков (степень патинизации, техника, стиль), его в целом, до будущих детальных исследований, следует датировать сакским временем. Средневековый пласт в количественном отношении незначителен. Представлен линейными или точечными невыразительными изображениями. Схематы и композиции характерны для памирских памятников древнего искусства. В подавляющем большинстве это рисунки животных — козлов, реже быков и лошадей. Как правило, сцены охоты отличаются схематичным изображением человека и реалистичным — самого животного.

Привлекает внимание совсем необычная композиция: тенец, стилизованно показанных фигурок людей, вокруг оленя, выполненного в лучших традициях "звериного" стиля. Не совсем понятно, что изображено в левой верхней части композиции. Если перед нами условно показан скелет (человека или животного?), то вся сцена носит культовый, ритуальный характер. Размеры композиции по максимально удаленным точкам — 65х65 см (рис. I).

Рис. I. Наскальные изображения у перевала Акташ. Стилизованные фигурки людей, олень, непонятный рисунок.

4. По мнению Бернштама, тщательность технического выполнения изображения является показателем его древности, хотя он не отрицает и значения предмета, использованного для выбивания. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы Таш. — СЭ, № 2, 1952, с.58.

Plc. I.



0 5 10CM

По всей видимости, имеется какая-то связь между петроглифами и обнаруженным поблизости могильником. Насыпи курганов высотой до 1 м, 3-5 м в диаметре сложены из обломков камней различных размеров, иногда поставленных вертикально. Встречаются захоронения под крупными блоками.

Кратковременность ознакомления с памятником не дает возможности делать окончательные выводы, хотя создается впечатление, что камни с рисунками опоясывают могильник со всех сторон.

После Восточного Пшарта отряд обследовал северный борт реки Машале, левого притока р.Истхк (в 12 км от Джарты Гумбеца). В средней части известняковой гряды, разделяющей Иркалды Джилгу и Кутатырсай, на высоте около 150 м над днищем основной долины, на абсолютной высоте 4290 м над ур. м., была проведена шурфовка одного из многочисленных навесов в данном районе.⁵ Расположенный на жной стороне склона, он почти весь день прогревается солнцем. Западная и восточные стенки загораживают площадку навеса от ветров.⁶ Все это создает благоприятные условия для жизни при суровых климатических условиях Памира. Максимальные размеры площадки навеса с севера на юг - 6 м, с запада на восток - 9 м. Огромные блоки, иногда стоящие вертикально, дают возможность предположить в прошлом наличие более длинного козырька над площадкой. О древности обвала можно судить по почти полному перекрытию некоторых глыб позднейшими отложениями.

Г-образная траншея размерами: длина с запада на восток 2,4 м, с севера на юг 3,6 м при ширине 1,2-1,0 м, была заложена у северной стенки навеса, места наименьшего скопления кусков обвалившегося козырька. Стратиграфичес-

5. К сожалению, здесь большинство карстовых полостей не имеют культурных наслоений.

6. Мы имели возможность сами убедиться в удобном расположении навеса во время раскопок. Снежная пурга, закрывавшая всю долину, и сильные порывы ветра почти не чувствовались на площадке.

кий разрез (1,6 м), полученный в результате шурфовки дал сложную картину залегания слоев. Верхняя часть отложений состоит из пережженного кизяка с костями. Нижняя граница данного слоя очень нечеткая из-за искусственно сделанных углублений (для очагов? собирания кизяка?) проходит на глубине 50-90 см от дневной поверхности. В одной из "ям" на глубине 60 см был обнаружен сильно обожженный керамический сосуд. Диаметр плоского основания 8 см. К верхней части тулово сосуда расширяется. Толщина стенок 0,7 см. Венчик не сохранился. Тесто приготовлено из суглинка с включением крупнозернистого кварца и слюды. Не исключено, что сосуд принадлежал к бронзовому веку.

Искусственные углубления повлияли и в нижележащий слой известнякового щебня с небольшим количеством пылеватого суглинка (до 20 см). Стерильность этого слоя нарушена, что привело к смешению археологических материалов как по вертикали, так и по горизонтали.

Слой щебня с археологическим материалом лежит непосредственно на известняковой плите (обвал потолка) толщиной до 30 см. Плита перекрывает довольно рыхлый слой из крупных известняковых обломков (35-40 см). Отдельные находки обработанного камня, фаунистических остатков и угольков в его основании дает возможность предполагать наличие второго культурного горизонта. При дальнейших работах по уточнению стратиграфической картины потребуются закладка шурфов на других подходящих участках площадки. Полное вскрытие площадки связано с большими техническими трудностями из-за каменного обвала.

Прежде чем перейти к описанию находок, отметим, что полученные результаты дают лишь частичное представление о материальной культуре памятника, а количественные данные носят формальный характер. Часть изделий каменного века собрана на склоне, ведущему к навесу. Сильно патинированные артефакты резко выделялись среди известнякового щебня. Скорее всего они были снесены с площадки еще до падения козырька или смыты с его поверхности сразу же после обвала до накопления всей толщи отложений.

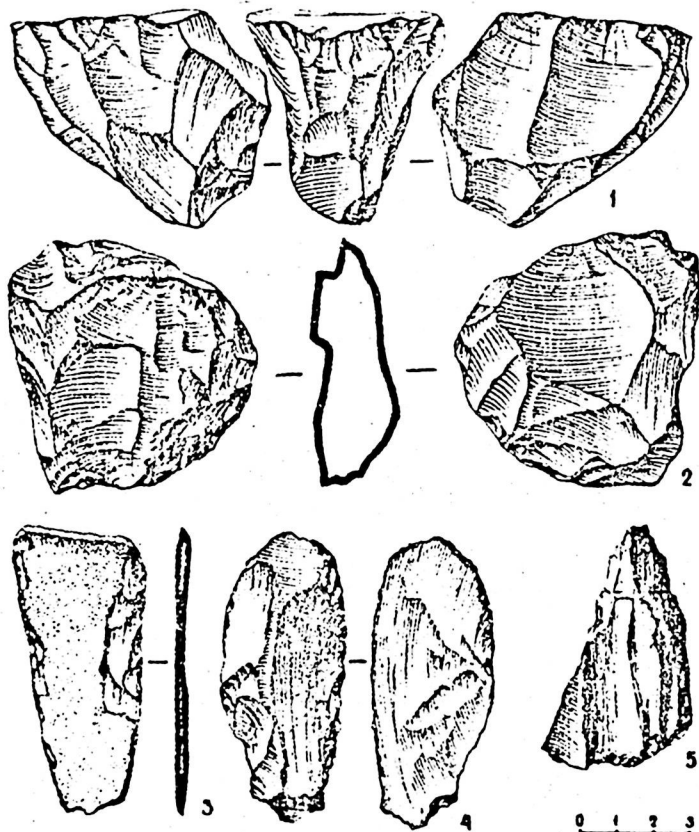


Рис.2. Каменные изделия. Навес в известняковой гряде, разделяющей Иркалдыдильгу и Кутатырсай.

Среди находок (общее количество - 21 экз.) три нуклеуса. Наиболее выражен типологически одностороннедисконный нуклеус (рис.2.2). Размеры 7,1x7,1 см. Максимальное сечение в средней части 2,8 см. На рабочей поверхности имеется фасетка снятого отщепы 4,8 см, ширина 4,4 см. Среди орудий отметим скребла высокой формы, напоминающие по своим морфологическим признакам аналогичные находки с местонахождений Аличурской долины (Кулак-Кесты, Аличурский мост).⁷ Лезвие орудия оформлялось в два приема: вна-

7. Р а я о в В.А. Итоги разведок каменного века на Восточном Памире (1956-1958 гг.). - Материалы и исследования по археологии СССР, № 124. Л., 1964, с.24.

чале крупными сколами заготовке придали необходимую форму, а затем почти по всему периметру была нанесена мелкая систематическая ретушь. Высота рабочего края 2,1 см, ширина орудия 5,4 см, длина по оси 6,5 см.

Продольное боковое скребло. Дистальные концы заготовки подработаны. Лезвие орудия оформлено крупной, с выемками ретушью. Длина 9,5 см, ширина 4,7 см, высота рабочего края в средней части 0,9 см (рис.2.4).

Следующие предметы были найдены в траншее. Первый культурный горизонт был вскрыт двумя условными уровнями по 10 см. Как уже отмечалось выше, он был разрушен искусственными углублениями, вследствие чего дать картину горизонтального положения находок не представляется возможным. Среди находок отсутствуют нуклеусы — изделия столь важные для технической характеристики индустрии.

Заготовки представлены отщепами невыразительных форм с гладкими ударными площадками. Выделяется пластинчатый отщеп из кремневой породы с параллельными негативами предыдущих снятий (рис.3.1). Линия удара совпадает с осью симметрии изделия. Размеры отщепа: длина 4,8 см, ширина 2,4 см, максимальное сечение 0,5 см. Ударная площадка двугранная.



Рис.3. Каменные изделия. Навес в известняковой гряде, разделяющей Иркалдыджиугу и Кутатырсай.

Скребловидные орудия представлены пятью экземплярами. Скребок (рис.4.5) с высоким рабочим краем — 0,8 см. Параллельная притупляющая ретушь окаймляет заготовку почти по всему периметру, за исключением сектора ударной площадки. Длина скребка 2,6 см, ширина 2,3 см. Боковое скребловидное орудие на отщепе (рис.4.6). Лезвие сформировано серией небрежных сколов. Длина рабочего края 6,9 см, высота 0,7 см.

Среди находок встречены обломки изделий из сланцевых плиток — 2 экз. (рис.2,3; 3,2). Противоположные грани заготовок подвергнуты двусторонней обработке. Фасетки ступенчатой ретуши лишь на 0,2–0,3 см заходят на плоскости предметов. Найдено изделие из кости подтреугольной формы (рис.2.5). На обожженной стороне имеется искусственный срез. Противоположная плоскость заполирована. Острый край предмета подработан вертикальными сколами.

При раскопках обнаружено четыре стрелки и три заготовки для них. Привлекают внимание впервые зафиксированные на Памире стрелки в виде удлиненного ромба (2 экз.). Наиболее крупный экземпляр по длинной диагонали вытянут на 3,1 см (рис.3.8), по короткой — на 1,6 см. Вся поверхность орудия покрыта мелкими фасетками ретуши. Особенно тщательно выработано жало стрелки. Противоположный ей угол слегка притуплен. У второй стрелки (рис.3.3) обработаны лишь грани ромбовидной заготовки. Остальная часть противоположных плоскостей заполирована. Размеры: по длинной диагонали 1,8 см, по короткой 1,0 см.

Стрелка миндалевидной формы с тщательно выделенным черешком (рис.3.4). Полностью фасетирована лишь одна плоскость изделия. На противоположной стороне обработаны только грани. Размеры: по длинной оси 1,4 см, по короткой 0,9 см.

Находки 2-го горизонта представлены тремя невыразительными небольшими отщепами из кремневых пород и сланцевой плиткой со сколами по всему периметру.

В т о р а я п е щ е р а, обследованная отрядом, находится в верховьях сая Кок Джар Джанги Диван, на абсолютной высоте около 4500 м над ур. м. Карстовая полость уходит с С-З стороны, отдельно стоящей скалы, на глубину 5 м. Ширина при входе 12,4 м, максимальная высота 3,45 м. Перед пещерой имеется довольно ровная площадка с небольшим уклоном в сторону небольшого водного потока. На расстоянии 170 см от входа был заложен шурф длиной 2 м и шириной 1 м. Выделено два слоя. Верхний — мощностью до 10 см, состоит из рыхлого пылеватого суглинка с небольшим включением щебня. Нижний, пройденный на 150 см, состоит из мелкого, слабо окатанного щебня с песком.

По всей толще верхнего слоя встречается обработанный камень и фаунистические остатки. Однородность отложений и их рыхлость, видимо, из-за неоднократной ветровой переработки на месте, не позволил выделить отдельные очажные пятна. Встреченные угольки находятся как бы во взвешенном состоянии.

Описание находок.

Следует отметить отсутствие "пустынного загара" на находках, собранных с площадки. Возможно, это объясняется относительно недавним появлением обработанного камня на поверхности, в результате разрушения верхнего слоя. Но скорее всего отсутствие патинизации связано с положением пещерного комплекса. Большую часть времени площадка находится в тени, почти не прогреваясь. Все изделия из шурфа покрыты известняковой корочкой, хотя она иногда встречается и на предметах, собранных с поверхности. Породы, применяемые для изготовления орудий делятся на две группы: кремневые и некремневые. (Без петрографического анализа мы не можем дать их точное определение). С полным основанием можно говорить о закономерности в применении различных технических приемов как первичной, так и вторичной обработки, соответственно материалу. При работе с кремневыми породами применялась микролитическая техника, с некремневыми — палеолитическая. Причем

первый исходный материал использовался предельно рационально. Найденные микронуклеусы сработаны до степени невозможности выделения их основных морфологических показателей. Снятие заготовок на последней стадии велось бессистемно, в различных направлениях, без подготовки площадок. Среди ядрищ "палеолитического" облика выделяется нуклеус с параллельной системой скальвания, чем-то напоминающий верхнепалеолитический скребок высокой формы (рис. 2.1). Отбивной площадкой послужила одна из плоскостей неокатанного обломка, покрытая коркой. По краю площадка подработана мелкими сколами. Высота нуклеуса 5,8 см, ширина 0,5 см, толщина 5,5 см. Длина наибольшего скола 4,7 см. Другие найденные нуклеусы менее выработаны. Это, скорее, обломки с несколькими крупными негативами сколов.

Среди микролитических заготовок почти нет пластинок. Большею частью это микроотщепы. Можно предположить необходимость предельного использования пластинок в работе, что вело к их поломке. Нельзя не учитывать отсутствие высококачественного исходного сырья, крупных кусков кремневых пород. В целом же надо учитывать оба фактора. Заготовки, снятые с "палеолитических" нуклеусов, представлены крупными, правильных форм пластинками и отщепами. Отдельные экземпляры по всем признакам можно отнести к лучшим образцам леваллуазских заготовок.

Пластинчатый отщеп листовидной формы (рис. 4.1). Двухгранная ударная площадка слегка фасетирована. Спинка покрыта параллельными сколами. Линия удара совпадает с осью отщепа. Максимальная длина 8,5 см, ширина 7,2 см, сечение в районе ударной площадки 2,4 см. Многие отщепы имеют вторичную подправку. Крупная бессистемная ретушь наносилась как со стороны брюшка, так и со стороны спинки. Встречаются отщепы с фасетированными выемками. Значительный процент мелких отщепов говорит о тщательной подправке нуклеусов перед снятием нужных заготовок.

Определенная закономерность наблюдается в наборах орудий, изготовленных из различных пород. Для изготовления

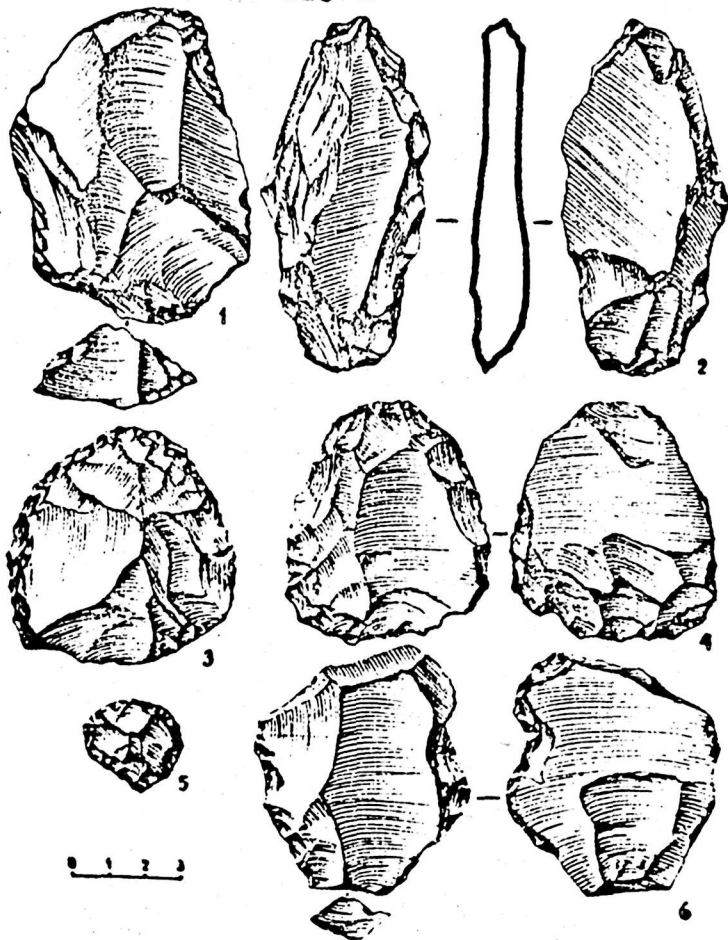


Рис.4. Каменные изделия. Пещера в верховьях сая Кокджар Джанги Диван и предыдущий пункт.

скребков и скребел применялись заготовки неокремненных пород.

Скребло высокой формы "аличурского" типа (рис.4.3). Высота рабочего края 2,1 см, ширина орудия 6,2 см, длина по оси 6,6 см.

В коллекции присутствуют скребла, характерные для памятников маркансуйской культуры. Для изготовления одного из них использована заготовка горного хрусталя.

При прохождении шурфа была найдена стрелка удлиненной миндалевидной формы (рис.3.7). Одна из сторон полностью фасетирована. Грани выработаны ступенчатой ретушью. Длина орудия 2,8 см.

Процент орудий на заготовках из кремневых пород незначителен. Проколка-провертка (рис.3.5) подтреугольной формы. По всему периметру орудие подвергнуто вторичной обработке. Высокая притупляющая ретушь нанесена на рабочие грани противоположных плоскостей.

Долотовидные, плохо выраженные орудия представлены двумя экземплярами. На поверхности площадки перед пещерой найден обломок орудия из кремневой породы с притупляющей ретушью.

Л.Т.Пьянкова

О РАСКОПКАХ НА ПОСЕЛЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА
ТЕГУЗАК В 1980 г.

В отчетном сезоне Вахшским археологическим отрядом ЮТАЭ^I на поселении Тегузак разбиты два соседних раскопа I9A и I9Б общей площадью свыше 60 м² (рис.1). Раскоп I9A смыкается на востоке с шурфом I9 (1979 г.).

Главной задачей сезона было уточнение стратиграфии памятника. Стратиграфические разрезы стенок раскопов представлены на рис.2 и 3.

В силу склонового характера рельефа местности, где расположено поселение, его культурные остатки подвержены частичному переотложению и смыву вниз по склону (с запада на восток). В стратиграфии поселения, непосредственно под дерном, четко прослеживается слой оплыва толщиной около 0,6 м. Это серый комковатый лесс, содержащий значительное количество фрагментов керамики. Вся она относится к бронзовому веку. Керамики средневекового поселения, расположенного выше по склону, в слое оплыва нет.

Под оплывом лежит непо потревоженный культурный слой поселения. Это светло-серый, очень рыхлый лесс. Толщина слоя 0,5-0,7 м. Он содержит фрагменты керамики, камни.

В том и другом раскопе обнаружены строительные остатки. Они имеют вид каменных загоронок П-образной формы, ориентированных углами по странам света, открытых на запад и имеющих вход (?) в северо-восточном углу (рис.1).

I. Начальник отряда - Л.Т.Пьянкова. В работе отряда принимали участие С.Р.Баратов - лаборант, М.Д.Гендлина - художник, П.Окунев - шофер, рабочие.

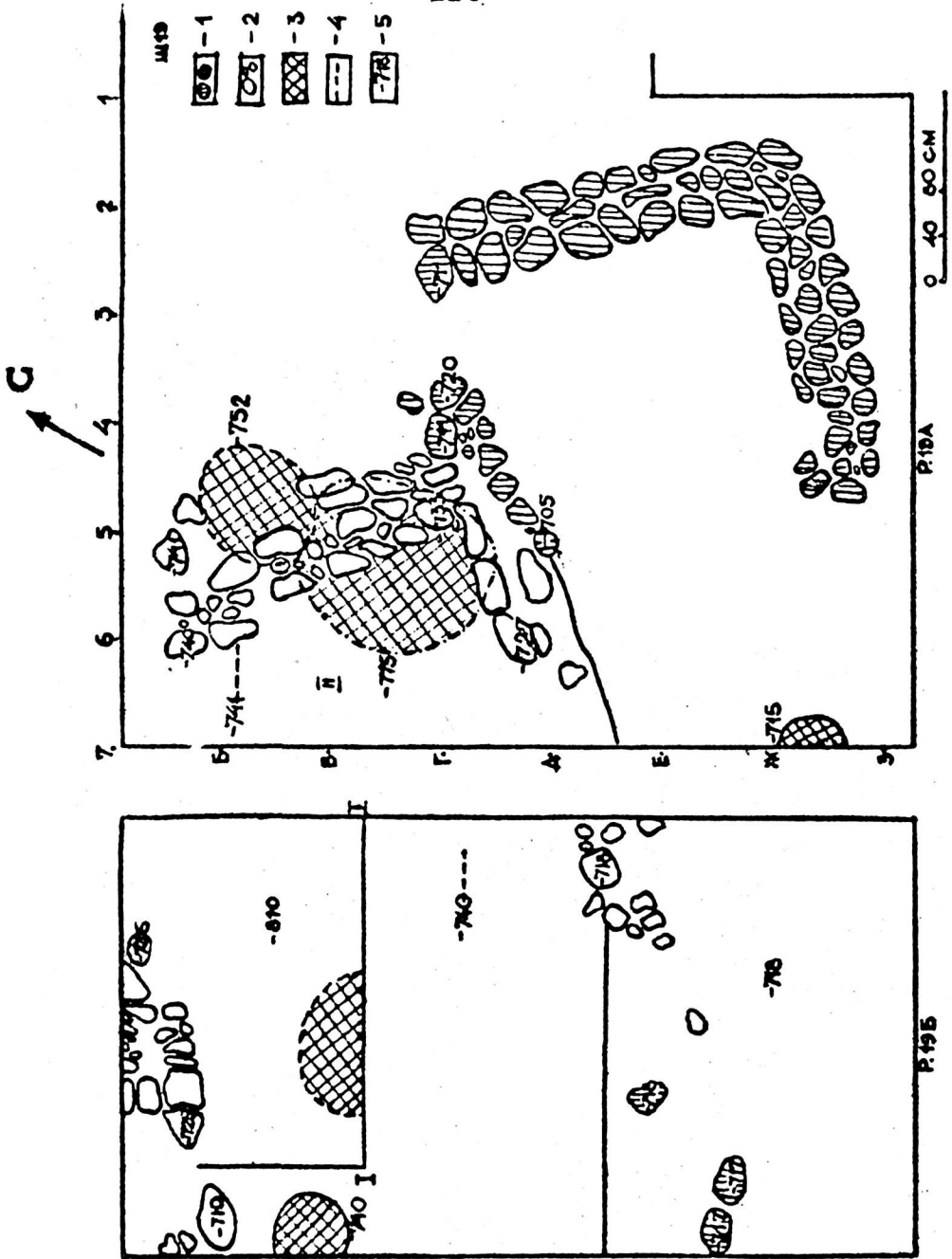


Рис. I. Тегузак (раскопки 1980 г.). План раскопов 19А и 19Б. Условные обозначения: 1 - строительные остатки верхней террасы, 2 - строительные остатки нижней террасы, 3 - заполнение ям (темный рыхлый лёсс), 4 - пол, 5 - стратиграфические отметки.

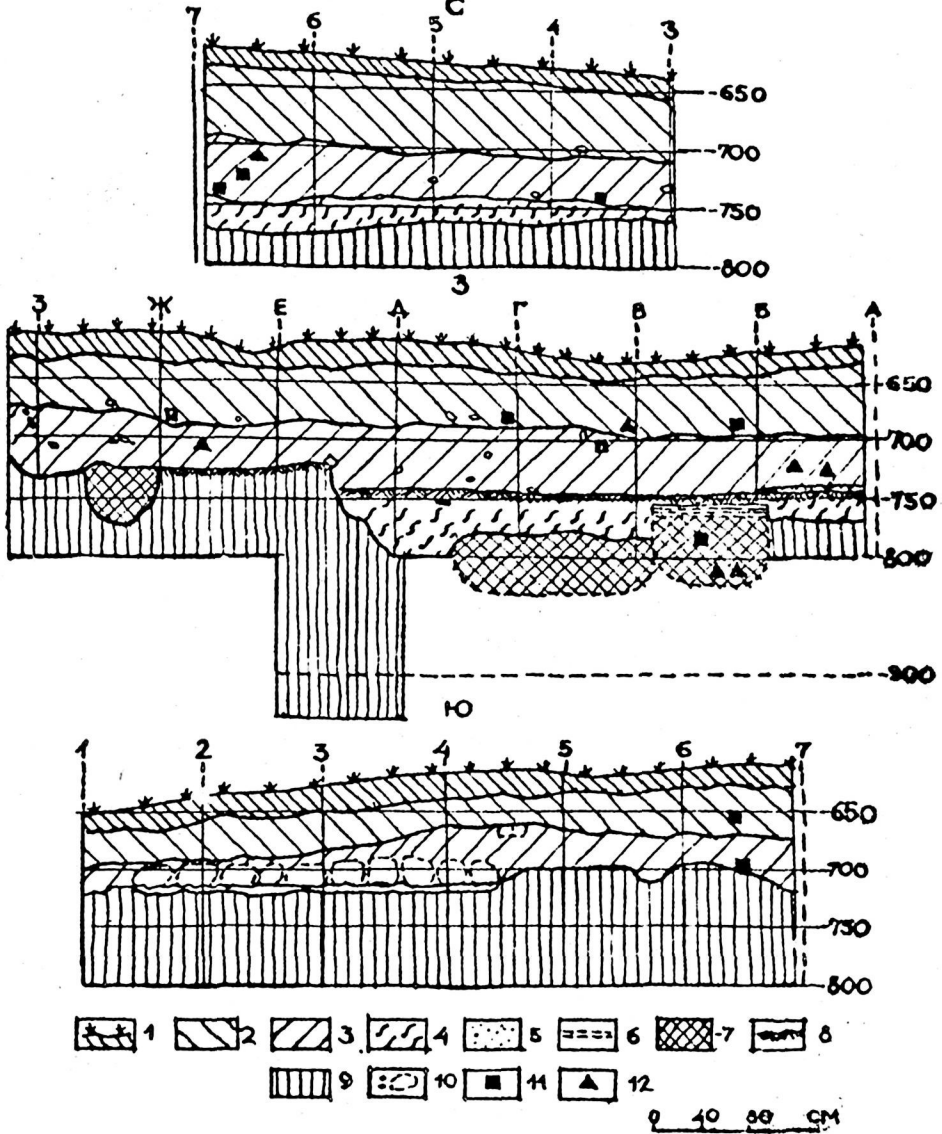


Рис. 2. Тегузак. Разрезы стенок раскопа I9A. Условные обозначения: I - дерново-пахотный слой, 2 - оплыв (серый комковатый лёсс), 3 - лёсс культурного слоя (рыхлый светлый лёсс), 4 - лёсс с журавчиками (слой искусственно насыпанного грунта), 5 - зольник, 6 - натеки, 7 - рыхлый темный грунт, 8 - псл, 9 - материк (плотный светлый лёсс), 10 - камни, 11 - фрагменты гончарной керамики типа Молала, 12 - фрагменты керамики степного типа.

Стены загоронок аналогичны фундаментам, имеют высоту в один камень и ширину в два-три ряда камней. Размеры южной загородки (ЖІ) 3,6х3,4 м², северной (ЖІІ) - 4,2 х 3,6 (?) м². Внутри той и другой загородки хорошо зачищается пол - плотная утрамбованная заизвесткованная поверхность. Однако как стены, так и полы загоронок І и ІІ расположены на разных уровнях. Например, отметка пола южной загородки от репера - 718 см, северной - 740-741 см. В первом случае пол лежит непосредственно на материковом слое (плотном однородном светлом лёссе), во втором - на искусственно насыпанном грунте (лёсс с журавчиками). Толщина слоя подсыпки различна - от 0,2 до 0,7 м, ввиду неровной поверхности материка, в значительной степени изрытого ямами. Две такие ямы, например, расчищены под стенами загородки ІІ (рис.І). Подсыпка грунта была произведена с целью выравнивания жилой площадки. В слое насыпного грунта найдено несколько кремневых пластин позднегиссарского облика. Обе загородки могли существовать одновременно: они сооружены террасовидно по отношению друг к другу, чем и объясняется разница в уровне кладок и соответственно полов.

Рис.3. Тегузак. Разрезы стенок раскопа І9Б. Условные обозначения: І - дерново-пахотный слой, 2 - ослыв (серый комковатый лёсс), 3 - лёсс культурного слоя (рыхлый светлый лёсс), 4 - лёсс с журавчиками и гравием (слой искусственно насыпанного грунта), 5 - натеки, 6 - рыхлый темный лёсс, 7 - обгоревшая земля, зола, мелкие угольки, 8 - материк (плотный светлый лёсс), 9 - пол, І0 - обожженная глина, ІІ - куски обгоревшей земли, І2 - камни, І3 - фрагменты гончарной керамики типа Молали, І4 - фрагменты керамики степного типа, І5 - фрагменты лепных красноглиняных сосудов.

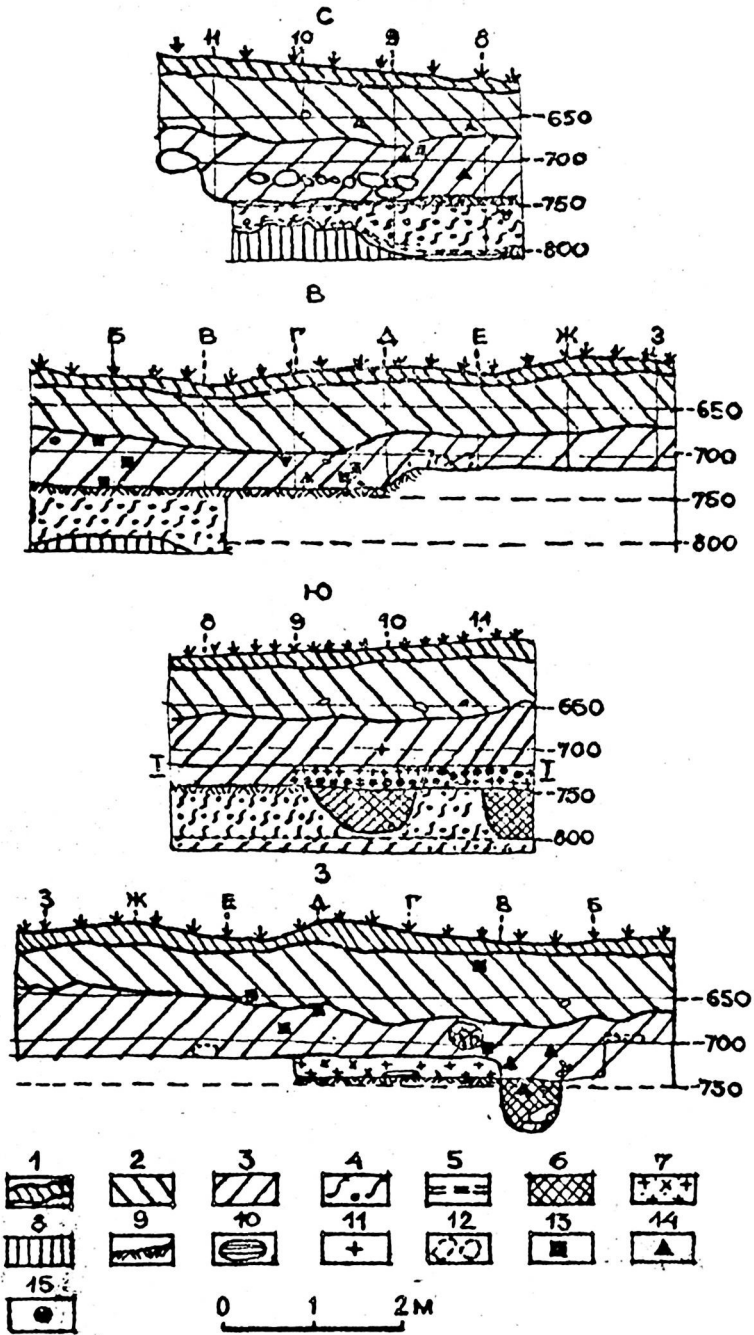


Рис.3.

Аналогичны и находки, сделанные в том и другом сооружении. Среди керамики на полу в обеих загородках преобладает гончарная посуда молалинского облика: фрагменты ваз и мисок с профилированным или загнутым внутрь венчиком, а также кувшинов и горшков различной величины. Встречаются обломки толстостенных гончарных сосудов типа хумов или хумча с двусторонним белым ангобным покрытием. Стенки многих сосудов (кувшинов, горшков) украшены прочерченным гребнем орнаментом в виде пояса из concentрических неглубоких желобков. На полу загородки I найдены целая гончарная миска и нижняя часть вазы на короткой ножке. У западного конца южной стены обнаружены фрагменты глиняного очажка с раздавленным кухонным горшком. Здесь же, несколько выше, найдено глиняное пряслице биконической формы с кружковым орнаментом. На полу загородки II, в 75 см от восточной стены, лежала плоская каменная плита (30x40 см), вероятно, служившая наковальней, о чем говорит характер ее поверхности. Возле нее собраны фрагменты двух гончарных горшков, один из которых является миниатюрным тонкостенным. Возле южной стены найдена ножка вазы, в юго-западной части — крупная зернотерка длиной около 70 см. У северной стены вкопан в пол камень с углублением в центре — ступка диаметром 26,5 см.

Лепная красноглиняная керамика представлена фрагментами котлов, кувшинов и сосудов типа больших мисок. О последней категории посуды следует сказать особо. В текущем сезоне в раскопе I9Б найдены во фрагментах целый экземпляр такого сосуда. Диаметр его по верху 39,6 см, высота 23 см. В дне имеется сквозное отверстие диаметром 7,8 см. Сосуд является цедилкой. Очевидно, такие сосуды имели распространение у обитателей Тегузак: венчики аналогичной формы преобладают в лепной красноглиняной керамике памятника, несколько раз были найдены и фрагменты дна с отверстием. Цедилки близкой формы, но выполненные на гончарном круге, известны в эпоху поздней бронзы в Южной Туркмении. Л.И.Хлопина считает, что скорее всего они использовались при пере-

работке молочных продуктов.² В этнографических фондах Института истории им. А. Дониша есть сосуд иной, вытянутой, формы, но также с отверстием (более крупным) в дне. Его функциональное назначение — для процеживания молока через ткань или солему, которая подкладывалась под отверстие. По сравнению с шурфом № 19 1979 г. во вскрытых в текущем сезоне постройках и в целом в раскопах 19А и 19Б значительно меньшим числом представлены фрагменты посуды степного типа, однако они все же присутствуют, в том числе и на полу (фрагменты горшков, несколько экземпляров стенок с орнаментом).

Под полом загородки П, в ее западной части, прослежена яма диаметром 1,3 м, глубиной 0,55 м. Она вырыта в лессе с журавчиками, однако функционировала раньше самого сооружения, так как сверху перекрыта полом.

Еще по одной яме обнаружено к западу от той и другой загородки, напротив открытых сторон последних. Они спущены с поверхности пола. Можно отметить даже некоторую симметричность в расположении ям относительно сооружений. Ямы имеют одинаковый диаметр — 63–64 см (глубина 46 и 60 см). На краю ямы возле ограды П, на полу, найдена нижняя часть вазы на высокой ножке. Наружная поверхность ее покрыта белым ангобом. На дне ямы лежали два крупных камня, несколько галек круглой формы, в заполнении встречен фрагмент стенки сосуда степного типа. В другой яме находок не было.

Большая часть поверхности жилой площади в раскопе 19Б обожжена — преимущественно за пределами загородки П. Толщина прокаленного грунта над полом достигает 20 см. Здесь обнаружено мощное скопление фрагментов керамики — лепных и кухонных сосудов, напоминающее керамическую свалку. Среди них найдены и фрагменты необожженного сосуда.

Среди уникальных находок сезона необходимо отметить две литейные формы из красного песчаника для ножей и шильев, а

2. Х л о п и н а Л.И. Новый тип посуды эпохи бронзы (южная Туркмения). — СА, 1971, № 4, с.212–213.

также верхнюю часть пестика фаллической формы из сиренева-то-серого песчаника. Они найдены к западу от загородки I, на полу (отметка от репера - 717 см.). В юго-восточном углу раскопа 19Б на этой же глубине найдены лежавший на боку раздавленный гончарный горшок с белым ангобным покрытием и плоская плитка из красного песчаника длиной 82 см.

Раскопки строительных остатков на поселении Тегузак подтвердили первоначальную датировку памятника. Хорошим датировочным материалом является гончарная керамика. Ближайшие аналогии для нее имеются в комплексах поздних периодов культуры Сапалли.³ Аналогичная керамика найдена и в могильниках с материальным обликом оседлоземледельческого типа из Южного Таджикистана.⁴ Сопадает набор основных форм посуды: вазы, миски, горшки, кувшины. Однако имеются и некоторые различия. Большинство фрагментов ваз, найденных в Тегузаке, имеет короткую ножку. Вазы с такими ножками известны во всех периодах культуры Сапалли,⁵ но наиболее широко распространены на молалинском этапе.⁶ Большинство ваз культуры Сапалли этого времени имеют полуножку.⁷ В Тегузаке все найденные ножки ваз сплошные, имеют лишь вогнутое основание. Таковы же ана-

3. А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент, 1977, рис.32, Молали; А б д у л л а е в Б. Могильник Джаркутан. - ИМКУ, вып.15. Ташкент, 1979, рис.2, 2,4,6; 3; Б е л я е в а Т.В., Х а к и м о в З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде. - В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, рис.8,9.

4. А н т о н о в а Е.В., В и н о г р а д о в а Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. - АРТ, вып.ХІV. Душанбе, 1979, рис.5; П ъ я н к о в а Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда. - АРТ, вып.ХІV. Душанбе, 1979, рис.2.

5. А с к а р о в А. Ук. соч., рис.32, I.

6. А б д у л л а е в А. Ук. соч., с.31.

7. А с к а р о в А. Ук. соч., табл.ІХ, 2,4,5; ІХІ, 18; А б д у л л а е в Б. Ук. соч., рис.3, 9, 13, 14.

логичные сосуды и в Нурекских могильниках. Вазы на оплошной ножке — особенность керамического производства Нурекско-Шаршарского района в эпоху финальной бронзы.

Преобладание гончарной посуды, а среди лепной — красноглиняной внутри раскопанных на Тегузаке построек позволяет говорить о принадлежности последних племени оседлоземледельческого круга. Характер взаимоотношений этих племен с носителями культуры степного типа на памятнике — задача будущих исследований.

Каменные кладки, аналогичные тегузакиским, в настоящее время известны, помимо территориально и в культурном отношении близкого поселения Кангурт Тут, также и на поселении сапаллинской культуры Джаркутанского периода поздней бронзы. А.Аскарров считает такую кладку фундаментом стены.⁸

Получены новые данные и о хозяйстве обитателей Тегузакка. Находки зернотерок свидетельствуют о занятии земледелием, однако не исключена значительная роль скотоводства, а возможно, и его главенствующее положение в экономике, о чем говорят находки цедилок, вероятно, применявшихся в молочном хозяйстве, а также и экологические условия района. Находки форм для отливки металлических изделий и фрагментов необожженного сосуда свидетельствуют о развитии литейного производства.

8. А с к а р о в А.А. Раскопки поселения Джаркутан. — АО 1979 г. М., 1980, с.445.

Н.М.Виноградова

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАНГУРТТУТ
НА МТБ ТАДЖИКИСТАНА В 1980 г.

За последнее десятилетие в Южном Таджикистане исследовано несколько бесспорно земледельческих памятников поздней бронзы. Открытие земледельческих поселений и могильников позволяет предполагать существование здесь уже с эпохи поздней бронзы нескольких земледельческих оазисов: первый - в Гиссарской долине,¹ второй - в верховьях Вахшской долины и Дангаринском плато в среднем течении р.Таирсу.² Намечается третий оазис в Кулябской области р.Кызылоу.³

Земледельческое поселение Кангурт Тут Дангаринского района,⁴ исследовавшееся отрядом по изучению памятников эпохи бронзы МТАЭ в 1980 г., территориально относится ко второму земледельческому оазису, кроме того, здесь известно несколько могильников поздней бронзы и одно поселение этого же времени - Тегузак.⁵

1. Антонова Е.А., Виноградова Н.М. 0 летних и осенних разведках в Регарском районе. - АРТ, вып.ХІУ (1974). Душанбе, 1979, с.93.
2. Пьянкова Л.Т. 0 работе Нурекского отряда. - АО 1979. М., 1980, с.477; она же. Отчет о работе Нурекского отряда. - АРТ, вып.ХІУ (1974). Душанбе, 1979, с.78.
3. Виноградова Н.М. Отчет отряда по изучению памятников эпохи бронзы МТАЭ в 1979 г. - АРТ, вып.ХІХ (1979). Душанбе, 1986.
4. Экспедиционные работы проводились с 13 августа по 25 сентября 1980 г. в следующем составе: Н.М.Виноградова - начальник отряда, Л.Т.Пьянкова и Е.П.Денисов - мл.научн. сотрудники, П.Т.Самойлик - лаборант.
5. См. статью Л.Т.Пьянковой в настоящем сборнике.

Поселение Кангурт Тут располагается на высоком мысу, образованном двумя саями с ручьями Кангурт Тут и Дугобоз, оба сая сливаются в более мощный Курусай, впадающий в Таирсу. Следы поселения выявлены в северной и восточной части мыса (рис.1), на площади 500 x 100 м. В древности мыс, по всей видимости, обводнялся арками, отведенными от ручья Кангурт Тут, текущего из узкого ущелья.⁶

На поселении за два сезона археологических работ (1978 и 1980 гг.) заложено 5 раскопов и 15 траншей (рис.1). Культурные слои (мощность от 50 см до 2 м) памятника залегают в лессовых породах с карбонатными стяжениями. Культурный слой обычно также представляет собой лёссовую породу, но более темную по цвету, при этом следует отметить тот факт, что лёссовые почвы в помещениях имеют повышенное уплотнение — цементированность. Это связывается, по определению С.А.Несмеянова, с так называемым "утаптыванием" обживаемой территории. При этом нарушается естественная слоистость лёсса и увеличивается его уплотненность.⁷

В 1980 г. основные работы развернулись в северной части мыса на раскопе II, кроме того, заложено два новых раскопа IV и V (рис.1).

Раскоп II. К раскопу в северо-западной части была сделана прирезка 10x10 м. Открыта часть большого строительного комплекса, назначение которого пока трудно определить. Поскольку сооружение было построено на склоне, где перепад высот составляет 1 м на 10 м длины, то древним мастерам пришлось применить террасирование, и, таким образом, самая мощная юго-западная стена (рис.2) дома стала одновременно и подпорной стеной террасы. Примеры "террасных" домов имеют

6. Ложе ныне действующего современного арка прослеживается на расстоянии 800 м (рис.1).

7. Н е с м е я н о в С.А. Палеогеография палеолитических стоянок в горных областях Средней Азии. — В кн.: Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с.220.

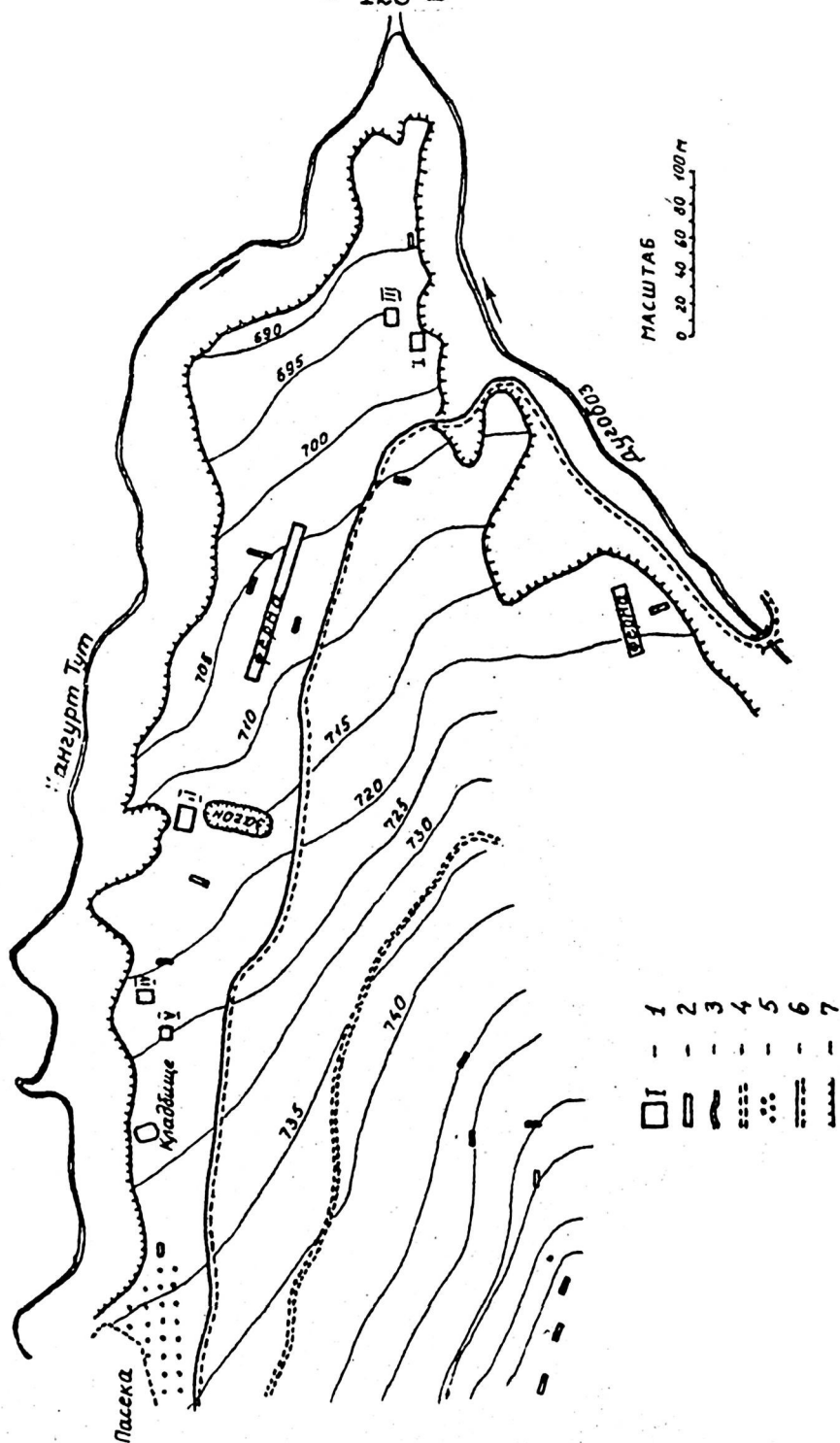


Рис. I. План поселения Кангурт Тут. Условные обозначения: I - раскопы; 2 - шурфы; 3 - ручьи; 4 - арык; 5 - сад; 6 - современная дорога; 7 - обрыв.

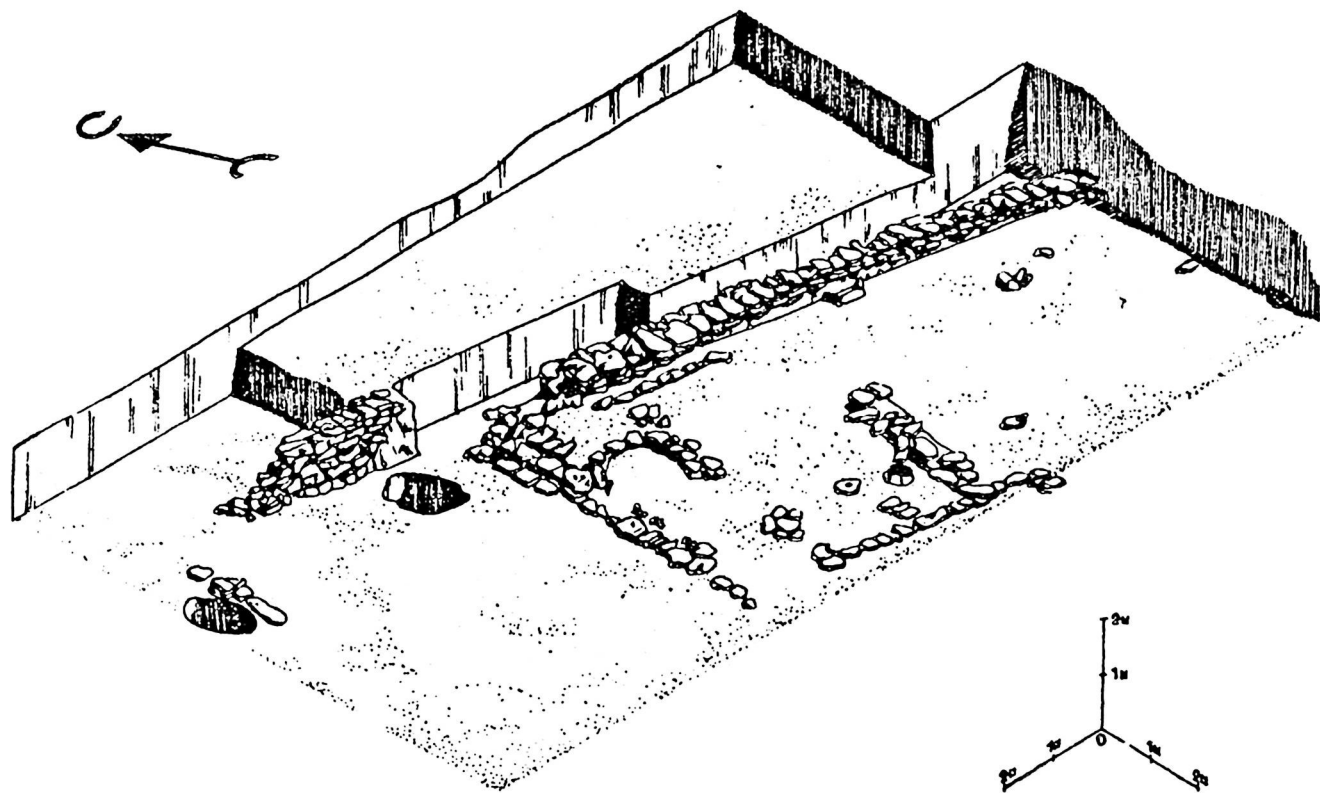


Рис.2. Аксонометрия раскопа П.

место в горных местностях Таджикистана.⁸ "На склоне создавалась выемка с ровными стенками и основанием, соответствующим размерам будущего помещения. Задняя и боковые стены помещения незначительно выступали над уровнем прилегающей к помещению земли, иногда же задняя стена не выступала вообще, что способствовало термоизоляции строения".⁹

Открытая часть сооружения с двором и хозяйственными ямами (последние раскопаны в 1978 г.) ориентирована по линии СЗ-ЮВ, размеры 12х7 м. Наиболее мощная юго-западная стена дома, служившая одновременно подпорной стеной террасы, имеет в ширину около 80 см, в длину расчищена на 9 м. Стена сложена в два горизонтальных ряда из необработанных плоских камней, плотно пригнанных и посаженных на глиняный раствор (рис.3). Высота стены около 50 см, сложена в два и редко в три вертикальных ряда камней (рис.4). Около стены в юго-западной части здания открыта суфа, выложенная из плоских камней и обмазанная сверху глиной (размеры 2 м х х 0,5 м). Фундамент северо-восточной стены здания сложен из камней в один ряд, длина 7 м. Сооружение оконтуривается каменным фундаментом северо-западной стены, сложенным также в один ряд, длина стены около 4 м. Между северо-западной и северо-восточной стеной имеется проход шириной в 1 м. Другой проход, ведущий в сооружение, расчищен со стороны двора (рис.2). Вход оформлен порогом, двумя ступенями (1,4 х х 0,3х0,2 м) и каменным подпятником для двери. В трех открытых углах сооружения (третий угол существует предположительно) расчищены каменные "базы" для деревянных подпорных столбов. "Базы" сложены из нескольких плоских камней, плотно пригнанных вокруг центрального камня (рис.2). Позднее сооружение было разделено параллельно - в северо-восточной стене перегородкой, сохранившейся в длину около 3 м, и застроено

8. Андреев М.С. Таджики долины Хуф, т.П. Душанбе, 1958, с.420 сл.

9. Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973, с.13.

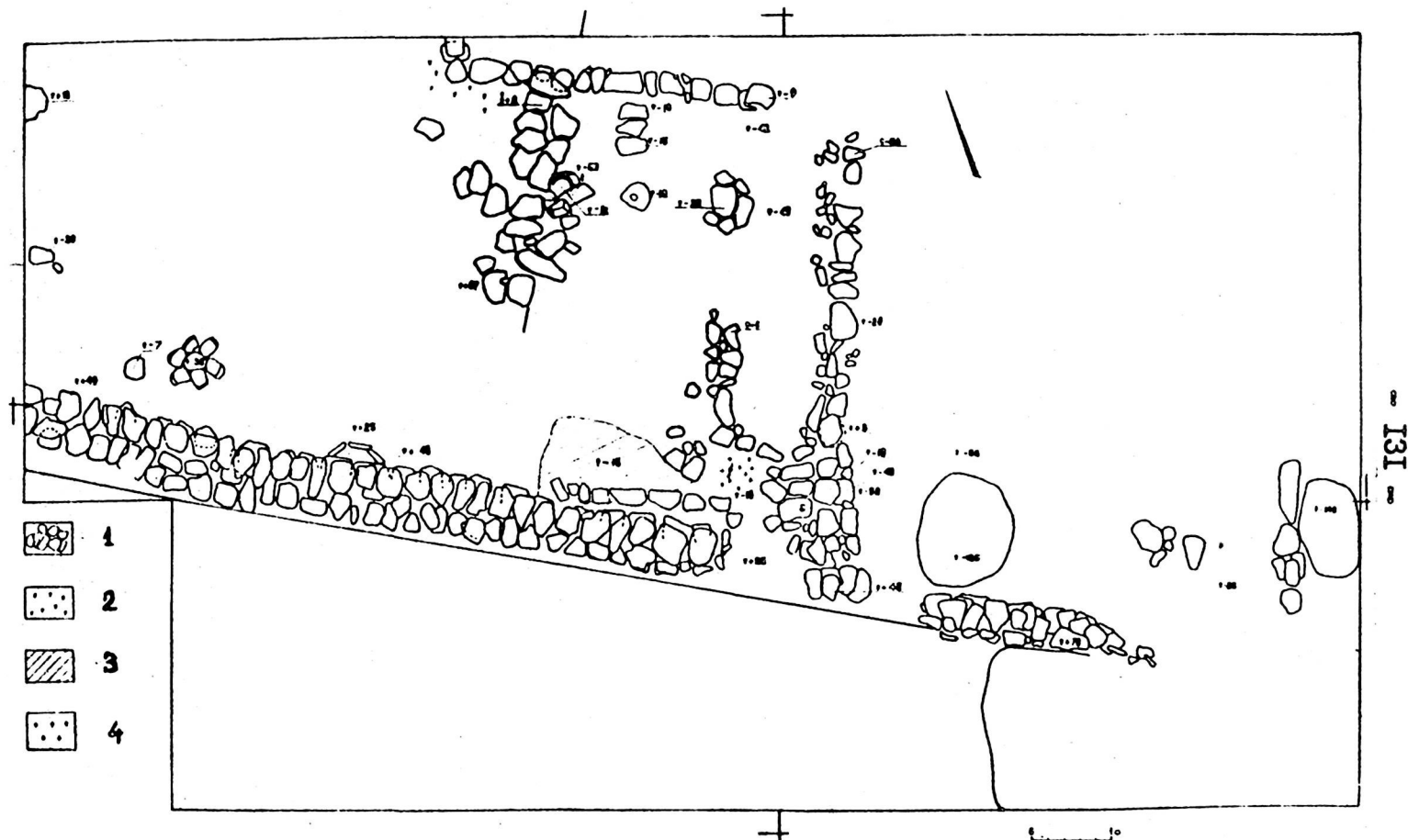


Рис.3. План раскопа II. Условные обозначения: 1 - камни; 2 - скопление керамики; 3 - подмазка пола; 4 - следы обожженной глины.

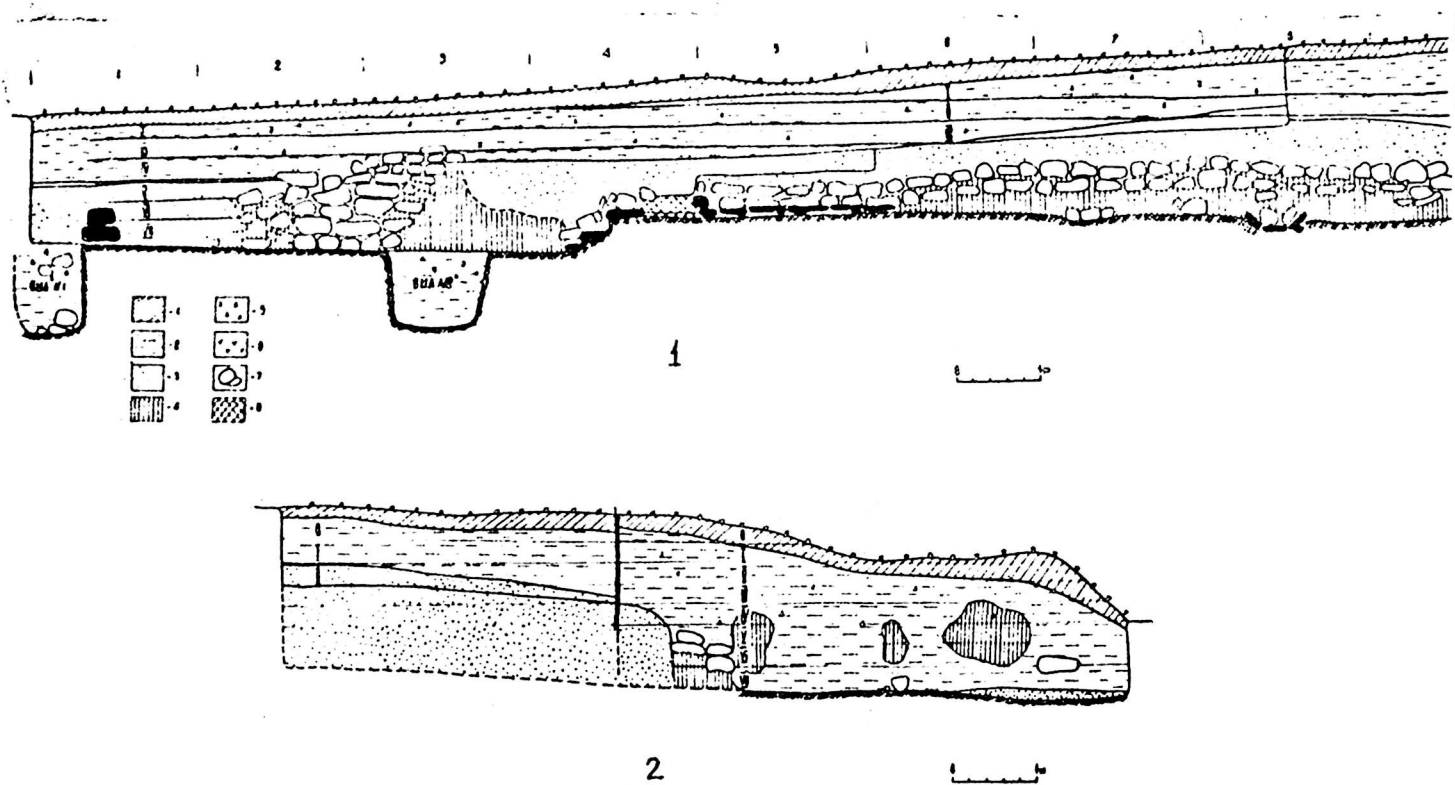


Рис.4. Раскоп П: 1 - профиль юго-западной стенки раскопа; 2 - профиль северо-западной стенки раскопа. Условные обозначения: 1 - гумусный слой; 2 - темно-серый лёсс с культурными остатками; 3 - светло-серый лёсс с карбонатными стяжениями; 4 - пахса; 5 - керамика; 6 - камни.

хозяйственными загородками № I,6 (второй строительный период). Загородки сложены из камней, фрагментов керамики и зернотерок, бывших в употреблении. Высота загородки № I достигает 40 см, размеры I,80 x I,60 м. Около загородки расчищены следы кострища. Полы в помещении лёссовые, сильно "утоптанные", в одном месте, около суфы, подмазаны глиной. На полу встречаются развалы керамики, около каменной перегородки расчищен целиком сохранившийся сосуд, заглубленный в пол.

Из материалов, найденных на раскопе II в 1980 г., кроме обычной столовой и кухонной керамики, изготовленной в традициях эпохи поздней бактрийской земледельческой бронзы обнаружено два небольших фрагмента керамики степной бронзы.

Раскоп IV (8 x 10 м) находится в 100 м к западу от раскопа II. В центральной части раскопа открыты две каменные выкладки. Верхние камни первой выкладки расчищены на глубине 0,2 м от дневной поверхности, ориентировка в направлении СВ-ЮЗ, длиной 2,4 м, шириной 0,9 м, высотой 0,4 м. Камни лежат в два горизонтальных ряда; размеры камней 50x25x20 см; 40x30x15 см и т.д. Камень - необработанный известняк. К востоку от первой каменной выкладки на глубине 0,8 м от дневной поверхности открыта вторая выкладка (I,40x0,6 м). После снятия камней первой выкладки на глубине 0,8 м от современной поверхности расчищен фрагмент черепной коробки человека. К западу от каменной выкладки № I на глубине I м от дневной поверхности открыто детское скорченное погребение, головой на СВ. Из сопровождающего инвентаря найдено глиняное пряслице. Могильной ямы проследить не удалось. В отдельных местах раскопа найдены разбросанные кости человека. Среди материалов, найденных на раскопе IV, интерес представляют два фрагмента кухонных сосудов с носиками и фрагмент хорошо заполированного ножа из темно-зеленоватого камня. Исследования на раскопе IV были прекращены из-за перекопанности слоя в более позднее время и перенесены на раскоп V.

Раскоп V (5 x 7 м) разбит к юго-западу от раскопа IV. На глубине 0,5 м от дневной поверхности открыт развал керамики (I,5 x I м), преобладает столовая посуда. В керамичео-

ком развале найдена разбитая на три части литейная форма (рис.5.1), изготовленная из песчаника красноватого цвета местного происхождения. В стороне от керамического завала на глубине 0,6-0,7 м от дневной поверхности расчищены компактно лежащие кучки камней. При расчистке одного из скоплений камней найдена сильно заизвесткованная головка глиняной лошадки (рис.5.10). Работы на раскопе У не завершены и будут продолжены в следующем сезоне.

Суммируя результаты работ 1980 г. в Кангурттуте можно сказать, что степная керамика в северной части поселения встречается гораздо реже, чем в восточной части поселения. 90% керамики составляет гончарная посуда, изготовленная из хорошо отмученной глины с примесью песка и шамота. Часто внешняя поверхность сосуда покрыта беловато-желтым и очень редко красным ангобом; иногда сохраняется вертикальное или горизонтальное лощение. Выделяются такие формы сосудов, как вазы на ножках, глубокие кратеровидные чаши, кувшины с широкой горловиной и высоким горлом, горшковидные сосуды с подкосом в нижней части сосуда, миски. Лепные кухонные сосуды имеют серый цвет глины с минеральными примесями. Встречаются формы горшковидных сосудов, круглодонные миски и сосуды с широкими носиками. Два фрагмента степной керамики серого цвета, с примесью шамота в тесте; орнамент - гребенчатый штамп. По форме и орнаментальным мотивам эта посуда имеет близкие аналогии на стоянке степной бронзы совхоза им. Кирова, памятниках в низовьях Зеравшана и в меньшей степени на поселениях и могильниках Тазабагыбской культуры.¹⁰

Большой интерес представляет находка литейной формы для отливки кинжалчика и шила. Она представляет собой овальную в плане плоскую плитку из песчаника. Боковые грани, тыльная и лицевая поверхности обработаны очень тщательно.

10. В и н о г р а д о в а Н.М. Отчет отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ в 1979 г. - АРТ, вып. XIX. Душанбе, 1986.

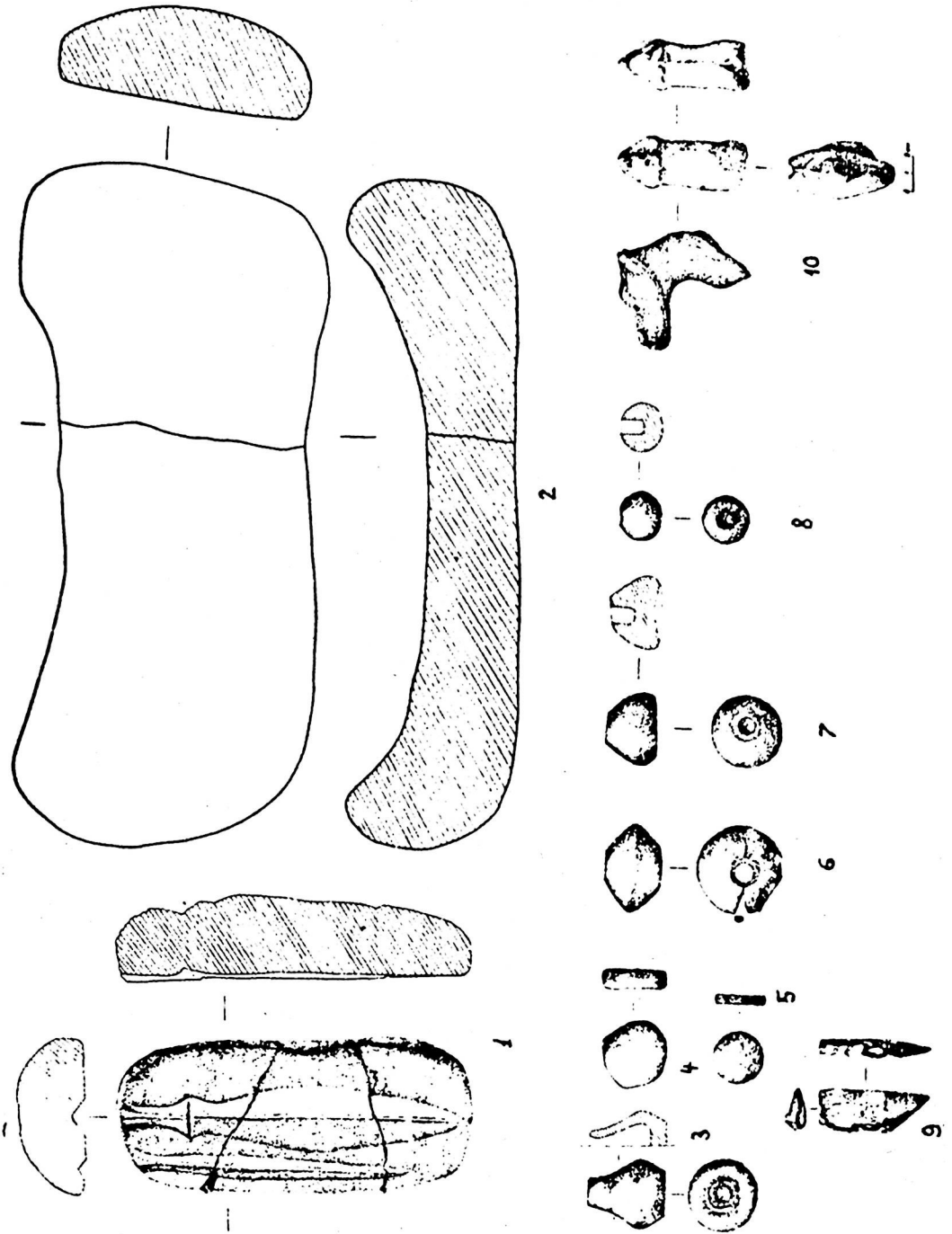


Рис.5. Находки с поселения Кангурт Тут.

но. На лицевой поверхности сохранились следы шлифовки, здесь вырезаны два углубления в виде кинжалчика и шила. Специального канала для вливания металла нет, скорее всего, что его вливали через черешковое углубление кинжалчика. Кинжал двулезвийный с уширением в месте перехода к рукояти. Он вытянутой формы, посреди лезвия идет ребро. В коллекции Ташкентского музея хранится очень похожий кинжалчик из коллекции Назарова.¹¹ Последний отличается фигурным сечением сложнопрофилированного черешка. Аналогичные предметы, в которых исследователи видят то копья, то кинжалы с упором, широко распространены на территории евразийской степи.¹² Они характерны как для андроновской, так и для срубной культуры. Похожая литейная форма с выемками у основания, но без намечающегося перекрестия, была найдена в Восточном Казахстане в Мынчункуре.¹³

Андроновские формы других бронзовых вещей земледельческих памятников поздней бронзы в Южном Таджикистане, повышенное содержание олова, не характерное для бронзы этого времени в Туркмении, Узбекистане и Афганистане, появление степной керамики со штампом на земледельческих памятниках Южного Таджикистана свидетельствуют о тесных контактах последних со степными культурами Казахстана и Сибири. С.С.Черников выделяет в Восточном Казахстане крупный металлургический центр, где известны не только месторождения меди, но и олова.¹⁴ При этом, по мнению С.С.Черникова, добытый касситерит непосредственно смешивали с медной рудой и выплавляли готовую бронзу.¹⁵ Такие уже готовые слитки или сами бронзо-

11. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. - САИ, вып.134-9. М., 1966, табл.УШ, 14.

12. Там же, с.43.

13. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. - МИА № 88, 1960. Л., 1960, табл. LXVI, 1-4.

14. Черников С.С. Ук. соч., с.67.

15. Черников С.С. Ук. соч., с.129.

вые изделия могли поставляться земледельческим племенам Южного Таджикистана.

Другая интересная находка этого года — терракотовая головка лошади, найденная на раскопе У. Фигурка вылеплена от руки. У лошадки сильно вытянутая морда, продолговатые прижатые уши. Рот прорезан палочкой.

В большом количестве на поселении найдены глиняные пряслица и наверхия (рис. 5, 5-8), каменные зернотерки (рис. 5, 2) и терочники.

В 2 км от Кангурт Тута в кишлаке Шулупту во дворе колхозника Якубова Сулаймона случайно при земляных работах обнаружено погребение эпохи бронзы. Скелет лежал в подбое, заложеном камнями; входной ямы проследить не удалось. Погребенный похоронен в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад. У головы перед лицом стояли два сосуда вахшского типа.

Е.П.Денисов

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКОВ НА р. КСИРОВ (САРГАЗОН)
В ДАНГАРИНСКОМ РАЙОНЕ В 1980 г.

В апреле-мае 1980 г. Дангаринский археологический отряд продолжал исследование могильников на р. Ксиров (Саргазон).¹ На могильнике Ксиров-Ш было вскрыто десять оград. Помимо этого было расчищено одно погребение, относящееся, видимо, к эпохе бронзового века в могильнике Ксиров-П, а также раскопан крупный курган диаметром 8 м могильника Бешкапа-П, расположенный в 6 км южнее могильника Ксиров-Ш. В 1977-1979 гг. в могильнике Ксиров-Ш было вскрыто в общей сложности 9 оград в его средней и южной частях. В этом году ограды раскапывались последовательно с севера на юг. Вместе со вскрытыми в предыдущих сезонах общее количество исследованных в могильнике оград составило к концу сезона этого года 19, невскрытыми остались еще 5 оград.

Приведем описание некоторых раскопанных оград.

Ограда 13

Расположена на В от ограды 9, на С от ограды I и на ЮВ от ограды 12. Контур круглой формы диаметром 4,4-4,6 м, шириной в 2-3 камня. Камни, образующие контур ограды, не всегда лежат плашмя, часто они налегают один на другой, иногда стоят на ребре так, что "ложки" плоских галек перпендикулярны поверхности земли. Здесь наблюдается законо-

1. Состав отряда: начальник - Е.Денисов; ст. лаборанты: Л.Золоторевский и Ю.Соловьев; шофер - Г.Кадошников; рабочие: Т.Алиев, О.Гафуров, Р.А.Глухова, В.А.Денисова, С.Куталевский и Ю.Фазылов. В работе отряда принимали также участие Л.Глухова, И.Новикова, Ю.Смирнов, Е.Стабенова, Н.Фененко и С.Шетухина.

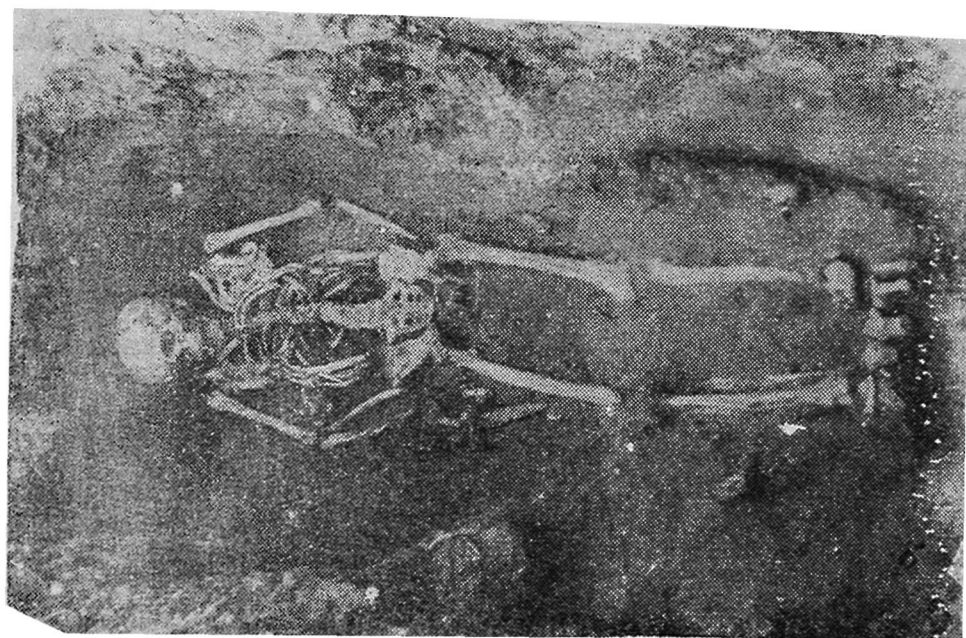
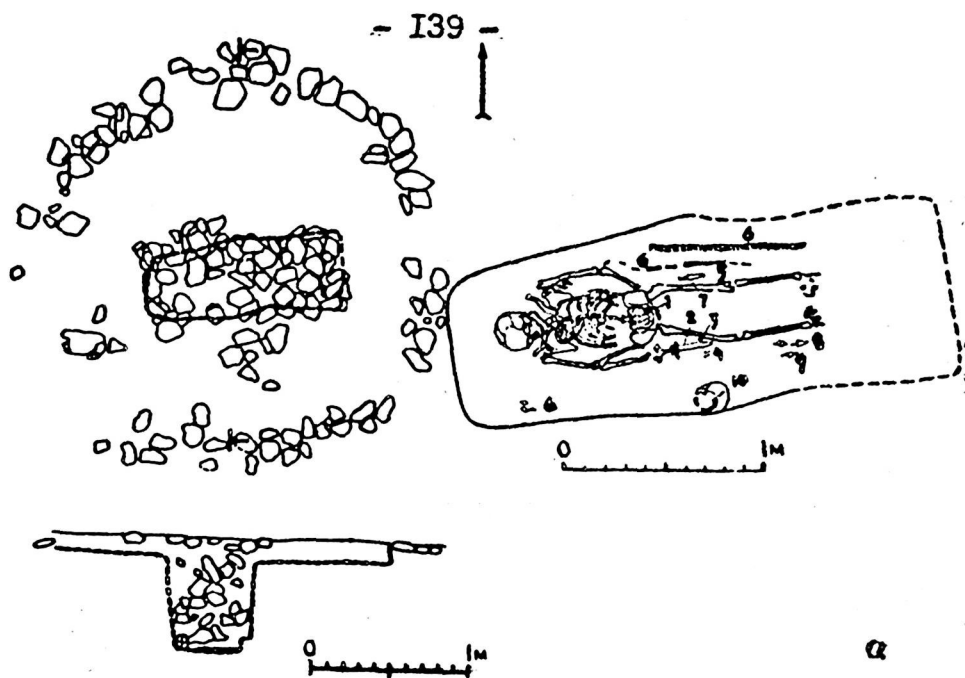


Рис. I. Ограда 18: а - планы и разрез. 1 - бронзовая литая пряжка; 2 - железный кинжал; 3, 4 - бронзовые и железные заклепки; 5, 6 - древесный тлен; 7 - железный ножик; 8, 9 - железные наконечники стрел; 10 - лепной горшок; б - общий вид погребения.

мерность, уже отмеченная ранее для многих других оград могильника — камни внутреннего ряда кольца лежат несколько выше, чем камни его внешнего ряда.

Намогильная выкладка имеет неправильную форму. В северной и южной частях ограды камни выкладки лежат вплотную к камням контура ограды.

Могильная яма имеет глубину 1,5 м. Плотная каменная забивка идет лишь на глубину двух рядов, значительно реже камни встречаются ниже, до глубины 70 см и глубже исчезают.

Хотя запячки ловятся довольно хорошо, погребение не было покрыто древесиной. Южная ступенька имеет ширину 25—30 см, северная — 12 см. Яма трапециевидной формы, длина ее по северной стенке составляет 223 см, по южной — 180 см. Ширина ямы без ступенек 50—65 см, со ступеньками 95 см. Поверхность, на которой лежит костяк, довольно неровная.

Костяк молодого мужчины² лежит на спине, головой на запад, вытянутый. Череп откатился в сторону. Кости руки лежат вдоль туловища. Фаланги пальцев правой руки на кинжале, фаланги пальцев левой руки отсутствуют, видимо, растасканы крысами; часть фаланг была найдена на груди костяка.

В погребении найдены две железные поясные пластины, одна на позвоночнике, вторая — поверх костей предплечья. Пластинки ажурные, с орнаментом в виде цветков тильпана. У правой руки крупный, длиной 31 см акинак с остатками ножен,

Рис. 2. Погребальный инвентарь из ограды 18 могильника Ксиров-III: 1 — железный нож; 2, 3 — железные наконечники стрел; 4 — железные заклепки; 5 — бронзовые заклепки; 6 — лепной горшок; 7 — железный кинжал.

2. Здесь и далее сведения о поле и возрасте погребенных приводятся согласно определению антрополога Т.П.Кияткиной.

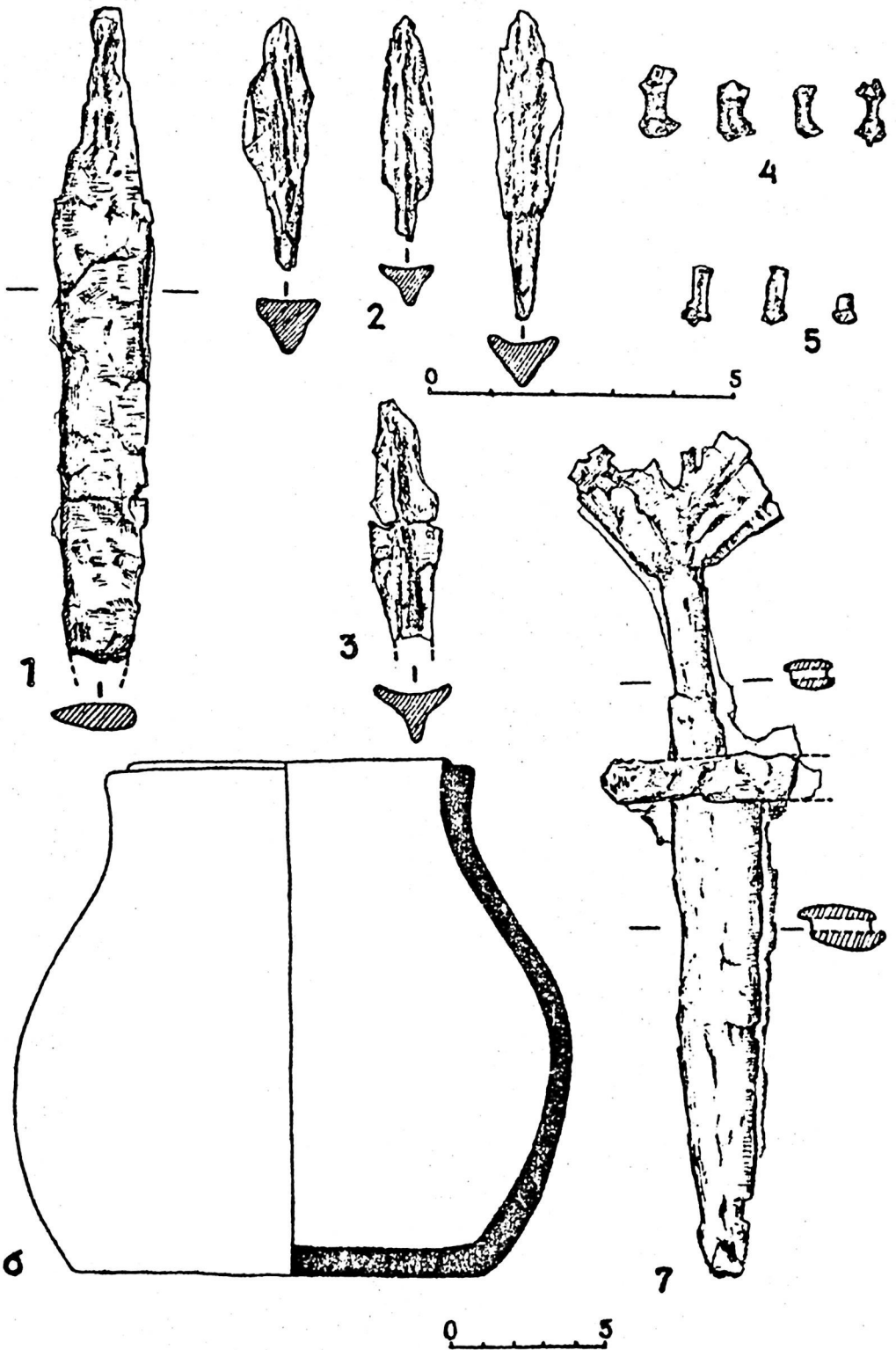


Рис. 2.

покрытых красной краской. У левого тазобедренного сустава и между коленных суставов, а также у правой голени найдены бронзовые заклепки. У левого тазобедренного сустава - косточка антипки, махалебки (*Padus Mahaleb* (L.) Borkh.) - деревьев, растущих в Дангаринской равнине.³ Подобные косточки довольно часто попадаются в погребениях Ксировских могильников. Здесь же, рядом с косточкой, лежал и железный наконечник стрелы плохой сохранности.

Ограда 18

Расположена в средней части могильника Ксиров-III, на юг от ограды 3, на восток от ограды 5 (рис. I, а, б). Контур ограды круглой формы, плохо сохранившийся в западной и разломкнутый также в восточной части. Толщина контура - два, изредка - три камня. В центре - несколько смещенная на юг каменная выкладка неправильной формы. Под ней расчищена могильная яма размерами 90 x 245 (?) см. Каменное заполнение идет на всю глубину могильной ямы. В средней части ямы, вдоль северной стены, имеются следы небольшой ступеньки шириной 15 см. Скелет удовлетворительной сохранности, лежит на глубине 140 см, на спине, в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ. Основание черепа выше уровня, на котором лежат кости скелета на 14 см. Слева от скелета, вдоль ноги, две деревянные палки, собственно древесный тлен. Первая из них, возможно, остатки лука 2,5x2,5 см в сечении и длиной 96 см, вторая - шириной около 3,5 см и длиной 1,6 м (неясной принадлежности). Кусочки дерева встречались и при расчистке грудной клетки. У правой руки скелета - кинжал (рис. 2. 7) с прямым перекрестием и наверху в виде ласточкиного хвоста, вблизи левой бедренной кости - небольшой нож (рис. 2. 1). У клинка кинжала железные (рис. 2. 4) и бронзовые (рис. 2. 5) заклепки. Недалеко от кинжала, у южной стенки ямы - лепной горшок (рис. 2. 6), вблизи правой голени - наконечники стрел

3. Определение ботаника Е.А.Базаровой. Подробнее см.: З а п р я г а е в а В.И. Ликорастущие плодовые деревья Таджикистана. М.-Л., 1964, с.509-517.

(рис.2. 2,3), слева от копки — бронзовая литая пряжка с протомами двух геральдически расположенных грифонов (подробнее см. ниже).

Ограда I9.

Расположена в средней части могильника, у его западной кромки, на Ю от ограды I6 и на ЮЗ от ограды I7. Предположительно, круглый контур, диаметром не менее 3,8 м. Каменная выкладка неясных очертаний. Под ней — прямоугольная могильная яма, размерами 85х250 см и глубиной 145 см по середине длины (у головы глубина меньшая, поскольку погребение располагается на склоне). Могильная яма ориентирована на ЮЗЗ. В заполнении могильной ямы камни имеются только на глубину одного слоя, ниже они практически отсутствуют. Костяк молодого мужчины лежит на спине, вытянут, руки вдоль туловища. Голова, видимо, лицом вверх, в настоящее время несколько повернута направо. У головы сосуд, по всей вероятности, упавший с более высокого места. Уровень, где он был обнаружен, на 13 см ниже уровня, на котором лежала голова. Над головой — глиняный горшок, рядом, ближе к голове, гипсовый и кремневый отщепы (вероятно, случайного происхождения), ниже левого виска — золотая сережка с гранатовой (?) и бирюзовой вставками, у правого бедра — железный акинак с ножами, несколько ниже — косточка махалевки. Кроме того, с обеих сторон от костяка имеются остатки дерева. Рядом с правой, более короткой палкой, плохой сохранности железное изделие, возможно, наконечник стрелы. Справа над головой, посреди грудной клетки и ниже правой ноги — древесные угольки.

Среди индивидуальных находок этого сезона надо отметить две части железных пластинок из ограды I3 с ажурными изображениями цветков тюльпанов. Ширина первой пластинки (рис.3. Ia) — 3,5 см, а длина ее первоначально должна была составлять 12,5 см. Поскольку на пластинке два тюльпана изображены повернутыми в одну сторону, а третий — в противоположную, логично восстановить первоначальный вид пластинок, полагая, что на ней было изображено четыре тюльпана, по два цветка в разные стороны. Вторая пластинка (рис.3. Ib)

сохранилась хуже первой. Возможно, что раньше она имела тот же вид, что и реконструируемая первая. На рамке, по углам пластинок имеются бронзовые заклепки, которыми изделия крепились поверх кожаных ремней. На обеих пластинках сохранились следы красной краски. Напомним, что красной краской были покрыты ножны кинжала, найденного здесь же, а также и ножны кинжалов из других погребений могильника. Цвет, в который были окрашены пластины, подтверждает правильность нашего определения цветков, как тюльпанов (а не лотосов).

Пластинки аналогичной формы, но бронзовые, часто встречаются в сибирских курганах II в. до н.э. - I в.н.э.,⁴ в основном они датируются II-I вв. до н.э. и лишь единичные экземпляры относятся к I в.н.э.⁵ Исследователи сибирских пластин отмечают, что четырехугольные пластинки в рамке древнее В- и Р-образных.⁶ Установлено также, что общий ход развития скифо-сарматского искусства идет в сторону усиления орнаментальности и схематизма. Пластины с мотивом выщепленной лозы и трехлепестковыми бутонами тюльпанов найдены при исследовании кургана Тенлик (Семиречье, верховья р. Каратал), датированном III-II вв. до н.э.⁷ Бронзовые литые пряжки, датированные II в. до н.э. - началом

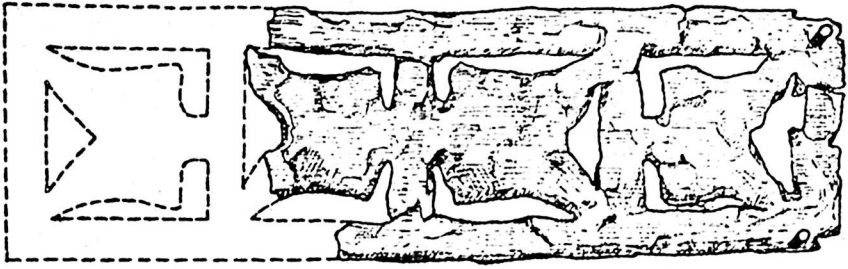
Рис.3. Находки из могильника Ксиров-III: 1а и 1б - железные пластины из ограды 13; 2 - бронзовая пряжка из ограды 18.

4. Д э в л е т М.Э. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. - I в. до н.э. М., 1980.

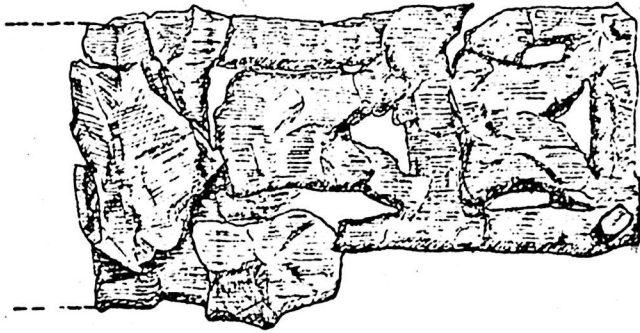
5. Там же, с.16.

6. А р т а м о н о в М.И. Сокровища саков. М., 1973, с.128.

7. А к и ш е в К.А. Курган Иссык. М., 1978, табл. 43, с.77.



1a



1b

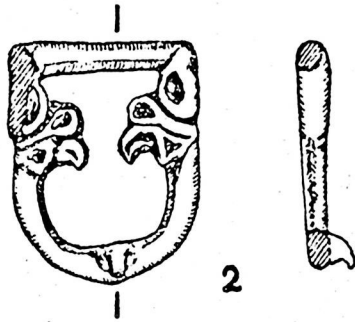


Рис.3.

в.э., найдены и в Средней Азии.⁸ В целом датировка пластины, безусловно, укладывается в предложенную нами предварительную датировку могильника II в. до н.э. - I в.н.э.

Трудно допустить, что настоящие фрагменты пластинок ко времени захоронения покойного могли служить по назначению. Видимо, потеряв свое утилитарное значение, эти фрагменты были важны как предметы, сопровождающие покойного воина при погребении.

Другая находка - фигурная литая бронзовая пряжка из описанной выше ограды 18 (рис.3. 2). Пряжка имеет вид прямоугольника, переходящего в полукруг, в средней части которого расположен язычок. Прорезь отделена от скругленной части двумя геральдически расположенными головами грифонов. У грифонов загнутые клыки, глаза переданные валиками с углублениями, и крупные уши, заостряющиеся кверху. Изображения грифонов - один из излюбленных мотивов скифо-сарматского искусства. Грифоны бронзовой пряжки отличаются от аналогичных изображений, найденных при раскопках скифских курганов Алтая, своим более крупными ушами.⁹

В ограде 19 была найдена золотая серьга с дисковидной подвеской. Серьга идентична найденной в прошлом году в этом же могильнике в ограде 9, однако на этот раз в сережке сохранились подвеска, бирюзовая и гранатовая (?) вставки. Надо отметить, что обе сережки - левые, и в обоих случаях обнаружены они в погребениях мужчин. По словам Т.П.Кияткиной, при таких же условиях была найдена и золотая сережка из мо-

8. О б е л ь ч е н к о О.В. Лявандакская пряжка. (К истории ранних кушан). - Общественные науки в Узбекистане, 1968, № 8, с.53-56; М а н д е л ь ш т а м А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. - Тр. ТАЭ, т.УП. Л., 1975, табл. XXXIII, 7-9 и XXXVI, 6-8.

9. Р у д е н к о С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960, рис. 146, табл. XCIX.

гильника Ак-Бейт (к.47).¹⁰ Возможно, во всех трех случаях перед нами один определенный обряд.

Из десяти исследованных за сезон погребений в трех оградах 10,16,17 — были найдены оболы, подражания чекану Евкратиды. В целом по совокупности материалов могильника Ксиров-Ш, обнаруживается значительное сходство с материалами курганных могильников Бешкентской долины, закономерное ввиду хронологической тождественности памятников, но столь же неизменно проявляет и различия как в характере погребального инвентаря и в его наборе, так и в численном соотношении типов могильных сооружений, ибо ведущим типом могильных сооружений в могильнике Ксиров-Ш, по-прежнему, являются грунтовые ямы. Отличия эти никак нельзя отнести исключительно за счет географической удаленности (к тому же незначительной) между Бешкентской долиной и Дангаринской равниной, а по всей видимости, обусловлены и этнокультурными различиями между пришедшими в эти районы кочевниками.

10. Литвинский Б.А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г. — АРТ, вып. VI, Сталинабад, 1961, с.39; е г о ж е. Древние кочевники "Крыши Мира". М., 1972, с.60, табл.24, 28.

Е.В.Зеймаль

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЕ В 1980 г.

Экспедиция Государственного Эрмитажа, работающая в составе ЮТАЭ с 1974 г., продолжила в 1980 г. исследование памятников кушанской эпохи в Гиссарской долине. Работы велись при участии Института востоковедения АН СССР и Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР (Т.М.Атаханов) с 18 июня по 2 августа и охватывали наряду с основным объектом прошлых лет - Шахринауским городищем и его окрестностями хорошо известный, но почти не исследованный памятник - Гиссарская крепость, объявленная в 1979 г. археологическим заповедником.

Городище Чимкурган

Здесь были продолжены работы на северном холме городища, где к раскопу 1978 г. был прирезан новый участок общей площадью около 65 м^2 , доведенный по всей площади до материка. Всего площадь, вскрытая раскопом I на северном холме Чимкургана составила таким образом около 200 м^2 . Общая картина обживания этого участка городища представляется по итогам работ 1977-1980 гг. следующим образом:

- на материке возводятся постройки, которые в пределах раскопа прослеживались в виде слоя разложившихся строительных остатков под стенами III периода (считая сверху) - 5 жилой горизонт;

- на этом слое пятого жилого горизонта возводятся постройки III строительного периода, стратиграфически расчленяющиеся на два жилых горизонта - 3 и 4;

- на развалинах стен III периода возводятся стены построек II периода с некоторым отклонением от ориентировки стен III периода;

- выше стен II периода на отдельных участках (почти под уровнем современной дневной поверхности) прослеживался жилой горизонт со значительным количеством мелкой гальки, соответствующий самому позднему периоду жизни на этом холме - I периоду.^I

В раскопе 1980 г. главное внимание было уделено остаткам III строительного периода, поскольку в прирезанной части уровня I и II периодов были представлены главным образом поверхностями с натеками, видимо, соответствующими дворам этих периодов. Из керамических остатков, связанных с этими поверхностями, необходимо отметить вкопанный с уровня I периода плоскодонный, с широким коротким горлом (диаметр - 52 см) и округло-вытянутым туловом (общая высота - 82 см) хум с двумя петлеобразными ручками (от рифленой горловины до покатых плечиков) и орнаментом в виде широкой полосы пересекающихся волнистых линий (на плечиках). Подобные хумы, характерные для позднекушанских комплексов в Южном Таджикистане, - достаточно надежный датировочный признак для второй половины IV - начала V в.н.э., что подтверждает предложенную ранее датировку кроющего слоя на городище Чимкурган и его сопоставление (и синхронизацию) с верхним слоем цитадели Шахринауского городища. Связанные с уровнем II периода керамические материалы менее выразительны, поскольку в них примешаны переотложенные из слоя III периода фрагменты. В целом керамика II периода (если брать единичные фрагменты) не обнаруживает принципиальных отличий от керамики III периода (3 и 4 жилые горизонты).

Слой III периода ("великокушанский") дал на раскопе I остатки здания, планировку которого в 1980 г. удалось уточнить. Всего в пределах раскопа оказалось - полость или

I. Следует учитывать, что верхняя площадка северного холма городища Чимкурган сравнительно недавно, по рассказам местных жителей, была разровнена. Очевидно, при этом были разрушены более всего остатки построек I периода.

частично - восемь помещений, явно имевших хозяйственное назначение (сохранившаяся высота стен - от 60 до 110 см). Керамика из этого здания, целиком подтверждая предлагавшуюся ранее датировку, обнаруживает большое число вариантов основных форм, но повторяемость их велика. Необходимо отметить также бросающуюся в глаза стандартизацию керамики (размеры, формы, техника обработки). В здании III периода в 1980 г. были найдены фрагменты четырех терракотовых статуэток, керамическая подставка (видимо, под курительницу), пряслица, а также шаровидные и пирамидальные грузики из необожженной глины.

В 1980 г. были также продолжены работы на раскопе III - у оборонительной стены. Наиболее поздняя оборонительная стена (она синхронна II и, видимо, I периодам) сложена из сырцового кирпича 32x32x12 см весьма небрежно и имеет ширину 3,2-3,4 м (сохранившаяся высота - до 1,4 м). Разрез 1980 г. показал, что она возведена на остатках мощной пахсовой стены, видимо, синхронной III периоду.

Холм Катортепе на Шахринауском городище

В пределах стен Шахринауского городища, к северу от шоссе Душанбе - Денау (43 км), существует группа холмов, имеющая название Катортепе. На одном из холмов (высотой около 10 м, размеры по низу 35x35 м, верхняя площадка - 15x15 м), имеющем с южной стороны пологий "шлейф" длиной около 25 м (частично срезан), в 1980 г. был заложен небольшой пробный раскоп (4x10 м). Было установлено, что все тело холма в пределах раскопа сложено из стандартных размеров сырцового кирпича 33x33x10 см (но встречались также экземпляры с размерами 37x37x10 и 39x39x9 см). Кирпичи помечены схематичным изображением двух концентрических кругов. Высота кладки от подножия до сохранившейся наиболее высокой части - около 6 м. Подстикает кирпичную кладку пахсовая подушка-прослойка толщиной около 0,5 м. Толщина кирпичного массива (от края холма к его центру) - около 3,8 м, и он занимает всю ширину раскопа (4 м). Расширить раскоп

на этом холме невозможно, поскольку он занят действующим кладбищем, лишь на небольшом участке западного склона, где велись в 1980 г. работы, был свободный участок. Судить о назначении постройки, развалины которой скрыты этим холмом, можно только предположительно. Наиболее вероятное предположение, что раскапывавшийся холм - это остатки буддийской ступы кушанского времени, сооруженной одновременно с оборонительной стеной Шахринауского городища.

Гиссарская крепость

Этот замечательный археологический памятник, объявленный в 1979 г. заповедником, ранее не исследовался, если не считать очень небольших по объему работ, проведенных в 1946 г.² Гиссарская крепость состоит из трех обособленных частей, различающихся размерами и высотой. Наиболее высокая и наименьшая по площади часть - Арк, где находилась резиденция гиссарского бека. С юга от Арка, вплотную примыкая к воротам крепости, расположена вторая часть - Уштурхона ("верблюжья конюшня"). Третья, наибольшая по площади и наиболее пониженная часть называется Кургони Кульоби и примыкает к Арку и к Уштурхоне с запада. Здесь, в наименее застроенной, судя по микрорельефу, части крепости и были заложены в 1980 г. два раскопа, основной целью которых было определить начальную дату обживания естественного холма, составляющего "фундамент" Гиссарской крепости в целом.

Северный раскоп (площадь около 80 м²) почти с поверхности, сразу же под тонким дерновым слоем, содержал слой позднекушанского времени, а остатки более поздних (главным образом позднесредневековых) слоев были здесь обнаружены только в виде мусорных ям, прорезающих более ранние слои. В пределах раскопа были зафиксированы только два

2. Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда. - Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. 1946-1947 гг. М.-Л., 1950, с.151-153, 182.

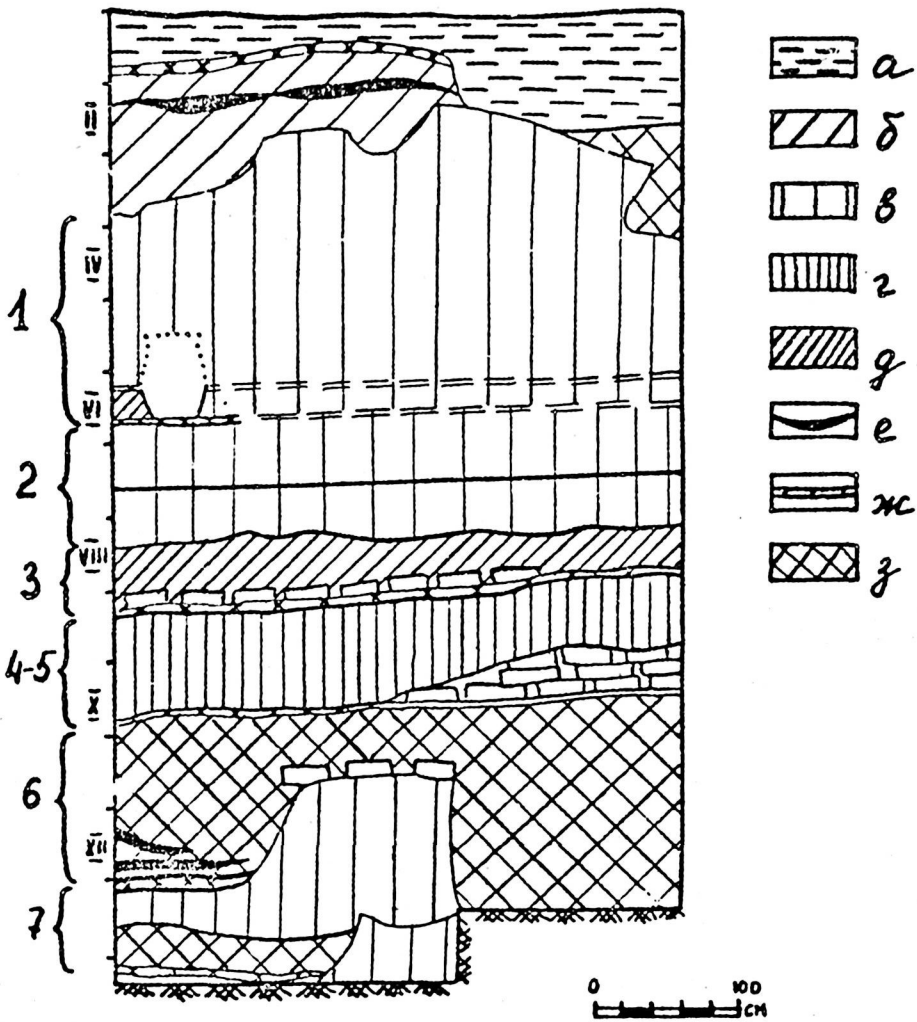


Рис. I. Гиссарская крепость. Раскоп I (северный обрез): а - аморфный слой; б - слой разложившихся строительных остатков; в - пахсовая кладка; г - пахсовая забутовка; д - заполнение над полом; е - зольники; ж - уровни полов; з - гумусный слой.

строительных периода: позднекушанский и предкушанский, о датировке которого будет сказано ниже. Остатки предкушанского здания были частично перекрыты очень мощной свалкой, уходящей за западный обрез раскопа, - видимо, к западу от раскопа расположены и остатки здания, которому принадлежит эта свалка. Обильный керамический материал, кото-

ный дала свалка, позволяет отнести ее к "великокушанскому" времени (рис. I).

Гумусный слой свалки содержал остатки 85 экземпляров мисок, покрытых ангобом разной степени плотности и цвета — от светло-красного до коричневого — по внутреннему зеркалу целиком и полосой — с наружной стороны. Только 5 экземпляров мисок покрыты черным ангобом, в том числе у двух мисок он нанесен по сероглиняному тесту. Миски, как правило, имеют диаметр по верхнему краю — 22–24 см. Более крупные экземпляры мисок (типа ваза-тагора) отличаются более толстыми стенками и несложным орнаментом (волнистые и прямо прочерченные линии) на отогнутом наружу крае. Кубки в слое свалки представлены фрагментами 35 экземпляров. Подавляющее большинство имеет низкие ножки с коническим вырезом в основании и цилиндроконическое тулово, расширяющееся к верхнему краю. Несколькими экземплярами представлены кубки с ножками сложного профиля и ринкообразным туловом. Ангоб кубков — красно-коричневый, разных оттенков и плотности. Кувшины отличаются большим разнообразием профилей венчиков (манжетовидные, подквадратные, округло-утолщенные, подтреугольные) при диаметре горла по верхнему краю II–I4 см (общая высота кувшина — 35–40 см), двуручные встречаются много чаще одноручных. Кувшины — плоскодонные или на слегка выступающем поддоне. Ангоб покрывает маленькие кувшины целиком, крупные — частично. Широкого горла сосуды и хумчи имели округлое тулово с небольшими петлеобразными ручками, крепившимися в верхней части, и низкое горло. Большинство из них сделано на гончарном круге. Донца плоские, иногда с поддоном или тремя ножками. На плечиках — полоса несложного орнамента из волнистых и прямых прочерченных линий. Кухонная лепная посуда представлена главным образом обломками котлов с шаровидным туловом, округлым дном со швом-перегибом при переходе к стенкам, утолщенным или приостренным верхним краем и прикрепленными к нему маленькими рудиментарными ручками. Встречены единичные экземпляры котлов с прямыми стенками и с горизонтальными ручками-упорами или с петле-

видными ручками для подвешивания. Котлам принадлежат плоские крышки с ручками по центру. К кухонной посуде относятся и грубые лепные миски с округлыми или прямо расходящимися от дна в стороны стенками. Среди тарной посуды хумчи имели более разнообразные профили венчиков, иногда довольно сложной конфигурации; венчики хумов — это, как правило, округлый край с подтреугольным выступом с наружной стороны.

Остатки предкушанского здания, перекрытые слоем свалки "великокушанского" времени, попали в пределы раскопа лишь углом (остатки двух помещений). Они возведены непосредственно на светло-желтом материковом лёссе. На участке раскопа, не занятом постройками нижнего строительного периода, материк изрыт ямами различной конфигурации, находящимися одна на другую. Возможно, некоторые из этих ям относятся ко времени, предшествующему возведению предкушанского здания, но в целом и ямы, и нижнее здание составляют наиболее ранний (во всяком случае, на этом раскопе) период обживания холма Гиссарской крепости. Среди керамических материалов этого периода, пока не расчлененных стратиграфически, — кубки-чаши на фигурной устойчивой ножке с углублением в центре зеркала, полусферические чаши, миски с клювовидной закраиной, сосуды-маслобойки биконической конфигурации, фрагменты широкогорлых сосудов баночного типа с манжетовидным венчиком, явно восходящие к характерным для V—III вв. до н.э. цилиндро-коническим сосудам. Керамика этого периода резко отличается от "великокушанской" и позднекушанской своим внешним обликом — как правило, она светлоглиняная и вообще не имеет ангобного покрытия или покрыта светлым ангобом. В целом этот керамический комплекс не может быть датирован ранее III—II вв. до н.э. и относится к греко-бактрийскому времени. Эта дата, если считать ее датой основания Гиссарской крепости в целом, требует еще тщательной проверки на других участках крепости и может быть принята пока только как предварительная. Материалы первых веков до н.э. исследованы пока в правобережье

Амударья плохо и, возможно, ранний период обливания Гиссарской крепости приходится частично на тохаро-бечжийский период (последняя четверть II-I вв. до н.э.). Археологических данных, которые позволяли бы исключить такую датировку, пока в нашем распоряжении нет. Все это вынуждает датировать нижний слой северного раскопа, не расчленяя его пока стратиграфически, III-I вв. до н.э. Уточнение этой датировки - задача ближайших полевых сезонов.

Центральный раскоп (раскоп I), площадь 40 м², был доведен по глубине до 7 м и выявил мощную свиту средневековых слоев, ни с одним из которых в пределах вскрытой площади не было связано никаких строительных остатков. Судя по микрорельефу, можно предполагать, что исследованная часть крепости (Кургони Кульоби) на протяжении VI-XX вв. не имела сплошной застройки, хотя существование отдельных зданий средневековой эпохи в этой пониженной части Гиссарской крепости исключить нельзя (рис. 2).

I строительный период, обнаруженный в пределах центрального раскопа, относится (как и на северном раскопе) к позднекушанскому времени (вторая половина IV - первая половина V вв.) и дал остатки четырех помещений, оказавшихся в пределах раскопа полностью или частично. Слой датирован находками монет Васудевы и Канишки III; кроме того, с ним, возможно, связана монета, подражающая медным монетам Васудевы (найдена в выбросе с уровня этого здания). Залегавшие непосредственно под этим зданием остатки II строительного периода, видимо, относятся к "великокушанскому" периоду. Далее раскоп был сужен до размеров шурфа 2,3x4 м и дал остатки еще пяти последовательных слоев, с некоторыми из которых были связаны строительные остатки (кирпичная кладка из квадратного сырца со стороной 32 см; остатки стен из сырца 39x39 см). Керамика из этого шурфа позволяет предполагать и в этой части городища присутствие предкушанских слоев. На глубине 7 м от современной дневной поверхности шурф еще не достиг материка. Столь значительный перепад уровней в залегании материка на северном и центральном рас-

копах, видимо, объясняется особенностями микрорельефа древней (материковой) дневной поверхности холма Гиссарской крепости.

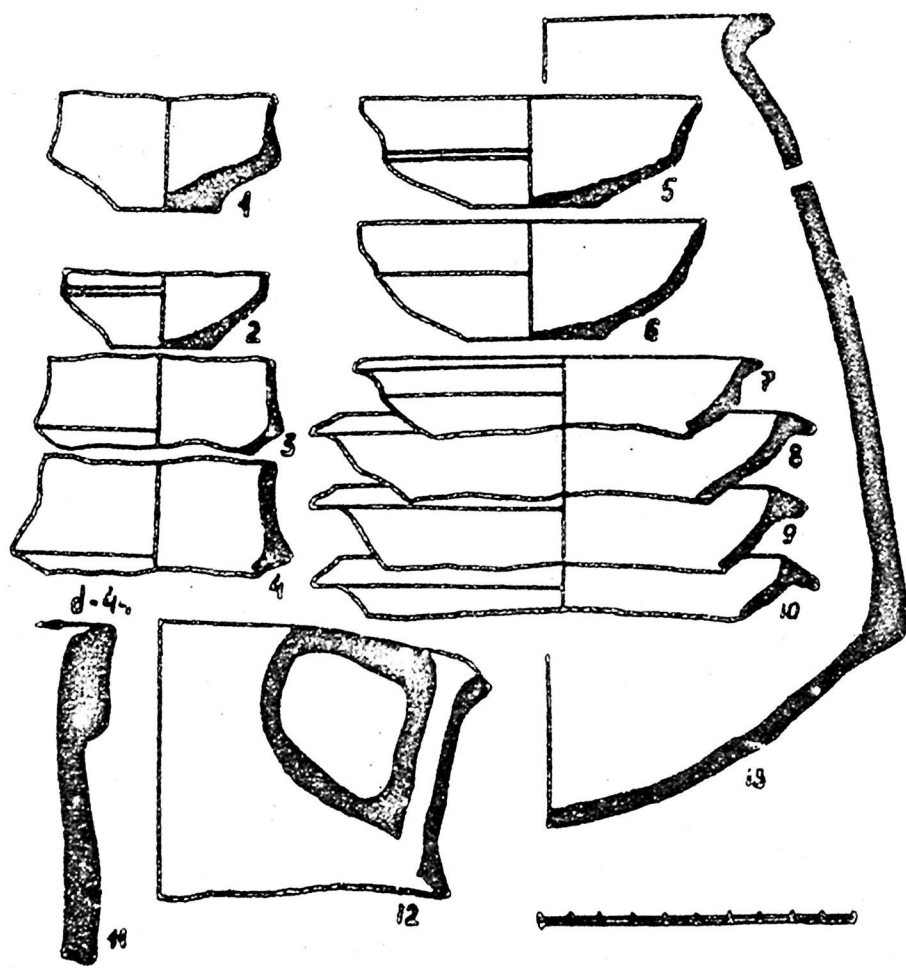


Рис. 2. Гиссарская крепость. Керамика III-II вв. до н.э.: I-4 - цилиндрические сосуды; 5-10 - чаши и миски; 11-13 - прочие сосуды.

А.В.Седов

ОТЧЕТ О РАБОТАХ НА КАЛАИ КАФИРНИГАН В 1980 г.

В отчетном сезоне Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция продолжила исследования на крупном многослойном городище Калаи Кафирниган.¹ Работы проводились с 20 сентября по 15 ноября силами одного из отрядов экспедиции. Состав отряда: А.Седов — начальник отряда, А.Шигин, Д.Ковалев, А.Абдуллаев, П.Самойлик, Е.Денисов — начальники объектов, Т.Удыма, Н.Кулакова — художники, М.Любешкин — шофер. В работе отряда принимали участие сотрудники Херсонесского археологического музея-заповедника О.Савеля, Ю.Ю.Падалка, архитекторы Т.Дроздова и В.Амосов. В составе отряда работало около 30 маршрутных рабочих — студентов исторического факультета ТГУ им. В.И.Ленина и учеников Исавбайской средней школы. Работы проводились под общим руководством начальника экспедиции Б.А.Литвинского. Наряду с раскопками новых объектов основные усилия были направлены на исследование стратиграфии городища и изучение его фортификационной системы.

Объект УШ (руководители работ Е.Денисов и Д.Ковалев). На объекте были продолжены работы, начатые в 1978 г.², но основное внимание было уделено исследованию фортификации южного отрезка оборонительной стены городища: предполагавшейся юго-западной угловой башни (судя по рельефу) и примыкающему к ней участку городской стены. До раскопок эта

1. О работах предыдущих лет на памятнике см. отчеты Б.А. Литвинского в АРТ, в АО за 1975-1977 годы. О буддийском храме на городище см.: Л и т в и н с к и й Б.А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса. — В сб.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с.65-70.

2. См. отчет В.С.Соловьева в АРТ за 1978 год.

часть объекта представляла собой задернованный холм (толщина дернового слоя 20 см). В процессе работ выяснилось, что первоначальная оборонительная стена городища относится предположительно к греко-бактрийскому времени. Она покоится на платформе из подрубленного материка (абсолютная отметка 1210 см). Ее ширина 3,2 м, сохранившаяся высота 1,5 м, рассчитана на длину около 15 м. Стена сложена комбинированной кладкой: внешняя часть нахсовая, внутренняя, обращенная внутрь города, сложена из 2-3 рядов крупноформатного сырцового кирпича (50x50x16 см). Внешняя поверхность стены прорезана двумя нишами (западная глубиной 1,5 м, шириной 0,98 м, восточная глубиной 1,3 м, шириной 1,1 м). Расстояние между нишами по фасу 2,94 м. На расстоянии 3,1 м от западной ниши стена делает уступ к северу (шириной 0,7 м) и далее идет в западном направлении, но очень плохой сохранности. В восточной нише обнаружен П-образный очаг, сложенный из трех кирпичей 34x34x10 см. Вокруг мощный слой гумуса и золы. Западная ниша заполнена гумусом с большим количеством фрагментов керамики.

Ниши, пересекающие внешний фас городской стены, видимо, позднего происхождения. Возможно, это остатки каких-то хозяйственных ям, вырытых в то время, когда надобность в оборонительной стене отпала. В противном случае довольно трудно объяснить их необходимость, так как подобные устройства существенно ослабляли фортификационные возможности городских стен, сокращая на этих участках их толщину почти в два раза. находки у подножия внешнего фаса стены фрагментов керамики (рис. I. I-5, I5-I6) типично ай-ханумского облика³ позволяют предположительно датировать время ее сооружения последними веками до н.э. Стена безусловно функционировала и в кушанское время. Позднее необходимость в фортификационных сооружениях отпала: стена антич-

3. См.: "Fouilles d'Ai Khanoum", Paris, 1973 (MDAFA, t. XXI), I, p. 121-188; II, pl. 113-117, 124-125, 127-133.

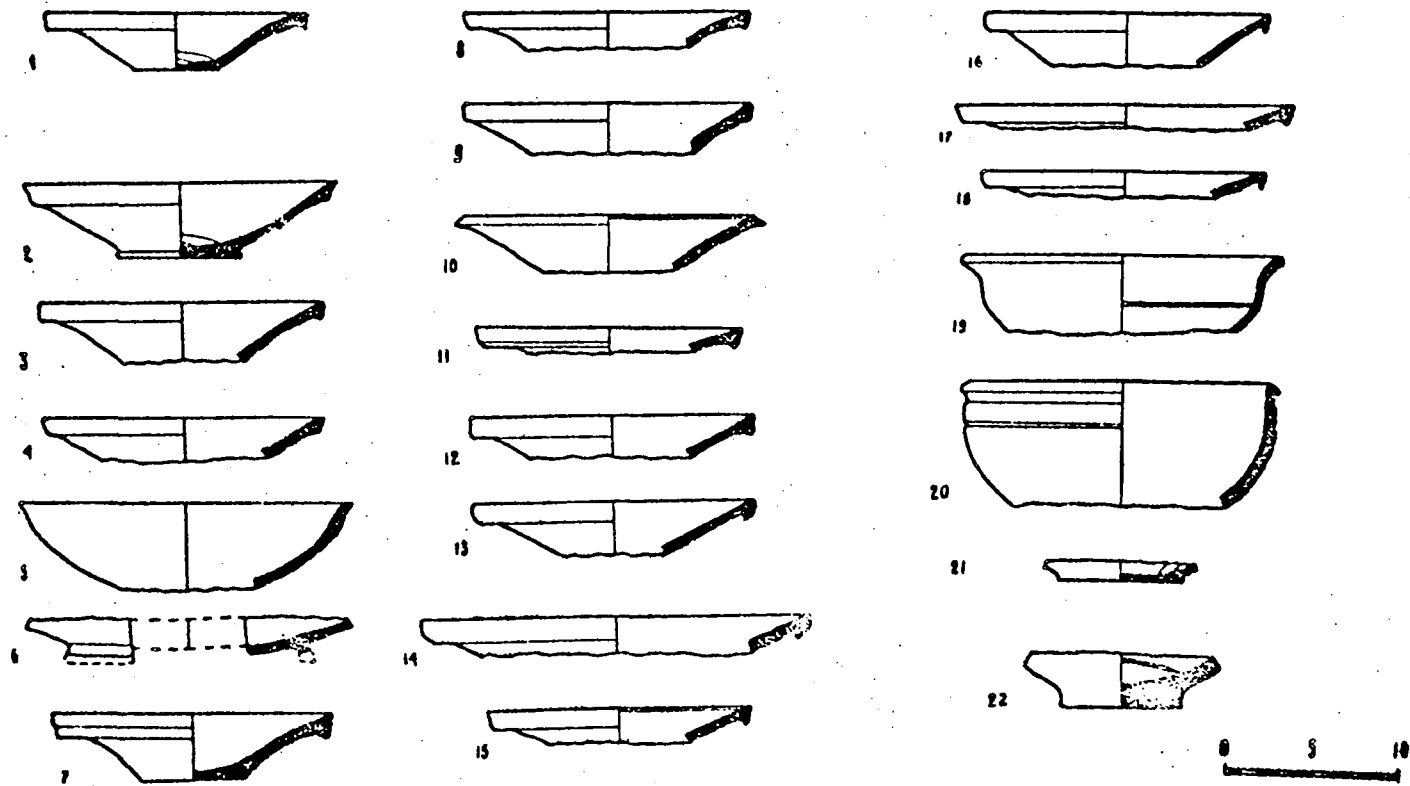


Рис. I. Комплекс керамики ай-ханумского типа. 1-5, 15-16 - объект УШ, у подножия внешнего фаса южной стены; 6, 7 - цитадель, стратиграфический раскоп; 8-14, 17-22 - объект УШ, шурф.

ного времени была срезана (до абсолютной отметки 1045 см) и использована в качестве фундамента для стен построек раннесредневекового времени. Одно из помещений, построенных на месте древних стен (п о м е щ е н и е I) имело прямоугольные в плане очертания (2,3x8,68 м), перекрывалось сводом, наклонными отрезками. Наиболее хорошо сохранились южная (покоящаяся на оборонительной стене) и западная стены помещения. Первая, высотой 1,0-1,5 м, сложена из сырцовых кирпичей, форматом 25x52x9 см; последняя, высотой 2,6 м - комбинированной кладкой из двух рядов крупных пахсовых блоков (92x53 см), ряда кирпичей, положенных тычком, затем еще слой пахсовых блоков и выше - регулярная кирпичная кладка (формат 25x50x9 см). Стены покрыты саманной штукатуркой толщиной 2-5 см. В обмозке северной стены найдена серебряная монета из класса подражаний сасанидским монетам с бактрийскими надчеканами.⁴

Объект IX (руководитель работ А.Шигин). Вновь раскапываемый объект располагается в северо-западной части городища, к северо-западу от храмового комплекса (объект У), у рва вокруг цитадели. До начала работ объект представлял собой задернованный холм с уплощенной вершиной, лежащей в пределах XX яруса. Он является последним и наиболее низким в цепи возвышений, тянувшихся вдоль городской улицы в направлении с-ю вдоль западного края городища. В результате раскопок вскрыта часть крупного жилого комплекса, состоящая из большого зала и огибающего его с двух сторон (южной и западной) коридора (рис.2).

П о м е щ е н и е I (з а л) в плане прямоугольных очертаний, размеры 4,0x4,5 м. Стены, сложенные из сырцового кирпича форматом 26x52x10 см, сохранились на высоту 0,8 м.

4. О находках кладов близких по классу монет в Сурхандарье см.: П у г а ч е н к о в а Г.А. Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. - В сб.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с.250-261.

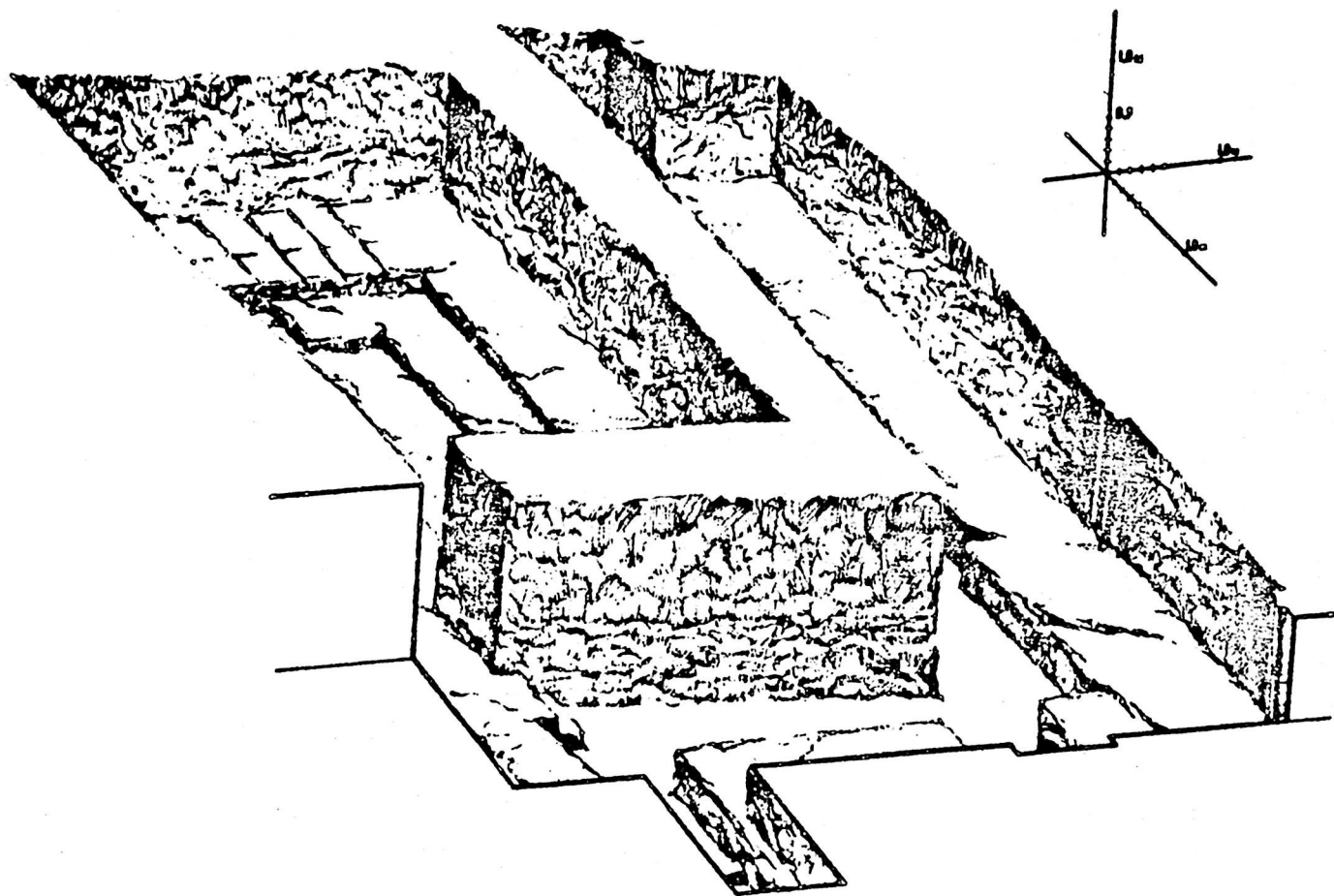


Рис.2. Объект IX, аксонометрия.

Покрты саманной штукатуркой толщиной 2-4 см. Толщина стен 0,85-1,0 м. Вдоль всех стен помещения сооружена кирпичная суфа шириной 1,0 м, высотой 0,35 м. К южной части восточной суфы пристроена дополнительная, Г-образная в плане суфа, верхняя поверхность которой на 10 см ниже. Абсолютная отметка пола помещения 1140 см. На западной суфе был устроен очаг в виде углубленной в тело суфы нижней части хума, диаметром 40 см. В северо-западном углу помещения - проход шириной 0,9-1,0 м в коридор. Западная и северная суфы обрываются, не доходя до прохода.

П о м е щ е н и е 2 (к о р и д о р) огибает зал с запада и юга. Уровень пола в нем на 60 см ниже уровня пола помещения I. Разница покрывалась за счет суфы, пристроенной к северной, торцовой стене коридора до уровня прохода. Спуск с суфы на пол осуществлялся по ступенькам, пристроенным вдоль восточной стены. Ширина помещения 2,4 - 2,5 м, длина его западного отрезка 3,25, южного 3,75 м. В западной стене коридора зафиксировано еще два прохода шириной 0,8 и 1,0 м, ведущие в нераскопанные помещения западной части комплекса. Перекрытие одного из них (южного), судя по характеру завала - клинчатая арка. Вдоль западной (за исключением проходов) и южной стен коридора, равно как и в северном его торце, сооружены кирпичные суфы шириной 1,1-1,3 м, высотой 0,45-0,55 м. Суфа вдоль южной стены коридора на длину 3,4 м от юго-западного угла, имеет ширину 1,3 м, далее она суживается до 1,1 м, образуя уступ. В южной стене, у юго-западного угла, кроме того, имеется ниша глубиной около 15 см, шириной 2,6 м. Она оформлена по бокам подобием пилястр сложного профиля. Штукатурка на стенах коридора несколько обожжена, что позволяет предполагать прекращение функционирования комплекса в результате пожара. В заполнении раскопанных помещений встречались остатки деревянных балок толщиной 10-15 см.

Для выяснения характера нижележащих отложений в полу помещения I (зала) был заложен шурф размером 2,6x2,0 м. Почти сразу под полом залегали прослойки гальки и золы не-

значительной мощности. Ниже (абсолютная отметка II60 см) - плотное аморфное заполнение, не давшее керамики, и на глубине XXIV яруса - материк.

Ц и т а д е л ь, с т р а т и г р а ф и ч е с к и й р а с к о п (СР). С целью уточнения стратиграфии памятника на цитадели, к СВ от старого раскопа 4, был заложен новый стратиграфический раскоп размерами 6,0х12,0 м (руководители работ А.Абдуллаев и П.Самойлик). Для получения наиболее адекватной информации раскопки проводились "на снос": углублялись по мере вскрытия построек в площади раскопа по уровню одного строительного периода. До глубины 5,0 м от поверхности холма были вскрыты постройки четырех последовательных строительных периодов, относящихся к раннему средневековью. Для каждого периода выявлена система небольших прямоугольных помещений, соединенных проходами. Формат кирпича стен и суф построек: 47х22-23х10-11 см, 50х25х10-12 см. В южной части раскопа, при дополнительном углублении до 6,5 м от уровня поверхности холма, вскрыт еще один, пятый строительный период, предположительно относящийся к позднекушанскому времени. Он отделен от последнего, раннесредневекового периода слоем забивки толщиной 10-15 см. Была расчищена часть помещения со стенами, сложенными из сырцового кирпича форматом 36х36х10, 38х38х10-12, 40х40х10-12 см.

Кроме работ на основных раскопах на некоторых старых объектах были заложены шурфы для выяснения стратиграфии нижних слоев городища (шурф № I на объекте УШ, шурфы № 2 и 3 на объекте УП - руководитель работ А.Шигин). К сожалению, они не дали конструктивных строительных остатков, однако полученные керамические комплексы позволяют говорить об интенсивной жизни на городище Калай Кафирниган на протяжении всего кушанского периода.

В северной части городища, в обрезах склонов пересекающей его дороги, были расчищены остатки трех гончарных печей (руководитель работ П.Самойлик). От них сохранились лишь нижние части топочных камер, подпрямоугольных в плане.

Судя по обильному керамическому материалу из заполнения топочных камер, в кушанское время в этой части городища находился крупный производственный квартал.

Сотрудниками Херсонесского археологического музея-заповедника О.Савелей и Ю.Падалкой был снят подробный глазомерный план-схема окрестностей городища Калаи Кафирниган.

Основные результаты работ отчетного сезона на городище Калаи Кафирниган могут быть суммированы следующим образом.

1. Судя по наличию комплекса керамики ай-ханумского типа (рис. I. I-22), возникновение поселения на месте городища может быть отнесено к греко-бактрийскому времени.

2. Шурфы на различных объектах вскрыли мощные культурные напластования кушанского времени. В северной части городища открыт производственный участок (гончарные печи) того же времени.

3. В раскопе на цитадели получена дробная стратиграфия для раннесредневекового (кроющего) слоя городища.

4. Частично раскопан еще один жилой комплекс кроющего слоя городища, давший новый вариант планировки (объект IX).

5. На последнем этапе существования городища южный участок оборонительной стены не функционировал. Не исключено, что в раннем средневековье вся мощная фортификационная система городища Калаи Кафирниган находилась в заброшенном состоянии.

В.С.Соловьев

РАБОТЫ В БЕШКЕНТСКОЙ ДОЛИНЕ В 1980 г.

Осенью 1980 г. Шаартузский археологический отряд продолжил работы в зоне первой очереди орошения Бешкентской долины.¹ Раскопки в минувшем сезоне велись в основном на Безмянном городище, которое было открыто А.М.Мандельштамом в 1965 г.² Безмянное городище располагается в северной части долины, примерно в километре от хребта Туунтау. Оно двухчастное: состоит из цитадели и примыкающего к ней с северной и западной стороны строительного массива. Цитадель имеет в плане квадратную форму (около 70х70 м), высота ее равна около 6 м; стороны цитадели ориентированы по сторонам света. Вторая часть городища имеет подковообразную форму, высота ее равна около 3 м. В 1976 г. А.В.Седов предпринял небольшие раскопки на обеих частях памятника. В ходе этих раскопок было зафиксировано три культурных горизонта: 1) XI в.н.э., 2) раннесредневековый, 3) кушанский.

В 1980 г. раскопки велись только на цитадели, в ее восточной части был заложен новый раскоп (раскоп № 3 площадью более 200 м²) (рис. I). Раскоп был разбит на квадраты (2х2 м), по южной его бровке шла их цифровая нумерация, по западной - буквенная. В раскопе были вскрыты крошечный слой (БГ - I) и частично промежуточный (БГ - II), относя-

-
1. Отряд работал в следующем составе: В.С.Соловьев - начальник отряда; Н.Булатова, А.Прокопенко - художники; Ф.Зенни - шофер; 14 рабочих-землекопов.
 2. В настоящее время городище находится на территории 2-го совхоза Шаартузского района.

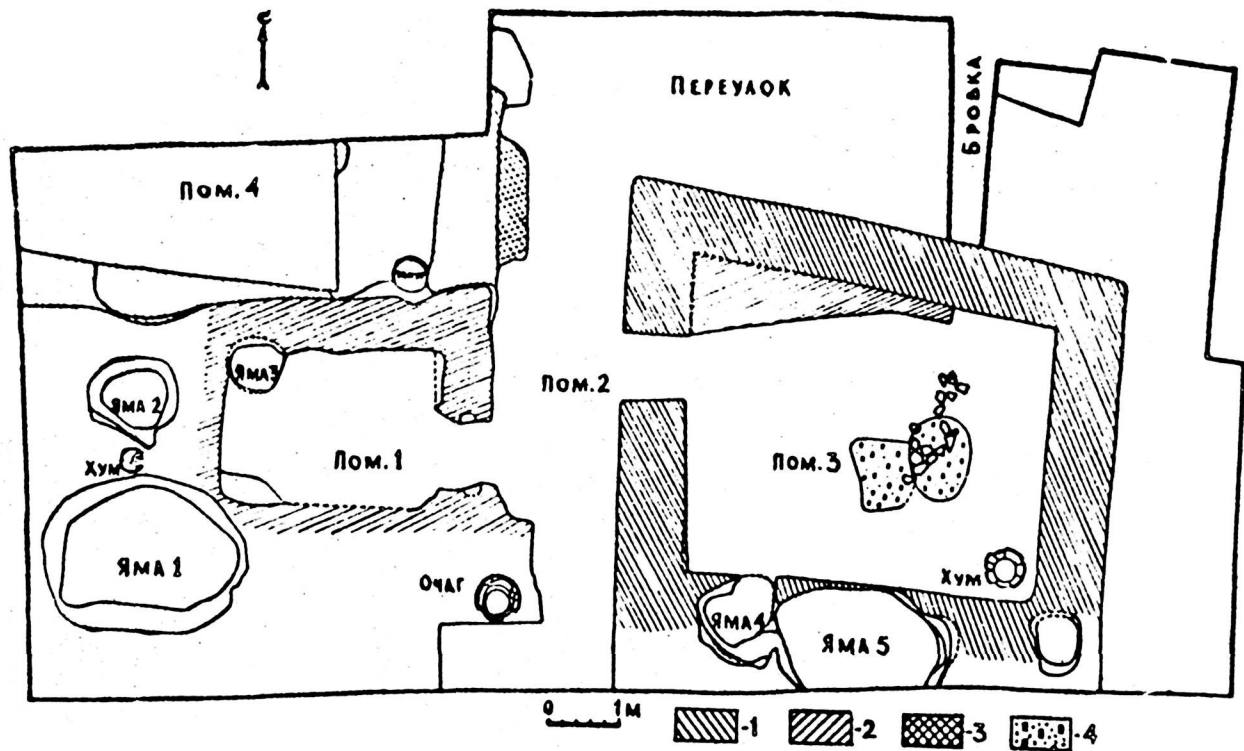


Рис. I. Безымянное городище. План раскопа № 3: 1 - помещения периода БГ-II; 2 - помещения периода БГ-I (начальный период); 3 - стены конца периода БГ-I; 4 - очаги.

шиеся соответственно к XI в. и к раннему средневековью. Постройки кроющего слоя практически почти не сохранились, лишь в некоторых случаях были зафиксированы небольшие останцы стен, выложенных из квадратного сырцового кирпича (25x25x4 см). Они поднимаются на высоту не более 1-5 рядов, остальная часть стен размыта дождями и раздута ветром. Все это не позволяет определить характер построек. Ветром выдуть легкие частички культурного слоя, на месте остались лишь тяжелые предметы: фрагменты керамики, металлических и стеклянных изделий. С уровня полов вниз были спущены бадрабы, расчищено пять из них. Они имеют различную форму и размеры; бадрабы заполнены мусором, вышедшими из употребления вещами. Интерес представляет мусорная яма, дно и стенки которой были обложены обожженным кирпичем (25x25x4-5 см), вскрыта она была в квадрате Г-5. Яма устроена следующим образом. Первоначально четыре кирпича были уложены плашмя вплотную друг к другу, на дно ямы. Затем вдоль каждой стороны образовавшегося квадрата "на попа" было поставлено по два кирпича. Между собой кирпичи скреплены глиняным раствором. При расчистке кирпичного ящика были найдены обломки двух стеклянных сосудов, разбитая медная чаша, кости птиц и животных, медные круглые (диаметр 5 мм) пластинки с отверстием в центре, разбитый керамический сосуд.

В кв. Г-5 найден небольшой клад серебряных газневидских монет (12 целых и 2 обломка). Монеты находились в хлопчатобумажном мешочке, от которого сохранился небольшой фрагмент. Монеты хорошей сохранности, диаметр их 2,5 см. Они хорошо датируют кроющий слой Безымянного городища - XI в. Хорошим дополнением к материалам кроющего слоя явились находки, собранные в окрестностях городища. В основном это керамика хорошего качества, целая и битая, фрагменты стеклянных и металлических изделий.

Под слоем XI сразу же начинаются постройки раннесредневекового времени (предпоследний и последний этап периода БГ-II). По предварительным данным, для этого времени выделяется три строительных периода, с ремонтом и перестройками внутри каждого из них (этапами). В минувшем сезоне в

пределах заложенного раскопа было вскрыто несколько помещений и небольшой участок переулка, который разделял между собой два жилых дома. К последнему этапу периода БГ-П относится пом. № I, расположенное в западной части раскопа. Длина его равна 2,9 м, ширина 2,2 м. Длинные стены помещения ориентированы по линии запад-восток; сохранились стены на высоту до 70 см. Сложены они из прямоугольного сырцового кирпича (50-52x25-26x10-11 см) очень небрежно. Кое-где на стенах сохранились следы глиносаманной штукатурки толщиной до 1 см. Вход в помещение был устроен в восточной торцовой стене, ширина его равна 0,9 м. В обеих щеках входа были расчищены гнезда шириной 15 см, глубиной около 20 см для деревянного порога, в них сохранились остатки сгоревшего дерева. В помещении зафиксировано два пола. При расчистке верхнего пола (конец I яруса) найдены россыпи сгоревшей пшеницы, на нижнем полу - стегитовое блюдо с изображением макары. Блюдо круглое, диаметр его равен 12,5 см. Лицевая сторона его уплощена. Она разделена горизонтальным валиком на два яруса. В верхнем ярусе располагается рельефное изображение макары, обращенное вправо. Резчик хорошо проработал зубастую пасть, шею, крылья, хвост, ноги с уширениями - копытцами. Нижний ярус разделен вертикальным валиком на два сектора - углубления, располагающихся справа и слева от него. Края диска украшены насечкой. На дне правого углубления видны следы прочерченного двумя неглубокими линиями сегмента. Тыльная сторона диска выпуклая. На ней вырезано изображение лотоса. Данное блюдо является четвертой находкой подобного рода с территории Северной Бактрии, оно датируется раннекушанским временем и является импортом из Гандхары. Г.-П. Франкфор выделил в своей сводке подобные блюда в отдельную группу.³

Помещение № 2 связывает пом. № I с другими помещениями. Длина его равна около 7 м, ширина 1,7 м. Это коридор.

3. Franckfort H.P. Les palettes du Gandhara. MDAFA, t. XXIII. Paris, 1979, p. 85-90.

дор, который функционировал на всем протяжении обоих последних этапов периода БГ-П. В конце последнего этапа в северном торце коридора, к западной стене был приставлен пахсовый пилон длиной 1,89 м, шириной 48 см. В этом месте образовался проход, перекрытый аркой.

Помещение № 3 также функционировало на протяжении обоих последних этапов периода БГ-П. Первоначально оно имело квадратную форму (5,10x4,80 м). На рубеже двух этапов помещение было отремонтировано. К северной его стене была пристроена клиновидная кирпичная приставка, опирающаяся на пахсовый фундамент. Отремонтирован был и северный пилон входа, устроенного в середине западной стены. После ремонта, несколько уменьшенное помещение продолжало функционировать. Стены сохранились на высоту до 1 м. Сложены они из прямоугольного (50x25x9-II см) сырцового кирпича. В помещении вскрыто два пола, относящихся к двум этапам функционирования. В юго-восточном углу помещения на нижнем полу стоял хум высотой около 1 м, диаметром тулова 0,65 м. На верхнем полу, в центре помещения располагается очаг-углубление диаметром 60 см.

Помещение № 4 располагается к северу от пом. № 1, одна стена у них общая. Вскрыто оно частично; функционировало на протяжении обоих этапов периода БГ-П. К раннему из них относится суфа, идущая вдоль восточной стены. Ширина ее равна 1,31-1,42 м, высота около 42 см. В суфу, в юго-восточном углу помещения, был врыт танур, диаметр его равен 44-46 см, высота стенок 40 см, толщина их 2 см.

Переулок располагается вдоль северного фасада раскапываемого дома. Он образован стенами двух соседних домов. Вскрыт участок переулка длиной около 9 м; ширина переулка 2,2-2,5 м. Боковые края его обмазаны толстым слоем пахон, которая выкруживается к стенам. Это было сделано для того, чтобы предохранить основание стен домов от атмосферных осадков, а наклон пола в переулке в восточную сторону способствовал отводу воды за пределы поселения. Переулок функционировал, как и большая часть вскрытых помещений, на протяжении обоих последних этапов периода БГ-П.

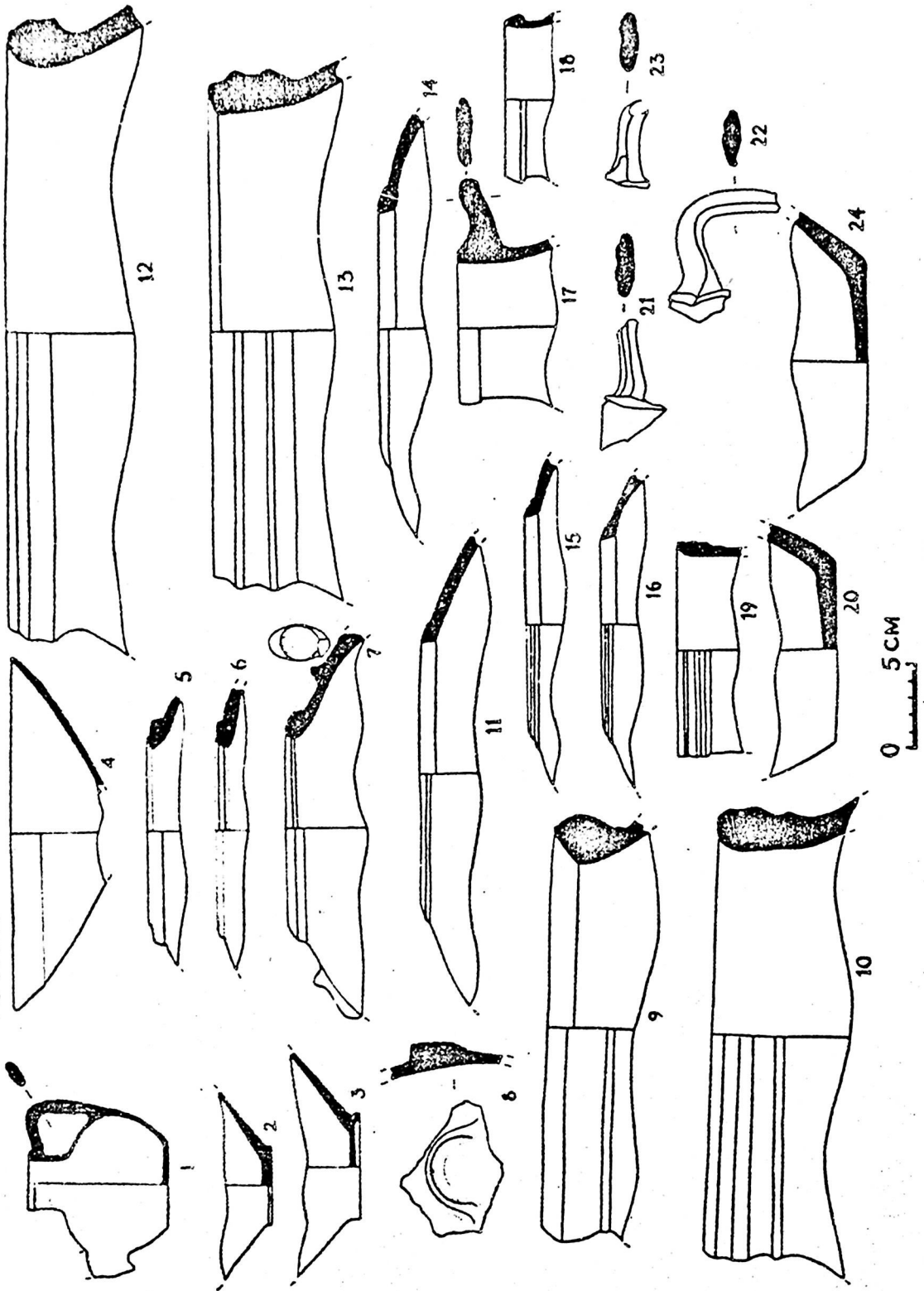


Рис. 2. Безмянное городище. Раннесредневековая керамика (период БГ-П).

В пом. № I, № 3 и в переулке, на полах, которые по времени соответствуют последнему этапу периода БГ-II, найдены три бронзовые монеты с круглым отверстием в центре (так называемого мунчакского типа). Все это позволяет предварительно датировать этот этап второй половиной УП-началом УШ в. Ранний этап этого периода соответственно датируется серединой УП в. Для каждого из этапов получен значительный комплекс керамики, преимущественно столовой, хорошего качества. Наряду с известными для Северного Тохаристана сосудами среди нее имеются сосуды, характерные только для Кобадiana. Это позволяет выделять локальные варианты тохаристанской керамики (рис.2).

Раскопки на Безымянном городище практически только начаты, но уже дали интересные результаты. Их значение состоит в том, что на большом отрезке времени прослеживается история раннесредневекового земледельческого поселения Кобадiana.

В.С.Соловьев

РАБОТЫ НА КАФЫРКАЛЕ В ВАХШСКОЙ ДОЛИНЕ

В 1980 г.

В минувшем сезоне раскопки на Кафыркале велись как на цитадели, так и на территории собственно города.¹ Раскопки дворцовых помещений на цитадели близятся к завершению. Осталось вскрыть только обходной коридор (пом. 40), идущий вдоль западной оборонительной стены. Первоначально, видимо, во время периода КФ-II, в южном торце этого коридора располагался вход, соединяющий его с другим коридором, по которому попадали во дворец из города (пом.39). Постепенно восточная стена пом.40 пришла в ветхость и рухнула, сохранилось лишь ее основание высотой около 0,5 м. При этом упал и свод, перекрывающий коридор. При ремонте помещения вход в него со стороны пом.40 аккурратно был заложен кирпичем; восточная стена и свод были восстановлены. Новый вход в пом.40 был оставлен теперь в восточной стене, он выходил прямо во двор.

Длина вскрытого участка пом.40 равна 8 м, ширина его 1,85 м. Сверху он на глубину до 2,2 м заполнен остатками упавшего свода, который был выложен в технике поперечных наклонных отрезков. Под ними лежит верхний культурный слой толщиной 10 см. Он состоит из остатков сгнивших циновок, зола, угольков, встречается овечий помет. Этот слой относится к самому последнему периоду жизни во дворце, закончившемуся в 750 г. его гибелью. Среди мусора был найден фрагмент керамической чаши, на дне которой штампом было оттиснуто изображение оленя - фарна. Чаша невысокая

1. Отряд работал в следующем составе: В.С.Соловьев - начальник отряда, В.В.Радилюловский - аспирант, 7 рабочих.

(около 3 см), с пологими стенками, отходящими от дна почти под прямым углом. Диаметр ее устья был равен около 14 см; опиралась она на кольцевой поддон диаметром 6,5 см. Изнутри чаша покрыта красноватым плотным ангобом, снаружи покрыта лишь верхняя часть сосуда, видны следы потеков ангоба. Высота рельефа около 3 мм, он занимает всю внутреннюю часть чаши до перехода стенок к венчику. Штамп имел круглую форму, диаметр его 9,4 см. По внешнему его краю идет концентрическая полоса растительного орнамента шириной 1,5 см, с внутренней стороны она обрамлена валиком. В центре круга — фигурка оленя — фарна с ветвистыми рогами, длина ее равна 4,5 см, высота 7,5 см. Олень повернут к зрителю правым боком. На шее у него кольцо, к которому сзади привязана лента с двумя развевающимися концами, спереди к этому же кольцу прикреплен крупный колокольчик. К каждой ноге оленя привязана короткая лента. Перед оленем и сзади него — два крупных цветка, которые по масштабам намного превосходят реальные цветы.

Рельеф представляет большой интерес. Несомненно его связь с торевтикой. Вероятно, штамп, аналогичный тому, которым был оттиснут рельеф, мог предназначаться для изготовления центрального донного медальона металлических чаш. Растительный орнамент, идущий по краю рельефа, заимствован из архитектурного декора буддийских памятников.² С другой стороны, в самом облике оленя-фарна с развевающимися лентами, а также в некоторых деталях, например, гипертрофированных размерах цветов,³ заметно влияние сасанидской торевтики. Такое сочетание на кафыркалинском рельефе индий-

2. См., например: Л и т в и н с к и й Б.А., З е й - м а л ь Т.И. Аджинатепа. М., 1971, с.197, рис.53; Т а р з и Л. L'architecture et le decor rupestre des grottes de Bamian. 2. Planches. Paris, 1977, p.30; pl. B62, p.67; p. B140, pl. D42.

3. Эту особенность сасанидского металла отметил Б.И. Маршак. См.: М а р ш а к Б.И. Согдийское серебро. М., 1971, с.38.

ских и иранских художественных черт чрезвычайно интересно. Оно свидетельствует о связях тохаристанской торевтики с искусством Ирана и Индии. Вместе с тем сюжет кафыркалинского рельефа имеет свою специфику, которая отличает его от памятников искусства из соседних стран.⁴

Высказываемая нами ранее идея о том, что кафыркалинский дворец продолжает развитие бактрийской планировочной схемы "двор с обводом из коридора и различных помещений" (классификация Г.А.Пугаченковой), полностью подтвердилась после открытия западного обходного коридора. Правда, композиция кафыркалинского двора выступает в сильно трансформированном виде, но корни ее лежат в античности.

Были продолжены раскопки жилого дома (объект № 3) в городе (рис.1). Здесь велась расчистка северного отрезка обходного коридора, примыкающего к залу с севера. Длина отрезка 7,2 м, ширина 2,24 м. Стены его из пахсы; коридор перекрыт сводом, выложенным в технике "поперечных наклонных отрезков". В истории коридора наблюдается два этапа. Первоначально он соединял дом с переулком, идущим вдоль его восточного фасада. При перестройке дома коридор отгородили от переулка глухой стеной. На месте коридора образовалось помещение, которое использовалось для хранения сельскохозяйственных продуктов. Вдоль длинных стен стояли хумы, всего расчищено 9 хумов, часть из них разбита, часть сохранилась целиком. Шесть хумов располагалось вдоль южной стены, три вдоль северной. Один из хумов северной цепочки снаружи, у дна, был взят в кирпичный кожух для устойчивости. Среди остатков хумов большое количество зерен, по отпечаткам узнаются пшеница, просо, тыква, горох, косточки персика. Здесь же найден целый железный серп (рис.2.1), снабженный ступкой. Длина его лезвия равна 21 см, длина

4. См. Смирнов Я.М. Восточное серебро. СПб., 1909. табл.ХV, ХVІ, ХVІІ. На этих таблицах имеются изображения металлических сосудов с фигурками оленей, отличающихся от фигурки оленя кафыркалинского рельефа. Это хорошо иллюстрирует и серебряная чаша из Дяша, изготовленная тохаристанскими мастерами.

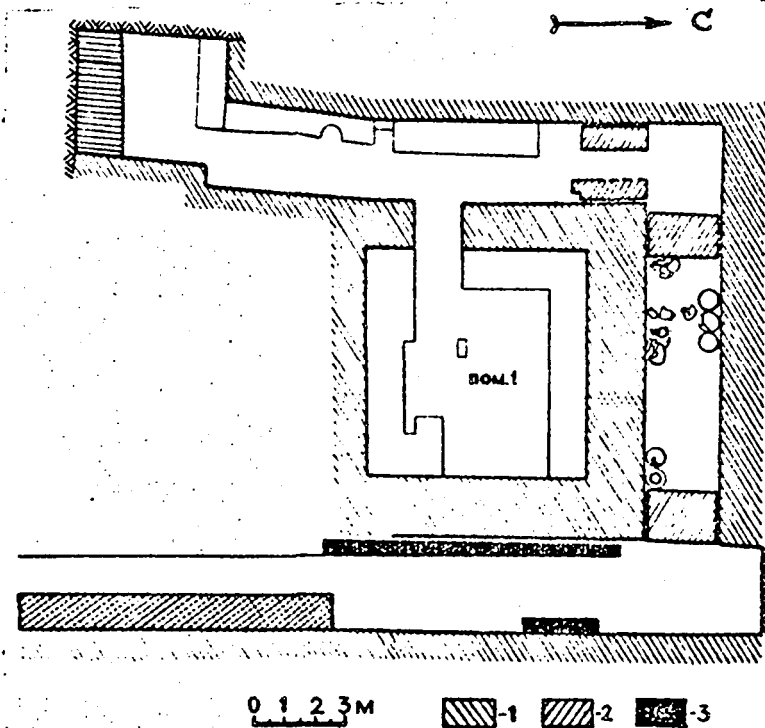


Рис. I. Кафиркала. План объекта № 3: I - стены первого строительного этапа; 2 - стены второго строительного этапа; 3 - ремонтные стены.

ручки около 5 см. На полу помещения найден свинцовый медальон, длина его 3,2 см, максимальная ширина 2,9 см, толщина 0,2 см. На лицевой стороне медальона - рельефное изображение бегущей газели, на обратной стороне - орнамент. В верхней части медальона просверлена дырочка для подвешивания.

Интересной находкой из хранилища является оттиск сасанидской геммы - янталии на венчике одного из хумов, обнаруженных в коридоре. Оттиск овальной формы, длина его 1,5 см, ширина 1,3 см. В центре оттиска - изображение левой руки человека с растопыренными пальцами, снизу она обрамлена лентой; вверху справа и слева от руки - символы солнца и луны. Судя по тому, что такой сюжет встречается

на сасанидских геммах довольно часто, он был очень популярен. Этот жест выражал почтение царя богу и знатного человека царю.⁵

На одном из последних этапов функционирования дома свод, перекрывавший коридор, рухнул. Это случилось, видимо, неожиданно, потому что он раздавил часть хумов. Свод восстанавливать не стали, коридор отгородили от остальной части дома глухой кирпичной перегородкой.

В минувшем сезоне был докопан и западный отрезок коридора у зала (пом. I). Как выяснилось в ходе раскопок, он соединял не только дом с внешним миром, но еще и два помещения между собой (пом. I и 2). Длина этого отрезка 15 м, ширина 2,5 м. К западной стене коридора была приставлена стеночка с нишей. В южном конце этой стеночки были вырублены ступени для подъема на ее верх. Верхняя плоскость стеночки образовала горизонтальную площадку, на которой, видимо, хранили различные вещи. Здесь был найден небольшой кладик (часть поясного набора), состоящий из медных бляшек (7 шт.), наконечника ремня, пряжки, железного кольца и какого-то стеклянного изделия, возможно, бусины, которая расоупалась на мелкие кусочки. Бляшки различной формы: 1) квадратные (длина сторон в пределах 2 см), 2) полукруглые, 3) квадратные с закругленной нижней частью. Бляшки снабжены шпеньками для крепления на ремне; на двух из них (квадратных, с закругленной нижней частью) — орнамент с изображением виноградной лозы. Диаметр железного кольца 5 см, толщина его 0,8—1,0 см.

Находка деталей поясного набора представляет для нас определенный интерес. Наряду с известными для Кафыркалы типами бляшек в нем имеются ранее не встреченные типы бляшек (квадратные с закругленной нижней частью), наконечник

5. Например, при классификации гемм Метрополитенского музея, геммы с подобным сюжетом выделены в отдельную группу. См. В г р у п п е р С. J. Sasanian stamp seals in the Metropolitan Museum Art. New York, 1978, p. 121-122. Есть также геммы и в других собраниях.

ремня. Благодаря этой находке мы полнее представляем тохаристанский поясной набор. Он во многом был похож на согдийский.⁶

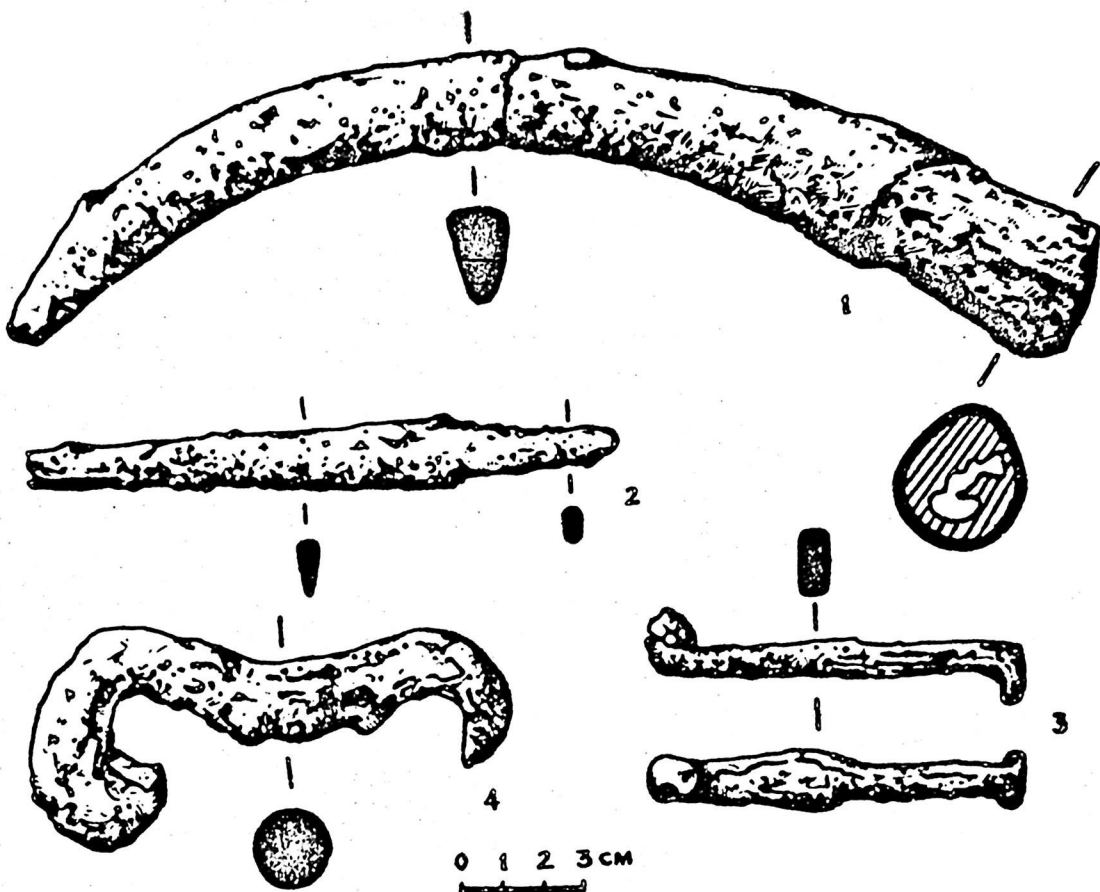


Рис.2. Кафиркала. Железные изделия: 1- серп, 2 - нож, 3 - крюк, 4 - крюк.

Были продолжены также раскопки переулка на объекте № 3. В нем полностью вскрыты верхние культурные слои на площади длиной 10 м. Переулок неоднократно ремонтировался, постепенно при этом суживаясь. На третьем сверху полу обнаружена сливная канавка. Ширина ее у устья 1,10 м,

6. Р а с п о п о в а В.И. Металлические изделия ранне-средневекового Согда. М., 1980, с.90, рис.63, 1,3,4, 5,7; с.91, рис.64, 2,3.

ширина у пола 0,3 м, глубина 15-20 см. Судя по всему, она начинается у внешнего юго-восточного угла пом. I, именно в том месте, где заканчивалось сводчатое перекрытие переулка. Канавка относится к последнему периоду функционирования переулка, она имеет наклон в сторону главной уличной магистрали. Края ее хорошо утрамбованы, вся она забита мусором, имеющим зеленоватый цвет. У выхода переулка на главную уличную магистраль найден бронзовый перстень с горельефным изображением двугорбого верблюда на щитке и небольшим боковым шипом. Хорошо проработаны детали животного: глаз, ухо, хвост. Животное повернуто к зрителю левым боком. Почти на каждом полу переулка найдены медные монеты с круглыми отверстиями, но они, к сожалению, в большинстве случаев плохой сохранности.

Сезон 1980 г. на Кафыркале расширил наши представления о планировке дворца правителей владения Вахш и одного жилого дома в городе, он добавил к имеющейся коллекции новые интересные находки (рис. 2).

В.П.Новиков, В.В.Радилюловский
Ю.М.Смирнов

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ДРЕВНЕГО ГИССАРА
(работы 1980 г.)

В 1980 г. были начаты работы по обследованию района, находящегося в западной части Гиссарского хребта, в междуречья Ширкента и Каратага. Он представляет интерес прежде всего скоплением мест древних плавок. На водоразделах и в долинах названных рек обнаружено около 50 таких мест с металлургическими печами и железосодержащими шлаками. В подъеме среди шлаков встречаются фрагменты керамической футеровки печей и фурмы диаметром до 15 см. Металлургические печи располагаются главным образом у постоянно действующих водостоков, на первых надпойменных террасах. Количество печей в каждой из обследованных точек колеблется от 2 до 10. Мощность шлаковых отвалов, перемешанных с рыхлыми наносами и обломками коренных пород, в отдельных случаях достигает 5-6 м.

Спектральный полуколичественный анализ шлаков показал их значительную неоднородность, что позволило выделить четыре самостоятельные группы, первоначально связанные с четырьмя разобщенными горно-металлургическими зонами общей площадью около 15 км² (рис.1).

Поиск на рассматриваемой территории древних горных выработок, связанных с добычей железных руд, пока успехом не увенчался, однако возможно, что источником минерального сырья для плавок могли быть гематитовые руды вулканических пород палеозойского возраста или железистые песчаники юрских меловых отложений, развитые вдоль трассы плавок. Сравнение спектральных данных по всем типам руд с анализами шлаков не противоречит предположению

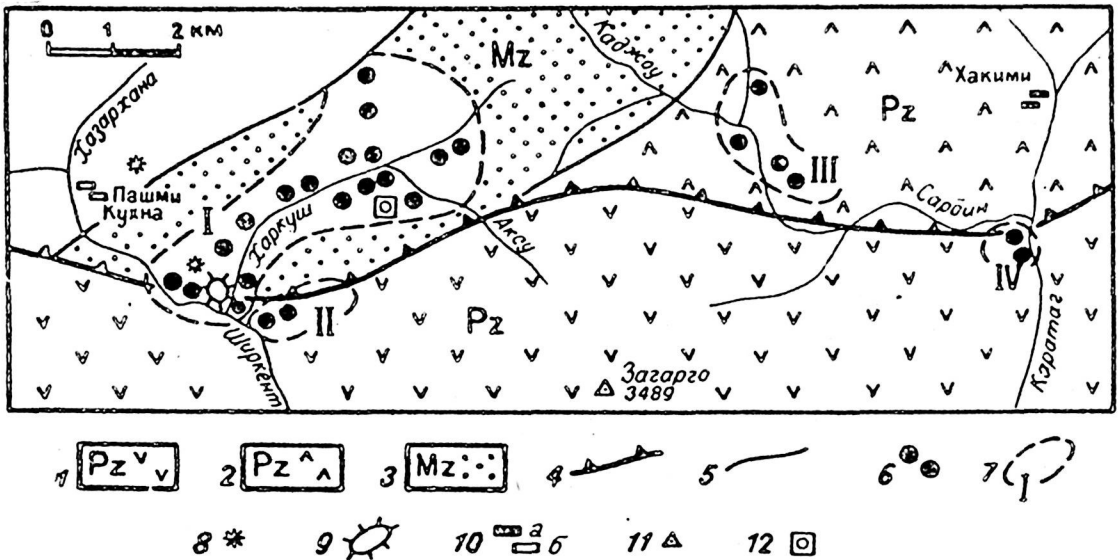


Рис. I. Горно-металлургические зоны в междуречье Ширкента и Каратага: I - палеозойские вулканические породы основного - среднего состава (спилиты, диабазы, андезиты); 2 - то же, основного-кислого состава (диабазы, андезиты, кварцевые порфиры); 3 - мезозойские осадочные породы (песчанники, глины, известняки); 4 - тектонический разлом; 5 - геологические границы; 6 - места плавки железа; 7 - горнометаллургические зоны и их порядковые номера; 8 - некрополи; 9 - городище; 10 - кишлаки; а - населенные, б - покинутые; II - горная вершина; 12 - место находки каменной ступки.

о местных источниках железосодержащего сырья. Намеченное по геолого-геохимическим признакам районирование территории позволит в дальнейшем проводить целенаправленные поиски древних горных выработок, а вместе с ними и железорудных проявлений, пока неизвестных геологам.

Весьма вероятно, что металлоплавильное производство в описываемом районе не ограничивалось только получением железа. Косвенные данные указывают на возможность обнаружения здесь плавки серебра и меди. Об этом, в частности, свидетельствуют геохимические ареалы названных элементов, выявленные в процессе геологической съемки, топономика района, а также обнаруженная на террасе Токчахона

каменная ступка диаметром и глубиной 20 см. По мнению Я.И.Сунчугашева, в подобные углубления в камне сливали расплав меди из тигля.¹

Наибольшее количество печей и шлаковых конусов находится на мысу у слияния рек Ширкент и Харкуш. Плавки располагаются вдоль подножия обрывистой аллювиальной террасы, сложенной ранне-среднечетвертичными галечниками. В северной части по тектоническому разлому примыкает к коренному склону, сложенному осадочными породами мелового возраста; на юге опускается к месту слияния рек Ширкент и Харкуш. В плане терраса имеет форму конуса острием обращенное на юг. В южной части поверхность террасы выровненная. К северу крутизна склона возрастает до 25°. Не исключено, что в этой части террасы сохранились реликты третьего надпойменного уровня.

В крайней юго-восточной части террасы обнаружены остатки городища. С запада городище ограничено долиной р.Ширкент, с востока долиной р.Харкуш. Площадь городища 3.250 м. В плане двухчастное. Размеры южной части городища 20x8 м; северной 90x25 м. Южная и северная часть городища разделена между собой неглубоким рвом. Поверхность южной части городища ровная, прямоугольная, отмечаются остатки оплывших стен помещений. В северной части городища, вдоль западного края, прослеживаются остатки оплывших стен помещений. В северо-восточном углу выделяется холм прямоугольной формы, высотой 8 м, вытянутый по направлению ЮВ-СЗ, с округлой ровной площадкой наверху размером 15x8 м. Возможно, это башня, которая контролировала подход к городищу с северной и южной стороны. В основании северной части холма проходит подъем на городище. Не исключено, что и в древности, подъем на городище располагался в этом месте.

1. Сунчугашев Я.И. О древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине. - СА, 1970, № 3, с.181-185.

В 200 м севернее городища, в пределах той же террасы, располагается могильник. Визуально он проявляется кольцевыми и овальными выкладками из речных валунов (диаметр выкладок 1,5-2 м) и неглубокими выемками.

Раскопочные работы на городище были начаты в южной части городища. Был заложен шурф размером 4x5 м, который затем перешел в раскоп 6x6 м. При проведении работ выяснилось, что городище двуслойное. Застройка позднего периода не сохранилась. На глубине 0,5 м обнаружен слой с каменной кладкой из трех рядов плотно уложенных валунов и известняковых прямоугольных плит. Кладка шириной 60 см и длиной 5,4 м расчищена на высоту одного камня, вытянута по направлению С-Ю. Размеры валунов колеблются в пределах 18-24 см, известняковых плит - 30-50 см. Края валунов и плит, ограничивающих кладку, подтесаны. В южной части часть кладки разобрана и камни использованы для укрепления сырцовых стен шести небольших печей, расположенных в юго-западной части раскопа. Часть печей расположена по одной линии и связана с общими боковыми стенками. Устья смежных печей № 1 и № 2 ориентированы в противоположные стороны. Форма печей эллипсоидная. Печи соединяются округлыми, обмазанными глиной отверстиями. Размеры печей: длина от 45 до 90 см, ширина - от 35 до 80 см, внутренний диаметр 25-30 см. Толщина стен колеблется от 20 до 35 см. Во внутренних частях печи и околопечного пространства обнаружено скопление костей домашних животных, фрагменты кухонного котла, зольник.

Основную массу находок на городище составляют фрагменты керамической посуды. Найдены также три археологически целых сосуда. Большая часть фрагментов венчиков принадлежит лепным котлам, изготовленным из грубой глины с примесью шамота. Анализ венчиков, ручек и поддонов дает основание датировать обнаруженный керамический комплекс ранним средневековьем.

Параллельно проводились раскопки могильника. При раскопочных работах выявлено два типа погребений, отличающихся также стратиграфически.

Тип I. Захоронения в подпрямоугольных ямах с арочным закладом, глубина захоронения 70-90 см. Положение на спине, костяки вытянуты по линии С-Ю или КВ-СЗ, головой соответственно на С или СЗ, лицо обращено к западу. Погребальный инвентарь отсутствует. Только в захоронении IA у шейных позвонков детского погребения обнаружена сердоликовая бусина, грубо шлифованная, трещиноватая, морковного цвета с просверленным отверстием. В заполнении могильных ям встречаются очень мелкие фрагменты керамики хорошего качества. Описанные погребения следует отнести к мусульманскому времени.

Тип II. Могилы этого типа более ранние, так как некоторые его захоронения нарушены погребениями первого типа. Могильные ямы подпрямоугольные, неглубокие (30-40 см). В одном случае могила заложена сверху двумя плитами красного песчаника, во втором случае захоронение нарушено: нет надмогильного сооружения, из костей черепа обнаружена только нижняя челюсть, разрушена северо-западная стенка могилы. Положение костяков на спине, лицом вверх, по линии КВ-СЗ, головой на СЗ.

Погребальный инвентарь представлен стеклянными бусами и железными изделиями.

Бусы, найденные в погребении IB, изготовлены из желтого прозрачного и темного непрозрачного стекла. Бусы желтого стекла трех форм и размеров: круглые диаметром 4-6 мм (30 шт.), круглая диаметром 8-10 мм (1 шт.), овально-ромбической формы, с продольным отверстием, длина 14 мм, максимальная ширина * 9 мм (1 шт.).

Бусы темного стекла цилиндрической формы, длиной 13-16 мм, диаметром 3-5 мм (3 целых, 4 фрагмента). Отверстия продольные. Бусины поперечно рифленые, глубина и ширина выемок около 0,5 мм. В этом же погребении обнаружены железные изделия: кинжал, нож, два фрагмента пряжек (рис. 2).

Кинжал и нож располагались между левой рукой и тазобедренным суставом погребенного. Кинжал двулезвийный, равномерно сужающийся к острию. Длина кинжала 33 см, при длине лезвия 22 см, ширина лезвия у перекрестия 3 см. Пере-

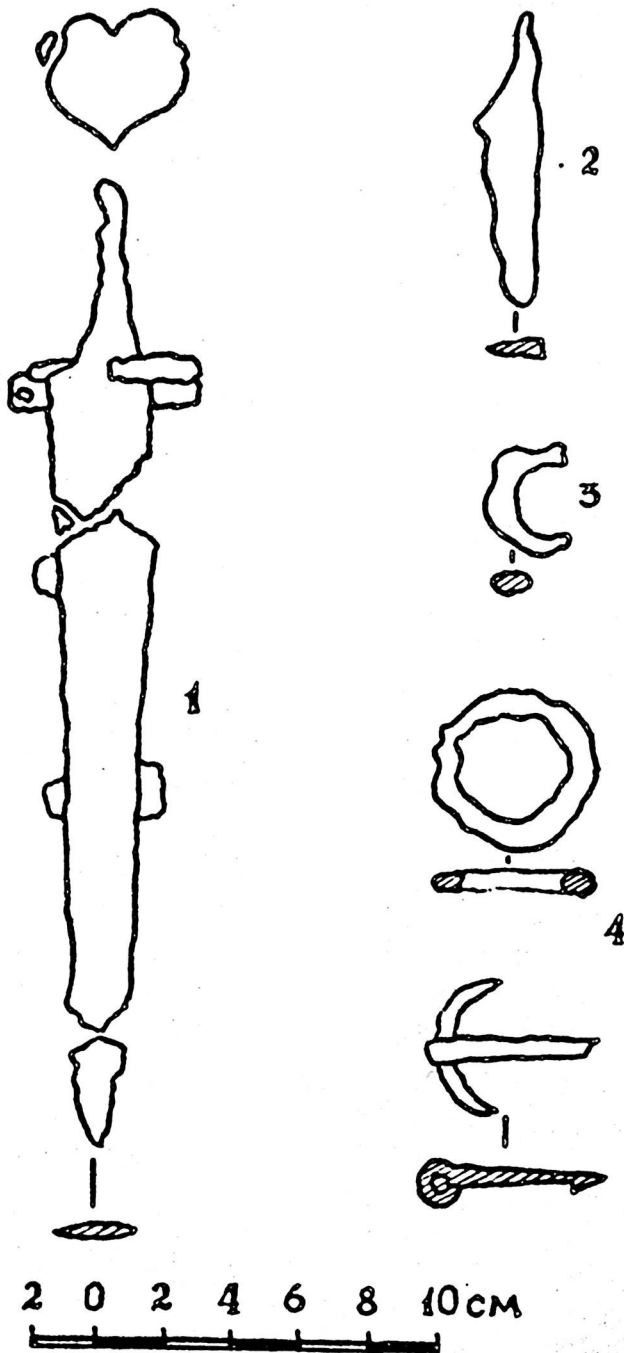


Рис.2. Железные изделия из погребений типа II могильника Харкуш-I: 1 - кинжал; 2 - нож; 3 - фрагмент пряжки; 4 - кольцевая пряжка с якоробразной застежкой.

крестие железное, прямое, накладное с обеих сторон. Навершие железное, сердцеобразной формы. Под лезвием сохранились металлические крепления ножен.

Нож черешковый, длиной 8,5 см, при длине лезвия 5,5 см. Лезвие треугольное в сечении, режущая кромка волнообразно коррозирована.

Фрагменты пряжек полулунной формы, в сечении плоские, диаметром 3-4,5 см.

В погребении 2Б найдена железная пряжка хорошей сохранности и фрагмент пряжки с круглой рамкой и подвижным язычком (рис.2). Пряжка круглой формы, внешний диаметр 4,3 см, внутренний - 3,2 см. Длина язычка фрагмента пряжки 2,5 см.

Сходные пряжки А.М.Мандельштам датирует последней третью II в. до н.э. - началом I в.н.э.² Несмотря на значительное сходство пряжек Тулхарского могильника и могильника Харкуш-I, мы считаем целесообразным воздержаться пока от датировки материалов могильника Харкуш-I тем же временем ввиду недостаточного его объема. Предварительно мы можем датировать могильник Харкуш-I позднекушанским - началом раннесредневекового времени.

Спектральный анализ всех металлических изделий не противоречит возможности их изготовления из местного сырья.

Полученные данные, таким образом, свидетельствуют о длительном существовании в западной части Гиссарского хребта древнего центра по добыче и переработке железных руд.

2. М а н д е л ь ш т а м А.М. Кочевники на пути в Индию. - МИА, № 136. М.-Л., 1966, с.160,205, табл.Х Ш.

Ю.Я. Якубов

ПОСЕЛЕНИЕ КУМ
(раскопки 1980 г.)

В отчетном периоде Верхнезеравшанский археологический отряд ЮТАЭ продолжил работу на поселении Кум.¹ Работы в основном велись в северо-восточной части поселения. Здесь еще в 1977 г. было вскрыто два помещения: одно большое - зернохранилище, другое святилище (рис. I).

Зернохранилище - пом. 14 было недокопано, и в отчетном периоде работы по его вскрытию были завершены. Помещение в плане квадратное (5,5x5,5 м). Стены его сложены из кирпича-сырца (размером 50x25x5 см) на глиняном растворе. Стены, кроме северной, сохранились на высоту от I до I,6 м. Северная стена расположена на краю обрыва, поэтому часть ее полностью разрушена в результате оползней. Но план помещения полностью восстанавливается. Помещение было амбаром, в нем имеются 9 хамбы - закрома разного размера. Стены, полы хамбы обмазаны ганчем. Ганчевая обмазка сохранилась на высоту 110 см, следовательно, стены хамбы имели высоту не меньше 110 см. Следы от деревянных колонн сохранились в закромах 2-3 и 5-6. Следовательно, перекрытие было плоское и упиралось на эти четыре колонны.

Несмотря на то что помещение было хозяйственное, в завале и на полу мало керамики. К западу от пом. 14 раскопано еще одно небольшое помещение 19 шириной 2 м и длиной 5,60 м. Вдоль северной и восточной его стен тянется суфа.

1. Состав отряда: Ю.Якубов - нач. отряда, Д.Давутов - мл. научн. сотрудник, М.Муллокандов - лаборант, С.Шитухина - архитектор, Г.Шарипов, И.Маслов и другие студенты-практиканты.

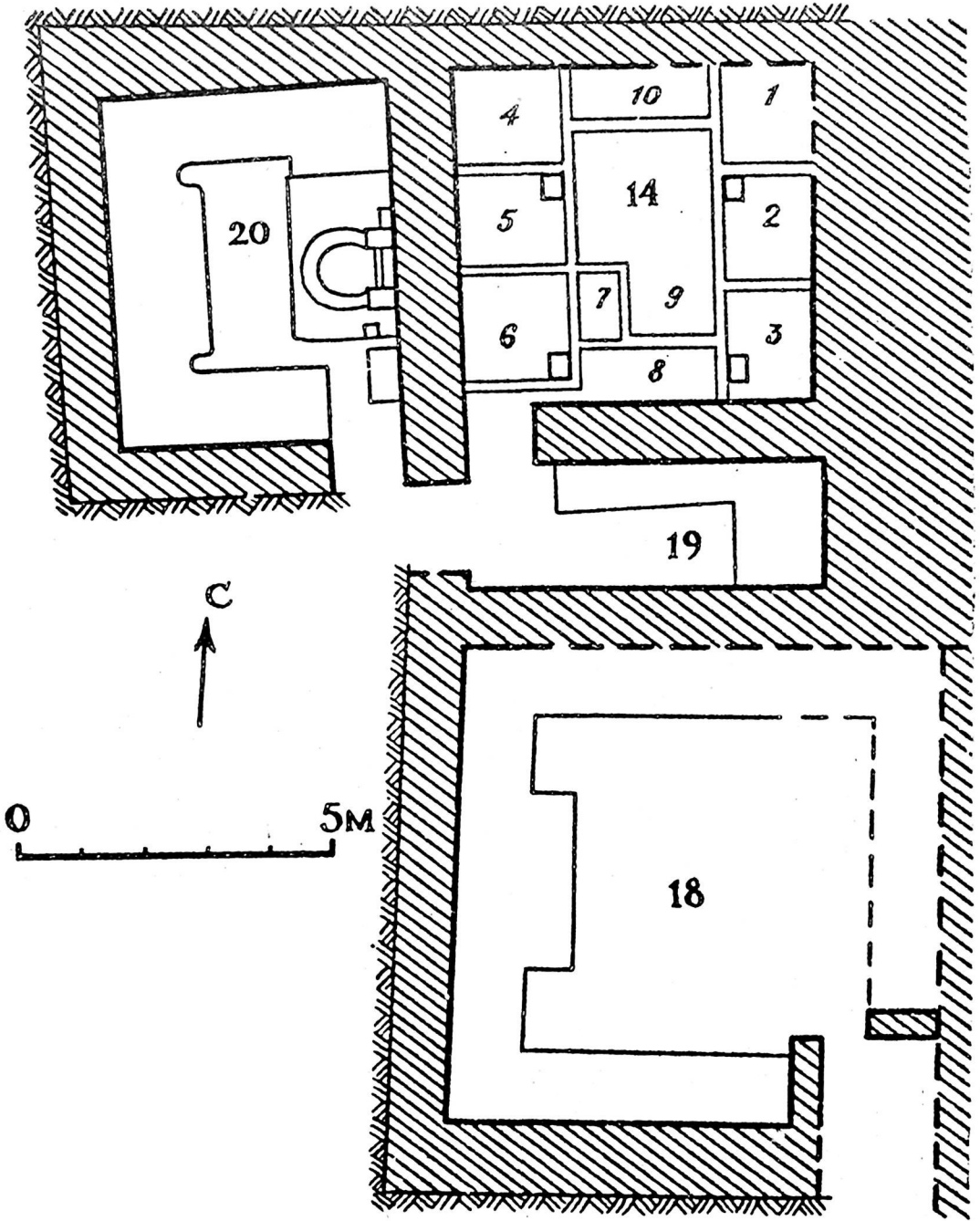


Рис. I. Поселение Кум. План жилого комплекса дворца.

Псм.20 (размером 5,60x4,45 м) расположено к западу от пом.14. Сохранились все четыре стены, которые сложены из кирпича-сырца (размером 50x25x10 см) на глиняном растворе. Стены сохранились на высоту от 50 см до 1,5 м. В помещении два периода жизни. В первом периоде оно было святилищем. Вдоль северной, западной и южной стены идет суфа. Суфа почетного гостя расположена вдоль западной стены напротив алтаря. Алтарь пристроен к южной стене. Размеры алтарной ниши: ширина 60 см, глубина 50 см. Перед нишей на суфе имеется подковообразный очаг (70x75 см) с невысокими глиняными бортиками - таштак, где горел "священный огонь". Внутри таштака много золы. Справа и слева от пилонов имеются остатки глиняной базы от миниатюрной колонки алтарной ниши.

Во втором периоде пол, таштак и алтарь, до уровня суфы (37 см), были засыпаны и обмазаны и помещение превратилось в зернохранилище. Причем только в северо-восточном углу была сооружена одна хамба. Пол и стены обмазаны ганчем без хамбы, по-видимому, зерно засыпали просто на полу.

Все три помещения 14,19 и 20 связаны с хозяйственной частью дворца и замка. К западу от них околнурен большой парадный зал (7,55x8 м), вдоль стен которого идут суфы. Суфа для почетного сидения расположена у западной стены. Восточная часть зала сильно разрушена и стены сохранились ниже уровня суфы. Другие стены зала сохранились на высоту не более 60-70 см. На западной и южной стенах сохранились остатки живописи. Причем расписаны были не только стены зала, но и стены тамбура и суфы прохода. Работы из-за отсутствия реставратора оставлены на 1981 г. Обнаруженные в завале и расщепленные фрагменты обугленного резного дерева свидетельствуют о том, что колонны, прогоны, карнизы, фризы были резными.

Все в этом комплексе показывает, что здесь находился дворец правителя. На стенах зала Гардани Хисор не обнаружено живописи, а стены кумского зала покрыты живописью. Обнаружение живописи в зале и факт наличия дворца на поселении свидетельствует о том, что здесь, как и во дворце Гардани

Хисор было место пребывания Деваштича и его фрамандара. Характерно, что здесь были связанные между собой парадные и хозяйственные помещения и это показывает, что на поселении (а не в замке) жил правитель. Если у правителя жилые и хозяйственные помещения, в том числе амбары, были на поселении, то встает вопрос, кому же принадлежал замок с его многочисленными помещениями хозяйственно-амбарного характера? В своих работах мы уже отмечали, что крепость Кум была либо общим убежищем для селений этого района, либо военным оплотом пенджикентского владетеля - Деваштича.²

Работы последних лет показали, что Кум является двухчастным поселением, т.е. состоит из замка и собственно поселения. Замок, в отличие от замка Гардани Хисор, был нежилым. Он состоит из трех десятков сводчатых помещений, причем помещения восточной части сводчатые двухъярусные. Большинство раскопанных помещений замка являлись хранилищем для зерна и других продуктов. Никаких признаков второго этажа не обнаружено, возможно, его и не было. Если бы был второй этаж, мы могли бы его найти вдоль западной оборонительной стены, так как она сохранилась на 3 м выше помещения первого этажа. Очень возможно, что верхняя часть замка была открытой площадкой с оборонительной стеной. Многочисленные помещения замка наводят на мысль, что здесь было хранилище не местного правителя, а более крупного правителя Буттама, а для начала УШ в. могли быть складским пунктом самого Деваштича. Не все помещения замка были хранилищами зерна, в некоторых из них, например в пом. 23, были найдены метательные камни, т.е. здесь могли держать разные предметы военного характера. В помещениях 21, 4 и 6 могли жить караульные, охранники склада.

Новые археологические материалы из раскопок Кума позволяют яснее представить причины отступления восставших согдийцев во главе с Деваштичем в Паргар. Археологические материалы, с одной стороны, мугские документы, с другой,

2. Я к у б о в Ю.Я. Паргар в УП-УШ вв. Душанба, 1979, с. 123.

доказывают, что Деваштич ждал арабов не в Пенджикенте, а здесь, в Паргаре, т.е. Мадме, Куме, Абаргаре. Поэтому Кум и Абаргар он готовил к длительной обороне. Например, в документе Б-12 сообщается: "Месяц хурезанич, день фраварт-роч. И взял Вахачиан в Зравадок у Сардума пять конских доспехов и 20 пидмаз веревок шерстяных и 250 стрел составных и 150 седел. И взято в Кум по приказу араспана 15 веревок из тех веревок, которые доставлены из Мадма, - шерстяных. И выдано Ачпасаху 9 кож... и еще семь кож".³ Из этого документа вытекает, что склад был в Куме и отсюда взяли 15 веревок из тех, которые были принесены из соседнего селения Мадм. Здесь речь идет о веревках военного значения.

В документе Б-3 говорится, что "И принесли из (селения) Евшист II доспехов конских (?) и 13 рудмз веревок и три пув'пкыш и одну овчину (?) не выделанную и один 'рч' и один котел".⁴

В другом документе, Б-18, заравадский араспан сообщает фрамандару, управляющему дворцовым хозяйством Деваштича "Господин государь (Деваштич) так и приказал: "фрамандару Я (Хуфарн) должен сообщить, что... два рудмз приготовит, и также рудмз, которые (?) я пришлю, и подвески (?), и веревки, и пять /..., которые я пришлю и фрамандар пусть отправит к wdgtcynw (?) А вы получите зерно и также я конские доспехи (?) пришлю".⁵ Не все написанное в этих документах сохранилось, тем не менее в них отчетливо выражается забота Деваштича и его подданных о сборе продовольствия и военного снаряжения из разных кишлаков Буттема. Дата документов неизвестна, но вряд ли они были составлены задолго до похода арабов в эти места.

3. Л и в ш и ц В.А. Юридические документы и письма. Согдийские документы с горы Муг. Вып. П. М., 1962, с.155-156.

4. Там же, с.155.

5. Там же, с.154.

В документе Б-19, часть которого не дошла до нас, во второй его половине сообщается, что Спарак пишет фамандару "... они пришли (или идут) в Зравадак.⁶ И если у меня будет это зерно, то я сам приду в Зравадак. И государь (Деваштич) тебе так приказал: "Тот час же вывези зерно и (другое) продовольствие, ... унеси и хорошенько позаботься о безопасности (или сохранности)" И я тебе послал одну кольчугу sn'th (какой-то предмет снаряжения), одно седло и небольшие башмаки."⁷

Документы явно отражают заботу Деваштича о сборе и сохранении продовольственных запасов. Упоминание же отправки одной кольчуги, конечно, могло и не быть связано с какой-либо опасностью. Однако в сочетании с аналогичными документами Б-3, Б-12, Б-20, Б-1 и Б-4 быть может свидетельствует об определенной подготовке Деваштича к предстоящим боевым действиям.

В литературе многократно высказывалось предположение, что Деваштич направлялся через Паргар в Фергану и там соединился с другой группой восставших согдийцев во главе с Карзанджем. Мы уже высказали мнение, что никаких оснований для этого предположения источники не дают. Новые и всесторонние археологические исследования в районе восстания согдийцев против арабов (Мадм, Кум и Абаргар), с одной стороны, данные мугских документов, связанные с политической и хозяйственной жизнью этого района в период арабского похода, с другой, позволяют с уверенностью говорить о том, что Деваштич не собирался двинуться в Фергану, а готовился к обороне Паргара, т.е. Кума и Абаргара (замка на горе Муг). Раскопки в Куме показывают, что это было крупное для того периода и очень сильно укрепленное поселение. Раньше мы думали, что памятник включает лишь замок, который

6. Зравадак расположен в 7 км от Кума.

7. Л и в ш и ц В.А. Ук. соч., с.151.

состоит из нескольких десятков сводчатых помещений и большого укрепленного входа.

Работы последних лет показали, что на предполагаемом месте двора расположены сельские дома. Крепость Кум очень сильна в фортификационном отношении, она расположена на возвышении и со всех сторон окружена преградами, причем на севере и западе проходили глубокие ущелья с крутыми обрывами. Места, где возможен подход к крепости, были обложены камнями. Крепость с трех сторон была совершенно неприступна для врага. Естественные преграды были усилены возведением вдоль обрыва террасы кирпичной стены толщиной 5 м с внутренним оборонительным коридором. Доступ к поселению был только со стороны востока и здесь толщина оборонительной стены достигала более 14 м. Таким образом, крепость Кум была неприступна для врага. Единственный недостаток крепости - нехватка воды, но и здесь был выход. На расстоянии 150-200 м от крепости, на северо-западном склоне сая Якдон, находился небольшой родник, к нему можно пройти только со стороны крепости. По-видимому, жители крепости в свое время и в опасные моменты использовали родник как источник питьевой воды.

В этих селениях было большое количество удобных помещений, а в замке на горе Муг место для содержания скота, в том числе лошадей и для размещения палаток для проживания людей. Все это было учтено участниками восстания. При соответствующей подготовке и достаточном числе воинов могли быть надежды на успех операции.

В источниках точно не говорится, по какой дороге отряды Сулеймана ибн Абусари пошли против Деваштича. По мнению ученых, арабы во главе с Сулейманом вышли из Самарканда и направились в Пенджикент. Но это всего-навсего логичное умозаключение. Нам представляется, что арабы сначала расправились с согдийцами, прибывшими в Ходжент. Там они у ишхида Ферганы ат-Тара узнали все детали антиарабского плана Деваштича. Из Ходжента они могли через Уструшану,

через Шахристанский перевал пойти против Деваштича. Во всяком случае, в документе Б-19 Спадок сообщает фрамандару о приближении какой-то опасной группы со стороны севера, т.е. Уструшаны в сторону Заравадак, Кума, Мадма, и поэтому просит спрятать продовольствие в надежном месте.

Во всяком случае в документе А-9 сообщается, что "...В день хлеварроч военоначальник остановился в Шавкате (город-рустак в Уструшане. - Ю.Я.) пеших воинов (?) всех, что были, я отправил через Буттаман против (?) него. А земли, которые в Паргаре самыми лучшими будут, ты ему не оставляй ("не покидай") - этот военоначальник до тебя не дойдет. И государь, был такой приказ (от тебя): "вместе с Диваштичем готовь коней! (В день) маршатроч надежные ("хорошие") люди придут в Ралуш" - но известий об этом этом (у меня еще) нет".⁸

По мнению В.А.Лившица, отправитель письма - доверенное лицо Осваштича находился в Уструшане, и он сообщает о военных действиях арабов в этом районе. Причем военоначальник со своим отрядом двигался с севера, по направлению к столице - городу Бунджакабу. Однако отправитель письма предупреждает Осваштича о том, что военоначальник не пойдет в горные рустак Буттаман и ты не покидай Паргар. Это письмо еще раз говорит о том, что арабы могли прийти и в Буттаман через Уструшану (Шахристанский перевал).

8. В.А.Лившиц. Ук.соч., с.95.

Ю.Я.Якубов, М.М.М.Муллокандов

РАБОТЫ КАРАТЕГИНСКОГО ОТРЯДА (1980 г.).

Каратегинский археологический отряд ЮТАЭ^I в 1980 г. продолжил работу по изучению памятников Ляхша. Отряд был разделен на две группы: одна под руководством М.Муллокандова изучала курганы Ляхш I, другая - под руководством Д.Давутова и А.Е.Павловой - производила работы на городище Чоргуль.

На городище Чоргуль в 1979 г. в северо-восточной части был заложен шурф. Шурф сел на оборонительную стену цитадели. Тогда была расчищена кирпичная кладка, и на севере обнаружена лицевая сторона кирпичной стены. Было решено превратить шурф в раскоп от обнаруженной стены. При углублении сразу был обнаружен завал из жженого кирпича, лежащего беспорядочно, но на них сохранился ганчевый раствор. Кирпичи лежали наклонно, как будто упали сверху от купола. Действительно, был обнаружен фрагмент стенки тропа. В 1979 г. мы успели найти часть южной стены, на этом работы здесь в том сезоне были прекращены.

В отчетном периоде мы продолжили работу в этом пом.2. Кирпичи, обнаруженные в 1979 г., не оказались на месте - местные жители использовали их для строительства домов.

В отчетный период была обнаружена южная, большая часть северной и западной стен. В юго-восточной части помещения раскопано полностью до пола. Стены внизу сложены

I. Отряд работал в следующем составе: Ю.Я.Якубов - начальник отряда, М.Муллокандов - старший лаборант, Д.Давутов - младший научный сотрудник, А.Е.Павлова - старший лаборант, студенты ТГУ им. Б.И.Ленина А.Зимин, И.Маслов и др.

из камней на глиняном растворе, на высоту 40 см. Эта каменная стена служила фундаментом будущего здания. Собственно стенки сложены из кирпича-сырца размером 34x34x7 см на глиняном растворе, они на 7 см отступают от фундамента. Этот фундамент в помещении тщательно обмазан ганчем. Потом на выступающей внутрь помещения полочке фундамента была возведена облицовочная стена из жженого кирпича размером 25x19x4-5 см, положенного плашмя, причем эта кладка на ганчевом растворе. Кусок такой облицовки сохранился на восточной части восточной стены.

На облицовке сохранились следы резного штука. Сам же штук не сохранился, он полностью упал в завал. Метод облицовки сырцовых стен жжеными кирпичами, а потом украшать стены резным штукаом был широко распространен в X-XI вв. Например, в Хульбуке сырцовые стены были облицованы жжеными кирпичами плашмя. А резной штука наносился на облицованные жженым кирпичом стены.²

Резной штука изготовлен не из ганча, алебастра, а из темноватой глины. Рельефные узоры, вырезанные на этой глине, в основном растительные (рис. I). Среди найденных фрагментов резного штука встречается волнистый стебель между двумя широкими, параллельно идущими гладкими лентами. Ленты иногда выступают, реже углубленные.

Много фрагментов найдено с орнаментом косоугольной сетки. Косоугольная, или ромбическая, сетка встречается разной величины в обрамлении плоской сетки. Этим бордюрным орнаментом были украшены, по-видимому, карнизы и полуколонки арок. Орнаменты побелены тонким слоем ганча, так как глина была черная, то побеленные узоры выглядели эффектно и нарядно. Как известно, ганчевый штук Хульбука, Сайеда, Термеза, Балха и Самарканда был покрашен в разные цвета, а штук Чоргуля был просто побелен ганчем. Резьба

2. Г у л я м о в а Э. Раскопки памятников на городище Хульбук в 1957 г. - АРТ, вып. VI (1958 г.). Сталинабад, 1961, с. 148.

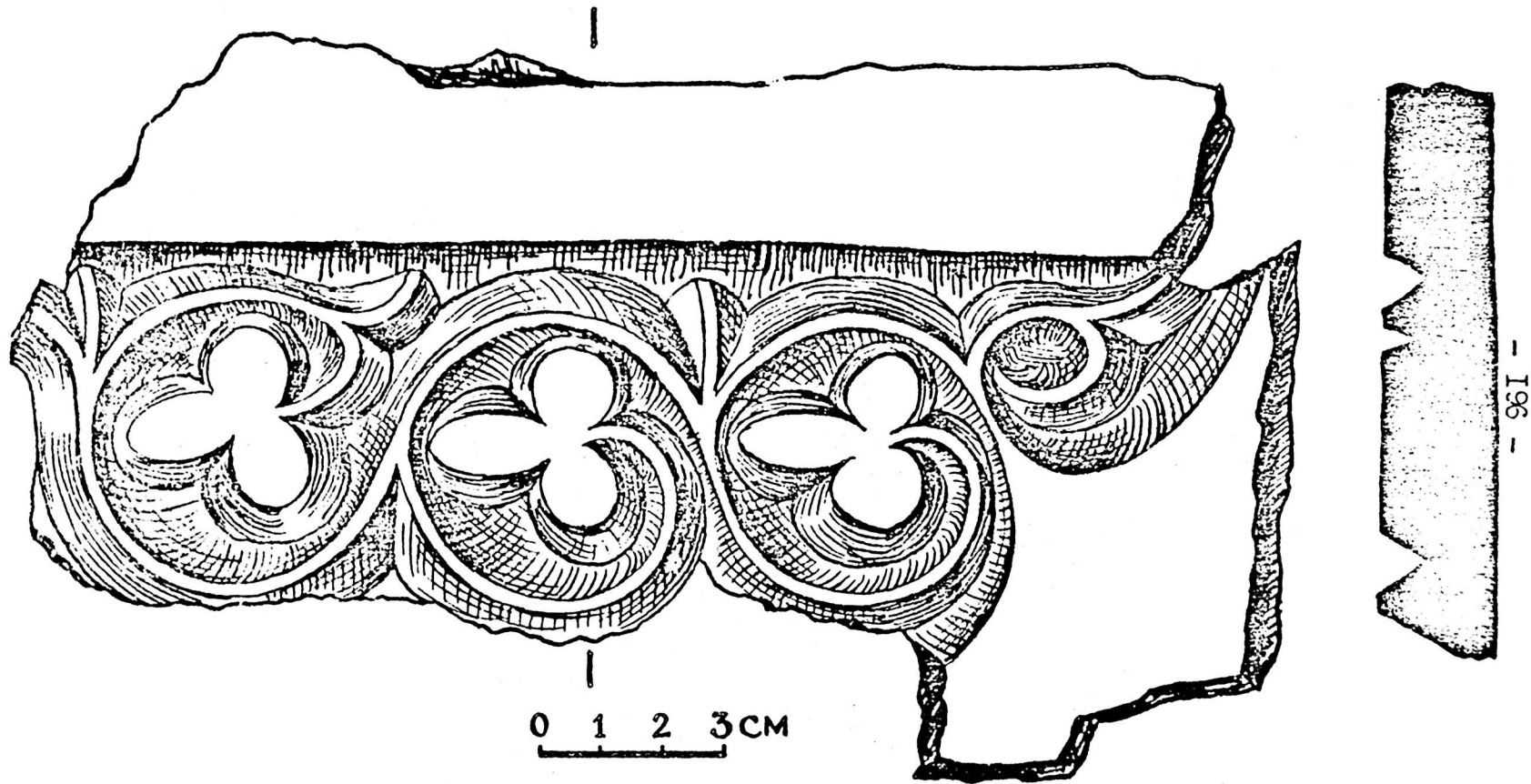


Рис. I. Городище Чоргуль. Фрагмент резного штука.

на штуке выполнена с большим искусством и по технике исполнения не уступает штуку самых культурных центров этого периода: Самарканда, Балха, Хульбука и других городов Хорасана и Средней Азии X-XI вв.

В помещении наблюдается два периода жизни: в первом назначении его было парадное, во втором периоде, когда жизнь была возобновлена, штук и облицовка рассыпались и вместо них стены были обмазаны пахсовым слоем толщиной 30-40 см. На полу обнаружены захоронения в кирпичных ящиках. Было вскрыто одно из них - мусульманское. Мы не знаем, является ли это помещение мавзолеем или чем-то другим. Этот вопрос выяснится после того, когда оно будет полностью раскопано. Помещение квадратное - 8x8 м, имело купольное перекрытие. В завале кроме кусков и целых жженных кирпичей и фрагментов штука ничего не встречалось. Не найдены фрагменты керамики и других предметов.

Группа по изучению курганов продолжила исследование курганов могильника Ляхш I. Работа на них начата еще в 1978 г. Тогда были раскопаны три кургана, один из них оказался кенотафом, раскопки двух других не дали результата.

В отчетном году раскопаны четыре могилы (№ 4, 5, 6, 7), две из них (№ 4 и 7) оказались ограбленными еще в древности. По-видимому, могила № 6 тоже частично разграблена, могила № 5 сохранилась полностью.

Все раскопанные могилы Ляхш I имеют насыпи высотой от 25 см до 60 см при диаметре от 5 до 8 м. Насыпь состоит из камней и земли. На всех могилах после расчистки обнаружены квадратные в плане ограды. Вокруг могильной ямы камни уложены в два ряда.

В могилах № 4 и 6 ямы имеют подбой в виде неглубокой ниши. В таких подбоях тело покойника полностью не помещалось, поэтому часть тела находилась в самой могильной яме.

В могильнике Ляхш I встречаются два вида захоронения: в яме и подбое. Приведем описание по одной могиле каждого типа.

Могила № 6. Размеры ее ограды: длина северной стороны 3 м, ширина 60 см, южная - длина 3,6 м, ширина 70 см; восточная - длина 3,3 м, ширина 60 см; западная - длина 3,0 м, ширина 60 см. Форма ограды трапецевидная. На уровне древней поверхности обнаружена овальная могильная яма, вытянутая с З-В на 1,6 м и шириной 1,1 м. Подбой находится на глубине 1,55 м от древней поверхности у южной стены. Длина подбоя 2,1 м и ширина его 40 см, высота 50 см. Костяк находился почти в подбое, левая часть тела вне его. Покойник лежал на спине, руки и ноги вытянуты по направлению восток-запад. При нем найдены железный нож, трехлопастный железный наконечник, стрелы и две железные пряжки.

Ко второму типу относится могила № 5, она представляет собой в плане невысокий круглый холм, диаметр которого 7-7,5 м и высота 19-20 см. Внутри холма была расчищена ограда из гальки и скальной породы. Длина сторон ограды: С-З часть ограды 425 см; С-В часть - 350 см; Ю-В - 430 см; Ю-З часть ограды 400 см.

Толщина ограды всех четырех сторон равна 40 см. На уровне дневной поверхности обнаружена могильная яма овальной формы (размеры 2,1х0,7 м). На дне могильной ямы, слегка впущенной в материковый слой, на глубине 45 см от поверхности находился костяк вытянутый с Ю-З на С-В. Костяк положен по длине могильной ямы, головой на Ю-З. Костяк хорошей сохранности. Длина костяка 1,9 м. С левой стороны, т.е. с запада, от предплечий был найден лепной керамический кувшин с двумя ручками; справа от головы - маленький односторонний нож, выше ножа бусина. У левой руки фрагмент бронзового кольца.

Яма в этой могиле неглубокая по сравнению с другими могилами этой группы. Костяк здесь лежит головой не на запад, как в других могилах, а на юго-запад. Лепной кувшин, который найден в этой могиле, лощеный и аналогичен керамике усадьбы, датированной нами У в.н.э.

Вещественные материалы, полученные из могильника Ляхш I, не позволяют датировать его более точно. По всей вероятности, могильники Ляхш I, Ляхш II и усадьба № I относятся к У-UI вв.н.э.

В отчетном периоде мы также раскопали два кургана в могильнике Оксай и один в Гуломе. Эти могильники были зафиксированы Ю.Якубовым еще в 1975 г. После освоения земель Ляхша они были сnivelированы и остались только на труднообрабатываемых участках единицами.

Могильник Оксай I расположен на левом берегу Сурхоба (место Даштикул) напротив к. Оксая. Некоторые из них большие и некоторые маленькие. Из числа малых раскопаны две, одна из них оказалась кенотафом (№ 3), другая (№2) — с костяком.

Могила № 2 (рис.2) Оксаидаштикуль в плане представляет собой небольшой холмик с выступающими на поверхности крупными гальками. Диаметр насыпи 5 м, Могильная яма находится внутри каменной ограды квадратной формы 4x4 м. Могильная яма эллипсовидная, вытянута с востока на юго-запад на 1,9 м, и глубиной 45 см. Костяк лежал на спине, вытянутый головой на юго-запад, т.е. по течению Сурхоба. С покойником найден круглодонный сосудик (рис.3). Сосудик лепной, плохого обжига. На нем следы копоты. Такие сосуды обнаружены в сакских курганах Восточного Памира.³ На валунах, на левом берегу у спуска к мосту в к.Оксая, сохранились изображения горных козлов, похожих на изображение козлов сакского периода. Поэтому, возможно, могильник Оксай-I — Даштикул относится к сакскому периоду. Но эта датировка очень предварительна, так как раскопана пока одна могила.

Могильник Гулома. Могилы расположены в районе современного селения Гулома по левому и правому берегу реч-

3. Л и т в и н с к и й Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972, с.36, табл.6,12,13.

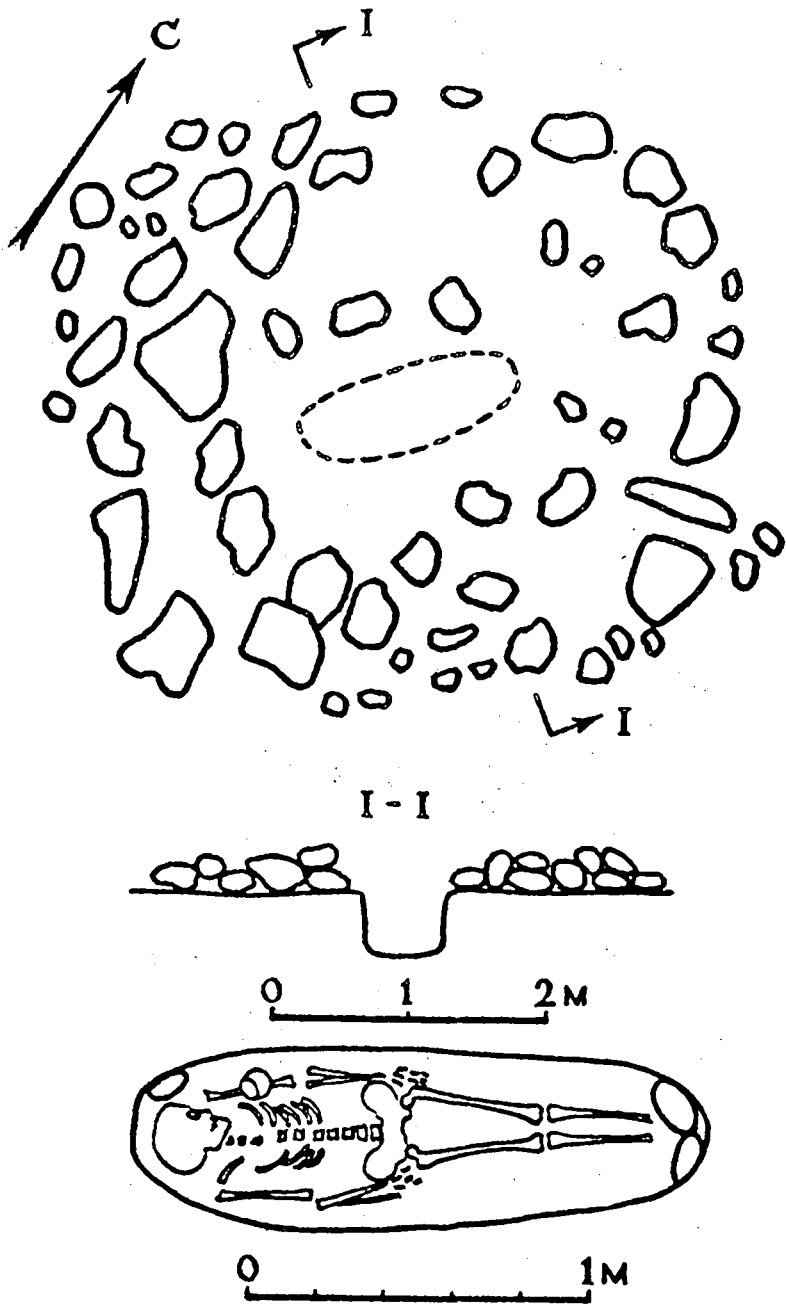


Рис.2. Могильник Оксай. Курган 2, план и разрез. кургана, план погребения.

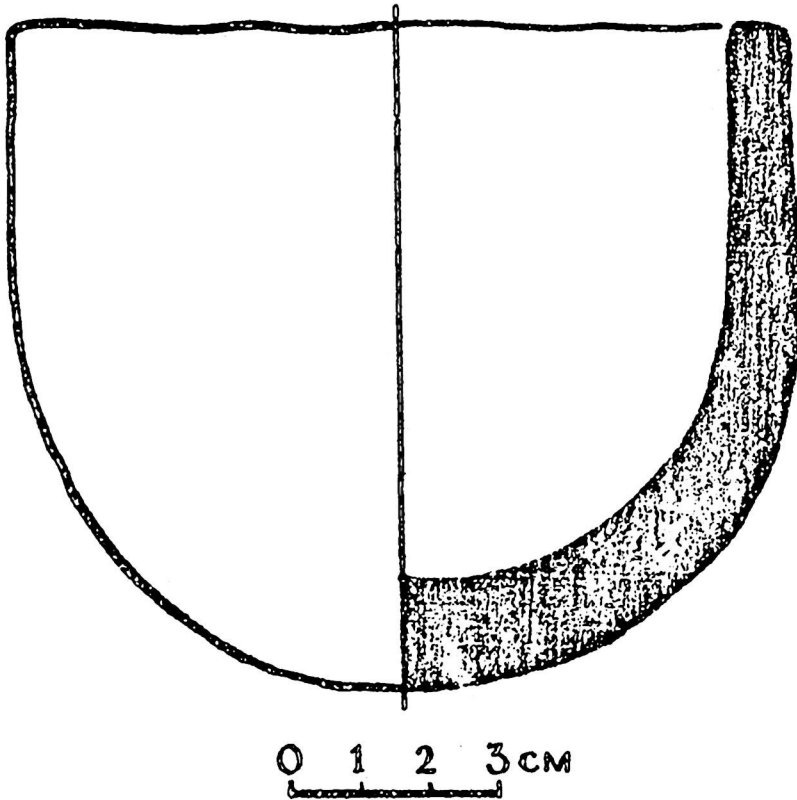


Рис.3. Могильник Оксай. Курган 2. Сосуд.

ки Гуломы. Могилы левого берега уничтожены и остались только две или три у подножия горы. Много уничтожено могил и на террасе правого берега. Сейчас даже во дворах и оградах многих жителей Гуломы находятся разрушенные могилы. Могилы левого берега насчитывают более 30 штук, их диаметр от 8 до 15 м. Могилы с каменными насыпями аналогичны могилам Ляхш I.

Э. Гулямова

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ САЙЁД В 1980 г.

В задачи работ отряда в отчетном сезоне^I входила расчистка внутреннего двора и раскопки за внешней стеной здания в юго-восточном углу. В предыдущем сезоне раскопки выявили расположение по периметру здания жилые и парадные комнаты. На восточной и южной сторонах оказалось по 9, на северной - 6, на западной - 7. Перед помещениями имелся крытый айван - ширина 4,1-4,2 м. Его пол вымощен жжеными кирпичами (рис. I). Зачистка поверхности юго-восточного угла здания выявила два слоя кирпичной вымостки, тогда как по всей поверхности айвана кирпич выкладывался в один слой. Дополнительная кладка могла быть вызвана ремонтом или закреплением угла. В 3 м от юго-восточного угла обнаружен нижний ряд круглого (50x50 см) ствола колонны. В диаметр круга на тонкую алебастровую обмазку положены два кирпича (25x25x4,5 см) со скошенными по кругу углами. По краям - две половинки кирпича, тоже локально подтесанные. Остатки колонны представляют значительный интерес. Можно предположить, что ствол колонны, поддерживающий кровлю айвана, был сложен из кирпичей. Поверхность ствола колонны имела алебастровую обмазку, украшенную рустовкой. В завалах над полом айвана попадались фрагменты алебастровой обмазки с закругленной поверхностью.

В средневековой архитектуре известны случаи, когда круглые стволы колонн из жженных кирпичей были покрыты але-

I. Состав отряда: нач. отряда Э. Гулямова, ст. лаборант Каримов Т. Д., художник В. Н. Багутин, шофер - П. М. Окунев, рабочие - О. О. Бордацкий, О. А. Палий.

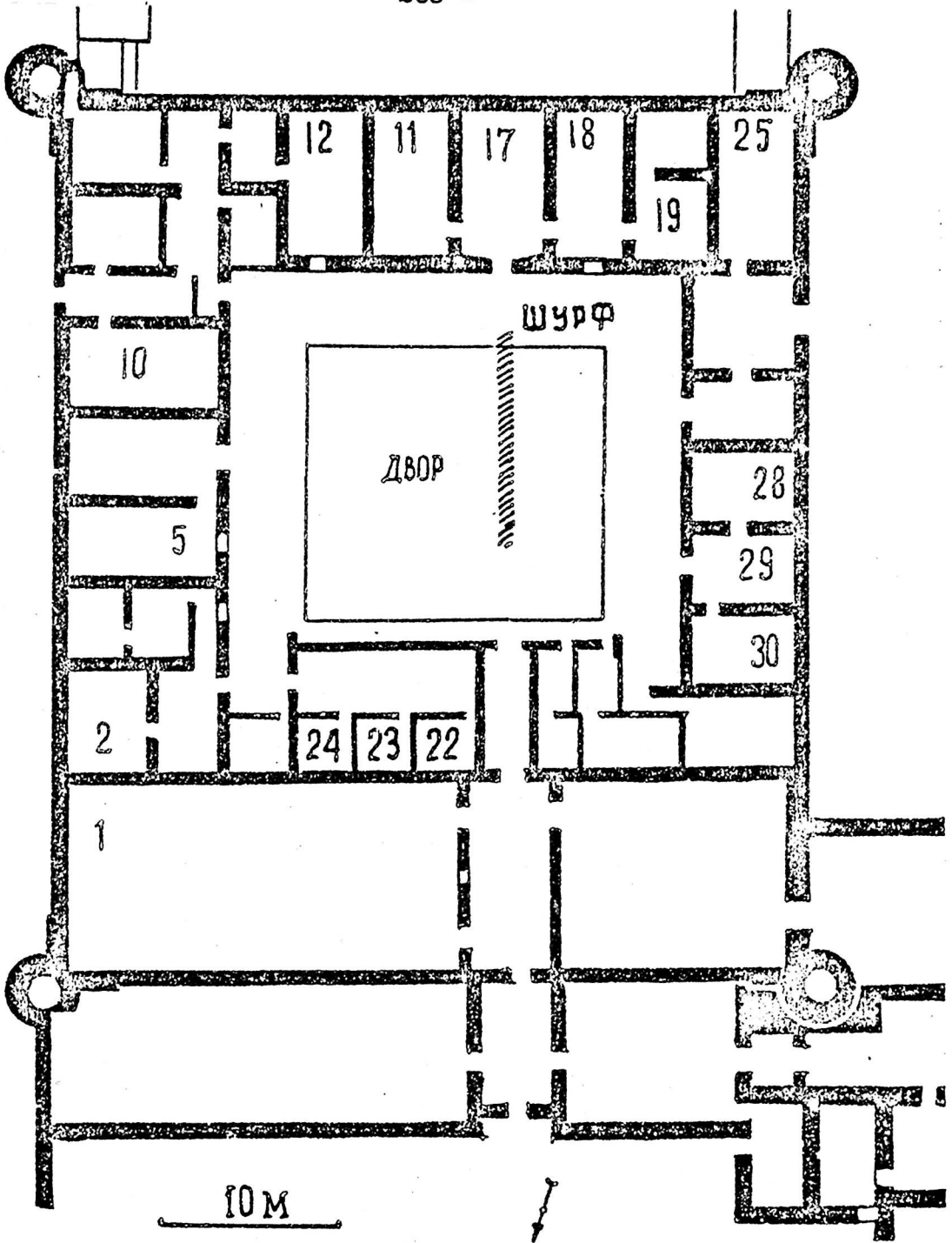


Рис. I. План раскопок

бастровой резьбой. Например, мечеть X века в Наине (Иран) и мечеть Ну-Гумбед IX-X вв. в Балхе. На последнем памятнике столбы были украшены алебастровой резьбой - рустовкой.²

Если вычесть четырехметровую вымостку айвана, то нераскопанной осталась площадь 16,5x15,5 м. Внутреннее заполнение двора составляет битая пахса, лёсс, лишь в районе прохода из пом. 17 во дворе строительные остатки с алебастром. Раскопки выявили, что площадь внутреннего двора ниже площади айвана на 0,4 м. Образующаяся невысокая стенка в сторону двора покрыта слоем алебастра, разделанного рустовкой в три ряда в шахматном порядке. Наибольшая сохранность в юго-восточном углу - на всю высоту и на протяжении 4 м в длину вдоль южной стены (рис. 2). В кирпичной вымостке двора кладка осуществлялась на алебастровом растворе. Узор кирпичной вымостки состоит из трех рядов кирпича вдоль айвана и середины - из кирпичей, положенных под углом. В северо-западном углу двора сохранился небольшой фрагмент вымостки (1x1 м). Вероятно, вся площадь двора имела кирпичную вымостку.

Сорокасантиметровая высота айвана над уровнем внутреннего двора предполагает наличие ступеней. Сохранились они лишь с южной стороны айвана. В центре врезанная ступенька (шириной 3 м), от которой сохранялась нижняя линия выкладки в один ряд.

Траншея (длина 10 м, ширина 1,2 м, глубина 2,2 м), заложная во дворе, рассекала естественный надувной слой, образовавшийся еще до постройки здания. В слое нет никаких включений и находок. Несколько фрагментов стенки неполированного кувшина приходится на границу, отделяющую айван от двора, на глубине 25 см. Верхний, обжигаемый слой (10-15 см) характеризуется более темным цветом.

2. Всеобщая история архитектуры. Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии VI-XIX вв. М., 1969, с. 150; Пугачева Г.А. Ну-Гумбед в Балхе (Афганистан). - СА, 1970, № 3, с. 241-250.

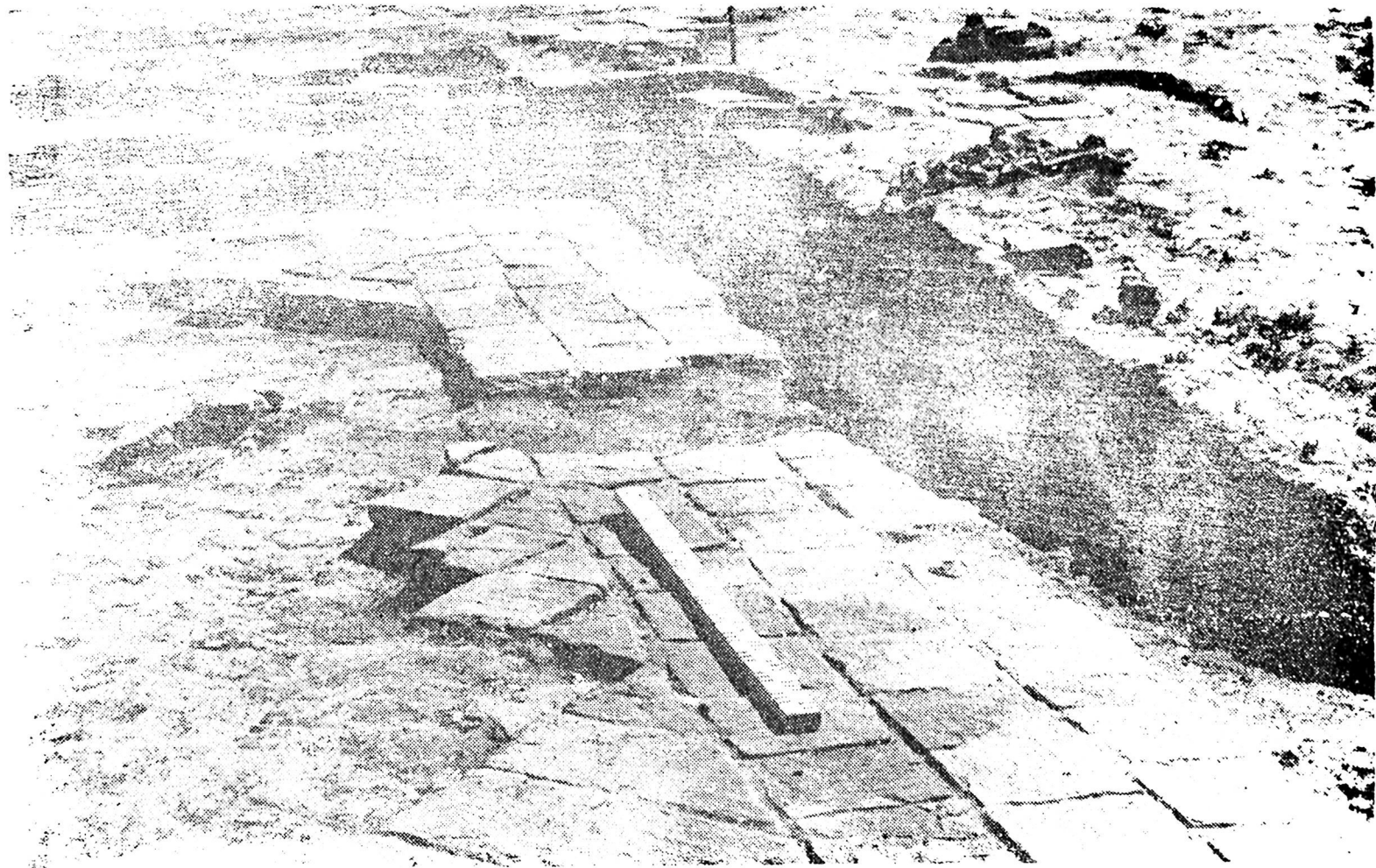


Рис.2. Кирпичная вымостка пола двора.

За северным фасадом здания, с двух сторон от входа, сохранились кирпичные вымостки. Вдоль восточной стороны фасада это две параллельные дороги шириной в 3-3,5 м. Между ними остатки стены или суфы (сохранившаяся высота 0,05 - 0,35 м). Первая дорога, непосредственно примыкавшая к стене здания, дошла до нас фрагментарно: в 1-2 ряда кирпичей вдоль всей 15 м длины. В середине есть участок (1,5-2 м), где кладка сохранилась на всю ширину. Вторая, параллельная ей, дорога, прослежена в длину на 12 м (была раскопана в сезоне 1971 г.), причем вымостка по всей длине имеет полную ширину (3,5 м). Дороги сложены из специальных кирпичей (10x25x4,5 см), поставленных на ребро плотно друг к другу. В центре обе дороги сильно прогнуты (прогиб 15-20 см). Возможно, прогиб в центре специально был предусмотрен для стока воды. Обе дороги и перегородка между ними образует замкнутый стенами прямоугольник. Создается впечатление специального помещения, своего рода привратничкой. Вдоль западной стороны фасада открытое пространство (15-16x10-12 м) вымощено желтыми кирпичами (10x25x4,5 см), поставленных на ребро. Рисунок образуется направлением кирпичной кладки: вдоль, поперек или в елочку. Каждый рисунок кладки отделен желобком (ширина 10-15, глубина 5-10 см). В центре кирпичная вымостка не сохранилась. Земля плотно утрамбована и на 5 см приподнята над площадью вымостки. Вся площадь кирпичной вымостки относительно ровная. У северной стены под вымосткой ташау (диаметр 1,2 м, глубина 2-3 м). Находок на поверхности вымостки нет. Некоторые участки несут следы ремонта. Видны истертые и побитые кирпичи - в наиболее часто использовавшихся местах. Такими большими площадями кирпичной вымостки жилое здание было отгорожено от улицы или других зданий (рис.3).

За пределами стен помещений вдоль южной стороны велись работы в 1979 г., юго-западный угол был расчищен и выявлена толщина стены здания - 1,3 м. В сезоне 1980 г. на восточном углу здания заложили шурф 2 (4x4 м). С первых штыков по всей площади шурфа попадались фрагменты красочного алебаstra.



Рис. 3. Кирпичная вымостка пола двора.

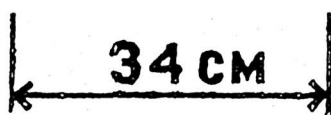
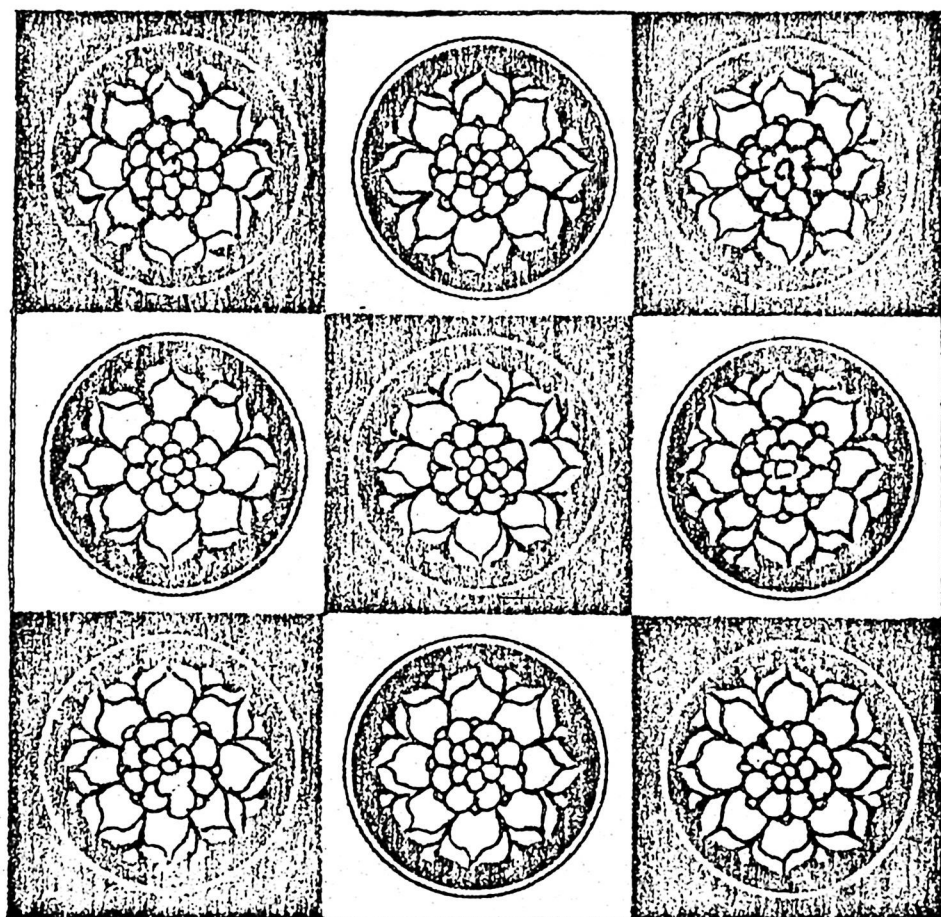


Рис.4. Живопись.

Подстилающий слой—глина, обмазанная слоем самана с глиной (толщина 5 см), на нее нанесен алебастр (0,5—1 см), поверх последнего слой синего, красного, желтого цвета с тонкой прорисовкой волнистых линий черно-коричневого цвета. Декор составляют нарисованные растительные розетки (диаметр — 31—32 см), заключенные в квадрат (34х34 см) и отличающиеся цветом. Рисунок розетки следующий: восьмилепестковые цветы с округлыми лепестками обрамлены восемью лепестками и заост-

ренными листьями, внутри которых тонкой линией нарисован тот же заостренный лист, чем достигается объемность. Три основные расцветки повторяются в четком порядке (рис.4).

1. На красном фоне квадрата синий круг с белой розеткой. Лепестки и листья прорисованы тонкой черной линией с нажимом и утолщениями.

2. На красном фоне квадрата синий круг, лепестки желтые, розетка белая, прорисована черной краской.

3. На третьем фоне квадрата синий круг, желтые листья прорисованы красной краской, белая розетка прорисована черной краской.

Розетки с растительным орнаментом широко известны в декоре жилых домов и общественных зданий в архитектуре IX-X вв. Наиболее близкими к сайедскому изображению следует считать розетку орнаментального фриза загородного дома Мшатты (Иордания) VIII в.н.э., где в треугольник помещена крупная рельефно выполненная растительная розетка,³ и облицованную плитку с резным орнаментом восьмилепестковой розетки из раскопок мавзолея Саманидов VIII-IX вв. в Бухаре.⁴

Здесь же были обнаружены фрагменты резного алебастра. Один из фрагментов (высота 1 м, ширина 0,6 м) представляет собой композицию настенного панно. Реконструированный рисунок панели представляет собой прямоугольник, в центре которого находится диск с четырьмя маленькими дисками по углам. В центре большого диска два наложенных друг на друга квадрата образуют восьмигранник, внутри него восьмилепестковая розетка. На стыках дисков, восьмигранника и маленьких дисков переплетения и петли. Схожая панель из дворца на Афрасиабе X-XI вв. Панель E (1,12x1,99 м) похожа на сайедскую лишь с тем отличием, что в центре диска треугольник, наложенные друг на друга под углом, образуют шестигранник.⁵ Судя по на-

3. Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII-VIII веков. М., 1974, с.42, илл.13.

4. Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с.135, рис.5.

5. Ахраров П., Ремпель Л. Резной шtuk Афрасиаба. Ташкент, 1979, с.37, рис.16.

ходкам в шурфе, это может быть богато орнаментированное резным алебастром и живописью помещение. Шурф не доведен до конца, глубина его 1 м. Дальнейшие раскопки дадут возможность восстановить декоративное убранство жилого дома IX-XI вв. в Южном Таджикистане.

В этой связи находка полихромной живописи имеет принципиальное значение. Во-первых, это разнообразие декоративных приемов в оформлении интерьера жилого дома: резной алебастр, живопись. Во-вторых, обнаруженные ранее в помещениях 17, 20, 22 фрагменты живописи с изображением деталей человеческого лица дают возможность предположить наличие и сюжетной живописи, которая не была бы неожиданностью для этой области, ибо в 1979 году на цитадели Хульбука обнаружено несколько фрагментов изображений воинов на айване северной части дворцовых построек. Находка полихромной сюжетной живописи на памятниках IX-XI вв. имеет особое значение и в свете непрекращающихся традиций живописи домусульманских памятников Южного Таджикистана (Аджинатепе, Кафирниганкала и др.).

М.А.Бубнова

РАБОТЫ ПАМИРСКОГО ОТРЯДА В 1980 г.

В сезоне 1980 г. в составе Памирского археологического отряда кроме археологов работали специалисты-этнографы и искусствоведы.¹ В данном отчете речь будет идти о результатах археологических исследований - разведки в долинах Язгулема и Бартанга, раскопки могильников в устье р.Бадомдара (левый приток р. Шахдары), обследования месторождения Ляджвардара (составляющая р.Бадомдара) и раскопки поселения Чартым (долина р. Гунт). В дополнение к археологическим исследованиям, мы собирали, по возможности, в долинах Язгулема и Бартанга данные о площади старых жилых домов и составе семьи для последующих исследований в области демографии Памира IX-XII вв., а также о характере погребений на старых (забытых) кладбищах.

В долинах Язгулема и Бартанга археологические работы до 1980 г. не проводились.

Долина Язгулема. Здесь мы смогли провести исследования вверх по течению до кишлака Джамак. Выше есть еще несколько небольших кишлаков, до которых можно добраться только пешком с вьюком.

По сведениям, которые были получены в кишлаке Андербак от местного жителя Зайду Насрулоева, он еще застал крепость, которая стояла на левом берегу р.Кумочдара (ле-

1. Отряд работал в следующем составе: М.А.Бубнова - начальник отряда; И.Мухитдинов - старший научный сотрудник (этнограф); А.Мамадназаров - младший научный сотрудник (архитектор); С.Эсупова - младший научный сотрудник (музыковед); Н.Кулакова - старший лаборант (художник); П.Демиценко - маршрутный рабочий; П.Окунев - шофер.

вний приток р. Язгулем), закрывая вход в ущелье, по которому можно пройти в долину Бартанга. По его словам, основание крепости было сложено из камня, а верхняя часть из сырцового кирпича. По словам другого местного жителя, Назрише Содачоева (62 года), дом которого стоит на месте бывшей Калы, последняя была обнесена стеной с двумя входами. В центре находился дом, в котором позже одно время размещалась школа. Н. Содачоев использовал сырцовые кирпичи с Калы при постройке своего дома. Это были сырцовые блоки, которые сохранились только в стене одного хозяйственного помещения (размеры 62-64x62-64x50 см). Других следов крепости обнаружить не удалось. Подъемный материал отсутствует.²

При входе в кишл. Джамак (7 км выше Андербака) сохранились остатки калы Чортакдара. Это площадь, огороженная каменной стеной (остатки кладки сохранились с северо-восточной стороны). В центре стояло подквадратное в плане сооружение, в настоящее время представляющее каменный завал, в котором хорошо прослеживается кладка наружной стены. Однако выяснить ширину стены без раскопок невозможно. Площадь всей постройки по наружному контуру около 150 м². По сведениям директора местной школы Мусо Махмадулова (он слышал от своего отца, умершего в 1957 г. в возрасте 101 года), что внутри Калы были жилые постройки, а высота наружной стены достигала 3 м. По одним сведениям, Кала имела 4 входа (отсюда и ее название), по другим - два. Она закрывала вход в низовья долины со стороны Каратегина. Подъемный материал (несколько фрагментов керамики) невыразителен и не может являться датирующим.

О верховьях долины Язгулем сведения сообщил Мурод Алиев (66 лет, бывший директор школы, ныне пенсионер). По его данным известны: 1) Гулхона в кишлаках Убгане, Рахзаве и Мазардаре; 2) старье кладбища: выше кишл. Барнавад.

2. Пользуюсь случаем принести благодарность всем информаторам и директору ср. школы в Андербаке Дашми Сайдалову, оказавшему большую помощь по сбору материалов долине Язгулема.

В долине Язгулема нами было обследовано старое кладбище ниже кишл. Бидун, расположенного на правом берегу реки, напротив кишл. Шавид. Нас интересовал характер наземных могильных сооружений и внутреннее устройство самой могилы в связи с раскопками кладбищ X-XI вв. на Восточном Памире и в Шугнанском районе (Западный Памир).³

Датировка крепостей Язгулемской долины (есть сведения, что Кала была и в кишл. Матраун, в низовьях долины) - непростая задача. Видимо, они не старше XUI в., так же, как и старые кладбища Гулхона, как и Шезуо на Западном Памире, относятся к XIX в.

Долина Бартанга. Сведения о крепостях были получены от Хушназар Тавлятходжаева, учителя школы в кишл. Емц. В нижнем кишлаке Шулдин крепость была построена как защита от афганцев, ныне разрушена. В Емце сохранились руины крепости. Она была расположена на скальном выступе, на правом берегу реки. Крутые склоны, а со стороны реки отвесные, защищали ее со всех сторон. Местоположение ее давало возможность хорошо обзрывать местность далеко вниз по течению реки и таким образом контролировать дорогу со стороны Рушана.

Кала представляет собой две группы смежных жилых помещений, вытянутых на узком пространстве каменной скалы. Их разделяет узкая улочка. Стены помещений сложены из оланцевых плит и валунов на глиняном растворе. Небольшая часть сохранившихся стен 1,7 м. Подъемный материал, очень скудный, состоял из грубой лепной керамики. Без раскопок время существования крепости установить нельзя. Возможно, что она тоже позднесредневекового времени.

В кишл. Спандж, по сведениям Эльшкеба Шехова (90 лет) на его памяти была разрушена Кала. Единственное, что он помнит - она была обнесена стеной.

3. Вопрос о характере погребальных сооружений по результатам работ 1980 г. подробно рассмотрен в нашей статье "Средневековые кладбища Памира X-XI вв. (К вопросу о верованиях)" - "Памирские ведомости", вып. 2, 1985.

Напротив Спанджа, на левом берегу р.Бартанг, в местности Дашт, уроженец этих мест Ханджар Толибеков (63 г.) показал нам на участок со шлаковыми отвалами (отходы металлургических плавок). Отвалы в виде россыпей шлаков сосредоточены на трех площадках округлых в плане (диаметр соответственно 6,4-3,2-2,1 м). По внешнему виду шлаки (тяжелые, черно-серые, с зелеными пятнами) содержат медь. Дед Толибекова (умер в 1943 г. в возрасте 105 лет), в конце XIX в. переселился в эти места, и уже тогда видел эти шлаки. О древних выработках в ближайших районах местные жители ничего не знают.

Обследование долины Бартанг было закончено в кишл. Разуч. Дальше машина проехать не смогла (размыло дорогу).

Долина Шахдара. Месторождение Ляджвардара находится в верховьях левой составляющей р.Бадомдары (последняя, левый приток р.Шахдара). На Восточном и Западном Памире из сакских погребений известны бусы из лазурита (раскопки А.Н.Бернштама и Б.А.Литвинского). Даже современными методами невозможно определить из какого лазурита изделия: из бадахшанского (афганского) или западнопамирского. Знакомство с месторождением Ляджвардара убедило нас в том, что древних выработок на месторождении нет и не было. Однако осыпи, в которых и сейчас видны обломки пород, включающие лазурит, могли обратить внимание древних жителей во время переходов через перевал на территорию Вахана или в период отгона скота на летние пастбища. Это необходимо учитывать при анализе лазуритовых изделий на Памире. Следует отметить наличие могильника в устье р.Бадомдара на правом берегу, что свидетельствует о том, что район в древности был обитаем.

Обратимся к могильнику Бадом, где были произведены раскопки. Он расположен на краю полуразрушенной террасы. На оставшемся останце на площади около 200 м² сохранилась 21 могила. Было раскопано три могилы (рис. I) и одна раскопанная кем-то раньше (кем установить не удалось) расчищена. С поверхности могилы отмечены каменными ог-

радиками четырехугольными и прямоугольными в плане. Есть двойные оградки (семейные). Отличие оградок состоит в том, что в тех могилах, которые расположены вдоль края

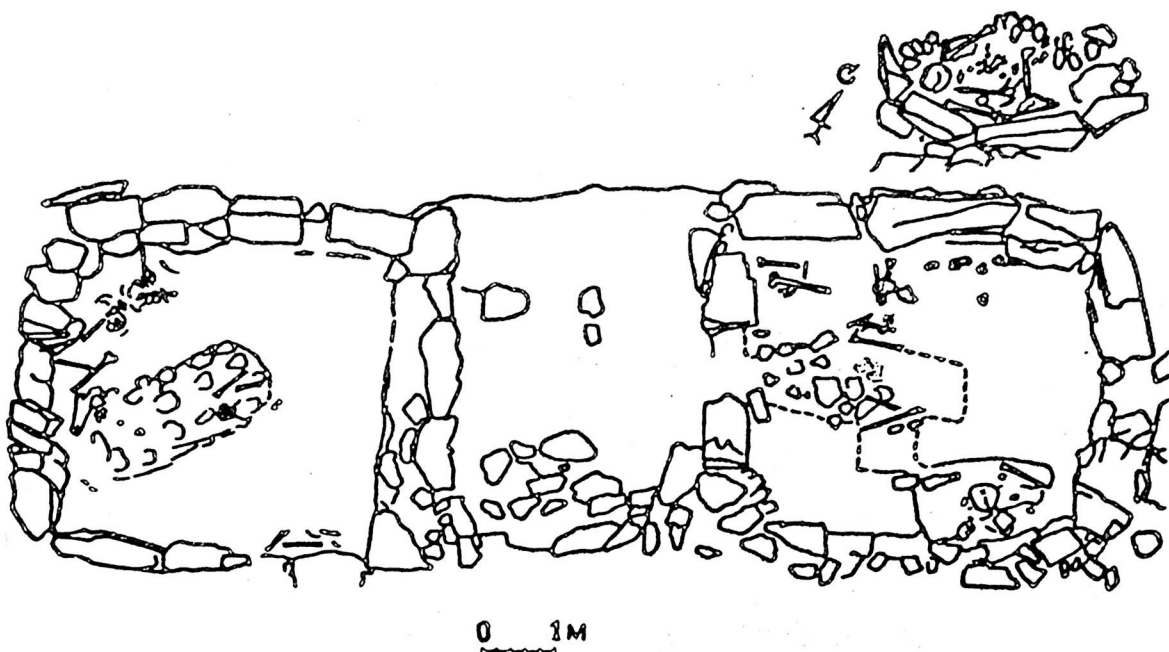


Рис. I. Могильник Бадом. План могил № 1, 2, 3.

террасы, они сложены из крупных камней, расставленных на некотором отдалении друг от друга, как бы с "просветами", а в некоторых, особенно в тех, которые расположены ближе к склону, оградки представляют плотную кладку. Они, на первый взгляд, воспринимаются как остатки стен помещений. Это впечатление усиливается благодаря тому, что оградки имеют вход, оформленный вертикально поставленными сланцевыми плитами. Привожу описание могилы № 1. Наземная часть не сохранилась (остатки нескольких камней свидетельствуют, что оно было аналогично первому типу оградок). Погребенный лежал в каменном ящике, сложенном из одного ряда камней, поставленных ребром. Глубина ящика 20 см. Погребение разграблено. Череп отсутствовал. По сохранившимся костям и каменному ящику установлено, что скелет был ориентирован

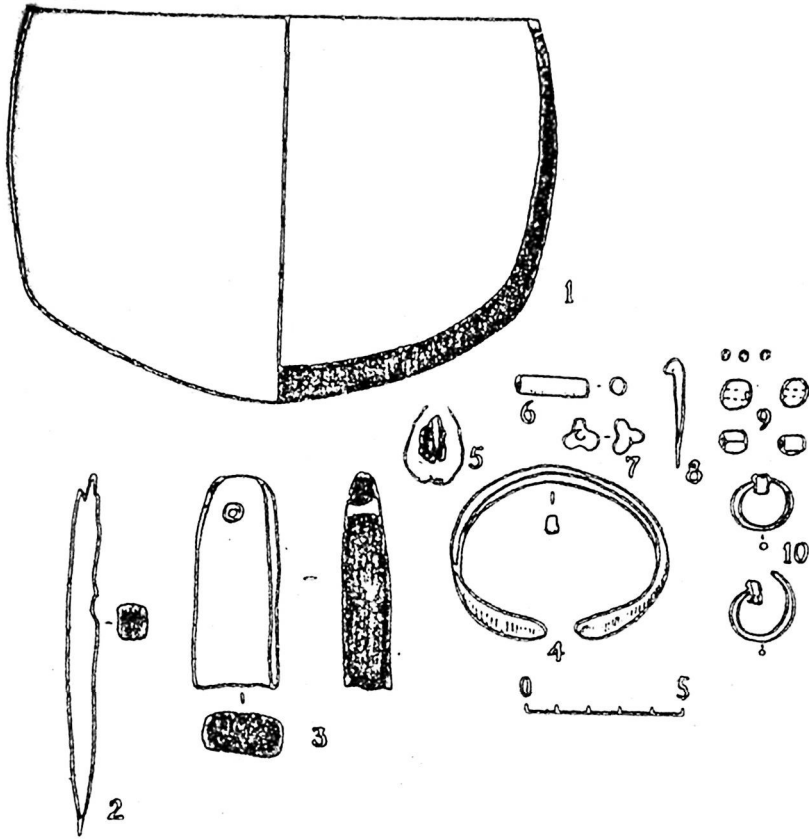


Рис. 2. Могильник Бадом. Погребение № I: 1 - глиняный сосуд; 2 - железный нож; 3 - каменный оселок; 4 - бронзовый браслет; 5 - раковина каури; 6 - бронзовая цилиндрическая трубочка; 7 - бронзовая фигурная бляшка; 8 - бронзовая "булавка"; 9 - бусы глухого стекла; 10 - две бронзовые серьги.

головой на запад с незначительным отклонением на юг. Такая же ориентировка и у входов в могилы № 2, 3 (рис. I).

Инвентарь погребения № I следующий: чаша лепная, круглодонная, переход от дна к стенкам отмечен резким перегибом. Стенка в верхней части слегка вогнута внутрь. Закрайна плоская. Тесто с примесью дресвы, обжиг красный. Размеры: диаметр дна 15,5 см, диаметр горловины 16 см, высота 12 см, толщина стенок 4-13 мм (рис. 2).

Остальные находки представлены железным однолезвийным ножом со слегка выпуклой спинкой (длина 11,5 см, ширина максимальная 1 см) (рис. 2. 2); обломком каменного оселка (ве-

роятно, подпрямоугольной формы), прямоугольного в сечении, с отверстием для подвешивания в верхней части, сверление двухстороннее (рис.2. 3) и украшениями (рис.2. 4-10). Последние состоят из бронзового браслета (рис.2. 4), сделанного из четырехгранного в сечении прута с несомкнутыми уплощенно-расплюснутыми концами (диаметр 6,1 см, сечение прута 4x5 мм); бронзовой булавки с отогнутым верхним концом (длина 3,6 см); фигурной бронзовой бляшки в виде трилистника; 2 бронзовых бусин, бронзовой трубочки-пронизки (длина 2,2 см, диаметр 5 мм); раковины каури, 4 округлых бусин из глухого стекла и пары бронзовых серег. Последние в форме несомкнутого кольца, один конец заострен, на другом застежка в виде обоймочки-трубочки. Сделаны из проволоки, круглой в сечении (диаметр серьги 1,5 см, диаметр проволоки 3 мм).

Установить время, когда было совершено погребение, в сопровождающем инвентаре можно только по двум предметам: серьгам и браслету. Аналогии первым известны в материалах Тулхарского могильника. В курганах УП, 8, 24 были найдены золотые серьги с аналогичным замком.⁴ Подобный замок, но только трубочку заменяет несколько витков проволоки, имеет золотая серьга, найденная в погребении 40 в могильнике Тупхона.⁵ Если учесть, что курган УП, 24 Тулхарского могильника А.М.Мандельштам относит в группу относительно ранних, следующих за группой курганов, датированных им последней третью II - первой половиной I в. до н.э.⁶ Принимая во внимание неопубликованную серьгу из могильника

4. М а н д е л ь ш т а м А.М. Кочевники на пути в Индию. Тр. Таджикской археологической экспедиции, т.У. М.-Д., 1966, с.126 (МИА, № 136).

5. Хранится в фондах Института истории им. А.Дониша АН ТаджССР, без шифра. Не опубликована.

6. М а н д е л ь ш т а м А.М. Указ. соч., с.159.

Тупхона, можно датировать погребение № I могильника Бадомдара I в. до н.э. Это подтверждает и браслет с уплощенно-расклепанными концами, они появляются в Средней Азии около рубежа н.э.⁷

Обратим внимание и на чашу. По форме дна она круглодонная. Резкий перегиб при переходе к стенке дает право на прямую аналогию с чашей из кургана № 2 могильника Аличур II, который датируется в пределах V-VIII вв. до н.э.⁸ Однако более равняя датировка могильника Аличур II не должна нас смущать, так как чаши такой формы могли бытовать и в более позднее время.

В целом, могильник Бадомдара, судя по подъемному материалу, должен быть разновременным, поскольку в последнем прослеживаются и раннесредневековые формы сосудов. Раскопки могильника предполагается продолжить.

7. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973, с.13.

8. Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972, с.29, 34, табл.6/6.

М.М. Муллокандов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ДОЛИНЕ ОБИМАЗАР
В 1980 г.

Поселок Ховалинг расположен в долине р.Обимазар. Эта долина издревле привлекает к себе внимание обширными лугами и пастбищами. Об этом свидетельствуют разновременные археологические памятники. Отмечены большие каменные курганы, с земляными насыпями (?), оставленные кочевыми племенами, и раннеордневековые поселения оседлых земледельцев. Впервые этот район обследован Вахшским археологическим отрядом ТАЭ под руководством А.М.Беленицкого в 1946 г.¹ Работы были сосредоточены на городище Шахри Минг, часть территории которого занимают кишлаки Хонако и Шахри Минг.

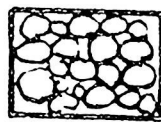
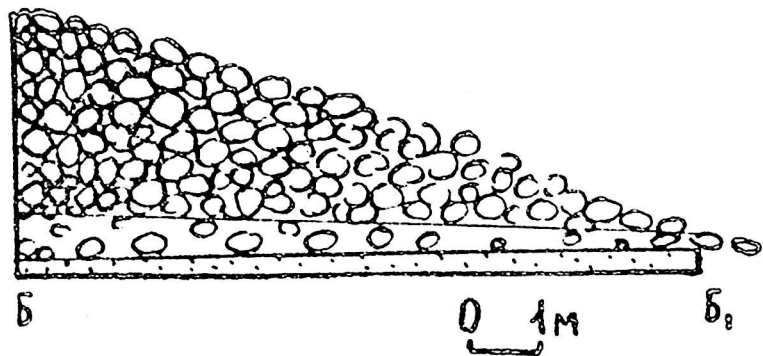
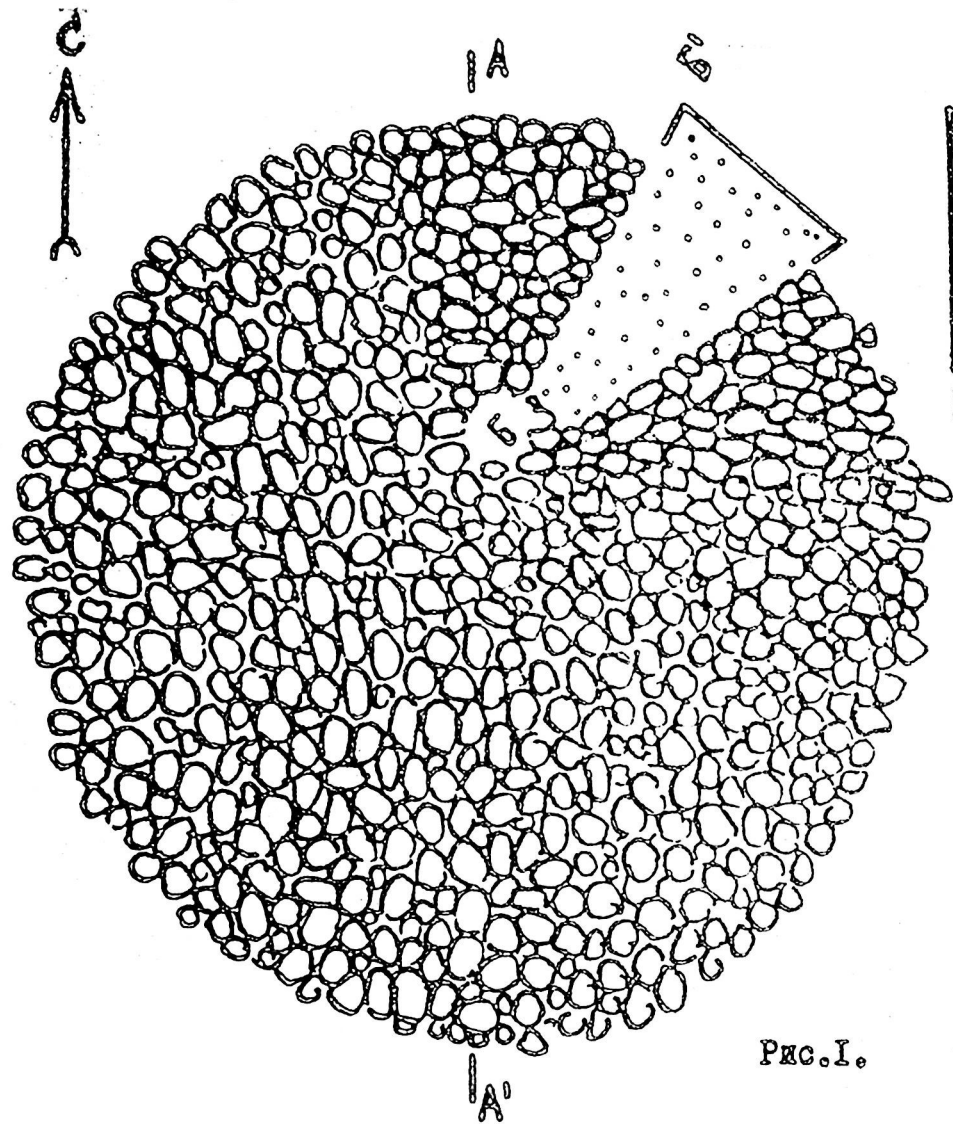
Было заложено несколько шурфов, один из них 2х2 м и глубиной 2 м. В нем были найдены фрагменты фигурных обожженных кирпичей и лепной, а также расписной и поливной гончарной керамики X-XI вв.

В настоящее время в Кулябской области на территории пос.Ховалинг строится один из крупнейших животноводческих комплексов в Средней Азии.

Для изучения археологических памятников, строительными организациями, в соответствии с Законом об охране памятников, были выделены средства. В 1980 г. был организован Ховалингский хозяйственной археологический отряд.² Пе-

1. Б е л е н и ц к и й А.М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. - УИА № 15. М.-Л., 1950, с.128.

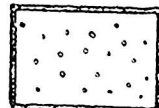
2. Отряд работал в следующем составе: М.Муллокандов - нач. отряда, В.Зукор и Г.Абдуллаев - сотрудники сектора археологии. В работе участвовали ст. научн. сотрудники сектора Р.Икубов и Г.П.Хиткина.



1



2



3



FIG. I.

ред отрядом была поставлена задача исследовать памятники, которые находились в зоне орошения, и нанести на археологическую карту все обнаруженные памятники на территории долины Обимазар.

Ховалингский отряд начал изучение археологических памятников с исследования каменных курганов, известных у местного населения под названием "Сангтуда". Сангтуда (I-2) расположены по обеим сторонам дороги пос. Лахути - пос. Ховалинг в 1,5-2 км от пос. Лахути. Курганы находятся на правом берегу р. Обимазар.

Курган Сангтуда-I диаметром 48x47 м, высотой 4,5 м сложен из галечного камня, что объясняется близостью р. Обимазар. На поверхности кургана отмечены небольшие углубления, а в центре углубление большого размера. Вокруг большого кургана расположено несколько маленьких курганов диаметром 2-3 м, высотой 0,2-0,3 м. Курган Сангтуда-2 находится в поле, Сангтуда-I - на краю террасы. Диаметр Сангтуда-2 - 15x22 м, высота 1,1 м, на поверхности имеются, как на Сангтуда-I, углубления. По утверждению местных жителей, часть камней из этого кургана увозилась для строительства мельницы и для фундамента домов. Вероятно, этим и объясняется возникновение этих углублений в насыпи.

Курганы 4 и 5 находятся в кишлаке Чукурак по правую сторону р. Обимазар. Один из курганов расположен на территории совхозного сада, другой северо-западнее, в 400 м от него, посреди поля. Курганы сложены из речной гальки, диаметры курганов СВ - 28 м, СЮ - 27 м, высотой 1,5 м, на поверхности курганов имеются углубления. Округлые уг-

Рис. I. Курган Сангтуда 3. I - каменная насыпь; 2 - камни в лёссовом; 3 - древний уровень.

лубления вокруг большой впадины на поверхности курганов упорядочены, возможно, они связаны с каким-то ритуальным погребальным обрядом.

Курган Сангтуда-3 расположен в зоне орошения, в юго-западной части Тутака в 3 км северо-восточнее пос. Ховалинг. Сангтуда-3 представляет собой большую каменную насыпь (диаметром 30 м и высотой 1,7 м) из речной гальки. На поверхности кургана также разбросаны несколько углублений. В северо-восточной части кургана был взят сектор шириной 6 м, длиной 11 м, где расположено одно из углублений. Здесь нами были выбраны все камни до древней поверхности, произведена зачистка разреза для выяснения наличия кладки или каких-либо других остатков надгробного сооружения (рис.1). Завершение этих работ было отложено на 1981 г.

Могильник Тагитор находится в 200 м от пос. Лахути, на второй террасе р.Обимазар с восточной стороны. При строительстве новой дороги Куляб-Ховалинг бульдозером были разрушены несколько погребений. Одно погребение частично сохранилось в разрезе террасы. Это вытянутая с запада на восток свальная грунтовая яма. Костяк был расположен по длине погребальной камеры, головой, судя по остаткам костей, на запад. С территории этого могильника местными жителями нам были отданы находки: 1) обол Герая³; 2) бронзовый круглодонный котел шаровидной формы, с двух сторон которого имеются плоские трапециевидные выступы.

В 1,5-2 км от могильника по дороге в Ховалинг находятся два почти одинаковых холма диаметром 35-40 м, высота 6-6,5 м. Местные жители утверждают, что на этом месте находились южные ворота городища Шахри Минг.

Само городище занимало огромную территорию. С его территории были собраны фрагменты лепной и изготовленной на гончарном круге керамики, среди которой имеется и гла-

3. Определение Д.Давутова.

A-A

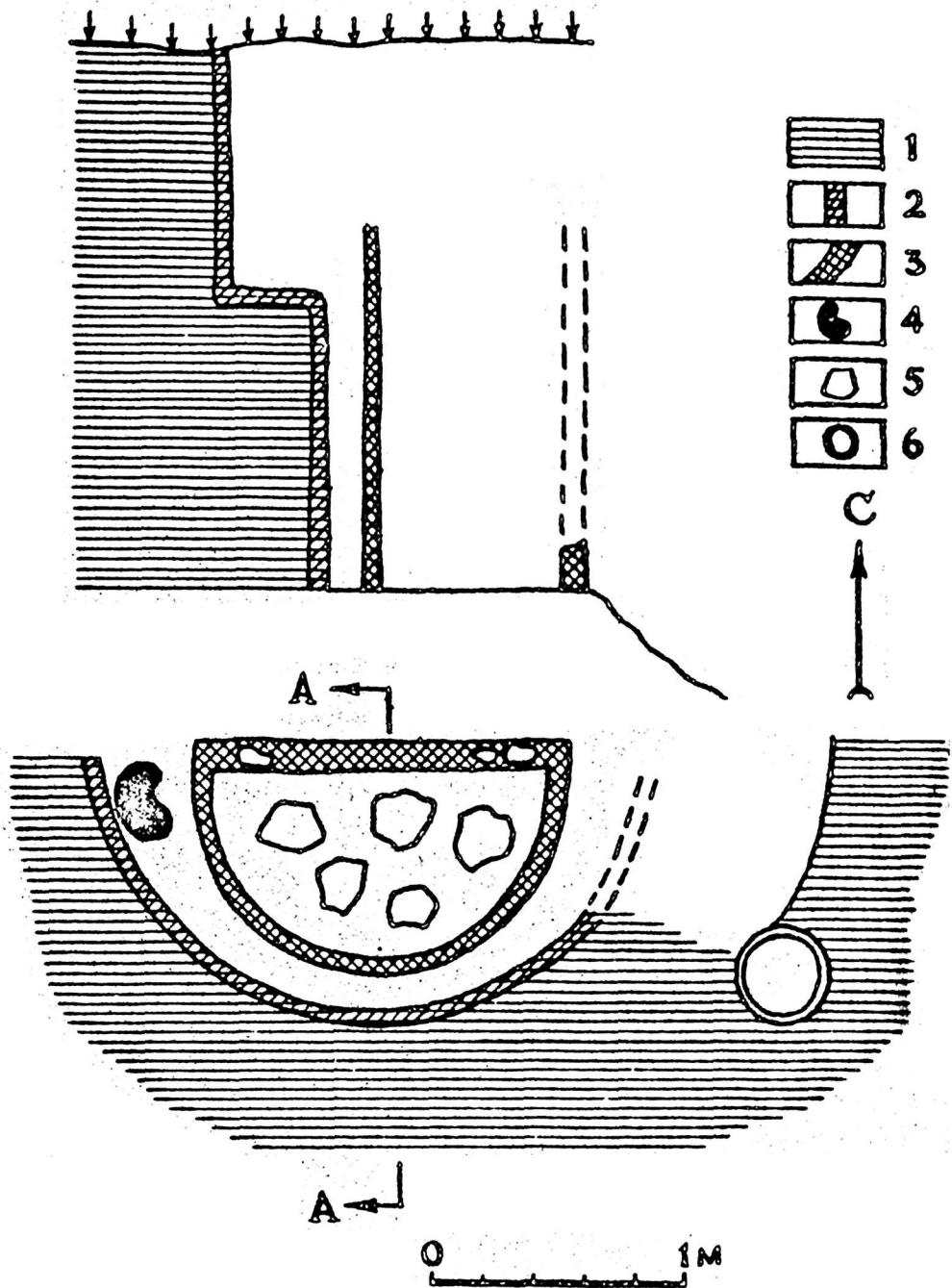


Рис.2. Керамическая печь, вырубленная в лёссе. План и разрез печи: 1 - лёссовая ступенчатая обожжённая стена; 2 - керамический круг; 3 - зольник; 4 - камни, 5 - обожжённый слой в лёссе; 6 - хум.

зурованная. Найдены две каменные базы в форме восьмигранника. Размеры баз: I - длина в средней части 70, высота 47 см; II - длина в средней части 70, высота 42 см. В восточной части городища в разрезе террасы р.Обимазар мы обнаружили кирпичную стену. Кирпич жженный, 25x25x5 см.

На левом берегу р.Обимазар (местечко Сумбулхор) на краю обрыва было обнаружено четыре комплекса, состоящие из вырубленных в лёссе "ступенчатых" ям, внутри которых расположены керамические сооружения или в виде круга, или полукруга. Один комплекс раскопан полностью и один частично. Раскопанный комплекс представляет из себя полукруглую яму, обращенную прямой стороной к обрыву. Глубина ямы 217 см, ширина в верхней части 384 см, в нижней - 244 см. Стенки ямы имеют два яруса. Верхний ярус углублен от дневной поверхности на 30 см, ширина от 33 до 39 см. В Ю-В части ярус расчленен канавкой, в которой ближе к внешней стенке вкопан небольшой хум. Второй ярус находится на глубине 88 см от верхнего, его ширина 20 см. Поверхности ярусов горизонтальные, стенки наклонные. Высота между вторым ярусом и полом ямы 105 см. На полу между стенками ямы и керамическим сооружением находится небольшой очаг круглой формы. Керамическое сооружение повторяет форму ямы, отступает от ее обожженных стенок на 40 см. Высота сооружения 112 см, диаметр 150 см, толщина стенок в верхней части 4 см, в нижней 7 см. Сооружение изготовлено ленточным методом. Стены его с наружной и внутренней стороны неровные. Пол выложен круглой галькой и тщательно обмазан глиной. По-видимому, яма целиком заполнялась топливом, так как стенки и пол обожжены (рис.2).

Аналогии для данных сооружений пока не найдены. Но судя по частично раскопанному второму комплексу, где внутри керамического сооружения расчищена верхняя часть хума, они, по-видимому, предназначались для обжига крупных сосудов.

В районе этих комплексов на вспаханном поле много фрагментов расписной и поливной керамики X-XII вв. н.э. Нет сомнения, что в этот период здесь было поселение.

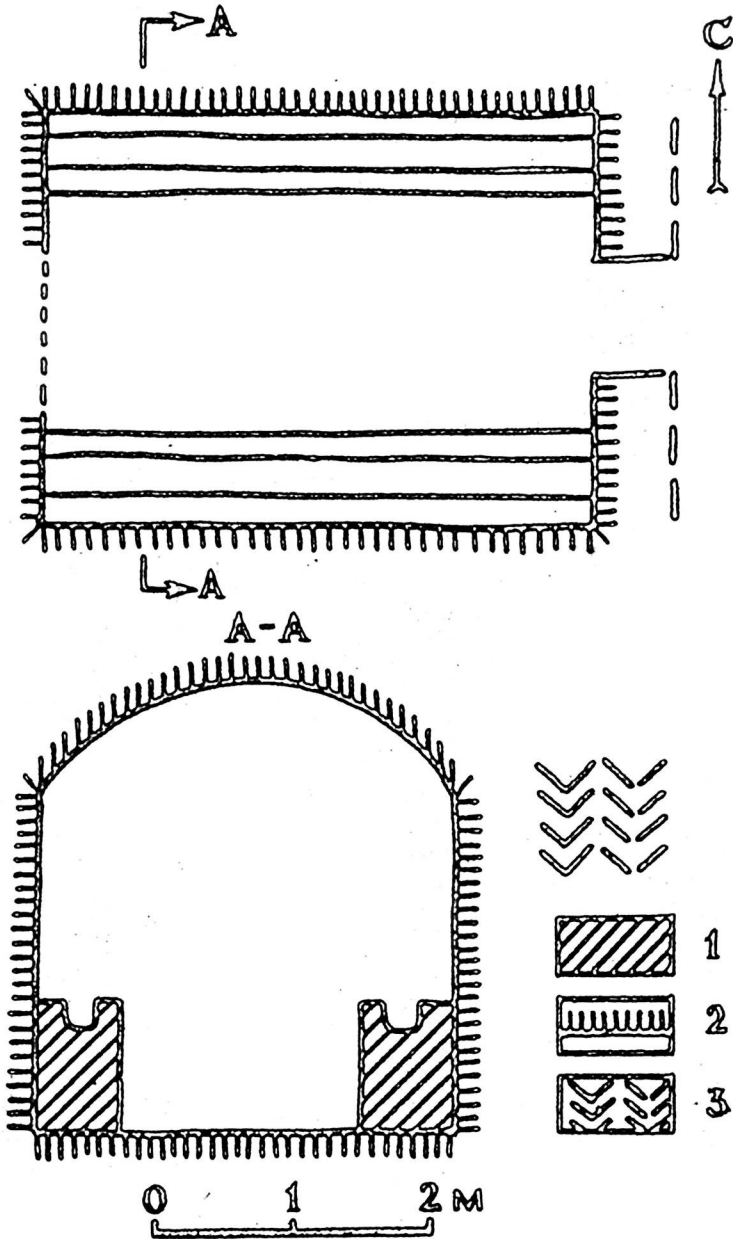


Рис.3. Пещера, вырубленная в лёссе: 1 - кормушки, 2 - лёссовые стены; 3 - орнамент на своде.

ремесленников. На полу за внешней стенкой чана найдены трехжальный наконечник стрелы, общая длина II см, боевой части 6 см, длина жальца 5 см, ширина 0,8 см. Аналогичные наконечники стрел были найдены В.А.Рановым в Ак-Таяге,⁴ в верхних слоях, относящихся к X-XII вв.н.э.

В 300 м от кургана Саягтуда-4 на склоне холма в средней его части была обнаружена пещера, вырубленная в лёссе и состоящая из двух помещений. Удалось обследовать и измерить только первое помещение (рис.3).

Это помещение вытянуто с востока на запад на 4 м, по обеим сторонам стенок имеются продольные выступы - кормушки высотой 1 м и шириной 0,60 м. Кормушки имеют желобовидные углубления шириной 30 см, глубиной 20 см. Вход во второе помещение расположен в западной стене, строго в ее центре. Вход небольшой, высота его 1,1 м, ширина прохода 60 см, высота ступеньки в проходе 10-15 см.

Потолок в помещении сводчатый. Высота помещения от пола до верхней части стены 2,5 м, высота стенки свода 0,75 см.

Ю.Я. Якубов, исследуя памятник Тепай Муборакходжа в Нуреке раскопал аналогичные пещеры.⁵ В Нуреке пещеры служили сезонным жилищем, а в к.Чураке - загонем для скота. Вопрос о датировке пещеры, обнаруженной в к.Чукурак, из-за отсутствия датированного материала пока остается открытым.

4. Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки на-
веса Актанги в 1959 г. - АРТ, вып.7, 1961, с.33.

ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Расопова

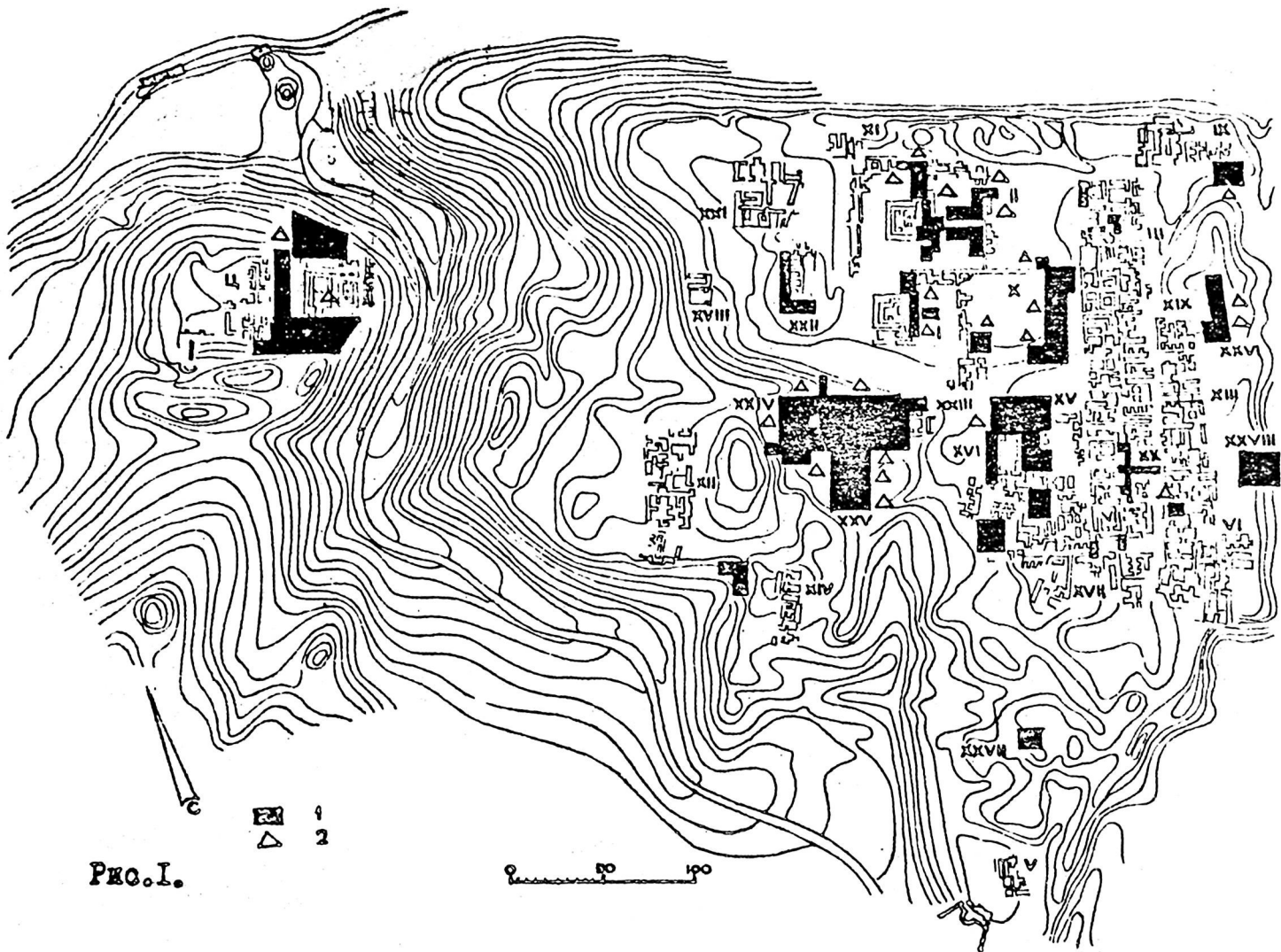
ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА
В 1970-1980 гг.

В 1970-1980 гг. на городище древнего Пенджикента продолжалось исследование всех элементов структуры древнего города. Работы велись на цитадели, шахристане, в пригороде и на некрополях (рис.1).

На цитадели А.И.Исаков завершил изучение дворца правителя Пенджикента УШ в., а также более ранние постройки (У-УП вв.) на территории дворца и вдоль восточной стороны центрального замка.^I

На шахристане исследовалась жилая застройка. В его восточной части, которая была основным участком работ предыдущего периода, продолжались раскопки объектов XIII (И.Б.Бентович) и XVI (В.И.Расопова). Особое значение было придано изучению домов, непосредственно примыкающих к восточной городской стене - объекты IX (Г.Л.Семенов), XXVI (И.Б.Бентович), XXVIII (Г.Л.Семенов). В центре шахристана исследован большой участок городской застройки с тремя переулками и улицей - объекты XXIII (И.Рахматуллаев), XXIV (Б.И.Маршак), XXV (Д.Абдуллаев). Результаты работ на этих объектах в совокупности с материалами, полученными на объектах XIV (В.И.Расопова), XII (И.М.Стеблин-Каменский), XXVII (Г.Л.Семенов), расположенными в разных частях городища, дали возможность судить о характере застройки по всему городу.

I. И с а к о в А.И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.



PHO. I.

Большое внимание в истекшее десятилетие было уделено изучению истории оборонительных сооружений Пенджикента. На цитадели (А.И.Исаков) были открыты стены и башни У-УП вв. На территории шахристана на объектах Ш, УП (Б.И.Маршак) исследована первоначальная восточная стена. Более поздняя восточная стена исследовалась на объекте ХХУШ, по южной стороне городища было продолжено изучение крепостных стен на объектах У и ХП (Г.Л.Семенов). Такие масштабы изучения фортификации позволили проследить развитие территории древнего города.

Интенсивно проводились работы по изучению уличной сети, городского благоустройства, базаров. Основные материалы по этой проблематике получены при изучении храмов (Б.И.Маршак, А.Анарбаев, В.Г.Шкода) и расположенного к югу от храма I объекта ХVI. Храмы Пенджикента широко изучались в первые годы работы экспедиции. В 1970-1980 гг. здесь были возобновлены работы, задачей которых было проследить раннюю историю храмов и оконтурить территорию храмового участка.

За городскими стенами исследовались наусы (Д.Даудов), оставшиеся еще нераскопанными после больших работ в начале 50-х годов. Кроме того, открыто еще одно кладбище в 1100 м к юго-востоку от городища в урочище Далти-Урдакон (Г.В. Длужневская). Эти работы дали новые материалы по погребальному обряду, религии и по хронологии некрополей.

Надо отметить также раскопки к югу от городища загородной усадьбы УШ в., которая в отличие от ранее изучавшихся усадеб, стоит на развалинах усадьбы более раннего периода.

Рис. I. Пенджикент. Схема расположения объектов на городище. Римскими цифрами обозначены номера объектов. I - участки, раскопанные в 1970-1980 гг., 2 - места находок росписей в 1970-1980 гг.

Основные методические принципы, которых придерживалась Пенджикентская экспедиция, заключаются в одновременном исследовании различных структурных элементов, составляющих единое целое — остатки древнего города.² При этом каждый отдельный раскоп осмысливается в контексте всего городища. С помощью детальной фиксации стратиграфии, всех видов находок, строительной истории зданий оказалось возможным синхронизировать слои и постройки и получить синхронные срезы по всему городищу. Благодаря этому история Пенджикента прослеживается не только по большим отрезкам времени, но в ряде случаев и по отдельным поколениям.

В результате работ 1970–1980 гг. стало возможным поставить и частично решить ряд серьезных исторических проблем. Таковы вопросы о территориальном развитии города; о его исторической топографии; о социальной структуре населения города; о роли ремесла и товарно-денежных отношениях в Согде; о развитии согдийского искусства за период с V по VIII вв.

На основании работ двух предшествующих десятилетий было установлено, что Пенджикент возник как городское поселение в V в., когда была построена оборонительная стена с южной стороны города. Слои этого времени были обнаружены также на цитадели. Оставалось неясным в начале или в конце V в. возник город, какова была его первоначальная территория и когда он достиг своих окончательных границ.

Хотя в самых ответственных участках городища (цитадель, храмы, крепостные стены) раскопки были доведены до

2. О методике, применяемой при раскопках древнего Пенджикента, см.: Б о л ь ш а к о в О.Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта Ш. — МИА № 124. М.-Л., 1964, с.91–92; М а р ш а к Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. — МИА № 124. М.-Л., 1964, с.183–184; Б е л е н и ц к и й А.М. М а р ш а к Б.И., Р а о п о в а В.И. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента). — СА, 1981, № 2, с.95–98.

материка, датировка самой ранней керамики, если не говорить об исключительно редких случаях находок фрагментов античной керамики, не выходит за пределы V в. К сожалению, комплексы керамики V в. дают слишком мало материала для статистического сопоставления. Сейчас удается выделить только керамику рубежа V—VI вв., отличающуюся от более ранней. Однако строительная история показывает длительность периода, в слоях которого находится эта ранняя керамика.

За последнее десятилетие как на цитадели, так и на храмах прослежено несколько строительных периодов с весьма существенными перестройками, с которыми связаны слои с керамикой, относящейся к V— началу VI вв. Аналогичная картина была получена при исследовании укреплений шахристана.³ Все это заставляет прийти к выводу, что основание Пенджикента приходится скорее всего на начало V в., хотя какое-то поселение на месте будущего города могло существовать и в более раннее время. Находки обломков керамики античного времени, двух бронзовых монет, являющихся согдийским подражанием монетам Антиоха I,⁴ свидетельствуют в пользу этого предположения. Но надо подчеркнуть, что все монументальные постройки, стоящие на материке, не могут быть датированы столь ранним временем. В ранних слоях най-

3. М а р ш а к Б.И. Городская стена V—VI вв. в Пенджикенте. — Новейшие открытия советских археологов (тез. докл. конф.). Киев, апрель 1975, ч.П, с.115—117; Б е л е н и ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. — Успехи среднеазиатской археологии, вып.4. Л., 1979, с.32—34; С е м е н о в Г.Л. Оборонительные стены Пенджикента в V—VI вв. — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. (Тез. Всесоюза. науч. конф. в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26—31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977, с.57—58. По фортификации Пенджикента подготавливается специальная работа Г.Л.Семенова.

4. Определение Е.В.Зеймалю.

дены и монеты, датировка которых однако нуждается в уточнении. Это прежде всего клад согдийских серебряных монет с изображением лучника из заложной бойницы первой городской стены и 7 бронзовых монет - подражаний позднекушанским монетам, которые происходят из ямы, вырытой в материке в помещении ограды I храма. В обоих случаях сопровождающая монеты керамика относится к комплексу I (V в.).

Границы города V в. отличались от границ более позднего города. На востоке прямая линия крепостной стены проходила на 60 м западнее восточной крепостной стены более позднего времени. На юго-западе граница города в течение всей его истории не изменялась, тогда как на юго-востоке она первоначально шла по южному краю объекта УП. Как показали шурфы, улица к югу от объекта УП находится на месте первоначального южного рва. Пока остается неясным средний участок ранней южной стены.

На западе и севере границы города не менялись. Очень рано возникли основные оборонительные сооружения цитадели. Датировку самых древних из них (у источника Кайнар и к югу от более позднего дворца пенджикентского правителя) еще предстоит уточнить. Во всяком случае на холме цитадели и у его северного подножия имеются стены, синхронные самым ранним укреплениям шахристана.

Таким образом, территория первоначального города (без цитадели) занимала площадь около 8 га, приблизительно 3/5 территории позднейшего города.

Особенностью стен ранних укреплений было обилие прямоугольных башен, промежутки между которыми короче фронта башни. При этом имеется различие между укреплениями основного замка цитадели и укреплениями шахристана. В основном замке цитадели нижние части стен и башен лишены бойниц, тогда как на шахристане и на укреплениях близ источника Кайнар к северу от основного замка цитадели) бойницы весьма многочисленны. Перед стенами был вырыт ров. Такая система укреплений требовала весьма многочисленного гарнизона, обученного стрельбе из лука. По-видимому, в обороне должно

было принимать участие не только все городское, но частично и сельское население. Прямоугольные башни и бойницы напоминают античные крепости Средней Азии, однако такая частота расположения башен, вообще говоря, не характерна для городов, являясь особенностью укреплений усадеб и замков, начиная по крайней мере с периода Тали-Барзу II. На основании этого логично предположить, что городские стены V в. возведены мастерами, имевшими опыт строительства частных укреплений, а в развитии городской фортификации тогда имел место какой-то перерыв.

Стены по периметру раннего города поддерживались и перестраивались в течение столетий. Однако очень скоро территория к востоку и югу от них была заселена. Это потребовало возведения нового кольца оборонительных сооружений. Линия новых стен построена, вероятнее всего, в начале VI в. За пределы этих стен город никогда не выходил.

Так образовались внутренний и внешний город. При этом внешний город сначала имел довольно слабые укрепления: тонкая стена без бойниц, без боевого хода поверху и без башни даже на углу южного мыса. Эта стена с неглубоким рвом перед ней не могла противостоять сколько-нибудь значительной армии. В то же время стены внутреннего города продолжали совершенствоваться. Там в начале VI в. перед фронтом первоначальных башен была возведена новая стена без бойниц в нижней части. Пространство между стенами превратилось в трехэтажное здание с однообразной регулярной планировкой, состоявшее из небольших комнат с очагами. Видимо, это была казарма какого-то постоянного гарнизона. Изменение системы обороны — отказ от многочисленных бойниц — позволяло уменьшить число стрелков.

Внешняя стена в VI-VII вв. неоднократно перестраивалась и усиливалась так, что во второй половине VII в. внешний город оказался обнесен толстой и высокой стеной, ни в чем не уступавшей стене внутреннего города, которая в последней четверти VII в. также превратилась в толстую массивную сте-

ну, способную устоять против действия метательных орудий. Массивной становится в VI-VII вв. и стена замка цитадели.

В начале VIII в. внутренняя стена была снесена, а занятая ею территория застроена жилыми домами.

Таким образом, история древнего Пенджикента охватывает весь период раннего средневековья. В его структуре не отразилась планировка античного города, что имеет место на всех других изученных городах и крупных поселениях Средней Азии: Афрасиабе, Бухаре, Варахше, Тали-Барзу, где раннесредневековые слои подстилаются античными. На материале Пенджикента можно проследить развитие трехчастной структуры города - цитадель, шахристан, укрепленный пригород для эпохи раннего средневековья, тогда как раньше такого рода эволюция прослеживалась только для периода после арабского завоевания.

Исследование исторической топографии было в центре внимания с самого начала изучения Пенджикента. А.Ю.Якубовский считал историческую топографию отражением социальной структуры общества.⁵ В первые же годы раскопок были выявлены замок цитадели, храмы и жилые кварталы шахристана, пригородные усадьбы и некрополь. Несколько позднее были исследованы улицы и торгово-ремесленная застройка шахристана и дворец правителя Пенджикента на цитадели. Основные результаты работ обобщены в книге А.М.Беленицкого, И.Б.Бентович, О.Г.Большакова "Средневековый город Средней Азии" (Л., 1973).

Работы последнего десятилетия представляют собой новый качественный этап в осмыслении исторической топографии города, так как теперь мы переходим от изучения отдельных улиц к изучению уличной сети, от изучения отдельных жилищ к исследованию жилой застройки в ее эволюции с У по

5. Я к у б о в с к и й А.Ю. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии. - Тр. Тадж. филиала АН СССР, т.29. Сталинабад, 1951.

УШ вв. и в изучении храмов от состояния их главных зданий на момент гибели города к всестороннему исследованию храмовой территории с момента возникновения храмов.

Теперь мы можем показать, как образовались и какую роль играли улицы Пенджикента.⁶ От основных южных ворот города вела широкая извилистая улица, которая в начале УШ в. была главной базарной. Она выходила на улицу, которая соединяла цитадель с центром города, заканчиваясь на перпендикулярной ей улице, проходившей перед храмами. На последнюю были обращены входные айваны обоих храмов. По обеим этим улицам были проложены каналы. Во внешнем городе прослежена внутриквартальная улица, шедшая параллельно восточной крепостной стене. Еще в конце УП в. стояли стены внутреннего города, хотя рвы к этому времени были уже заполнены землей. После сноса этих крепостных стен образовались две торговые улицы: одна - на месте восточного, другая - южного рва внутреннего города. Относительная прямолинейность улиц обусловлена прямолинейными очертаниями основных компонентов застройки: прежде всего, храмового участка и восточной городской стены. Перечисленные улицы образуют основу планировки города. Кроме них исследованы отдельные участки других улиц, а также нескольких переулков, идущих с севера на юг. Там, где застройка становится особенно плотной, участки переулков перекрывали сводами, поверх которых строили помещения жилищ. Такая картина обнаружена на объектах ХШ, ХІУ, ХХШ, ХХІУ. Эти переулки относятся ко второй половине УП-УШ вв., поэтому сугубо гипотетической является попытка реконструкции по сети переулков модуля застройки первоначального Пенджикента, предложенная Д.Л.Гуревичем.⁷

6. Исследованием уличной сети Пенджикента занимался А. Анарбаев. См.: А н а р б а е в А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (У-начало УШ вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1977, с.3-6; е г о ж е. Благоустройство раннефеодального города Средней Азии (по материалам Пенджикента). - Древние города. Л., 1977, с.59-60.

7. Г у р е в и ч Д.Л. Анализ городского пространства древнего Пенджикента. - Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979, вып.4, с.39-40.

Чрезвычайно существенные материалы по исторической топографии получены за последнее десятилетие при исследовании храмов. Удалось установить, что главные здания храмов, хотя они и неоднократно перестраивались, со времени основания города не меняли своего местоположения⁸. Таким образом, храмы, как и цитадель, входили в первоначальную структуру города.

Уже к VI в. складываются однотипные планы храмовых территорий. Каждый храм имел основной двор с главным зданием и другой двор, находившийся между основным и улицей. С улицы на территории храмов попадали через обширные колонные портики, также были оформлены входы в основные дворы. В основном дворе II храма раскопаны остатки своего рода парка с каналами, декоративными водоемами и остатками деревьев. Теперь мы видим что то, что раньше казалось общегородской площадью перед храмами, на самом деле является храмовыми дворами. Территория, занятая храмами, составляет около 1/6 площади первоначального города. Этот факт наряду с монументальностью построек храмов, их богатым декором и благоустроенностью участка свидетельствует о том огромном значении, которое придавали храмам основатели города. "Прихожанам" этих храмов были, видимо, не только горожане, но и жители сельской округи, что и обусловило роль города в качестве не только административного, но и культового центра.

Преимущество в духовной жизни Пенджикента V-VIII вв., которую демонстрируют храмы, находит подтверждение и при изучении некрополя. Если ранее в наусах не было находок старше VII в., то теперь в них обнаружена керамика V в. и византийские золотые монеты того же времени.

Наряду с наусами Пенджикент имел еще один некрополь VIII в. в урочище Дашти-Урдаков. Здесь хоронили в грунтовых

8. Б е я е н и ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Вопросы хронологии..., рис.3. В.Г.Шкода подготавливает специальную монографию по храмам Пенджикента.

могилах, причем отмечены труположения в подбоях, оссуарий в могиле и катакомба, в которой сочетаются труположения и хум-оссуарий. В детском погребении по обряду труположения найден нателный бронзовый крест, что свидетельствует о христианском вероисповедании части погребенных на этом кладбище людей.

При изучении жилых массивов проблемы исторической топографии выступают в неразрывной связи с задачами реконструкции социальной структуры древнего города.⁹ За последние годы начинает выявляться характер эволюции застройки города. Ее основная тенденция с V по начало VIII в. - это увеличение плотности застройки. Для V в. мы пока знаем только отдельно стоящие дома. В VI-VII вв. наряду с такими домами наблюдается застройка сплошными массивами из примыкающих друг к другу жилищ. На рубеже VII-VIII вв. плотность становится максимальной, появляются даже вторые и третьи этажи над сводами, перекрывающими переулки. Жилые массивы формируются вокруг отдельных высоких домов, которые со своими дворами образовывали городские усадьбы. Эти усадьбы оказались включенными в более позднюю застройку рубежа VII-VIII вв. и являлись как бы ядрами, вокруг которых формировалась застройка квартала. Ядра кварталов удалось обнаружить на объектах XVI, XVII, XVIII, XIX. В 1980 г. на объекте XVI началось специальное исследование такой усадьбы, фасадные стены которой сохранились на высоту более 4 м. Следует отметить, что городские усадьбы с наклонными фасадными стенами домов, сложенными из метровых блоков пазов и украшенными по верху фигурными кирпичами, во многом аналогичны замкам, изображенным на пенджикентской росписи. Эти замкообразные строения обнаружены пока только во внутреннем городе.

9. Об этом см. специальную статью: Б е л е н ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И., Р а с п о п о в а В.И. Социальная структура населения древнего Пенджикента. - В сб.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979, с.19-26.

В конце УП - первой четверти УШ вв. по всей территории Пенджикента возводятся новые жилые дома и перестраиваются старые. К этому же времени относится массовое строительство лавок и мастерских, в том числе целых базаров. При изучении жилых массивов, расположенных к югу от улицы, ведущей к цитадели, в нескольких случаях удалось установить, что к крупным домам присоединяли помещения, относящиеся к другим жилищам, а иногда даже и целые дома.¹⁰ Таким образом, происходило укрупнение домовладений городской верхушки. К этому же периоду относится строительство большинства загородных усадеб, дома которых по своему устройству вполне соответствовали жилищам рядовых горожан. Среди построек первой четверти УШ в. надо отметить дворец Деваштича на цитадели. Конец УП - первая четверть УШ вв. - время максимального расцвета древнего Пенджикента. Однако этот расцвет был подготовлен всей предыдущей историей города. В последние годы были исследованы дома УІ в. с настенной живописью, тогда как до сих пор живопись в частных домах была известна лишь для конца УП - первой четверти УШ вв. Весьма существенно, что один из этих домов находился во внешнем городе (объект УІ). Это показывает, что уже в УІ в. во внешнем городе селились зажиточные люди.

Данные по жилищам УІ в. еще отрывочны, по УП в. известно больше, но по-настоящему массовый материал накоплен только по жилищам первой четверти УШ в. и последующих периодов.¹¹ Исследовано 74 дома первой четверти УШ в., которые распадаются прежде всего на две большие категории - жи-

10. Рахматуллаев И. Зернохранилище начала УШ в. в Пенджикенте. - Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1979, вып. 4, с. 56-58, рис. 16; о н ж е. Раскопки ХШ объекта на городище древнего Пенджикента. - Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душанбе, 1977, с. 53-57.

11. Итоги изучения жилищ подведены в монографии В.И. Расповой "Жилища Пенджикента", подготовленной к печати.

лица рядового населения и жилища знати. К первой категории относится 36 или 37 жилищ. Ко второй категории - 32 жилища, 5 или 6 - к промежуточной группе. Жилища знати делятся на домовладения низшего слоя знати, их 20, и домовладения высшего слоя знати, их 12, из последних выделяются 5 дворцов, среди которых особое место и по размерам и, видимо, по своей роли в общественной жизни города занимают два.

Если по полученным данным мы попытаемся реконструировать социальный состав населения города первой четверти УШ в., то мы должны учитывать, что в городе в целом доля рядовых жилищ, вероятно, была выше, чем 50%, которые мы получили по раскопанным участкам. Дело в том, что пятую часть жилищной застройки, которая исследована на сегодняшний день по уровню первой четверти УШ в., попали целые массивы с домами знати. Между тем территория на юге и юго-западе городища, где на нескольких участках вскрыта преимущественно рядовая застройка, мало исследована. Но какова бы ни была поправка в связи с недостаточной исследованностью, тем не менее очевидно, что основными владельцами земли и построек в городе были представители знати.

В план ряда домовладений включены торгово-ремесленные помещения и целые постройки, не сообщавшиеся с внутренними комнатами дома. Это мастерские, лавки, целые торговые ряды и небольшие базары. Интересно проследить, как распределяются эти постройки по выделенным группам жилищ. Только у одного рядового жилища первой четверти УШ в. есть крошечная лавочка площадью 3,5 кв.м. Вероятно, к небольшому жилищу из двух комнат (помещения 62,63 объекта XVI) относится мастерская ножовщика, расположенная у наружной стены этого жилища под навесом. Следует отметить, что это жилище находится в районе большого городского базара. При домовладениях низшего слоя знати встречаются лишь отдельные лавки и мастерские. Большие скопления лавок относятся к крупным домовладениям. К самому крупному домовладению

города примыкает целый базар и пять лавок и мастерских вдоль фасадной стены.

Земельные отношения трудно исследовать археологическими методами. Но анализ археологического материала в сопоставлении с письменными источниками позволял О.Г.Большакову¹² и А.М.Беленицкому¹³ утверждать, что лавки и мастерские при богатых жилищах сдавались в аренду и приносили немалый доход. В Пенджикенте в роли арендаторов таких лавок и мастерских выступают рядовые горожане, которые при своих жилищах, расположенных, как правило, далеко от базарных улиц, таких помещений не имели.

УШ в. - время важных перемен в истории Средней Азии. Арабское завоевание и последовавшая за ним исламизация населения глубоко затронули все устои согдийского общества.¹⁴ Надо отметить, что в застройке Пенджикента отчетливо отразились события этого бурного периода. Для 20-30-х гг. УШ в. наблюдается временное запустение города, связанное с подавлением арабами согдийских восстаний и массовой эмиграцией. Многие дома, один из храмов и дворец на цитадели были сожжены завоевателями. К концу 30-х или началу 40-х гг. УШ в. относится попытка восстановления города, когда была вновь освоена основная часть жилой застройки. Часть знатных пенджикентцев попыталась вернуться к прежнему образу жизни. В их домах появилось новое роспись, в том числе с местными культовыми сюжетами. В то же время

12. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.148-149.

13. Беленицкий А.М. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента. - Советская археология, 1965, № 3, с.190.

14. Этим вопросам посвящена кандидатская диссертация Д.Абдуллаева. "Пенджикент периода арабского завоевания Средней Азии и вопрос о согдийском культурном наследии". Л., 1980 (Архив ЛОИА АН СССР).

на месте дворца на цитадели были устроены казармы, по-видимому, арабского гарнизона, храмы не были восстановлены, ряд богатых домов перешел к рядовым горожанам, резко сократилось число торгово-ремесленных предприятий.

К 50-м гг. УШ в. относятся явные следы исламизации, в том числе намеренная порча росписей и культовых очагов. В 60-70-е гг. УШ в. заустевает или превращается в рядовые жилища дома городской знати. Это связано, вероятно, с тем, что местная знать при первых Аббасидах идет на службу к арабам и переселяется в большие города - резиденции наместников. Мелкие согдийские города теряют свое значение как центры общественной жизни.

Как и в прежние годы, в 1970-1980 гг. экспедиция уделяла большое внимание исследованию ремесла, торговли, товарно-денежных отношений. Мы не будем останавливаться здесь на этих важных вопросах, поскольку они подробно рассмотрены в ряде публикаций.¹⁵ В целом раскопки Пенджикента показали, что в городе был несравненно более высокий уровень развития товарного хозяйства, чем в одновременной деревне, представление о которой дает почти полностью раскопанное Ю.Якубовым поселение Гардани Хисор близ Мадма в верховьях Зеравшана.¹⁶ В условиях, когда в деревне в основном сохра-

15. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город... с.48-112, 149, 312-313; Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980; е е ж е. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда. - Советская археология, 1972, № 4, с.145-157; е е ж е. Отливка монет в мастерских Пенджикента на рубеже УШ-УШ вв. - Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып.147, 1976, с.39-48; Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде. - В об.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с.15-26.

16. Якубов Ю. Раскопки Гардани Хисора. - Успехи среднеазиатской археологии, вып.4. Л., 1979, с.46-49, рис. II. См. также: Распопова В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового города. Там же, с.22-26.

нялось натуральное хозяйство, обмен крестьянского хлеба на ремесленные изделия не мог обеспечить для ремесла платежеспособный спрос. Знать, получавшая в деревне зерно и сырье для ремесленного производства в качестве феодальной ренты, могла продавать ремесленникам необходимые для них товары. Кроме того, знать с ее воинскими отрядами и многочисленными домочадцами (наряду с потребностями внешней караванной торговли) обеспечивала спрос на ремесленную продукцию, и она же эксплуатировала ремесленников путем взимания ренты за построенные на принадлежавшей ей земле мастерские и лавки. В городе, в отличие от деревни, отношения знати и рядового торгово-ремесленного населения не имели характера неприкрытого господства и подчинения. Господство знати осуществлялось в форме товарно-денежных отношений.

Изучение согдийского искусства с первых лет раскопок остается одним из основных направлений работы Пенджикентской экспедиции. Наряду с регулярным изданием новых находок в ежегодных отчетах в последнее десятилетие появились специальные публикации памятников искусства, найденных в Пенджикенте.¹⁷ Произведения искусства всегда являются в высшей степени индивидуальными. В этом аспекте они изучались и будут изучаться. Однако в Пенджикенте настенная живопись была настолько широко распространена, что в настоящее время ее вместе с тем приходится рассматривать как массовый археологический материал. С 1970 г. установилась

17. Б е л е н и ц к и й А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись и скульптура. М., 1973; е г о ж е. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии. - В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977, с.115-139.154-155; В е л е н и т с к и й А.М. *Mittelasien, Kunst der Sogden*. Leipzig, 1980; Б е л е н и ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VП-VШ вв. в искусстве Пенджикента. - В кн.: История и культура народов Средней Азии М., 1976, с.75-89, рис.9-19; о н и ж е. Вопросы хронологии...; В е л е н и т с к и й А.М. et M a r ш а к В.И. *L'art de Piandjikent à la lumière des dernières fouilles (1958-1968)*. - *Arts Asiatiques*, t. XXIII, 1971, p. 3-39.

практика тщательного прорисовывания в течение полевого сезона всех больших и малых, хорошо и плохо сохранившихся фрагментов живописи, найденных на стенах и в завале. Сам процесс прорисовывания — это не только копирование того, что хорошо видно, но и выявление, иногда по мельчайшим следам, отдельных деталей и целых композиций (объекты П, Ш/6, ХХУ/18, 24 и др.). Важным условием успеха в этом деле является постоянное участие археолога, который из года в год ведя эту работу, может опираться на опыт предыдущих лет, узнавая по тем или иным признакам иконографические атрибуты и реалии. Важным дополнением и уточнением полевой прорисовки является изучение и копирование росписей в процессе лабораторной обработки, во время которой иногда удается выявить процесс создания произведения и изменение композиции в ходе работы художника.¹⁸

Впервые в 1964 г., а затем с 1970 г. неоднократно применялся прием разборки поздних стен, закрывающих более ранние росписи. Благодаря этому были открыты в северной капелле П храма росписи конца V — начала VI в. Это самая ранняя живопись, найденная в долине Зеравшана. Росписи VI в. обнаружены в той же северной капелле П храма, в айване главного здания I храма, в помещении 41/42 объекта VI. Этот же прием оказался весьма полезным при исследовании сложной строительной истории храмов и жилых массивов. Увязка со строительной историей и стратиграфией позволили разработать хронологическую шкалу пенджикентской живописи и с ее помощью предложить уточнение датировок других среднеазиатских росписей.¹⁹

18. В а с и л е н к о Т.С. Значение лабораторной обработки в выявлении и изучении росписей древнего Пенджикента. — Раннесредневековая культура..., с.159-161.

19. Б е л е н и ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Вопросы хронологии...

За последнее десятилетие открыты росписи, позволяющие охарактеризовать различные этапы согдийского искусства. При этом в ряде случаев изучены целые большие ансамбли настенной живописи.

Наиболее традиционна в пенджикентской живописи сцена поклонения божеству. Самый ранний пример такой сцены — роспись северной капеллы II храма, где изображена богиня, сидящая на троне с опорами в виде протом фантастического зверя, напоминающего сенмурва. С двух сторон к ней один за другим идут донаторы. Ближайшие к ней держат типичный для согдийских росписей жертвенник и ожерелье.²⁰ Иконографически, по реалиям и по стилю донаторы близки к юношам росписей кушанского времени из Фаязтепе.²¹ Особенностью этой композиции является также "позем" в виде темной полосы со светлыми пятнами цветов. В других росписях Пенджикента фигуры или опираются на нижний бордюр композиции или "висят" на условном одноцветном фоне. Полоса, изображающая землю, характерна для всей эллинистической традиции и для индийских росписей раннего средневековья. У персонажей акцентированы лица с большими глазами и крупные кисти рук. Контуры — то толстые, то тонкие, то прерывистые, то сплошные, часто несколько грубоватые, но никогда не вялые — придают ранним росписям особую экспрессию. При разработке формы художник применял все приемы моделировки: градацию темных и светлых тонов, штриховку теней, прописывание белым цветом бликов.

Росписи главного здания II храма относятся ко второму

20. В е л е н и з к и А.М. *Mittelasien. Kunst der Sogden.* Taf. 18-20; Об иконографии сцен поклонения см.: Ш к о д а В.Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи. — Сообщения Государственного Эрмитажа, XV. Л., 1980, с. 60-63. Очень близки к пенджикентским сцены поклонения в росписях Дильберджина. К р у г л и к о в а И.Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия, вып. 2. М., 1979, рис. 24, с. 137 сл.

21. А л ь б а у м Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 90-93, табл. LI.

строительному периоду, который датируется VI в. Они были открыты в первые годы раскопок.²² Тогда же хорошо сохранившаяся часть росписей была снята со стен, а росписи плохой сохранности законсервированы на месте. В 1972 г. росписи были вновь открыты, прорисованы и сняты со стен.

Также к VI в. относится роспись в айване главного здания I храма. Сюжеты росписей двух сходных по архитектуре храмов оказались различными. Во II храме на боковых стенах айвана показана процессия, как бы направляющаяся в храм. На задней стене айвана - батальные сцены. В северной части айвана I храма и на боковой, и на задней стене показаны эпизоды истории Захака - хорошо известного персонажа эпоса. В южной его части на боковой стене - несколько ярусов с небольшими фигурами людей, видимо, донаторов или участников храмового пиршества, а на задней стене - мифологическая сцена с мужским божеством на колеснице, запряженной четырьмя кабанами. В главном зале II храма на боковых стенах - мифологические сюжеты. Назовем вновь выявленную композицию на северной стене: шествие людей, вооруженных мечами, которые ведут коней, и обращенные навстречу идущим коленопреклоненные люди также с мечами, подвешенными к поясу. Судя по крупной фигуре такого же коня на южной стене неподалеку от знаменитой сцены оплакивания, композиция на боковых стенах зала передают разные эпизоды одного мифа. Между тем на торцовой стене сюжет совершенно другой. Здесь показаны донаторы: в северной части - мужчины, один из них с жертвенником, а в южной - женщины, около одной из которых изображен лук. Таким образом, сюжеты росписей на боковых стенах зала связаны между собой так же, как это имело место на боковых стенах айвана. В храмовых росписях

22. Я к у б о в о к и й А.Ю. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Согдийской экспедиции 1948-1949 гг. - Изв. АН СССР, сер. истории и философия, т.УП, вып.5, 1950, с.472-491; о н ж е. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946-1947 гг. - МИА, 1950, № 15, с.53-54, табл.56-58,60. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, табл.Ш, XV-XXIII, с.33-35, 108-114.

VI в. большие на всю стену панно с единой композицией оказываются более характерными, чем фриз с несколькими сменяющимися друг друга эпизодами. Для больших храмовых композиций свойственны сложные пространственные построения, в которых персонажи, находящиеся сзади, помещены выше на стене, чем те, которые стоят ближе к зрителю, и при этом частично перекрыты фигурами переднего плана. Иконография VI в. во многом близка к более ранней, но сохранность росписей недостаточна для того, чтобы судить о степени стилистической близости. Большинство сюжетов росписей храмов уводит нас в совершенно неизвестный науке мир согдийской мифологии. Отголоском каких-то праздничных обрядов представляется сцена с пляской ряженых и полуголых музыкантов в боковой капелле I храма.

Большое принципиальное значение имеет обнаружение росписей VI в. в частных домах Пенджикента и, возможно, Афрасиаба.²³ Эти росписи свидетельствуют о более ранних истоках хорошо известного для конца VII - первой половины VIII вв. широкого распространения настенной живописи в домах состоятельных горожан. В одном случае художник, видимо, иллюстрировал какое-то повествование,²⁴ в другом случае в арочной нише было изображено божество, подобное Силену, причем в помещении была расписана только эта ниша.

Роспись со сценой охоты из зала второго этажа богатого дома VII в.²⁵ отличается от более поздней пенджикентской живописи толстым уверенным контуром и насыщенностью цвета, хотя следует учитывать, что это различие в какой-то мере объясняется хорошей сохранностью красочного слоя. К VII в. относятся, видимо, и фрагменты штукатурки с живописью из восточного

23. А л ь б а у м Л.И. Живопись Афрасиаба, помещение IX, табл. I-II.

24. Б е л е н и ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Вопросы хронологии..., рис. 5, с. 34.

25. Т а м ж е, рис. 6, с. 34.

двора I храма (объект X) с изображениями донаторов и битвы героев с чудовищами.

Основная масса росписей в жилых домах знати и состоятельных горожан относится к первой половине УШ в. Первой четвертью УШ в. можно датировать росписи дворца правителя на цитадели,²⁶ главного айвана восточной ограды II храма, помещения 12 объекта X, помещения 28 объекта XXIII и мелкие фрагменты на других объектах. Возможно, к этому времени относится роспись в помещении 6 объекта III. Удалось показать, что многие залы с живописью датируются временем восстановления города где-то около 740 г. Это существенно меняет наши представления о судьбах согдийской культуры в период арабского завоевания. В 1970-1980 гг. открыто много росписей этого времени: помещение 50 объекта XXIII, помещения 1-3, 13 объекта XXIV, помещения 12, 24 объекта XXV, помещения 2-3 объекта XXVI. Пока трудно судить о сюжетных и стилистических различиях этих двух групп росписей, поскольку каждое помещение имеет много индивидуальных особенностей, что вполне естественно для времени расцвета искусства.

За последние годы мы получили возможность судить не только о росписях отдельных помещений, но и о живописном убранстве целых домов первой половины УШ в. При всех вариантах выявляется определенная закономерность: для каждого вида помещений характерна своя тематика. В айванах часто встречаются символические изображения (ваза с ветками граната, луна, трезубец), в вестибюле - шествия людей и коней, на торцовых стенах залов - сцены поклонения богам, однако эти предпочтения отнюдь не обязательны. В айванах обнаруже-

26. И с а к о в А.И. Цитадель..., с. 157-166, рис. 59-64; Б е л е н ц к и й А.М. Монументальное искусство..., табл. 35-39; Б е л е н ц к и й А.М., М а р ш а к Б.И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии. - В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 215-221; В е л е н ц к и й А.М. Mittelasien. Kunst der Sogden. Taf. 60-65.

ны изображения божеств с атрибутами в виде луны, солнца, трезубца, в вестибюлях — сцены поклонения богам и сцены сражений. Известен случай, когда сцена поклонения была только в вестибюле и отсутствовала в парадном зале дома (объект XXIV, помещения I-3).

Многочисленные культовые изображения показали насколько сложна проблема местной религии Согда. Иконография богов в значительной мере заимствована из Индии, но у них есть свои специальные атрибуты, например знамя с характерным трубчатым полотнищем, жезл, завершающийся головой зверя и т.д. В индийском облике пенджикентцы почитали своих согдийских богов. Обширный пенджикентский материал позволял выявить набор признаков, по которым можно отличать богов от царей и других персонажей. За последнее десятилетие обнаружены изображения десяти ранее не засвидетельствованных божеств. Однако можно думать, что теперь мы с известной полнотой знаем иконографию согдийского пантеона: изображения некоторых божеств встречены уже по нескольку раз. Интересны изображения, по-видимому, ада ирая (помещение I2 объекта XXV), не соответствующие каноническим зороастрийским представлениям.

Важной особенностью религиозной жизни согдийцев было то, что каждая семья особо почитала то или иное божество. В домах такое божество изображалось обычно в большом масштабе и на особо почетном месте, хотя в тех же самых залах могли быть и более скромные изображения других богов того же согдийского пантеона. Эти частные семейные культы существовали в Согде наряду с общесогдийскими храмовыми культами. К наиболее почитаемым относились богиня, сидящая на льве, видимо, Нана, чета божеств на троне с протомами верблюда и горного барана и подобный Шиве Вешпаркар. Боги, известные по росписям Пенджикента, засвидетельствованы также в живописи Афрасиаба, Варахши, Шахристана и др.

В сценах поклонения наряду с такими образами божеств большой интерес вызывает целая "портретная галерея" донаторов. Художники весьма условно передавали черты лица, но

не забывали нарисовать приметы портретируемого: лысину, длинные висячие усы и т.д. Документально точна трактовка костюма.

Если раньше росписи залов, сочетающиеся с культовой сценой, обычно оказывались иллюстрациями к литературным произведениям, то за последние годы в нескольких домах были открыты неиллюстрированные композиции на темы пира и конной охоты, связанные с представлениями о счастливой "царской" жизни. При этом в отличие от подлинно царского династийного искусства Ирана в Пенджикенте в подобных композициях нет центральной фигуры царствующего государя. Во дворце Деваштича росписи боковых стен тронного зала, по-видимому, передавали события недавнего прошлого: осаду Самарканда арабами и коронацию царя (самого Деваштича в 718 г.), однако по своим композиционным принципам эти росписи мало в чем расходились с иллюстрациями к эпическим повествованиям. В одном случае (объект XXIII помещение 50) сцена конной охоты включена в декоративный нижний ярус с бегущими друг за другом зверями. Это прямой предшественник фриз с "гоном зверей" в Самарре (IX в.) и вообще в искусстве исламского периода.

В двух залах открыта живопись на эпические темы: в помещении 6 объекта III изображены сражения с демонами, в которых участвуют Нана на льве и солнечный бог на колеснице,²⁷ а в помещении 50 объекта XXIII мы видим несколько эпизодов сказания о герое, победившем трехголового демона, - новый для науки сюжет согдийского эпоса (рис.2).

В первой половине VIII в. согдийская живопись достигает величайшего стилизового единства и своеобразия. Реализм в передаче реалий придает изображениям достоверность и эпическую обстоятельность. Контрасты переходов от нарастания на-

27. Аналогичная сцена есть и в Шахристане: Н е г м а - т о в Н.Н. О живописи дворца афлинов Уструшанн. - Советская археология, 1973, № 3, рис.9.

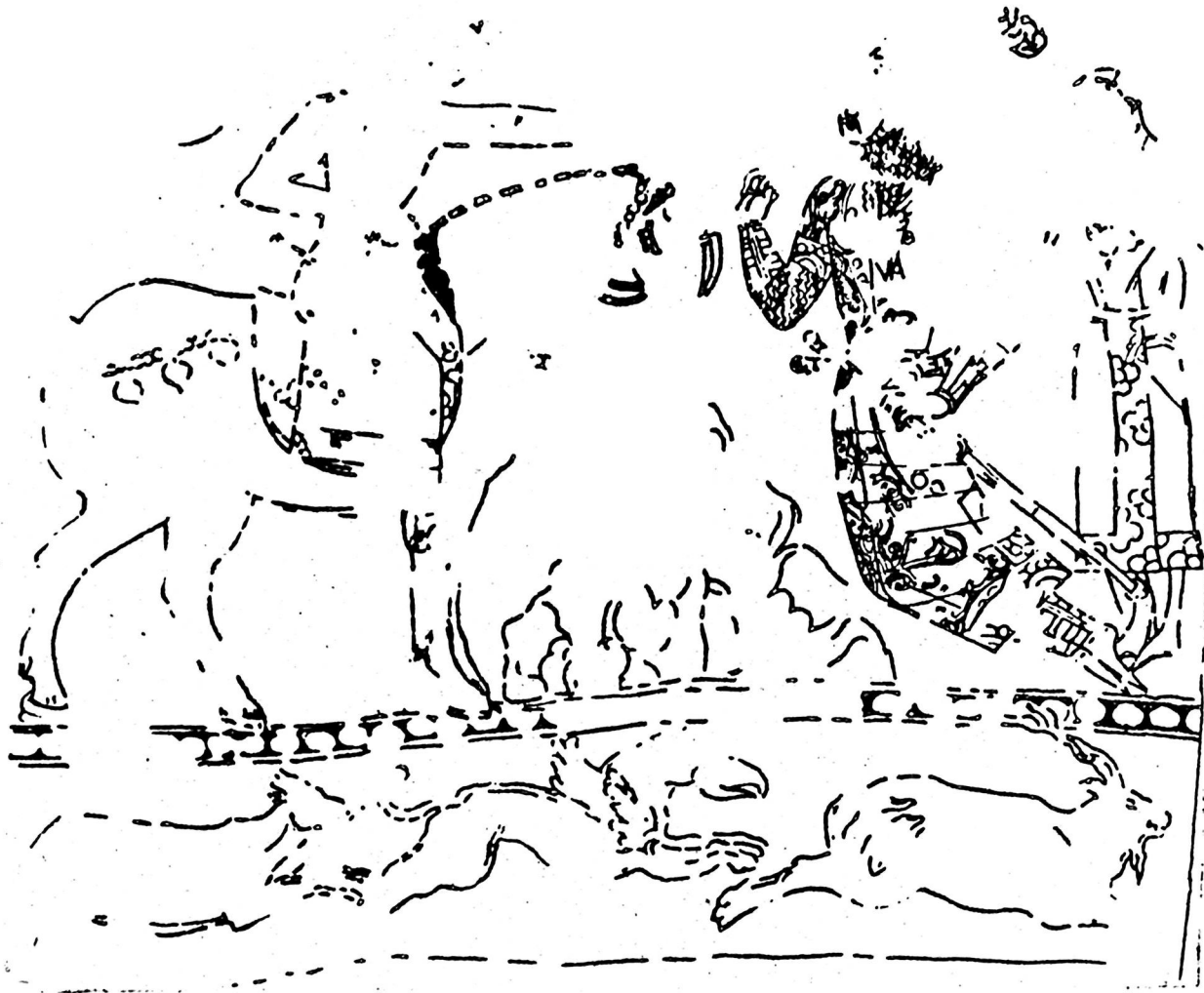


Рис.2.

пряжения к его спаду создают сложный ритм повествования, которое то ускоряясь, то замедляясь, обычно развертывается в вытянутой вдоль стены фризовой композиции. Нарастание и затем разрешение напряженности выражено в каждой пальметте орнамента, в каждой развевающейся ленте, в каждой фигуре. Взгляд зрителя не охватывает фриз целиком, а следует за развитием форм обычно контрастно противопоставленных по цвету ярко-синему или красному насыщенному светом фону. Строго логична разработка фигуры человека: от узкой талии поднимается расширяясь могучий стан с округлыми плечами. Мускулистые, широкие у плеч руки утоньшаются к легким и подвижным кистям с тонко прорисованными пальцами. Экспрессия достигалась не характером контура, а за счет самих форм с их мощными изгибами и пламевидными окончаниями. Согдийский художник передавал последовательные сюжеты подробно, с вниманием к деталям и в то же время эмоционально.

Как в сюжетах, так и в стиле пенджикентской живописи проявляется городской, в определенной степени светский и демократический, характер согдийского искусства, которое отличает его от сугубо культового или династийного искусства сопредельных стран Среднего Востока.

В этой статье мы не можем останавливаться на целом ряде направлений работы экспедиции: изучении архитектуры, нумизматического материала, керамики, других категорий находок. Комплексный метод исследования городского организма, принятый Пенджикентской экспедицией, позволяет, разрабатывая каждое направление, не терять из вида общую историческую задачу. Значение древнего Пенджикента — самого изученного раннесредневекового города на всем Среднем Востоке возрастает с каждым годом. Пенджикентские данные часто помогают понять разрозненные материалы других памятни-

Рис. 2. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 50, южная стена. Роспись. В нижнем ярусе — бегущие звери, в верхнем — герой, победивший демона, перед всадником в кафтане из шкуры леопарда. Прорисовка М. П. Кикотя.

ков. Методика вскрытия большими площадями разнохарактерных объектов в сочетании с постоянным вниманием к вопросам хронологии весьма перспективна. В последние годы на такой путь встали исследователи, раскапывающие античные и средневековые города. Это открывает в будущем возможность сравнительного анализа ряда городов и поселений. Наши усилия, направленные на изучение ранних периодов жизни Пенджикента, дадут возможность сопоставить позднеантичный и раннесредневековый город Средней Азии без существенных хронологических лагун. Однако усиленное внимание к ранним слоям не означает отказа от планомерной работы по исследованию города периода его расцвета, каждый год существенно увеличивается объем наших знаний, что позволяет во многом дополнять те важные результаты по социально-экономической и культурной истории, полученные за три десятилетия раскопок Пенджикента.

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова

РАСКОПКИ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА В 1980 г.

В 1980 г. на городище древнего Пенджикента изучались фортификационные сооружения (объекты IX, XII; около источника Кайнар), проводились исследования храмов (объекты I, II, X), продолжались раскопки жилых кварталов (объекты XVI, XXV)^I (рис. I).

В северо-восточном углу городища в 1979 г. для изучения крепостных стен были возобновлены работы на объекте IX (руководитель Г.Л. Семенов). Однако после двух сезонов здесь пока исследованы только жилые дома и улица, которые датируются второй половиной V в. Для этого времени крепостных стен не обнаружено. Улица, идущая с востока на за-

I. В 1980 г. в работах Пенджикентской экспедиции помимо руководителей объектов, названных в тексте, участвовали старшие реставраторы Государственного Эрмитажа Г.И. Тер-Оганян, Е.С. Калмыкова, реставратор Пенджикентской археологической базы М.А. Исакова, которые провели огромную работу по расчистке живописи в завалах, ее фиксации, расчистке и монтажке из мелких кусков целых сцен. Под руководством Б.И. Маршака обмеры архитектурных объектов проводили студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и Ленинградского инженерно-строительного института О.Д. Богомолова, С.А. Ковалев, Д.Я. Томилло, О.В. Андреева, Е.Э. Кургузова, О.Н. Степанова. Росписи копировали художники И.Г. Захимов, Д.К. Титов и студентки Н.М. Федорова и Е.П. Ремерова. Студент кафедры археологии ЛГУ Н.Ф. Саввонида провел большую работу по фиксации керамики. Полевую фотосъемку провела В.И. Распопова. Кроме того, в работах экспедиции принимали участие З.А. Короваева, Н.К. Маслюконице, В.В. Ромодан, К.М. Дьяконов. Как и в другие годы, раскопки на городище были возможны лишь благодаря участию учеников старших классов школ г. Пенджикента. Большую помощь в работе экспедиции оказали шофер А.С. Султонов и бульдозерист У. Кодыров.

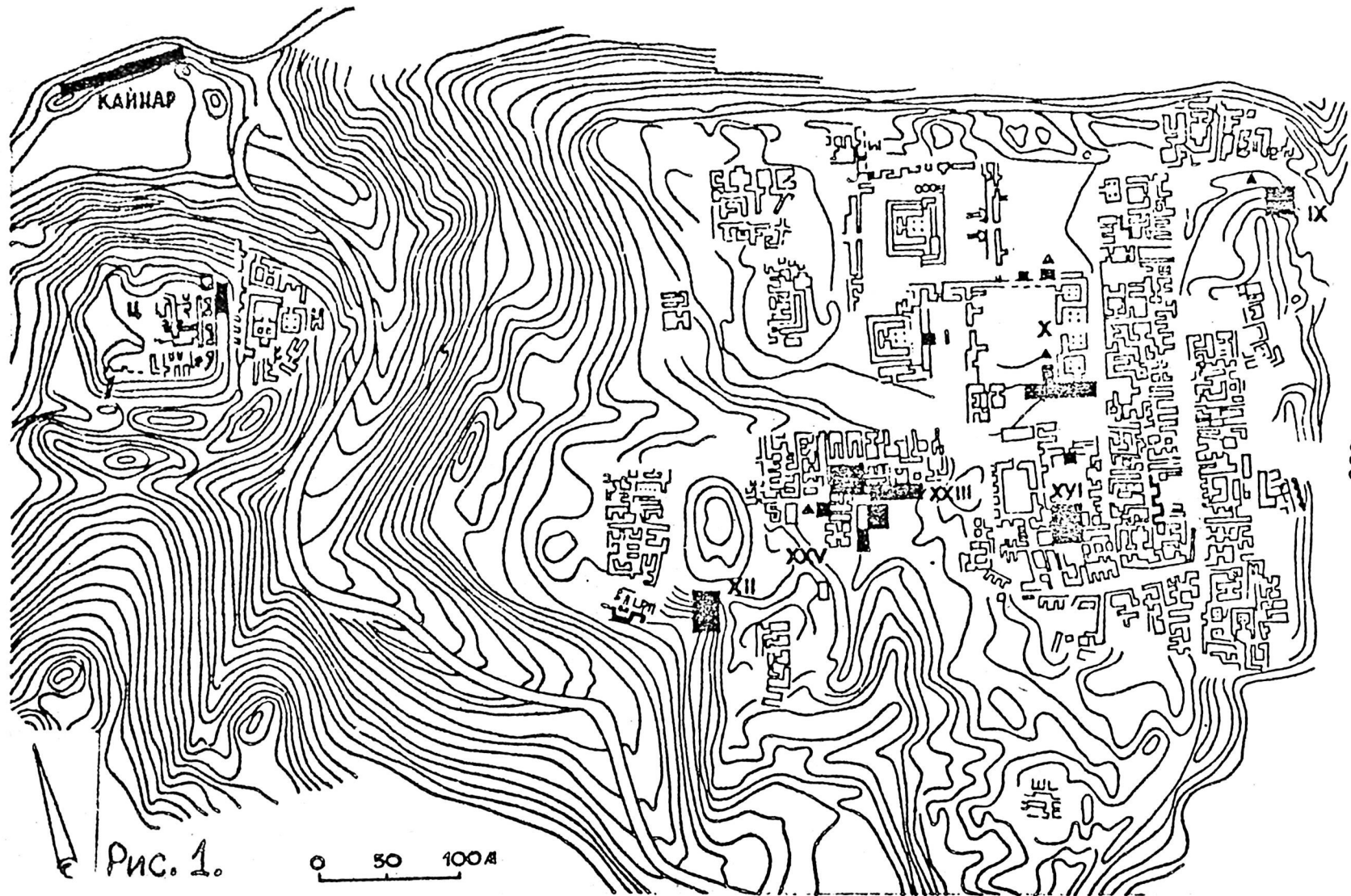


Рис. 1.

0 50 100 м

пад, поворачивая на юг, огибает жилой дом и выходит за пределы города. Можно думать, что в третьей четверти УШ в., т.е. во время упадка городской жизни, этот вход в город не был защищен оборонительными сооружениями. Небольшой дом, который обходила улица, состоял из двух сводчатых помещений первого этажа, одно из которых служило вестибюлем и имело лестницу, ведущую на второй этаж. Первоначально в дом попадали с восточной улицы, затем этот вход был заложен. В связи с повышением горизонта улицы оказалось, по-видимому, возможным сделать вход с севера с уровня второго этажа. Над южным сводчатым помещением на втором этаже сохранились остатки кладовой с ларями, стены которых были обмазаны алебастром. С запада к этому дому примыкает сводчатое помещение соседнего жилища, которое было начато раскопками в 1979 г. Вход в него вел с севера, с улицы. Имеется также проход в западной стене. Помещение служило не только вестибюлем, но и кладовой с вкопанными в пол хумами. На восточной стене так же, как и на западной (в 1979 г.), были зафиксированы примитивные рисунки красной краской. Материалы с пола этого помещения позволяют датировать его, как и соседний дом, третьей четвертью УШ в.

Были продолжены также работы по исследованию укреплений на объекте XII (руководитель Г.Л.Семенов). Здесь расчищены до основания хорошо сохранившиеся фасады южной городской стены и западной стены так называемого предвратного лабиринта. Стены сохранились на высоту 6-7 м. Они стоят на материке. Обнаружен крутой склон материкового холма, понижающийся

Рис. I. Пенджикент. Схема расположения объектов на городище. Римскими цифрами обозначены номера объектов. Сплошной заливкой показаны участки, раскопанные в 1980 г., треугольниками - места находки живописи.

к западу на 3,7 м на протяжении 9,15 м. Поверхность нижней части западной стены предвратного лабиринта до высоты 2,6 м наклонная, выше идет ремонтная сырцовая стена с почти вертикальной поверхностью. Южная городская стена имеет наклонный фасад. В верхней части этой стены сохранились стрелковые площадки двух периодов. Более ранняя площадка, обнаруженная в 1979 г., была заложена пахсовой кладкой на высоту 2,5 м. На этом уровне располагалась сохранившаяся только близ угла крепостных стен более поздняя площадка. На расстоянии 1,5 м к востоку от фаса стены предвратного лабиринта стрелковая площадка перегорожена глухой стеной. На протяжении обоих периодов стрелковые площадки не имели ограждений с тыльной стороны. Позднее с этой стороны была пристроена сырцовая стена, верх которой поднимается над верхней площадкой. Разрез южной стены в 1 м от угла показал, что снаружи стена облицована пахсовым панцирем, сходящим на нет на высоте около 3 м от материка в углу крепостных стен. Выше идет нерегулярная кладка из сырца и пахсы. За пахсовым панцирем на расстоянии 1,5 м от угла стен идет пахсовая кладка с наклонной западной поверхностью. Пока остается неясным, является ли эта кладка остатком более ранних сооружений или она имеет чисто конструктивное значение. К востоку от этой кладки идут чередующиеся слои глины и камней с керамикой и костями животных. Весь обширный керамический материал относится ко II комплексу Пенджикента (не позднее начала VI в.), что позволяет датировать возведение стены приблизительно первой половиной VI в. Керамика из пахсовой кладки над ранней строительной площадкой немногочисленна и датируется в пределах VI в. Зачистки в углу крепостных стен показали, что пахсовая основа обеих стен одина, хотя западная стена предвратного лабиринта имеет более позднюю облицовку. Это позволяет датировать стену предвратного лабиринта также первой половиной VI в. В 1958 - 1959 гг. в 30 м к западу от данного раскопа в толще южной

стены были обнаружены остатки стен и башен У в.², однако в разрезе 1980 г. они не зафиксированы. Здесь они, видимо, были полностью снесены.

К северу от цитадели находится обильный источник Кайнар. В древности он был защищен укреплениями, входившими в единую систему обороны города и цитадели. В 1980 г. под руководством Г.Л.Семенова были произведены зачистки на северном и восточном фасах укреплений Кайнара. На восточном фасае расчищены остатки башни, обращенной на восток в сторону сая, который проходит между цитаделью и шахристаном. Эта башня с двумя рядами радиальных бойниц во всех деталях аналогична башням ранних городских стен на шахристане (объекты Ш, УП, ХП)³ и, по-видимому, датируется, как и они, У в. С внутренней и с наружной сторон этой башни обнаружены пристроенные к ней более поздние стены нескольких строительных периодов. Участок к западу от этой башни остается пока неясным, тогда как на западном конце северного фаса расчищены остатки трех башен и двух куртин. Длина башни по фасау около 7 м, куртины - 2,10 и 2,90 м. На уровне основания фас куртин и башен находятся на одной линии. Выступание башен обеспечивалось тем, что их фасады вертикальны, тогда как нижние части куртин наклонны. На башнях открыт один ряд бойниц, расположенных радиально. Четыре бойницы выходили на фас и по одной бойнице на боковые стороны. В куртинах открыто по одной бойнице, причем бойницы куртин расположены выше, чем бойницы башен. Бойницы башен с наклонным полом, тогда как бойницы куртин имеют горизонтальный пол. Керамика из закладок бойниц У в., но возведение стен она не датирует. По своей архитектуре эти укрепления настолько отличаются от

2. Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте ХП за 1955-1960 гг. - МИА № 124. М.-Л., 1964, с.184, рис.2.

3. Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда. - Успехи среднеазиатской археологии, вып.4. Л., 1979, рис.2.

известных крепостных стен У в., что не исключена их более ранняя дата. Следует учесть, что северный фас кайнарского укрепления в отличие от основных построек шахристана и цитадели ориентирован строго по странам света. Вполне вероятно, что укрепленное поселение близ источника и, может быть, на холме цитадели существовало до основания города.

Как и в предыдущие годы, продолжалось исследование храмов Пенджикента. На объекте I (руководитель А.И. Наймарк) выявлен восточный край платформы, на которой стоял храм. Сказалось, что айван храма был глубже, чем это предполагалось ранее, и доходил до линии внешнего уступа боковых пилонов главного здания. Был открыт пандус, который вел на платформу, аналогичный пандусу, обнаруженному в 1979 г. на II храме. В последнем сезоне в храме I исследовались слои не древнее начала УШ в.

На II храме в южной стене главного здания, выходящей в обходную галерею, обнаружены две вырубленные в кладке арочные ниши с остатками росписи. Позднее они были заложены. Под этими нишами у стены имеется суфа. По своему расположению и ориентации эти ниши подобны нишам помещения 6 храма I.

На объекте X (руководитель В.Г. Шкода) были продолжены раскопки восточных дворов обоих храмов. В юго-восточном углу двора II храма в завале обнаружены обломки штукатурки с росписью, которая некогда покрывала восточную стену и закладку прохода в коридор (помещение 3), выводящий на улицу. Стены были расписаны и до закладки прохода. В кладке, заполняющей проход, были расчищены фрагмент росписи с изображением фриза какого-то здания и обломок глиняной статуи (пряди волос). Перед восточной стеной в завале найдены фрагменты росписи с изображением нескольких зданий с балконом, деревянными надстройками, декоративными фризами. На крышах находятся люди. Эти сцены выполнены в мелком масштабе. Над ними на синем фоне сохранилась часть крупномасштабной фигуры черного коня (или какого-то зверя) под чепраком, который скачет галопом. Неподалеку найдены обломки росписи с изобра-



Рис.2. Пенджикент. Объект X, помещение 12. Фрагмент росписи из завала. Прорисовка И.Г.Нахимова.

женем трона, покрытого львиной шкурой (?). Кроме того, обнаружен ряд фигур на синем фоне. Живопись разделена на регистры полосой перлов.

Перед проходом найдена роспись другого характера. Здесь сохранились фрагменты композиции, включавшей не менее, чем семь женских фигур в коронах, каждая из которых держит в руках знамя и чешуйчатую булаву, оканчивающуюся головой зверя (рис.2). Над ними босые ноги фигур верхнего регистра.

Полосы перлов нет, но над фигурами нижнего регистра штукатурка несколько выступает по дуговой линии, видимо, соответствующей арке заложеного прохода. Знамена, жезлы и короны — обычные атрибуты согдийских божеств. Но сама множественность фигур и отсутствие нимбов показывает, что это скорее всего не богиня. Можно предположить, что в данной росписи перед нами Фравашы — особый класс божественных существ женского рода, которые представлены в качестве многочисленного войска с поднятыми знаменами.⁴

Продолжались раскопки в юго-восточном углу восточного двора храма I и в примыкающих к нему с юга и юго-востока помещениях. Была уточнена строительная история помещений 8-10, построенных на месте находившегося здесь ранее переулка, шедшего с запада на восток, стены вдоль которого плохо сохранились. В 1980 г. установлено, что помещения 8-10 были построены уже в V в., причем то, что в 1979 г. казалось тротуарами переулка, является ранними суфами в неразделенном сначала помещении 8/10. В слое улицы под полом соседнего помещения найдена медная кушанская монета Хувишки и фрагменты керамики, близкой к комплексу I Пенджикента, хотя здесь имеются и новне для Пенджикента формы, возможно, несколько более ранние. Под полом двора обнаружена оштукатуренная стена, шедшая в направлении север-юг, однако роль ее остается пока неясной. Основная планировка двора и прилегающих помещений стабилизируется в первой половине VI в., для более позднего времени отмечаются только частные перестройки. В юго-восточном углу помещения 4/7 обнаружена яма в материке, спущенная с уровня нижнего пола. Яма была заполнена рыхлой землей с включением отходов бронзолитейной мастерской и обгоревшими фрагментами глиняного архитектурного декора. Здесь найдено донце чашевидного кубка V в. и 7 медных монет — подражений монетам Басудевы и Канишки Ш.⁵

4. Авеста, яшт 13, стих 37.

5. Определение Е.В. Зейделя. Еще одна такая же монета найдена на полу, с которого спущена яма.

Это первая находка подобных монет в Пенджикенте. Вдоль южной ограды двора вытянуто с запада на восток коридорообразное помещение II с несколькими прослойками полов. В разных прослойках, относящихся к VI в., найдены три серебряные согдийские монеты с фигурой лучника. На полу с монетами VII в. найден фрагмент стенки хума с изображением мужского лица в профиль, нанесенным до обжига сосуда. Рисунок явно непрофессиональный, но весьма выразительный. Слева от окончательного рисунка сохранился другой незаконченный и затертый, видимо, показавшийся неудачным (рис.3). В сырцовом завале, заполнявшем помещение, встречен фрагмент глиняной скульптуры.

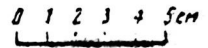
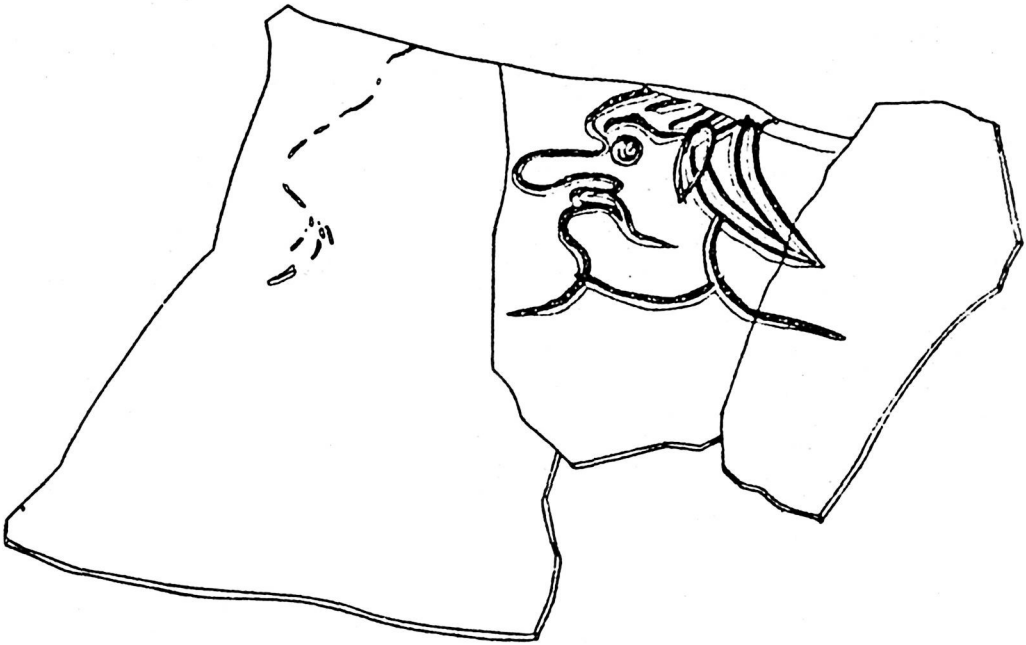


Рис.3. Пенджикент. Объект X, помещение II.
Рисунок на хуме.

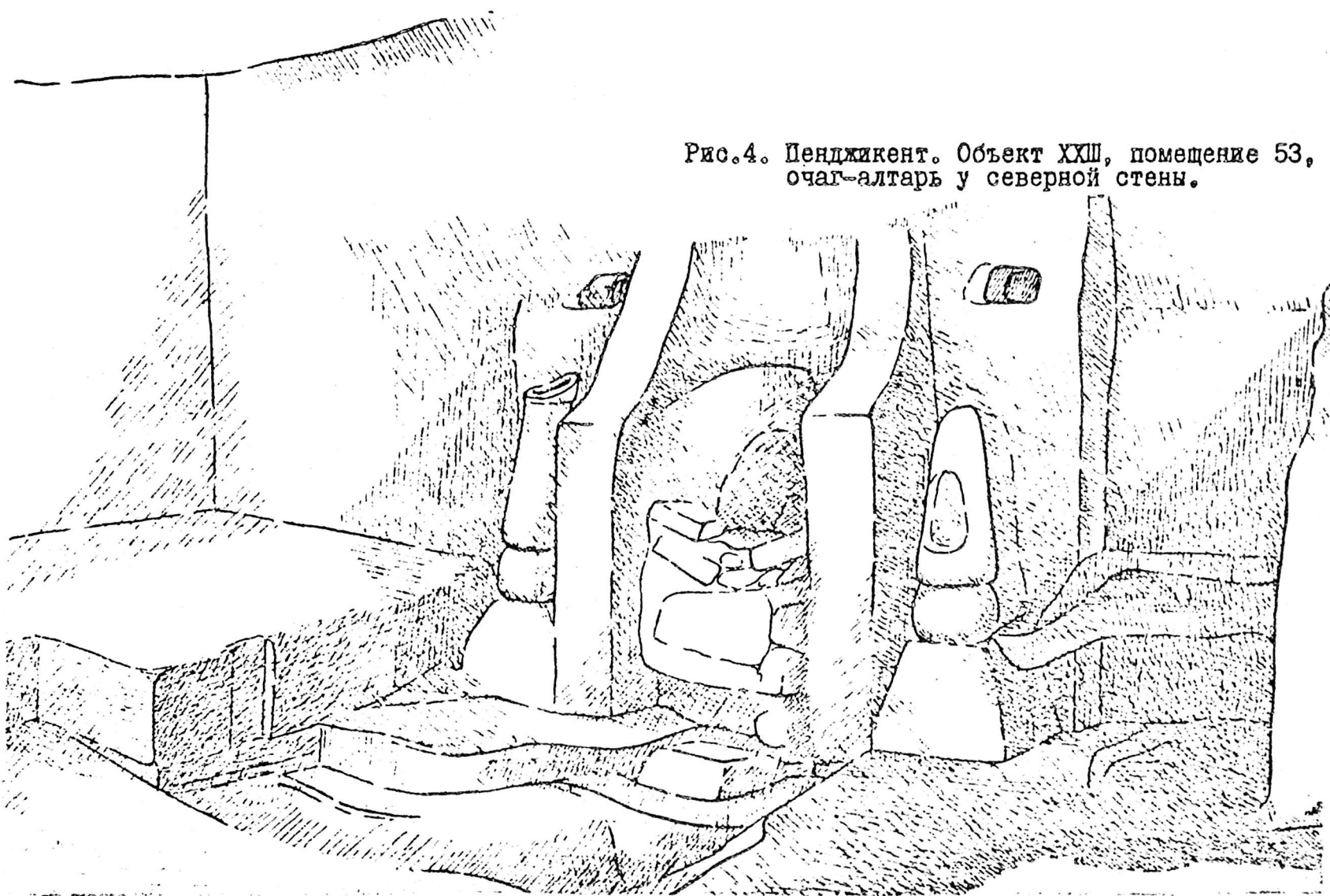
Во дворе продолжалась разборка фрагментов штукатурки с росписью. На одном из них обнаружено изображение демона с козлиными рогами и развевающимися волосами, на другом - ли-

цо человека. Все изображения крупномасштабные. Судя по фрагментам с изображением оружия, здесь была представлена битва с демонами.

На объекте ХУІ (руководитель В.И.Распопова) были продолжены работы 1979 г. по выявлению в центре квартала внешних границ здания, послужившего ядром, вокруг которого группировались жилые строения времени сплошной застройки городокой территории. В результате работ отчетного сезона прослежены на всю длину северная (10,5 м) и западная (13,5 м) фасадные стены. Целиком расчищен северо-западный угол (сохранялся на высоту около 5 м), по которому мы можем представить себе внешний вид здания. Кроме того, был раскрыт участок северной стены, где находятся окно и два гнезда от балок по сторонам от него. Это первый случай в Согде, когда фасадные стены сохранились выше окон помещений первого этажа. Под домом занята площадь около 150 кв.м. Он представлял собой кубический объем со слегка наклонными стенами, сложенными из пахсовых блоков с прокладками из нескольких рядов сырцовых кирпичей. Шурфы под полом в помещении, занимающем юго-восточный угол здания, показали, что дом стоит на сплошной кладке из двух рядов пахсовых блоков. Здание возведено не ранее VI в. Оно было включено в более позднюю застройку, скрывшую его фасады, видимо, на рубеже VII-VIII вв., о чем свидетельствует керамика из кладки пристроенных к фасадам стен.

На объекте ХХIII (руководитель И.Рахматуллаев) продолжались раскопки двух соседних домовладений. Расположенное западнее состоит из основного прямоугольного ядра (три сводчатых помещения, паядус и вестибюль), к которому с юга пристроены парадные залы. Из вестибюля раннего здания на юг выходили в квадратный четырехколонный зал, из которого в свою очередь попадали в коридор, имевший проходы в южной и западной стенах. Куда вел южный проход, еще предстоит исследовать, а проход в западной стене выводил в помещение (№ 53) площадью более 40 кв.м с хорошо сохранившимся при-

Рис.4. Пенджикент. Объект XXIII, помещение 53,
очаг-алтарь у северной стены.



стеным очагом-алтарем, фланкированным двумя колоннами. В третьей четверти VIII в. очаг был превращен в бытовой, а позднее заложён сырцовою кладкой (рис. 4).

В жилище, расположенном восточнее, открыты также три параллельных сводчатых помещения, пандус и вестибюль. К югу от сводчатых помещений начато исследование большого зала (№ 57), к 70-м гг. VIII в. превращенного в небрежно содержавшийся дворик. Самое северное из сводчатых помещений (№ 33) по первому полу было изолировано от других помещений этого жилища. Одновременно был пробит проход в помещение 39, относящееся к домовладению, соседствовавшему с запада. Эта перестройка относится ко времени до 20-х гг. VIII в. Ранее представлялось, что проход между помещениями 33 и 39 слился воедино оба домовладения. Однако теперь выявлена более сложная картина — к соседнему дому отходит только одно помещение.

На объекте XXV (руководитель И. Абдуллаев), расположенном к югу и к западу от объекта XXIII, продолжались раскопки обширного домовладения. Работы велись на трех участках. В помещении 18 были открыты нижние полы. Керамика с этих полов и стратиграфия позволили датировать сложение плана этого помещения второй половиной VI в. Кирпичная стена с нишей, в которой в 1979 г. была открыта роспись, — более ранняя, чем остальные стены этого помещения, которые не только не были расписаны, но даже не имели штукатурки. Таким образом, по стратиграфии живопись в нише должна датироваться не позднее VI в., а изображенная на ней ткань с кругами перлов заставляет исключить дату старше, чем середина VI в. Весьма сложной оказалась строительная история помещений 20 и 21. В конце VI — начале VII вв. здесь находилось двухэтажное здание с низким (менее 2 м) первым этажом. Во второй половине VII в., не разбирая балок перекрытия, первый этаж доверху засыпали землей, а вместо помещений второго этажа построили четырехколонный зал и коридор. В начале VIII в. в результате решительной перестройки появилось обширное единое по-

помещение, отделенное глухой восточной стеной от других комнат дома, в который входил зал VII в., но соединенное проходом с жилищем, расположенным западнее. С этим горизонтом связаны находки гирь в 1979 г. Как теперь выясняется, назначение помещения, находящегося далеко от улицы, было не торговое, а, по всей вероятности, производственное. Можно предположить, что здесь производили вывешивание и маркировку гирь, а контроль за этим осуществлял владелец дома, являвшийся официальным лицом, следившим за правильностью мер. В 740-е гг. единое помещение было снова разделено на квадратный зал и коридор.

В северной части домовладения было раскопано сводчатое помещение, а на северо-западе — пандус и две сводчатые кладовые второго этажа с алебастровой обмазкой стен. Эти три помещения первоначально входили в отдельное жилище. Большой интерес представляет помещение 24, которое в первой половине VIII в. было входным айваном. В нем сохранились остатки росписей 740-х гг. На восточной стене — задней стене айвана помещены каннелированные вазы с цветами — излюбленный сюжет айванных росписей. На северной стене и на северном пилоне, фланкирующем выходящую в переулок арку, росписи разделялись на два яруса. В верхнем ярусе — изображение танцора около водоема, а в нижнем — остатки фигур богов: руки, держащие атрибуты. Слева от зрителя видны две левых руки с трезубцем и колокольчиком, а справа — правая рука другого божества с желтым солнечным диском. Вероятно, здесь изображены Вешпаркар с его трезубцем и Нана с солнцем и луной в руках.

Коллекция вещей, найденных в 1980 г., весьма разнообразна по своему составу. Следует особо отметить согдийские надписи тушью на сосудах и на остраках. На одном из хумов В.А. Лившиц читает имя Махфарв. Возможно, что это имя владельца не только хума, но и дома, в котором стоял хум, — жилища, раскапываемого последние несколько лет на объекте XXV. Большая двухстрочная надпись на хуме, от которого сохранились крупные обломки, обнаружена на объекте XXIII.

На том же объекте найден острак с шестью строками текста, написанного архаичным письмом. На объекте XXV найдена гиря с надписью тушью: 20 - 20 - I. Вес обозначен в согдийских драхмах с небольшой ошибкой. Видимо, по надписи тушью должна была быть выбита углубленная надпись, а дошедший до нас экземпляр является заготовкой. Представляет интерес большая гиря с надписями, выбитыми на двух сторонах (объект IX). На одной стороне обозначен вес в драхмах, чтение текста на другой стороне предстоит уточнить.

Таким образом, работы 1980 г. дали новые существенные материалы по истории Пенджикента. Раскопки фортификационных сооружений позволили поставить вопрос о существовании укрепленного поселения до возникновения города на территории шахристана. Разрешение этого вопроса - задача ближайших лет. В обоих храмах обнаруживается все больший параллелизм планировочной структуры, однако сюжеты росписей на аналогичных участках стен разных храмов оказываются различными. Все более определенно выявляются изменения в характере жилой застройки на рубеже УП-УШ вв., когда застройка становится наиболее плотной, а богатые дома достигают максимальных размеров.

А.И.Исаков

ОТЧЕТ О РАБОТЕ НА САРАЗМЕ В 1980 г.

В 1980 г. Саразмский отряд продолжал работы на раскопках II и III.¹ Напоминаем, что на раскопе II раскрывается многокомнатный жилой массив, по характеру напоминающий жилище рядовых граждан, устроенный отдельными комплексами.² На раскопе III также продолжались раскопки весьма интересного здания, очевидно, имевшего культовое или общественное значение.³

Теперь переходим к описанию раскопок по отдельности.

Раскоп II. В нынешнем году раскопки велись на западной и юго-западной части объекта, на площади более 250 кв.м. В северо-западной части в сезоне 1979 года были частично раскопаны остатки трех помещений - № 31, 32 и 33.⁴ В отчетном году надо было оконтурить и по возможности обнаружить остатки других построек.

1. Эти раскопки, начатые в 1977 г., были продолжены и в последующие годы, т.е. 1978-1980 гг. В работе, длившейся 4 месяца (июнь-октябрь) участвовали: А.И.Исаков - ст.в.с., начальник отряда; У.Эшонкулов - ст.лаборант, зам. начальника отряда, М.А.Исакова - ст.лаборант, А.Султанов - шофер Пенджикентской археологической базы и 4 маршрутных рабочих.

2. И с а к о в А.И. Раскопки в Саразме. - АО, 1978. М., 1979, с.578.

3. О н ж е. Там же.

4. См. отчет А.И.Исакова. Раскопки третьего сезона на Саразме (1979 г.). АРТ, вып.19. Душанбе, 1986, с.4.

Кроме того, был раскопан южный отрезок улицы, и юго-западная часть объекта, где в сезоне 1979 г. были раскопаны остатки поздних построек (дом. 20, 29 и 30) и небольшая площадка, расположенная к западу и югу от упомянутых помещений. Также в отчетном году, наконец, удалось расчистить две мусорные ямы, обнаруженные еще в сезоне 1978 г.

Раскопки отчетного сезона дали нам возможность достаточно четко установить наличие четырех жилых горизонтов, из которых в трех сохранились строительные остатки. Поэтому периоды обозначаются начиная с кроющего (Саразм I) и до самого нижнего надматерикового слоя (Саразм IV).⁵

Саразм I. Толщина культурного слоя равна 20-40 см, фактически это пахотный слой, где не могли сохраниться какие-либо строительные остатки. Большинство найденных на поверхности предметов относятся к этому периоду. При раскопках слоя Саразм I (последний этап жизни поселения) найдено незначительное количество фрагментов керамики: лепные котлы, венчики хумов, чаш, а также каменные изделия (зернотерки различного размера, ложила, ядра и т.п.). Единственная находка металлического предмета - наконечник копья.

Жилой горизонт этого периода представляет относительно ровную площадку со слегка утрамбованной, а местами смазанной глиной поверхностью. Характерно, что местами довольно четко прослеживаются скопление золы и закопченные до кирпичного цвета площадки. Расчищен один круглый в плане очаг с закопченными и растрескавшимися камнями. Диаметр очага 1,25 м, глубина 15 см.

Установлено также, что три огромные мусорные ямы (№ 1, 2, 4) были пущены в этом периоде. Полностью они еще не раскопаны, и точные размеры их неизвестны. Все эти ямы были вырыты с поверхности пола до материка. Глубина этих ям соответственно равна 3,3; 3,0 и 2,80 м. В ямах среди зо-

5. До сезона 1980 г. на площади раскопа II зафиксировано три строительных периода.

ли и прочего мусора встречено большое количество костей животных, различных камней и много керамики, в том числе расписные как полдхромные, так и монокромные. Основная масса керамики покрыта светлым и серым ангобом. Более 80% керамики лепная.

Саразм II. Период этот предшествует Саразму IV. Полы раскопанных в прошлом сезоне помещений были обнаружены на глубине 95 см от дневной поверхности, на 45 см ниже уровня площадок периода Саразм I. От этого периода, хотя не на всей площади, а отдельными отрезками сохранились стены некоторых помещений. Стены этого периода прямее, чем стены построек более раннего периода Саразм III, помещения имеют прямые углы.

В нынешнем сезоне раскопана значительная часть незастроенного участка двора II, а к западу от пом. № 20, 29, 30 незастроенная площадка 44 кв.м.

Учитывая и результаты раскопок прошлых сезонов, отметим, что в период Саразма II на участке раскопа II не было густой застройки. Она состояла из отдельных домов, в промежутке между которыми были расположены значительно обширные дворики, где были сооружены хозяйственные очаги, тандуры и возможно какие-то навесы. Вещественных находок этого периода несколько больше, чем от предыдущего периода. Как всегда основную массу составляют фрагменты лепных и гончарных сосудов различной формы. Также много каменных изделий и костяных шильев.

Саразм III. Как было установлено в прошлые годы, основная застройка на площади раскопа II появилась в этом периоде. Полы помещений этого периода обнаружены на глубине до 1,50 м от дневной поверхности, или 30-35 см ниже пола застройки второго периода (Саразм II). Как указывалось, ряд помещений, построенных в этом периоде, были обжиты и в последующем (Саразм II). Всего к этому периоду относится 36 раскопанных помещений, три двора, отрезок улицы и два коридора - на плане пом. № 8 и 45 (рис. I) .

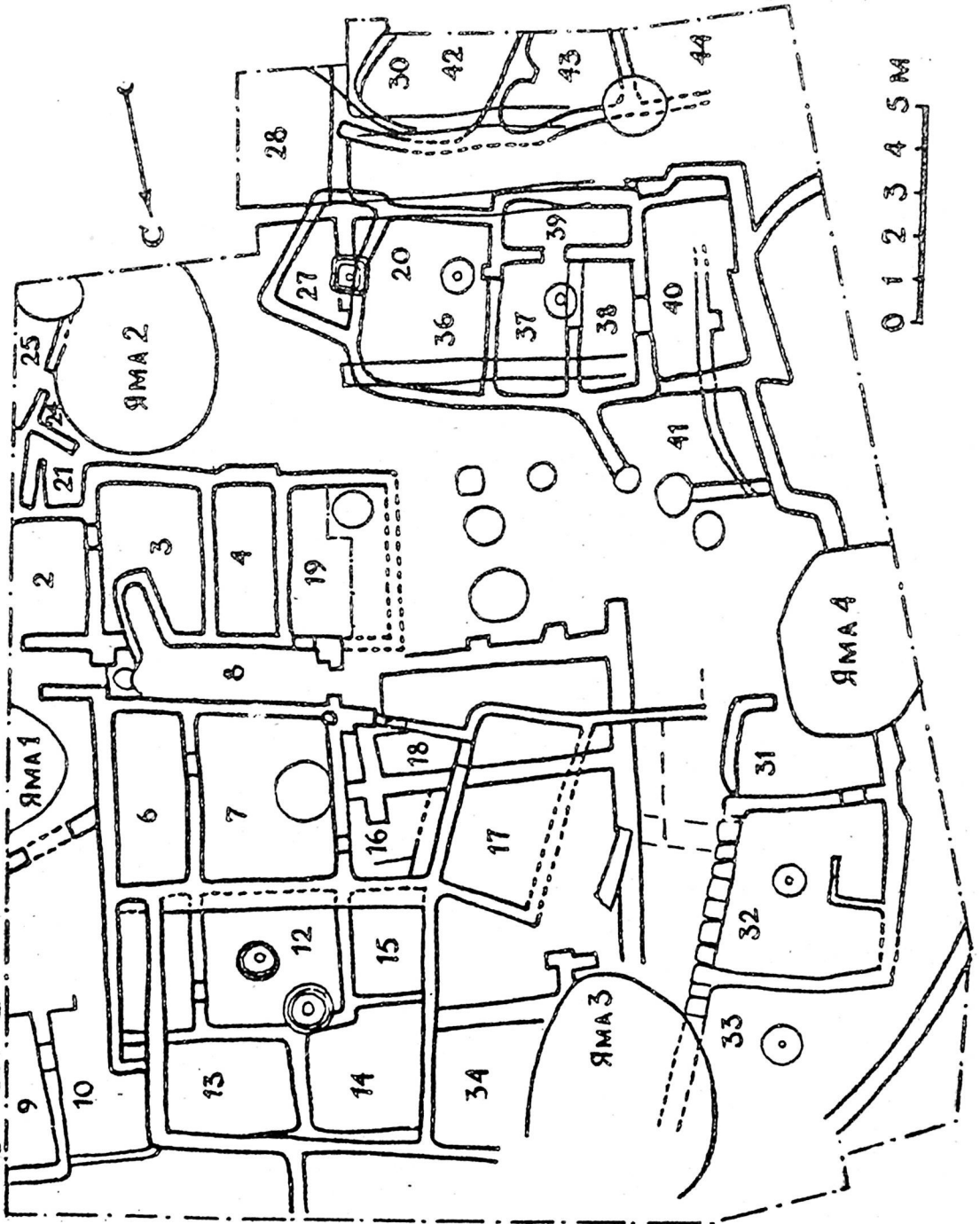


Рис. I. Саразм. План раскопа II.

В отчетном сезоне были оконоурены пом. № 31, 32 и 33, раскопки которых были начаты еще в 1979 г. Кроме того, еще обнаружен жилой комплекс в юго-восточной части раскопа. Весьма ценные сведения получены по устройству наружной стены исследуемого массива. В отчетном году небольшой шурф (5 x 5 м) был заложен также на 10 м на восток от края раскопа (далее шурф 10).

Таким образом, основные раскопочные работы были направлены для выяснения характера застройки периода Саразм Ш.

Саразм IV. К этому периоду относится наиболее ранняя застройка жилого массива - раскопа П. В отчетном году мы не успели раскопать какую-либо из построек этого периода. Лишь в двух случаях нам удалось обнаружить остатки стен, очевидно, появившихся в наиболее раннем периоде. Первая линия стены длиной 10 м, на северо-западном углу и вторая под полами пом. № 40 и 41. Обе стороны шириной 45-50 см сохранились на высоту от 0,6 до 1 м. К этому периоду также относится мусорная яма № 3. Она была вырыта во время обживания этой площади в наиболее раннем периоде. Яма была заполнена золой, камнями, фрагментами керамики, костями и др. После того, как яма заполнилась до уровня двора П и Ш поверхности переуллка, сверху она была утрамбована десяти-пятнадцатисантиметровым слоем глины, на котором покоились постройки третьего периода (Саразм Ш).

Раскоп III. Здесь в отчетном году работы были продолжены там, где раскопки уже велись в 1978-1979 гг. В результате удалось полностью завершить раскопки здания и оконоурить его с трех сторон (с юга, запада и севера). Обнаружены также северо-восточный и юго-восточный наружный угол исследуемого здания. Были раскопаны остатки застройки позднего периода, очевидно, соответствующие периоду Саразм I на раскопе П. Они выявлены к западу от здания еще в сезоне 1979 г. В нынешнем году площадь раскопа была значительно расширена и дополнительно обнаружены остатки какой-то стены этого периода на северо-восточной площадке раскопа.

В результате работ мы получили убедительные сведения о плане этого здания и характере его застройки. Что касается строительных периодов и их синхронности с другими раскопами, пока окончательного представления мы не имеем. Но по некоторым предварительным данным, полученным в отчетном году, предполагаем, что раскоп III за время своего существования трижды был перестроен, наиболее наглядно сохранились два поздних строительных периода, соответствующие, очевидно, периодам Саразм I и II.

Теперь, после работ 1980 г., мы имеем возможность считать раскопки здания законченными. Оно представляет собой почти квадратное в плане сооружение размерами 14 x 14,75 м (рис.2).

Стены 12 помещений этого здания возведены на прочном кирпичном фундаменте высотой 50-55 см, шириной 1 м. Расчистка фасадов юго-восточных и юго-западных углов здания позволила установить толщину фасадных так называемых наружных стен. Как мы ранее отметили, северная и южная стены оказались мощнее, чем внутренние. Толщина их равна 75 см, а с фундаментом наружные стены имеют 1,25-метровую толщину. Конечно, при такой незначительной толщине вряд ли они имели какое-либо фортификационное значение. Нам кажется, их несколько большая толщина по сравнению с внутренними стенами связана с тем, что, будучи наружными, они должны были подвергаться непосредственному воздействию ряда климатических факторов. Здание это, состоящее из 12 помещений, являлось единственным комплексом. В нем воплотился весьма развитый и совершенный архитектурный замысел. Его планировка с симметричными помещениями в центре и с коридорами по двум сторонам здания пока не находят себе аналогий среди памятников эпохи бронзы Средней Азии.

Как известно, раскопки Сапаллитепа в Южном Узбекистане⁶ и Дашлы 3 в Северном Афганистане⁷ дали весьма убедительные

6. А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с.16, 17, 18, рис.4, 5, 6.

7. С а р и а н и д и В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977, с.42, рис.15.

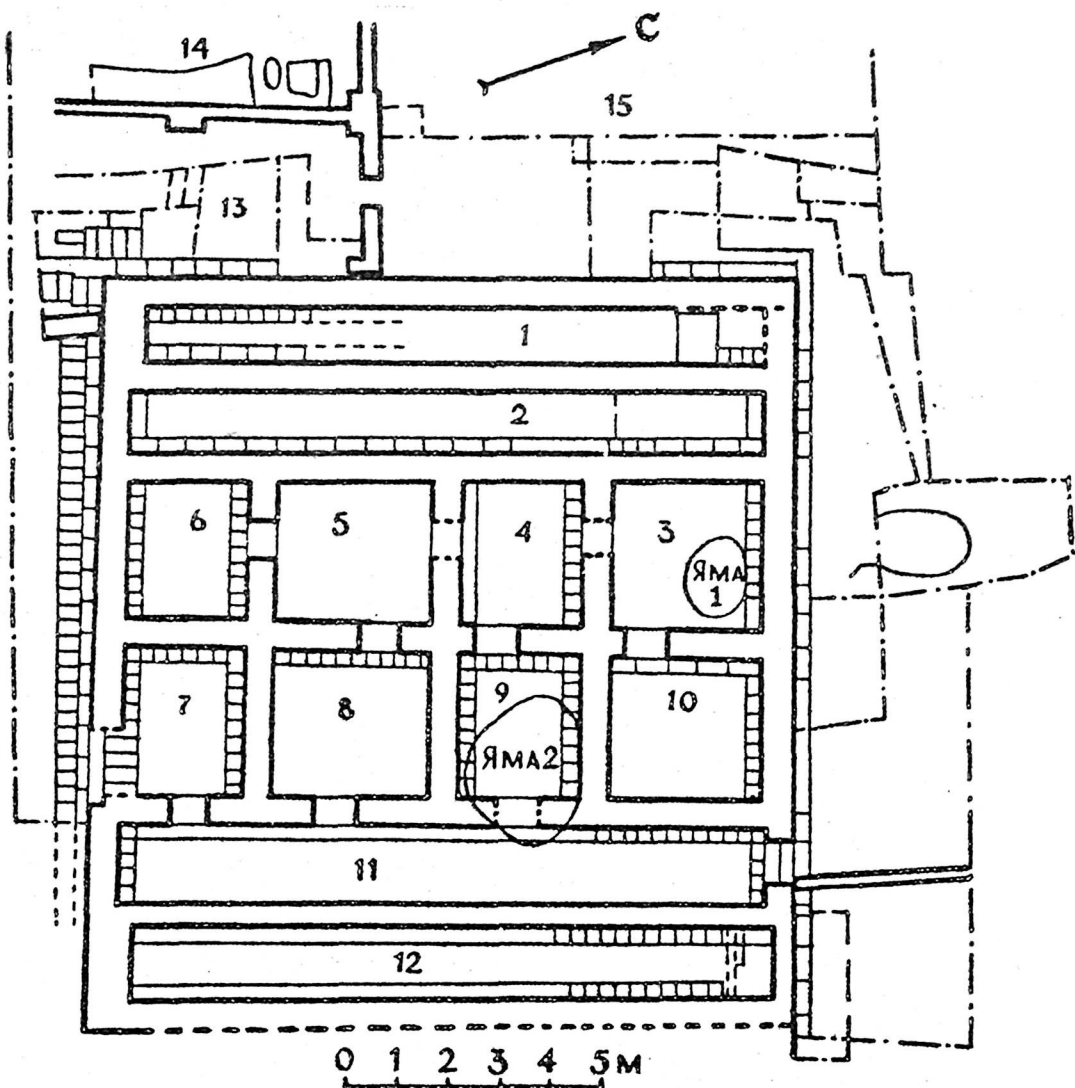


Рис.2. Сарасим. План раскопа Ш.

тельные сведения о характере застройки эпохи бронзы. Здесь в пору развитой бронзы в первой половине II тыс. до н.э. наблюдается окончательное формирование строительного дела с высокоразвитыми архитектурными приемами. На примере Алтындепе мы наблюдаем процесс формирования городских центров на месте ранее сельскохозяйственных поселений. Во всех этих памятниках ярко выраженными архитектурными решениями явля-

ется сочетание прямоугольных помещений с длинными коридорами. В эту пору происходит социально-общественная дифференциация, связанная с формированием ранних этапов классового общества. Это подтверждается появлением крепостных стен и башен как основных элементов фортификации дворцов и храмов - зданий общественного пользования.⁸

Отметим, что в Заразме также в пору развитой бронзы было сооружено, возможно, не одно здание столь совершенной архитектуры, как здание раскопа III. Такие здания были, как уже отмечено, общественными.

Вещественные находки. Как и в предшествующие годы, находки получены двумя способами: первый способ - сбор случайных находок у населения; второй способ - в результате раскопок.

Случайные находки. Они состоят из двух бронзовых двулезвийных ножей, одного кинжала, четырех керамических и трех каменных пряслиц, четырех каменных наверший булав и одной каменной пуговицы.

Находки из раскопок весьма разнообразны. Основные находки - это изделия из керамики, кости и камня. Кроме их обнаружены единичные экземпляры бронзовых изделий.

Керамические изделия, найденные в отчетном году, состоят из фрагментов хумов, хумчей, горшков, котлов, мисок, чаш. По технологии они делятся на лепные и гончарные. Первый вид керамики характерен для раскопа II, а второй вид - раскопа III. Однако, хумы, кумсы, котлы в обоих раскопах изготавливались лепным способом. По отделке они делятся на расписные (рис.3. I-II) и не расписные (рис.3. I3-I8). Встреченная на раскопа II расписная керамика состоит из полихромных и монохромных сосудов. Мотивы росписей состоят из сложных геометрических ломаных линий, крестов, пиловидных линий, клеток, вертикальных и горизонтальных линий. Во

8. М а с с о н В.М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке. - В кн.: Стенография и археология Средней Азии. М., 1979, с.33.

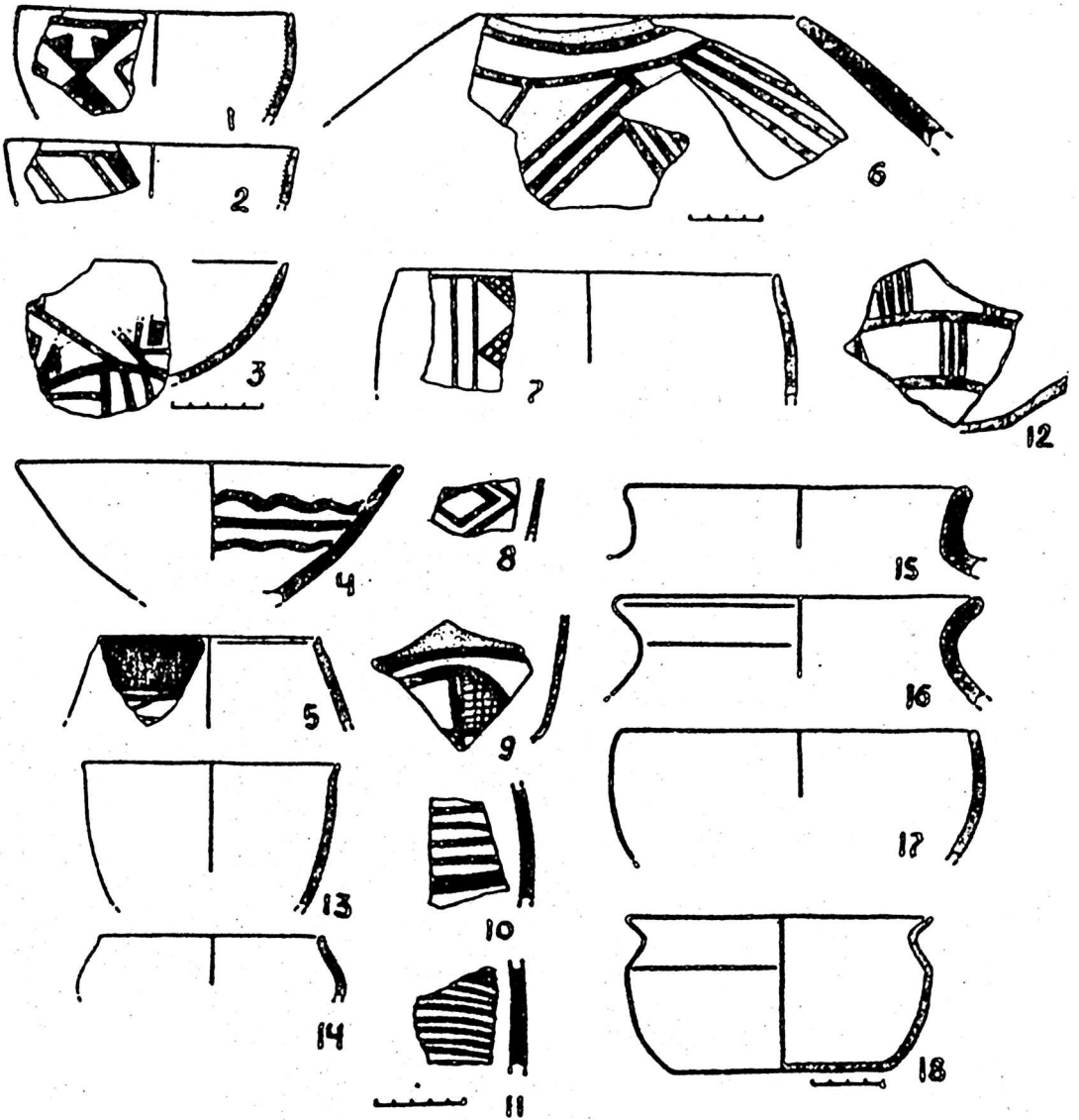


Рис.3. Саразм. Керамика: 1-3 - полусферические чаши, 4 - миска, 5 - полуцилиндрический сосуд, 6 - расписная хумча, 7 - горшок, 8-12 - фрагменты расписных сосудов, 13 - чернлощенная глубокая чаша, 14 - сероглиняный горшок, 15-18 светлоглиняные сосуды.

во всех случаях роспись нанесена по светлому и красному ангобу. Лишь два фрагмента имеют светло-серую основу (рис. 3. 9, 12).

Костяные изделия представлены шильями и трубочками. Первые имеют сильно заостренные концы. Для них выбирались небольшие трубчатые кости козла или барана, изредка встречаются кости птиц. Пока остается неясным назначение двух хорошо отшлифованных костяных трубочек.

Из камней изготавливали весьма широкий набор бытовых предметов и орудий труда. В отчетном году найдены фрагменты каменных чаш, пестики, ступки, зернотерки, терки и терочники, грузила различных форм и т.д.

Представляют интерес два бронзовых наконечника копий. Первый из них был найден в верхнем слое шурфа Ю, расположенного в зоне раскопа II, на глубине 31 см от дневной поверхности. Второй наконечник был найден также в верхнем слое раскопа III, на глубине 53 см от дневной поверхности. Он был полсмач еще в древности. Оба эти наконечника наряду с другими вещественными находками помогут в датировке верхних слоев раскопок Саразма. Кроме того, при раскопках найдены различные мелкие бронзовые предметы, среди которых некоторые напоминали рыболовные крючки.

В заключение отметим, что раскопки Саразма год за годом дают новые данные о развитии элементов ранней архитектуры и материальной культуры на базе оседлого земледелия. Раскопки жилого массива на северной части (раскоп II) и общественного здания в середине поселения (раскоп III) уже сейчас представляют значительный научный интерес. По существу Саразм является пока самым крупным поселением протогородского типа в регионе Среднеазиатского междуречья в период развитой бронзы III-II тысячелетия до н.э. Жители Саразма, имея самобытную культуру, одновременно имели контакты с другими племенами Среднеазиатского региона.

СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н.Н.Негматов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО
ТАДЖИКИСТАНА И СЕВЕРНОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I. Общие замечания.

Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция (СТАКЭ), начинающая свою историю с Уструшанского (1949-1950 гг.), Ходжентского (1954 г.), Ходжентско-Уструшанского (1955-1960 гг.) и Северо-Таджикистанского (1961-1973 гг.) отрядов Таджикской археологической экспедиции (1946-1973 гг.), несмотря на краткий период своей деятельности (начиная с 1974 г.) уже выработала свою систему отчетов-публикаций и подведения итогов исследований. Результаты работ отрядов-предшественников и СТАКЭ излагались в отчетных статьях ежегодников АРТ, АО,¹ сводных книгах и обобщающих монографиях серии "Материальная культура Уструшаны",² кандидатских и докторских диссертациях ведущих сотрудников.³ опубликована серия статей в ежегоднике "Па-

1. В сериях "Археологические работы в Таджикистане", вып. I-XX, "Археологические открытия" в СССР за 1970-1980 гг.
2. Н е г м а т о в Н.Н., Х м е л ь н и ц к и й С.Г. Средневековый Шахрисяб (Материальная культура Уструшаны. Вып.1). Душанбе: Дониш, 1966; Н е г м а т о в Н.Н., П у л а т о в У.П., Х м е л ь н и ц к и й С.Г. Урта-курган и Тирмизактепа (Материальная культура Уструшаны. Вып.2). Душанбе: Дониш, 1973; П у л а т о в У.П. Чальхудра (Материальная культура Уструшаны. Вып.3). Душанбе: Дониш, 1975; Б и л а л о в А.И. Из истории ирригационных Уструшаны (Материальная культура Уструшаны. Вып.4). Душанбе: Дониш, 1980.
3. В диссертациях Негматова Н.Н., Марафиева С.Ш., Пулатова У.П., Салтовской Е.Д., Хмельницкого С.Г., Мирбабаева А.К., Соколовского В.М., Мамаджановой С.М. и др.

мятников культуры. Новое открытие" Научного совета по истории мировой культуры АН СССР (за 1974, 1976, 1978, 1983 гг.) и множество работ в других изданиях.⁴ Кроме того, по мере начала и завершения раскопочных работ тех или иных памятников, постановки или завершения исследования той или иной темы или категории памятников в ряде соответствующих статей АРТ делались краткие историографические обобщения,⁵ а с созданием СТАКЭ статьям-отчетам отрядов и групп ежегодно предпосылаются хроникальные и историографо-тематические резюме полевых работ.⁶

В течение 60-70-х годов был выполнен также ряд проблемных обобщений по итогам и перспективам археологических исследований в Северном Таджикистане. Наиболее всеобъемлющее из них было сделано в связи с созданием СТАКЭ⁷ по проблемам общей динамики этнического, экономического, социального и культурного развития трех древних и средневековых историко-культурных областей - Уструшаны, Ходжента и Западной Ферганы, реляционных вопросы культуры эпохи бронзы и раннего железа оседлого населения и кочевников первого тысячелетия н.э. Проводилось изучение исторической топографии и локализации, экономической структуры и материальной культуры древних и средневековых городов Ходжента и Уструшаны, вопросов сельского расселения, истории земледелия и скотоводства, материальной и духовной культуры (архитектура,

4. "Известия АН Таджикской ССР, Отделение общественных наук" и др.

5. Например: Н е г м а т о в Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. - АРТ, вып. X (1970 год). М.: Наука, 1973; Н е г м а т о в Н.Н. Исследования Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1973 г. - АРТ, вып. XIII (1973 год). Душанбе: Доняш, 1977.

6. См.: АРТ, вып. XIV-XV.

7. Н е г м а т о в Н.Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г. - АРТ, вып. XIV (1974 год). Душанбе: Доняш, 1979, с. 313-342.

изобразительное и прикладное искусство, религиозные и обрядовые воззрения и т.д.), вопросов средневековой военной фортификации и крепостного зодчества, культовой и мемориальной (мечети, мавзолей и др.), светской монументальной (мадраса) архитектуры. Все эти исследования велись в рамках комплексной многолетней темы "Северотаджикский историко-культурный регион", предусматривающей изучение путей формирования и развития региона как составной части истории таджикского народа.

Было уже выполнено также обобщение по важной проблеме местонахождения города-крепости Александрии Эсхата и завершена большая около двухсотлетняя дискуссия по ее локализации. Именно раскопки 70-х годов выявили остатки мощных культурных слоев и стен этого города в приречной части правобережного Ленинабада в районе средневековой цитадели. Одновременно здесь же выявлены культурные слои и стены древнейшего поселения VI-V вв. до н.э.⁸

В связи с изучением комплекса вопросов, связанных с формированием и развитием городов и городской жизни, селений и сельской жизни Ходжента и Уструшаны, а также Средней Азии в целом в древности и средневековье, и накопленным опытом их археологического изучения были сделаны ряд обобщений по частным и общим аспектам этих многосторонних проблем.⁹ В специальных работах были также обобщены материаль-

8. См.: Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. - АРТ, вып.ХУ (1975 год). Душанбе: Дониш, 1980, с.270-280.

9. Негматов Н.Н. К истории Ходжентской цитадели (Некоторые итоги историко-археологического изучения). - Изв. АН ТаджССР, Отд. общ. наук, вып. I (28), 1962, с.51-65; Негматов Н.Н. Из опыта изучения городской жизни ходжентско-уструшанского региона. - Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тез. совещ. в г.Фрунзе). Л., 1970, с.8-II; Негматов Н.Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века. - Материальная культура Таджикистана. Вып.3. Душанбе: Дониш, 1978, с.146-164; Заднепровский Ю.А., Массон В.М., Негматов Н.Н. Раннесредневековые города и селения Средней Азии и Казахстана и основные задачи их изучения. - Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тез. Всесоюз. научн. конф. в г.Лендзикенте). Душанбе: Дониш, 1977, с.7-9.

ная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане,¹⁰ эллинистические элементы в культуре Уструшаны, Ходжента и Западной Ферганы,¹¹ античное наследие в искусстве Уструшаны.¹²

В связи с интенсивно проводившимися археологическими исследованиями Уструшаны, особенно развалин столицы - Бунджиката (Калая Калкажа), вскрытием целого ряда других памятников жилого, крепостного, фортификационного, культово-мемориального и иного назначения, а также открытием выдающихся памятников архитектуры, монументального и прикладного искусства, в процессе подготовки ряда монографических исследований выполнена серия предварительных историко-культурных и классификационно-типологических обобщений.¹³

10. Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане. - Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тез. докл. и сообщ. советских ученых. М.: Наука, 1968, с.47-49; Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане. - Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.П. Тр. Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. М.: Наука, 1975, с.258-266; Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. Material culture of kushan times in Ustrushana and West Ferghana. - Kushan studies in USSR. Soviet indology series. No.3. Indian Studies. First Published, March 31, 1970, p.174-175.
11. Негматов Н.Н. Об эллинистических элементах в культуре уструшано-ходжентско-западноферганского региона Средней Азии. - Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван, 1980, с.54-56.
12. Негматов Н.Н. Античные веяния в искусстве Уструшаны (к постановке вопроса). - XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тез. докл. Ереван, 1976, с.297-298.
13. Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Открытие Уструшаны. - Наука и человечество. Международный ежегодник 1975. М.: Знание, 1975, с.50-71; Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Objavenie Ustrushany. - Veda a l'udstvo 1976. Mala moderna Encyklopedia. Obzor - Bratislava - 1975; Негматов Н.Н. Живопись Шахристана. Опыт реставрации и проблемы исследования. -

Таким образом, уже ведущиеся систематически хроникальные, историко-географо-тематические, а по наиболее крупным вопросам, аналитические обобщения позволяют оценить уже сделанный вклад в науку¹⁴ и своевременно наметить очередные задачи СТАКЭ. Учитывая сказанное в этой статье во избежание повторений мы коснемся лишь двух проблем наиболее важных на данном этапе исследований СТАКЭ.

II. К проблеме изучения раннего города Сырдарьинского бассейна

Очаги формирующихся раннегородских центров Сырдарьинского бассейна Северной Средней Азии археологически зафиксированы в ряде историко-культурных областей. В Уструшане древнейшие городские центры формируются в УП-У вв. до н.э. Первый из них - город-крепость Хватак (ныне городище Нуртепа) открыта недавно, располагается на невысокой и неширокой холмистой горной гряде, вклинивающейся в Голодную степь на меридиане Хаваста. Городище площадью около 18 га состоит из двух частей - цитадели и собственно города, окруженных собственными фортификационными системами. Как показали уже первые раскопки,¹⁵ южное оборонительное укрепление города

Продолжение прим.13 со стр.284:

Изв. АН ТаджССР, Отд. общ. наук, 1976 № 3(85), с.87-97; Н е г м а т о в Н.Н. Уструшанский компонент среднеазиатской культуры раннего средневековья. - Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тез. Всесоюз. науч. конф. в г. Пенджикенте). Душанбе: Дониш, 1977, с.12-18; Н е г м а т о в Н.Н. Характер и уровень материальной культуры Уструшаны. - Успехи среднеазиатской археологии. Вып.4. Л.: Наука, 1979, с.10-17.

14. Обобщения по историко-культурным областям Ходжента, Уструшаны и Ферганы широко представлены в монографии: Н е г м а т о в Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX-X вв.). Душанбе: Дониш, 1977.

15. См. в данном сборнике статьи: Н е г м а т о в Н.Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1980 г. и Н е г м а т о в Н.Н., Б е л я е в а Т.В., М и р б а б а е в А.К. Начало исследований городища Нуртепа.

состоит из подправленного естественного лёссового вала и пристроенной к ней в VI—V вв. до н.э. пахсовой стены общей толщиной 8 м, а отделяющая город и цитадель внутренняя стена толщиной в 11 м возведена не позже IV в. до н.э. также на лёссовом останце выазу пахсовыми блоками, а вверху из сырцовых кирпичей квадратной (33х33х11 см) и прямоугольной (40х28х10, 42х33х11 см) форм.

Серия раскопов вскрыли на территории города и цитадели мощные культурные слои V—VI, V—IV, IV—III вв. до н.э. и первых веков н.э. с остатками жилых землянок и позже хорошо спланированных построек из пахсы и сырцового кирпича. Состав находок — набор станковой и легкой, тарной, кухонной и столовой посуды, зернотерки, пряслица, наличие вокруг орошаемых горными ручьями и родниками земель — говорит о земледельческо-ремесленном укладе жизни горожан. Наличие отдельной цитадели, мощных оборонительных систем города и цитадели, выявляемая сложная архитектурно-планировочная структура города, наличие ремесленной керамики свидетельствуют о далеко зашедшем социальном разделении общества и его значительном культурном уровне.

О втором древнейшем и самом крупном городе Уструшаны мы имеем уже сведения раннеантичных авторов. Это город Курукада (в античных источниках — Киресхата, Кирополь) имел мощные укрепленные стены и ворота, а также внутреннюю, особо укрепленную цитадель. О размерах города можно судить еще и по тому, что в его защите от войск Александра Македонского в 329 г. до н.э. принимало участие 15 тысяч воинов. О местонахождении этого города было высказано много суждений. Хотя наименование Курукада сохранилось в названии современного селения Куркат Северного Таджикистана и близ последнего имеются развалины древнего городища, предпочтение в локализации Курукады обычно отдается городу Ура-Тюбе. В центре его, на естественном возвышении, стоит большая, сильно укрепленная цитадель Мугтепа (площадью 6 га), окруженная высокими и толстыми стенами. Стратиграфические шурфы и раскопы выявили здесь наличие мощных

культурных слоев с архитектурными остатками V-VI вв. до н.э. и последующих периодов.¹⁶ Представляется, что формирование городского центра здесь также началось несколько раньше указанных столетий и более подробное археологическое исследование памятника подтвердит это. В источниках упоминаются еще древнеуструшанские города-крепости Газа, Бага и четырех других неназванных. Заметим, что городские стены Газы были "земляные и невысокие". В настоящее время ведутся поиски остатков остальных городов.

На стыке Уструшаны и Ферганы, на берегу Сырдарьи, в VI-V вв. до н.э. возникло еще одно, окруженное оборонительными валами и стенами поселение городского типа, которое удалось зафиксировать археологически в последние годы под центральной частью города Ходжента - современного Ленинабада. В 329 г. до н.э. этот городок был захвачен Александром Македонским, окружен новыми крепостными стенами и назван Александрией Эсхатой. Археологически зафиксированы остатки и этих новых стен города. Раскопками обнаружены мощные культурные слои города VI-IV вв. до н.э. и последующих периодов с прочно датирующим керамическим материалом и строительными остатками.¹⁷

16. Раиов В.А., Салтовская Е.Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. - АРТ, вып. VII (1959 г.). Душанбе, 1961, с. 117-129; Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. - АРТ, вып. VIII (1960 г.). Душанбе, 1962, с. 71-77.

17. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты. - АО 1976 г. М., 1977, с. 569; Беляева Т.В. Раскопчные работы на Ходжентском Арке. - АО 1978 года. М., 1979, с. 575-576; Беляева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада. - История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 41-48; Беляева Т.В. К стратиграфии раннего Ходжента. - Всесоюз. науч. совещ. "Античная культура Средней Азии и Казахстана" (тез. докл.). Ташкент, 1979, с. 103-104; Беляева Т.В. Об эллинистических элементах в керамике Ходжента. - Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван, 1980, с. 11-12; Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. - АРТ, вып. XV (1975). Душанбе, 1981.

В Фергане формирование древнеземледельческой жизни шло на базе Чустской культуры, главные поселения которой Дальверзин и Чуст с земляночного типа постройками датированы X-УШ вв. до н.э.¹⁸ Оседлые поселения со слабыми следами наземной архитектуры и оборонительных валов появляются в следующий эйлатанский (УП-IV вв. до н.э.) период, а с более четкими признаками ранних городов появляются в шурабашатский и мархаматский (по другой периодизации - даваньский и кушанский) периоды (IV в. до н.э.-IV в.н.э.) - городища Эйлатанское, Шурабашатское, Карадарьинское, Мархаматское (Мингтепа), Джеланды, Турткульское, Северо-Куршабское I, Кургантепинское, Янгибазарское, Учкурганское, Кайноват и др.¹⁹ В последние два периода развитие земледелия и возникновение городских центров сопровождается строительством ирригационной сети земледелия, утверждением собственно ферганской государственности (Давань) и формированием на базе местного сако-согдийского населения ираноязычной древнеферганской народности.²⁰

В Чаче формирование небольших раннегородских центров шло на базе поселений преимущественно земледельческих куль-

-
18. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. - МИА, № 118, М.-Л., 1962, с.11-107; З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. - Автореф. докт. дисс. М., 1978.
19. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы..., с.108-199; Г о р б у н о в а Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования). - Советская археология, № 3, 1977, с.107-120; Г о р б у н о в а Н.Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы). - Советская археология, № 3, 1979, с.16-34.
20. З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Об этническом составе населения древней Ферганы. - КСИИМК, вып.61, М., 1956, с.39-44; З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы..., с.91; З а д н е п р о в с к и й Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии, с.47-49.

тур последнего этапа Бургулюка (IX-II вв. до н.э.) и всего периода Каунчи (II в. до н.э. - III в.н.э.). Один из таких центров выявлен в пределах Ташкента на холме Шаштепа. Здесь зафиксирован позднебургулюкский культурный слой с остатками полуземляночных жилищ VI - середины IV вв. до н.э., а над ним первая оборонительная стена цитадели Шаштепа из сырцового кирпича и пахсы середины III в. до н.э. Таким образом, оседлоземледельческое поселение середины I тыс. до н.э. начинает превращаться к III в. до н.э. в небольшой населенный пункт площадью около I га с оборонительной стеной.²¹ Небольшой городской центр первых веков до н.э. выявлен под городищем Канка. В эпоху Каунчи II (IV-V вв.н.э.) возникает целый ряд поселений городского типа - Мингурюк, Кугахттепа, Таукаттепа, Фазылтепа, Актепа, Сагбанское, Кендыктепа, Майтепа и др. Как город (со структурой цитадель, дворец правителя, шахристан) складывается в IV-VII вв.н.э. и Ташкент. Примечателен следующий вывод исследователей: "Древний культурный субстрат, который лежит в основе городской и сельской культуры Шаша, или уже - части долины Чирчика, вошедшей в состав "Большого Ташкента" составляет каунчинская культура".²² Отметим также, что начало орошаемого земледелия территории "Большого Ташкента" по материалам наиболее крупного памятника Каунчитепа отнесено к III-II вв. до н.э.,²³ а

²¹. Ф и л а н о в и ч М.И. Работы в Ташкенте. - АО 1979 г. М., 1980, с.459-460.

²². Б у р я к о в Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с.186-187; Ф и л а н о в и ч М., А б д у л л а е в К. Работы на городище Канка. - АО 1974 г. М., 1975, с.515; Б у р я к о в Ю.Ф., А б д у л л а е в К.А., Б у р я к о в а Э.Ю. Раскопки городища Канка в Ташкентской области. - АО 1976 г. М., 1977, с.522; Б у р я к о в Ю.Ф., Г а л д е в а Э.С., Н а б е к о в В.И., Т и х о н и н М.Р., У с о в а Е.С. Работы Шашилакской экспедиции. - АО 1978 г. М., 1979, с.546.

²³. Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с.141; Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с.49, 115, 116, 124, 130; Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с.112, 158.

постройка первого искусственного канала Бозсу - I в.н.э.²⁴
Земледельческое освоение бассейна Чирчика со строительством искусственных каналов усиливается в первые века н.э.²⁵

По вопросу возникновения и развития градостроительной культуры древнего Чача необходимо сделать небольшой экскурс в связи с гипотезой доктора архитектуры М.С.Булатова об отождествлении названного города Курукада (Кирополя) с развалинами упоминавшегося городища Канка.²⁶ М.С.Булатов, ссылаясь на материалы предшествующих исследований этого городища, топографическую съемку 1972 года, "свои натурные обследования", а также "магнитофонную запись" сообщения начальника археологической экспедиции в Ташкентской области Ю.Ф.Бурякова о якобы нижней дате городища VI-V вв.до н.э., всю сложившуюся в течение древнего и преимущественно средневекового периодов топографическую свиту данных Канки произвольно переносит на время походов Александра Македонского (329 г. до н.э.) и сопоставляет с данными письменных источников о городе Кирополе (Кирополис). Причем все что не "подходит" или "мешает" выдвигаемой концепции отбрасывается или "переосмысливается". Так, а) река Танаис, твердо отождествляемая в науке с одной из двух ведущих рек Средней Азии - Сырдарьей, сравнивается теперь с ее мелким притоком Чирчиком; б) в то время как Александр Македонский всего лишь один раз (!) переходил Танаис в погоне за кочевыми саками в районе Александрии Эсхаты, теперешнего Ленинабада (кстати с отождествлением которых он согласен!), М.С.Булатов "вынуждает" Александра переходить еще за реку уже для захвата Кирополя - Канки (!), около которого даже "можно было Танаис перейти вброд" (!) (с.31); в) вопреки давно сложившимся в науке суждениям о северо-восточных границах Ахеменидской

24. Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с.102-103.

25. Древности Чарвака. Ташкент, 1976, с.83-84.

26. Булатов М.С. Канка-Кирополис - столица Ташкентского оазиса. - Строительство и архитектура Узбекистана, 1980, № 3, с.29-31.

державы по Сырдарье, включается в последнюю также Ташкентский оазис; г) в то время как у одного из настоящих претендентов быть Кирополем - города Ура-Тюбе, точнее в его цитадели - городище Мугтепа, выявлены мощные культурные слои с фортификационными и архитектурными остатками V-IV вв. до н.э. (как раз времени Кирополя и походов Александра Македонского)²⁷ - руководителю этих раскопок Н.Н.Негматову приписывается определение его даты как раннеантичное время, т.е. III-II вв. до н.э. (?!).

Все это антиисторическое кощунство известного специалиста истории средневековой архитектуры, где он выступал с достойными советской науки произведениями, с молчаливого согласия некоторых кругов общественности (ему отведены страницы известного журнала "Строительство и архитектура Узбекистана"), предложено с благовидным намерением и упреками в адрес археологов о якобы хронологическом омолаживании времени возникновения градостроительной культуры Ташкентского оазиса. Фактически не исправляет положение и помещенная рядом, в том же номере журнала статья археолога Э.В.Ртвеладзе,²⁸ в которой в целом верно излагается археологическая суть вопроса, но оставляются "открытыми ворота" для дальнейших подобных и других "гипотез", которые оказывается "не могут не привлечь к себе внимания своей новизной" (!) (с.29).

Древний Чач (Ташкентский оазис) имел собственную богатую и яркую историю, что отражено во многих сотнях па-

27. Р а н о в В.А., С а л т о в с к а я Е.Д. О работах Ура-Тьюбинского отряда в 1959 г. - АРТ, вып.УП (1959 г.). Душанбе, 1961, с.117-128; Н е г м а т о в Н.Н., С а л т о в с к а я Е.Д. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. - АРТ, вып.УШ (1960 г.). Душанбе, 1962, с.71-77; Н е г м а т о в Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. Автореф. докт. дисс. М., 1968, с.8.

28. Р т в е л а д з е Э.В. Кирополь и время возникновения горсдов в Ташкентском оазисе. - Строительство и архитектура Узбекистана, 1980, № 3, с.28-29.

мятников археологии, архитектуры и искусства. С каждым годом расширяется и углубляется их изучение энергичной плеядой ученых и недалеко то время, когда будет создана подлинная историческая объективная история и культура этой историко-культурной области древней и средневековой Средней Азии. Уверен, что история и культура древнего Чача - Ташкентского оазиса не нуждается в "передергивании" и "притягивании" фактов, памятников и городов.

Изложенное выше наше резюме начального этапа урбанизации древнего Чача вполне совпадает с выводами Э.В.Ртвеладзе: "Существовавшие на территории Ташкентского оазиса оседло-земледельческие поселения так называемой бургулукской культуры (IX-IV вв. до н.э.) не были еще ни городами, ни даже протогородами. Возникновение здесь протогородов и городов, одним из которых, может быть, первым, являлось городище Канка, следует, вероятнее всего, отнести в III-II вв. до н.э. Углубление же процесса урбанизации, хотя далеко не в таких масштабах, как в Согде и Бактрии, в этом оазисе происходит в первые века нашей эры, а подлинный расцвет городской жизни приходится на раннее средневековье (V-VIII вв. н.э.), когда возникают десятки малых и больших городов, в том числе и Ташкент" (с.29). Что же касается города Кирополя, то Э.В.Ртвеладзе замечает: "Лично мне представляется, что его надо искать в Северном Таджикистане, на территории древней области Уструшаны" (с.29). Недалеко то время, когда исследователи Северного Таджикистана успешно и окончательно решат и эту трудную проблему - локализацию Кирополя, так же как было археологически установлено местонахождение Александрии Эсхаты.

Таким образом, заключая рассматриваемую проблему изучения города Сырдарьинского бассейна следует отметить следующее. Как показывают хронологические и качественные характеристики раннегородских центров Уструшаны, Ходжента, Ферганы и Чача, более древние хронологически, масштабные по территории, фортификации, топографии и планировке, зрелые по хозяйственно-культурным признакам оказались ранне-

городские центры Уструшаны и Ходжента. Это мы склонны объяснить их большей территориальной близостью и соответственно хронологически ранним восприятием социально-культурного воздействия древнегородских центров Юго-Западной и Южной Средней Азии через Маргиану и Согд, а также втягиванием их в орбиту социально-экономической структуры большого региона Среднего Востока и Средней Азии.

В связи с этим Уструшана и Ходжент в эпоху раннего железа оказались областями появления и интенсивного развития наиболее древних и крупных городских центров Сырдарьинского бассейна и Северной Средней Азии в целом. Это были центры трансформации культурных традиций, уходящих затем в другие районы севера Средней Азии.

III. К проблеме изучения позднего города Таджикистана

Изучение памятников археологии позднего средневековья постепенно начинает занимать свое подобающее место в науке, чему способствовали неоднократные призывы отдельных ученых и целых научных форумов. Серьезное начало в этом плане было заложено Вторым совещанием археологов и этнографов Средней Азии (Душанбе, 1956), обсуждавшим специальные доклады об изучении города и округа Ходжента (Н.Н.Негматов) и городов Бухарского ханства (О.А.Сухарева).²⁹ О постепенном увеличении количества объектов, расширении географии и углублении тематики исследований поздних памятников было отмечено на Совещании Научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, посвященном средневековым городам (Фрунзе, 1970).³⁰

В последнее десятилетие среди археологически изучаемых памятников позднего средневековья решающее научное значение приобретают Отрар и Ходжент. Оба объекта уже дали

29. Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959, с.63-80.

30. Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тезисы к совещанию в г.Фрунзе 24-29 ноября 1970 г.). Л., 1970.

непрерывную и яркую стратиграфию культурных слоев и строительных напластований XIII-XIX вв. с конкретной характеристикой каждого из периодов этого большого исторического отрезка времени. Причем оба археологических объекта взаимодополняют друг друга по условиям и методике исследований, обогащая в целом практику советских археологических исследований, в одном случае в крупном городском центре, ныне оставленном населением (Отрар), а в другом - в сложных условиях ныне живущего, густо застроенного города (Ходжент). Оба эти условия привели к разной практике раскопочных и исследовательских работ: сплошного послойного вскрытия на больших площадях города в одном случае (Отрар), а в другом - одновременного использования при изучении территории города небольших шурфов и более крупных раскопов, а также сопоставление результатов с историко-топографическими и социально-экономическими данными позднесредневекового города (Ходжент).

В Таджикистане по вопросам археологической стратиграфии и исторической топографии позднесредневекового города наиболее подробные материалы получены в Ходженте (ныне Ленинабад). Город ныне расположен по обоим берегам Сырдарьи. Правобережная часть города обживается в течение последних трех десятилетий, а левобережная часть сохранила остатки культурных слоев древнего и средневекового города, его цитадели, городских крепостных стен, некоторых монументальных архитектурных сооружений и местами густую сеть старой квартальной застройки.

На заре раннего средневековья, в пределах V-VIII вв., происходит сильный рост и реконструкция древнего города: в структуре города выделяются Цитадель и Арк с мощными укреплениями и дворцовым комплексом, к западу, югу и востоку от Цитадели развиваются шахристан и рабад с крепостными стенами, башнями и воротами. В IX-XII вв. Ходжент становится одним из крупных городов и областных центров таджикского государства Саманидов и последующих государственных образований, возрастает его значение в экономической, торго-

вой и культурной жизни Средней Азии. Это структурно-топографическое, экономическое и культурное развитие города в раннее и развитое средневековье зафиксировано более чем двумя десятками археологических шурфов и письменными источниками. Последние содержат особенно интересные данные о наличии укрепленных стен и ворот ходжентского рабада еще в начале VIII в., тюрьмы в кухендизе (цитадели), дворца на площади в рабаде и соборной мечети в шахристане.³¹

В 1220 г. Ходжент подвергся жестокому нашествию монгольских орд Чингизхаана и после поражения его отважных защитников во главе с Тимурмаликом был предан пожару и значительно разрушен. Мощные слои этого пожара зафиксированы в стратиграфическом шурфе 29 на Арке цитадели. Но вскоре Ходжент становится на некоторое время центром монгольского административно-налогового управления Мавераннахром, оправляется от разрушений, причем особое внимание уделяется строительно-ремонтным работам в цитадели, город разрастается к западу, востоку и юго-востоку, где включает в черту города район Панджшанбе. В XIII-XIV вв. возникает ряд крупных сооружений: в северной части Арка Цитадели возводится строение из сырцового кирпича с коридорной планировкой, которое в течение XIV в. дважды подвергалось ремонтным работам, в западной части города строится мавзолей Тубахана,³² в восточной - мавзолей Хазрати Бобо,³³ а в юго-восточной -

31. Н е г м а т о в Н.Н. Географы IX-XII вв. о Ходженте и его области. - Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. 8, 1956, с. 103-109; Н е г м а т о в Н.Н. К истории Ходжентской цитадели (некоторые итоги историко-археологического изучения). - Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. I(28), 1962, с. 51-65 и др.

32. Н е г м а т о в Н.Н. Мавзолей Тубахан. - Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. I4, 1957, с. 45-60.

33. Н е г м а т о в Н.Н., Х м е л ь н и ц к и й С.Г. К истории архитектурного комплекса Хазрати Бобо. - Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. I(22), 1960, с. 3-17.

третий мавзолей Шейха Муслихиддина. Все они отличались монументальностью построек, были возведены из жженой кирпичей, украшены резной терракотой с геометрическим орнаментом (мавзолей Тубахана) или облицовочными глазурованными кирпичиками (остальные мавзолеи) и представляли собой великолепные сооружения, не уступающие по своим художественным достоинствам лучшим памятникам архитектуры своего времени, что, в свою очередь, свидетельствует о большом культурном и хозяйственном росте и значении Ходжента в XIV в.

Раскопки на Арке Цитадели, в стратиграфическом шурфе 29 и на юго-западном участке, выявили мощные культурные слои и архитектурные остатки XV-XVI вв. Но в XVII в. дворцовая часть Арка постепенно превращается в развалины. Территория города в XVI-XVII вв. расширяется медленнее, нежели раньше, но все же под городскую застройку включаются новые участки в западном, южном и юго-восточном направлениях, полностью включается в состав города весь большой район Панджшанбе, где на месте старого мавзолея Шейха Муслихиддина в XVII в. строится новое здание усыпальницы.

В XVII-XVIII вв., как показывает шурфовка, в черту города включаются и интенсивно застраиваются прибрежная полоса Сырдарьи от квартала (и монументального культового комплекса) Хазрати Бобо до кварталов Сари Баланд и Кони Суроби (Свинцовый рудник) в северо-восточной части Ходжента и весь район с кварталами Тубахан и Масчати Сурх (по названиям культовых комплексов) до изгиба реки в западной части города. Осваиваются также южные кварталы города в районе Масчати Савр и Чорчирог (Четыре светильника) и юго-восточная часть города с кварталами Сангбуррон (Камнетесы) и Калай Нав (Новая крепость). Город со вновь включенными территориями в начале XVIII в. окружается новыми мощными стенами с семью воротами, остатки которых небольшими отрезками сохранились до наших дней в районах городского автовокзала и родильного дома. Вновь обновляются стены цитадели. Строится новый дворец на Арке цитадели и укрепляется центральный вход в Арк двумя фланкирующими башнями. Оживляется эко-

номическая, торговая и культурная жизнь Ходжента, который являлся в этот период одним из крупнейших городских центров Средней Азии.³⁴

Поддерживаются крепостные сооружения Арка и цитадели и после захвата царскими войсками и включения Ходжента в состав России. В конце XIX - начале XX вв. внутри цитадели возводится ряд новых строений европейского типа для рас-

34. Н е г м а т о в Н.Н. Из истории позднесредневекового Ходжента. - Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959, с.63-72. Кроме вышеназванных работ итоги исследований Ходжента изложены в следующих статьях: Н е г м а т о в Н.Н. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. - АРТ, 1954 г. Сталинабад, 1956, с.33-40; Н е г м а т о в Н.Н. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. - АРТ, 1955 г. Сталинабад, 1956, с.61-63; Н е г м а т о в Н.Н. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1956 г. - АРТ, 1956 г. Вып. IV. Сталинабад, 1959, с.115-117; Н е г м а т о в Н.Н. Работы Ходжентско-Уструшанского отряда в 1958 г. - АРТ, вып. VI (1957 г.). Сталинабад, 1961, с.113-114; Н е г м а т о в Н.Н., С а л т о в с к а я Е.Д. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1960 г. - АРТ, вып. VIII (1960 г.). Душанбе, 1962, с.69-71; Н е м ц е в а Н.Б. Археологические исследования у мавзолея шейха Муслихидина в г. Ленинабаде. - Там же, с.153-154; Н е г м а т о в Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. - АРТ, вып. X (1970 г.). М., 1973, с.83-92; Н е г м а т о в Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г. - АРТ, вып. XI (1971 г.). Душанбе, 1975, с.143-156; Н е г м а т о в Н.Н. Исследования Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1973 г. - АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе, 1977, с.112-122; Б е л я е в а Т.В. Керамика Ходжента (из раскопок 1975 г.). - Тез. докл. респ. конф. мол. ученых ТаджССР, посв. XXV съезду КПСС (обществ. науки). Душанбе, 1977, с.61-63; Б е л я е в а Т.В. Керамика XVI-XIX вв. из Ходжента. - Респ. научно-теор. конф. мол. ученых и специалистов ТаджССР, посв. 110-летию В.И. Ленина. Тез. докл. (секция обществ. наук). Душанбе, 1980, с.38-39; Б е л я е в а Т.В. Раскопочные работы на Ходжентском арке. - АО 1978 г. М., 1979, с.575-576 и др.

квартирования войск и местной колониальной администрации. В то же время реконструируется центральная часть города: к востоку от цитадели, на месте старых застроек, возникает небольшая русская часть города с христианской церковью, расширяется главная улица в центральной части города, ведущая от цитадели через весь город на железнодорожный вокзал.³⁵ Это было началом нового Ходжента, который уже в годы советского строительства полностью преобразился, обновился и превратился в один из крупнейших и красивейших промышленных и культурных центров Таджикистана и Средней Азии - в город Ленинабад.

Изучается топография и материальная культура (посредством закладки шурфов) позднего средневековья и ряда других, ныне функционирующих, городов Северного Таджикистана: Уратюбе, Канибадама и Исфары, в которых уже заложены соответственно 20, 22, 23 шурфа (Н.Н.Негматов, С.Ш.Марафиев).³⁶ Однако, к сожалению, археологическое изучение позднесредневековых городов остальной части Таджикистана пока не начато.

Впервые в археологии Средней Азии в результате специального историко-археологического исследования серии северотаджикистанских крепостей XVIII-XIX вв. (Махрам, Каракчикум, Гулакандоз, Навканда, Сомгор и др.) получены ценные материалы не только по истории таджикского крепостного зодчества, но и военной фортификации в целом.³⁷ Эти работы

35. Н е г м а т о в Н.Н. Ходжент во второй половине XIX и начале XX вв. - Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1967, I(47), с.39-53.

36. Н е г м а т о в Н.Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г. - АРТ, вып. XIV (1974 г.). Душанбе, 1979, с.319.

37. М а р а ф и е в С. Крепостные сооружения равнинной части Северного Таджикистана XVIII-XIX вв. (историко-археологический очерк). Автореф. канд. дис. Душанбе, 1967; и др.

преобретают особую важность в связи с малой исследовательской историей военного искусства таджикского народа, как и других народов Средней Азии.

Также впервые проводится историко-археологическое и архитектурное изучение (фиксация, локализация, описание, при возможности раскопки) мадраса Таджикистана. Получены весьма важные выводы об их социально-культурной роли в обществе и их месте в городской и сельской архитектурно-топографической структуре. Завершаемый комплекс исследований мадраса Таджикистана во многом изменил существующие в науке оценки и выводы о материальной и духовной культуре средних веков и нового времени, особенно по общей социальной характеристике и архитектурной типологии самого мадраса, количественном и качественном уровне народного образования, роли мадраса в культурном прогрессе народов Средней Азии и Казахстана.³⁸

Подлинная и всесторонняя история культуры народов может быть восстановлена при выявлении и изучении не только наиболее выдающихся памятников археологии и архитектуры, но и рядовых памятников, которые часто незаслуженно остаются вне поля зрения исследователей. В связи с этим в Таджикистане археологические экспедиции выявляют и изучают наземные памятники архитектуры и массового народного зодчества — мавзолей, мечети, бани, жилища, ведут исследование топографо-планировочной структуры селений (В.Л.Воронина, С.П.Поляков, А.С.Давыдов, Р.С.Мукумов, Р.Дадабаев, М.Мамадназаров и др.). Изучение архитектурных сооружений позднего средневековья и нового времени стало постоянной задачей исследований Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (например, серия архитектурных памятников Ленинабада, Ура-Тюбе, Канибадама, Исфара, Гиссара, Пенджикента, множество селений Верхнего Зеравшана, Ферганской долины, Памира и др.).

38. Мирбабаев А. История мадраса Северного Таджикистана. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1977.

Таким образом, в настоящее время археология и история культуры Таджикистана уже располагает значительным запасом знаний, позволяющих наиболее верно понять историко-культурный и историко-социальный процесс ряда последних столетий, скорректировать некоторые неточные выводы и заключения.

Главные итоги этого процесса - дальнейший рост городов, строительство новых крепостей, освоение новых территорий под земледелие, появление множества архитектурных сооружений, расширение экономического и культурного потенциала общества, возникновение новых отношений социально-экономической структуры общества (особенно в VIII-XIX вв.) - позволяют сузить хронологические рамки некоторого социально-экономического застоя пределами XVI-XVII вв., о котором с использованием термина "упадок" для периода всего позднего средневековья, говорили ряд исследователей и который был принят в "Истории таджикского народа",³⁹ а уже следующий период - VIII-XIX вв. - считать временем начала нового подъема и возникновения элементов новых социальных отношений капиталистического характера, что было обусловлено вхождением края в состав России. Этот вывод в предварительном плане был предложен в вышеупомянутом докладе 1956 г. на основе первых данных исследования города Ходжента, серии крепостей, возникших и функционировавших в VIII-XIX вв. между Ленинабадом и Канибадамом, и основание под земледелие новых земель побережья Сырдарьи между теми же городами. Тогда такой вывод вызвал оживленную дискуссию между В.А.Шижкиным, Б.А.Литвинским и мною.⁴⁰ Теперь мы имеем целый комплекс данных археологического изучения вышеназ-

39. История таджикского народа. Т.2, кн.2. М., 1964.

40. Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, с.88.

ванных городов, множества архитектурных памятников, средневековых крепостей и ирригационных сооружений отрядами СТАКЭ, а также важные итоги исследований городского и сельского ремесленного производства на основании этнографического материала в последние годы.

В заключение следует подчеркнуть, что среди многих проблем и вопросов археологии, истории, культуры и искусства, исследовавшихся СТАКЭ в 70-е годы, особое место занимало раскопочное изучение древнего и позднего города, что уже дало значительный конкретный материал и позволило непосредственно включиться в решение новой важнейшей проблемы истории, урбанизации оседло-земледельческих областей Северной Средней Азии. Урбанизация Северной Средней Азии, отличная в некоторой степени от такового процесса на юге Средней Азии по своей хронологии и конкретному содержанию, вызванному, прежде всего, соседством степного скотоводческого мира и другими аспектами социально-политического порядка, как одна из важнейших сторон общеисторического процесса, должна стать главным предметом исследований среднеазиатской исторической науки.

Н.Н.Негматов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАКЭ В 1980 г.

Северо-Таджикистанская археологическая комплексная экспедиция¹ Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР полевые исследования 1980 г. проводила в составе Ниджонийского хоздоговорного, Табошарского хоздоговорного, Ходжентского, Куркатского и Шахристанского отрядов и раскопывала ряд объектов древнего и средневекового периодов Ленинабадской области.

Ниджонийский хоздоговорной отряд СТАКЭ² в 1980 г. по договору с Обществом охраны памятников истории и культуры Таджикской ССР начал многослетнее исследование новооткрытого городища Нуртега в местности Хаватаг Ура-Тюбинского района. Задача отряда была установить время функционирования, археолого-топографическую и фортификационную характеристику городища, получить предварительные материалы к изучению социально-экономической жизни жителей городища с целью включения памятника и оценочных характеристик в список памятников истории и культуры Таджикской ССР, а также организации охранных и научно-просветительных мероприятий и подготовки предложений по дальнейшему исследованию городища Нуртега в качестве совместного стационарного объекта Общества охраны

-
1. Начальник СТАКЭ — член-корреспондент АН Таджикской ССР, доктор исторических наук, профессор Негматов Н.Н.
 2. Отряд работал в составе: начальник отряда, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Мирбаба — ев А.К., младший научный сотрудник Бельева Т.В., группа студентов исторического факультета Таджикского государственного университета им. В.И.Ленина, шофер Номуродов М.

памятников истории и культуры Таджикской ССР и Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР.

Как показало начало раскопок в 1980 г. (см. отчет Негматова Н.Н., Беляевой Т.В. и Мирбабаева А.К.), городище Нуртепа представляет собой многослойный с насыщенной стратиграфией памятник ряда исторических периодов, начинающихся с эпохи поздней бронзы и раннего железа, конкретнее УП-УІ вв. до н.э. и до развитых этапов античности. Наличие фортификационных сооружений (стен) городища, возникших в У-ІУ вв. до н.э., выявленные первые остатки городских построек, комплекс находок позволяют судить о занятии поселения и уровне их культуры. Начинает определяться и значение Нуртепа в выявлении ранних периодов городской жизни Уструшаны и среднесырдарьинского бассейна Средней Азии.

Ходжентский отряд СТАКЭ³ сосредоточил раскопочные работы на Арке городской цитадели. В Раскопе I на юго-западном углу арка начато вскрытие пятого культурного горизонта с материалами XIII-XV вв., подстилающего ранее вскрытые горизонты I-IV (XVI-XIX вв.). Здесь получены три небольших поливных керамических комплексов, характеризующих три этапа развития керамического производства: 1) с монотонной голубой глазурью XIII в., 2) усилением полихромии и введением дорогостоящих красителей, в том числе кобальта в XIV - начале XV вв. и 3) начало использования кашинных глин и распространение фарфоровой посуды в XV в. Получены образцы чаш и косяк, совершенных по форме, поливу и рисунку, свидетельствующие о виртуозности исполнения мастеров XV в.

Завершены раскопки южного участка стратиграфического шурфа 29, где на глубине 27 м в ярусе 52 зафиксирован мате-

3. Отряд работал в составе: начальник отряда, младший научный сотрудник Беляева Т.В., старший лаборант Панфилов О.В., группа студентов-практикантов историко-филологического факультета Ленинабадского государственного педагогического института им. С.М.Кирова и группа местных рабочих-землекопов.

риковый лёсс, расположенный на иловых отложениях ярусов 53-55. Таким образом, на данном участке Арка получена наиболее полная картина стратиграфического развития города, которая разделена на 10 строительных горизонтов. Первый, самый нижний, располагается на естественном лёссовом возвышении и включает первоначальную стену из сырцового кирпича и керамический материал VI-IV вв. до н.э. Последующие строительные горизонты (часто с несколькими этапами строительства) свидетельствуют о непрерывной истории городской жизни на протяжении всех 2500 лет. Полученная стратиграфия Арка цитадели позволяет впервые выдвинуть предварительную схему стратиграфической колонки Ходжентского Арка (ХА) с порусным обозначением и общестроительными оценками (см. сообщение Беляевой Т.В.).

Табошарский хоздоговорной отряд СТАКЭ⁴ осуществил раскопки нижнего горизонта холма Тиркаштепа на окраине поселка Табошар и завершил исследование памятника в целом. Первоначальное здание нижнего горизонта включало небольшой почти квадратный зал, окруженный по периметру четырьмя обходными коридорами, связанными между собой проемами. Зал был связан с обходной галлереей посредством проема в южном коридоре. В зале расчищен колодец с водой на глубине 1,55 м. Первоначальное здание, как считают раскопщики памятника, по архитектурно-планировочному решению близко облику храмов, а наличие колодца с водой, возможно, указывает на его функциональное значение. Позже зал был перегороден и переделан в два коридорообразных помещения, в связи с чем, видимо, и потерял свое храмовое значение. Стены здания возведены из пахсы и квадратного кирпича (40x40x10 см), а своды коридоров - из прямоугольного сырца (52x30x10 см). Своды

4. Отряд работал с 13 июня по 16 октября 1980 г. в составе: начальник отряда, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пулатов У.П., старшие лаборанты Джумаев В.К. и Симавская Н.К., архитектор Шетукина С.В., шофер Малаев Б., группа маршрутных рабочих.

ползучие, а арки проемов - трехцентровые, приближающиеся к лучковым. Это здание III-IV вв. н.э. было забутовано и превращено в основание верхних строительных горизонтов, о чем уже сообщалось в предыдущих отчетах СТАКЭ. Подробный отчет приведен в статье Пулатова У.П. и Залтовской Е.Д.

Куркатский отряд СТАКЭ⁵ продолжил исследования городища Шярин I к северо-западу от селения Куркат Науского района. К юго-западу от Северного раскопа Шярин I начато вскрытие нового комплекса, относящегося к более раннему периоду обживания городища. Расчищены части южной и западной оборонительных стен, позволяющие впервые точно установить размеры городища, которое равнялось 45 м по направлению восток-запад. Стены хорошей сохранности, выведены из крупных блоков размером 0,95-1 м при ширине швов 3-4 см, придававших стенам упругость и высокую сейсмичность. Западная оборонительная стена внутри гладкая, строго вертикальная, снаружи в виде конуса опускается книзу мелкими уступами. Сохранилась она на высоту 2,5 м от пола, ширина в верхней части 1,75 м. Внутри пристенная площадь разделена на ряд секций, по 2,5x2,5 м каждая. Частично раскопана первая секция, которая включает кладовую и жаровню. Очажок стоял на невысокой платформе и обращен на восток. Стены вокруг очажка и кладовой обмазаны слоем алебаstra. Рядом, в южной оборонительной стене вырезаны две сводчатые ниши размером 1,17x0,75x0,50 м. Они стоят на разных уровнях. При кладке перегородок использован прямоугольный кирпич 50x27x10-12 см. От уровня пола северного комплекса городища вновь открытое сооружение ниже на 1,4-1,5 м. Раскоп еще не доведен до пола. Находок очень мало, встречаются лишь отдельные фрагменты красноангобиреванной и лощеной керамики. Судя по конструкции стен, строительному материалу и керамическим находкам комплекс можно отнести к периоду ранней античности. К пе-

5. Отряд работал в составе: начальник отряда, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Мирбабаев А.К., архитектор Шетухина С.В., группа местных рабочих, шофер Номуродов М.

риоду функционирования северного раннесредневекового комплекса он уже был погружен под толстым слоем завала.

Проведены также инструментальный обмер, доисследование - зондажи и фиксация - строительных периодов Северного раскопа городища Ширин I, представлявшем жилое здание в самой укрепленной части цитадели города.

Шахристанский отряд СТАКЭ⁶ продолжил исследования памятников Шахристанской котловины Ура-Тюбинского района. Отряд работал в составе трех групп: Кахкахинской, Соигургхонинской и группы по изучению каменного века.

1. Группа по изучению каменного века (рук. Москаленко Н.А.) проводила разведки на террасах вокруг Шахристанской котловины. Обнаружен значительный подъемный материал из 27 местонахождений и стоянок, выделенных в группы: Кахкахинская, Саричашминская и Увакская. На стоянке № 7 заложены шурфы, где обнаружены каменные орудия и отщепы, в том числе дисковидный нуклеус из белого кремня раннемустьерского времени, пластинчатые отщепы из белого кремня и мягкого глинистого сланца. Найденный материал аналогичен находкам известной Джаркутанской стоянки. В целом выявляется целый комплекс Шахристанского палеолита, родственного Кайраккумскому.

2. Соигургхонинская группа (рук. Малаева З.А.) продолжала работы на территории квартала гончаров г.Бунджиката. Здесь завершены раскопки жилищно-производственного комплекса I, включающего группу помещений и коридоров (один коридор вымощен жжеными квадратными плитами). Отсюда происходит

6. Отряд работал в составе: начальник СТАКЭ - профессор Негматов Н.И., начальник отряда - младший научный сотрудник Авзалов Р.З., старший научный сотрудник Ленинабадского областного историко-краеведческого музея Москаленко Н.А., младший научный сотрудник Малаева З.А., аспирантка Мамаджанова С.М., старший лаборант Софронова Т.А., шоферы Маллаев Б. и Номуродов М., группа студентов-практикантов историко-филологического факультета Ленинабадского государственного педагогического института им. С.М.Кирова, группа маршрутных и местных рабочих.

многочисленный керамический материал, в том числе матрицы переносных очажков, а также фрагменты стеклянных сосудов и одна монета, видимо, саманидская.

3. Основные усилия отряда были направлены на раскопки кварталов У и УІ городища Калаз Кяхха I (рук. Авзалов Р.З.). На объекте У была заложена траншея вдоль его восточной границы с целью выяснения границы застройки квартала у придворцовой площади. Траншея (ширина 3 м, длина 33 м), как и предполагалось, показала, что к востоку постройки не имеются и оставшаяся территория до подножия Арка афшинов является дворцовой площадью. На этом же объекте У почти полностью вскрыто помещение № 21, частично помещение № 20. Находки из траншеи и помещений - в основном фрагменты керамических сосудов, жженые фигурные кирпичи, кости животных и медная монета.

Интересной оказалась огромная яма, расчищенная под полом траншеи и помещения № 7. Под тонким слоем обмазки пола здесь находилось камнехранилище-арсенал, из которого вынута 9 тыс. разноразмерных камней. Камней мелких и средних (0,5-3,5 кг) оказалось 6,3 тыс. штук, более тяжелых - 2,7 тыс. штук. Камнехранилище расположено недалеко от северных ворот и, думается, что они были припрятаны для обороны. Это подтверждается и тем, что во время раскопок расположенного рядом Арка афшинов была вскрыта комната-арсенал, где также было обнаружено огромное количество (около 5 тыс. штук) разноразмерных камней. Камнехранилище было зафиксировано в замке Чильхуджа к югу от Шахристана.

На объекте УІ частично вскрыто помещение № 22. Самой интересной находкой сезона явилась обнаруженная здесь медная монета ишида Зогда Тархуна (700-710 гг.) прекрасной сохранности.

Кроме того, в течение 1980 г. осуществлены ряд поездок с целью изучения мест и сбора случайных находок. Так, исследованы окрестности селения Чорку Исфаринского района, приведшие к фиксации ранее неизвестного могильника Лалгар и Ходжиен с хорошим археологическим материалом (см. сообщение

Мирбабаева А.К.). Этот памятник намечен в качестве объекта стационарных раскопок в ближайшие годы.

В долине Пангазсая были открыты и зафиксированы интересные местонахождения наскальных рисунков в окрестностях селения Пангаз Аштского района. Изучение сюжетов петроглифов с антропоморфными, зооморфными и предметными изображениями с привлечением этнографических, фольклорно-мифологических и археологических параллелей привели к весьма интересным историко-культурным этюдам (см. сообщение Панфилова О.В.).

В течение последних полтора десятков лет полевые исследования СТАКЭ в Северном Таджикистане ведутся в тесном контакте со Среднеазиатской археолого-этнографической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством кандидата исторических наук С.П. Полякова. Этой экспедицией проведена большая серия работ по изучению могильников, погребальных и культовых сооружений мусульманского периода, многих вопросов этнической истории, хозяйственной и культурной жизни, обрядов и обычаев населения в средние века и в новое время. В ряде выпусков серии "Археологические работы в Таджикистане" были включены отчетные статьи по отдельным итогам исследований этой экспедиции. В данном выпуске мы представляем статью Ахмадеева Н.А. по вопросам влияния оседлого земледельческого таджикского населения на тюркское кочевое и полукочевое в Северном Таджикистане. Статья содержит интересные материалы полевых исследований по вопросам земледелия (ирригационного и богарного), землепользования и водопользования, обрядовым традициям земледельцев, вопросам отгонного скотоводства и пастбищного хозяйства. Эти этнографические материалы представляют большой интерес также для исторических реконструкций археологического материала по всем вышеназванным вопросам на стыке названных исторических дисциплин.

В целом полевые работы 1980 г. дали значительный материал по истории и культуре Таджикистана и Средней Азии.

Особенно следует подчеркнуть значение раскопок городища Нуртепа для определения и начала характера градостроительной культуры Уструшани и всей Северной Средней Азии, завершение одного из наиболее крупных в Среднеазиатской археологии по мощности 2500-летних отложений культурных слоев стратиграфического шурфа (№ 29) в г. Ленинабаде, увенчанного выявлением и фиксацией очередного (третьего) отрезка древнейших оборонительных стен раннего города середины I тыс. до н.э. под развалинами Арка цитадели Ходжента и завершение раскопок многослойного памятника поры поздней античности и раннего средневековья Тиркаштепа с остатками построек храмового и замкового характера, пока единственного полностью раскопанного на таджикостанской территории древней историко-культурной области Илак.

В полевых работах СТАКЭ кроме коллектива научных и научно-технических работников Института истории им. А.Дониша АН Таджикской ССР приняла участие большая группа студентов-практикантов отделения истории историко-филологического факультета Ленинабадского государственного педагогического института им. С.М.Кирова во главе с кандидатом исторических наук, доцентом Марайевым С.Ш.

Уже опубликованные частичные краткие информативные заметки об исследованиях СТАКЭ⁷ восполнены в публикуемых в сборнике статьях руководителей отрядов и групп экспедиции.

7. Н е г м а т о в Н.Н. О работах в Шахристане. - АО 1980 г. М.: Наука, 1981, с.476-477; М и р б а б а е в А.К. О работах на городище Ширин I. - Там же, с.476; Б е л я е в а Т.В. Исследования на Ходжентском Арке. - Там же, с.472-473.

Н.Н.Негматов, Т.В.Беляева, А.К.Мирбабаев

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА НУРТЕПА

Ниджонийским отрядом СТАКЭ в 1980 г. начато исследование новооткрытого городища в местности Хаватаг Ура-Тюбинского района. I Городище (рис. I) общей площадью около

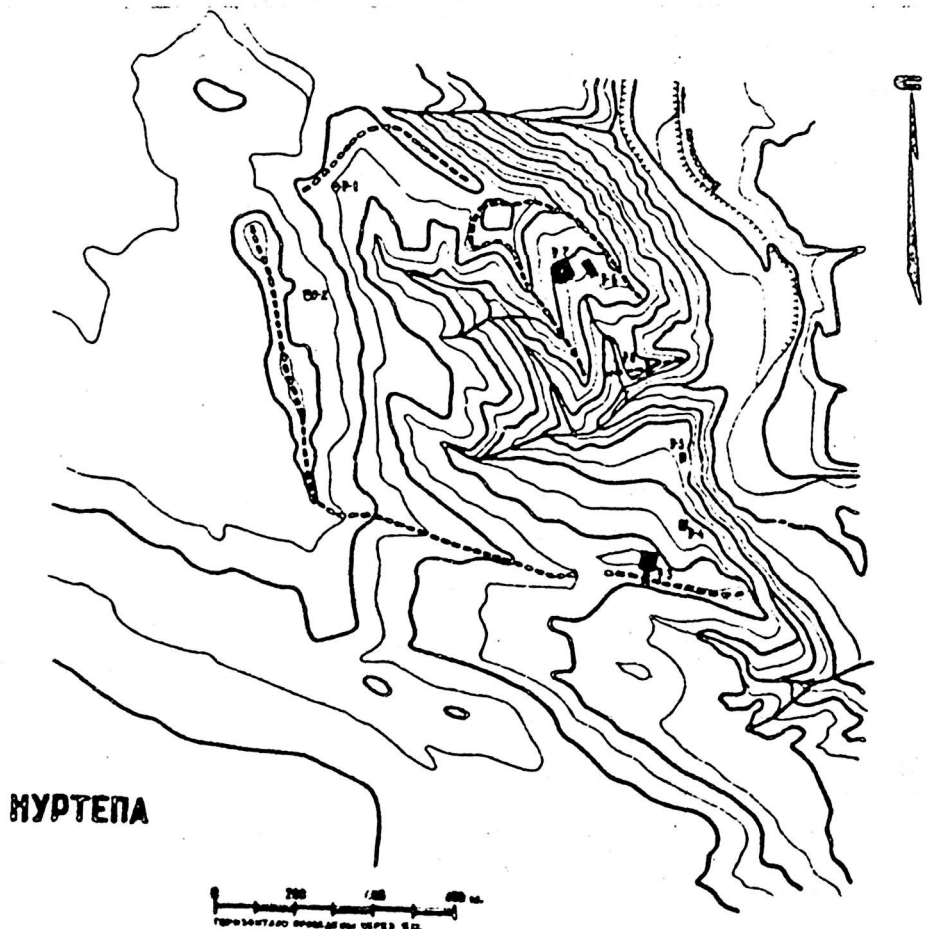


Рис. I. Городище Нуртепа. План с обозначением раскопов.

I. Б е л я е в а Т.В. Исследование в Ленинабадской области. - АО 1979 г. М.: Наука, 1980, с.470-471.

18 га расположено в средней части невысокой и неширокой холмистой горной лёссово-щебенястой гряды, тянущейся с ю-в на с-з и вклинивающейся в Голодную степь почти на меридиане Хаваста. Вдоль восточного подножия гряды на дне овражистого ущелья тянется Ниджонисай (Шурбулаксай), образующийся водами многочисленных родников и орошающий древний уратюбинско-ниджонисайский оазис.

Пастухи, прогоняющие здесь отары на водопой, называли это место Нуртепа (Лучистый холм). Городище, начинаясь у восточного подножия, поднимается вверх, расширяясь в форме полуовала и занимая группу плоских и неровных холмов, перерезанных во многих местах системой оврагов, в которых, судя по всему, были в древности ключи. Внутренняя поверхность городища с большими перепадами рельефа разделяется на два участка, превращенных в цитадель и собственно город путем искусственного наращивания по гребням всхолмлений оборонительных валов - стен.

Цитадель располагается в средней части городища с восточной стороны. Она несколько вытянута с юга на север, внутри по центру сильно поката к югу и юго-востоку, где, вероятно, были ворота.

Территория города тоже каменистая имеет покат с севера на юг, а в западной части перерезана системой оврагов, образованных водными потоками, выходящими единым руслом из территории всего городища к названному саю. Хорошо видна линия укрепленного вала, с двумя воротами: в северной и южной части.

Ниджонийский отряд в осенний полевой сезон заложил в 8 местах контрольные раскопы на территории города и цитадели.

Раскоп I расположен в северном участке городища в 20 м от северного крепостного вала и с восточной стороны близлежащего бугра. Вскрыли 48 м², зачистили два помещения, заглубленные в лёссовую структуру 0,6-1 м. Помещение I шириной 3,5 м вытянуто В-З на 5 м, но еще полностью не вскрыто. Культурный слой в помещении составляет рыхлую линзу серого

цвета, залегающую на глубине 1,3 м и с приподнятостью у краев. В слое находились мелкие кости животных, видимо, от овец, угольки, фрагменты керамики. Второе помещение расположено к северу от первого. Их разделяет стена в 1 м шириной. Пом. № 2 по ширине 4,1 м и по длине 2,2 м. На глубине 1 м находится культурный слой серого цвета, рыхлый с угольками, мелкими косточками, керамикой.

Бесь собранный комплекс керамики распределяется на два вида: гончарную (рис.2) и лепную (рис.3). В количественном соотношении лепная преобладает. Она представлена горшочками, чашами, котлами и жаровнями. У чаш и маленьких горшочков черепок красный, в тесте мелкий песок, поверхность хорошо заглажена и покрыта беловатым и в тон черепка ангобом. На чашах есть покрытие темно-коричневое с тщательным лощением. Венчики у них прямые или слегка загнуты вовнутрь. Горшки представлены фрагментами, у них отогнутый край и невысокое горло плавно переходит в яйцевидное тулово, заканчиваясь плоским дном. Котлы с прямым или чуть загнутым краем имели округлую форму. У самого края или немного ниже крепились шишковидные ручки. В глину добавляли дробленый шамот и кварц. Поверхность котлов заглаживалась с двух сторон по верхнему краю, а дно оставалось неровным, чаще с отпечатками матерчатого шаблона. Жаровни плоские, с небольшим вертикальным бортиком, внутри хорошо заглажены.

Гончарная посуда изготовлена на кругу быстрого вращения, черепок красный, покрыт беловатым или розоватым ангобом. В основном она представлена сосудами крупного формата: хумчи, хуми, но есть несколько фрагментов от тонкостенных чашечек.

Так, помещения с культурными уровнями, представляют собой землянки, сделанные в лессе и ямели, видимо, легкое перекрытие. Землянки, углубленные в лессовой структуре, характерны для памятников Бургуляжской культуры Ташкентского оазиса, которая определяется эпохой поздней бронзы

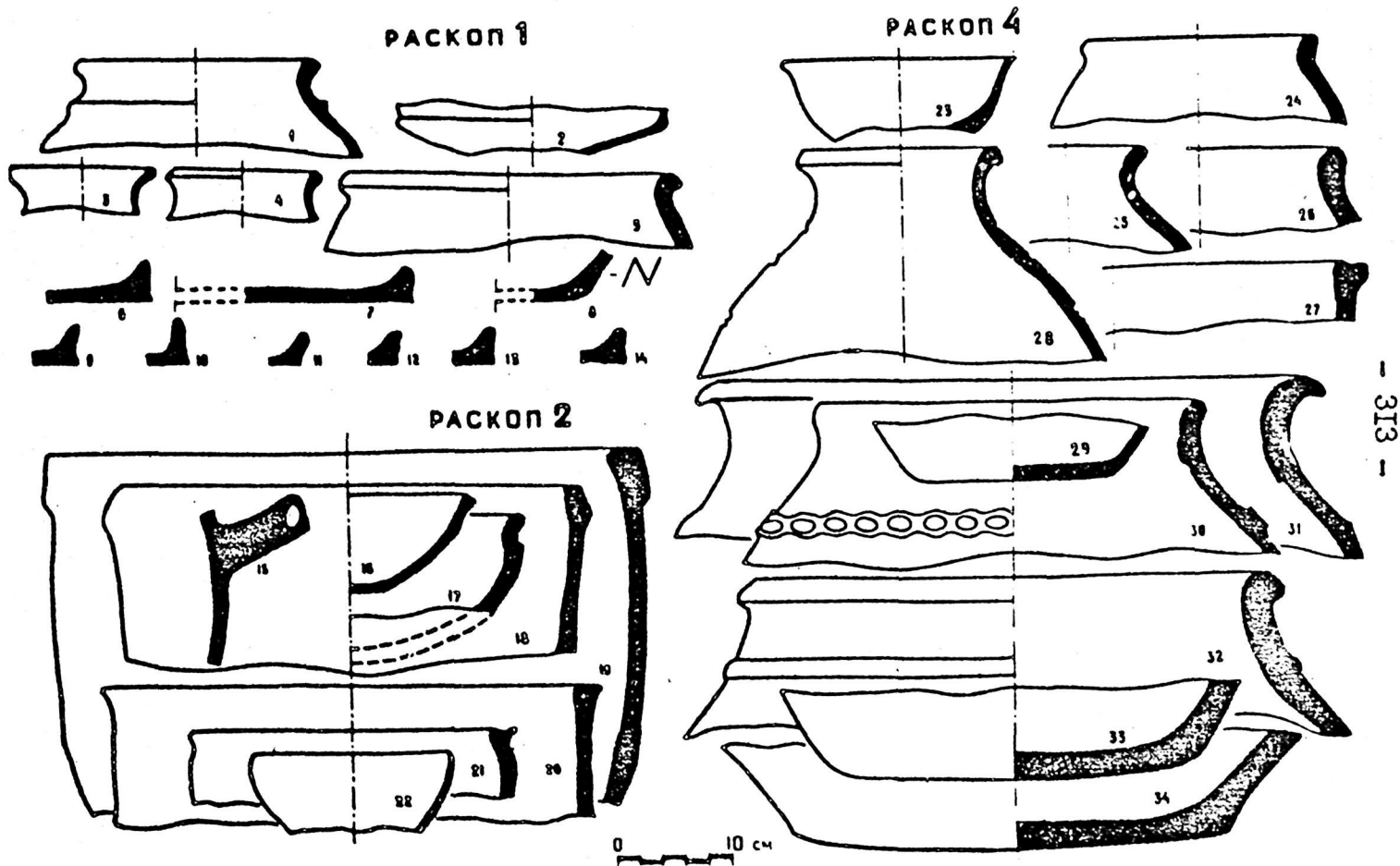


Рис. 2. Городище Нуртепа. Раскопы I, 2, 4. Станковая керамика III-VI вв. до н.э.

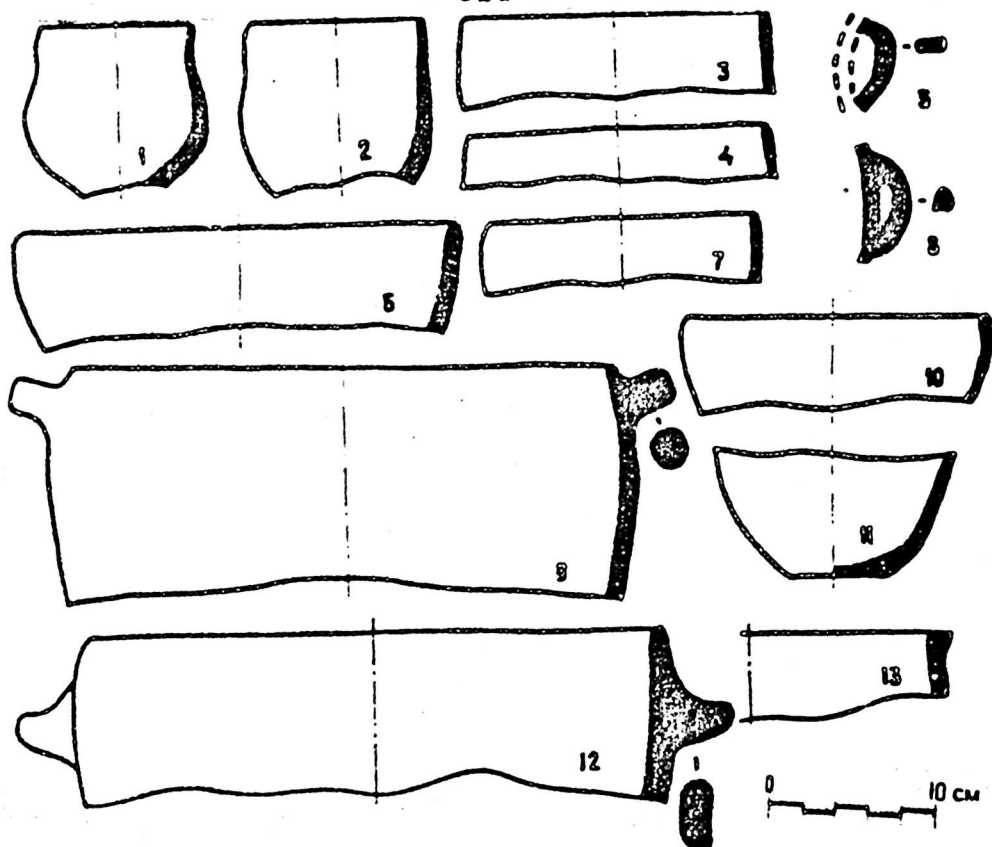


Рис.3. Городище Нуртепа. Раскоп I. Лепная керамика
VI-VI вв. до н.э.

и раннего железа.² Сходство глиняной посуды нашего комплекса и бургульжского отмечаются только в изделиях ручной лепки. Но существу только этим сходством и ограничивается. Довольно близкие аналогии лепная керамика нашего комплекса находит с материалом из поселений 40,42, Кайраккумской культуры, относящихся ко времени эпохи поздней бронзы и

2. Д у к е Х. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г. - ДКУ, вып.14. Ташкент, 1978, с.51-59; о н ж е. Бургульжская культура. - Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с.47-92.

раннего железа.³ Однако в этих двух культурных регионах гончарная керамика не представлена. Наиболее близкое сходство как для лепной, так и для гончарной, видим в комплексах Северной Бактрии Кучуктепа II, Бандыхан I, верхнего слоя Джаркутана, относящихся к эпохе поздней бронзы и раннего железа.⁴ Надо отметить, что при довольно близких сравнениях с южными районами, есть отличие в том, что в нашем комплексе не отмечено орнаментированной керамики, но это можно отнести за счет малоисследованности данного участка.

Таким образом, Раскоп I представляет слияние элементов двух культур: степной и земледельческой в период позднего этапа бронзы и раннего железа.

Раскоп 2 заложен размером 4х6 м в середине западного фаса. В дерновом слое встречена керамика (рис. 2 и 4), каменная зернотерка, но жилого уровня не обнаружено. Видимо, здесь культурный слой выветрелся, ниже начался материковый лесс. Выбор места оказался неудачным, поэтому работы здесь были приостановлены. Надо отметить, что на западном фаса городища в подъемном материале оказалось много каменных зернотерок, терочников, лепной и гончарной керамики. Среди гончарной есть чаши с широким устьем на маленьком плоском дне, отдельные части от ваз на высокой ножке, венчики хумчей и хумов, часть стенки с носиком от чайника. Лепная также представлена чашами с вертикальным или чуть вогнутым венчиком, котлы с шишковидными ручками, жаровни

3. Литвинский Б.А., Окладчиков П.А., Ранов В.А. Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962, с.131-133, 255-258, табл.98,99,102,103,106.

4. Аскарров А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979, с.36-40, табл.9,10,11,16; Ртвеладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана. - Бактрийские древности. Ташкент, 1977, с.99. Аскарров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент, 1977, с.90.

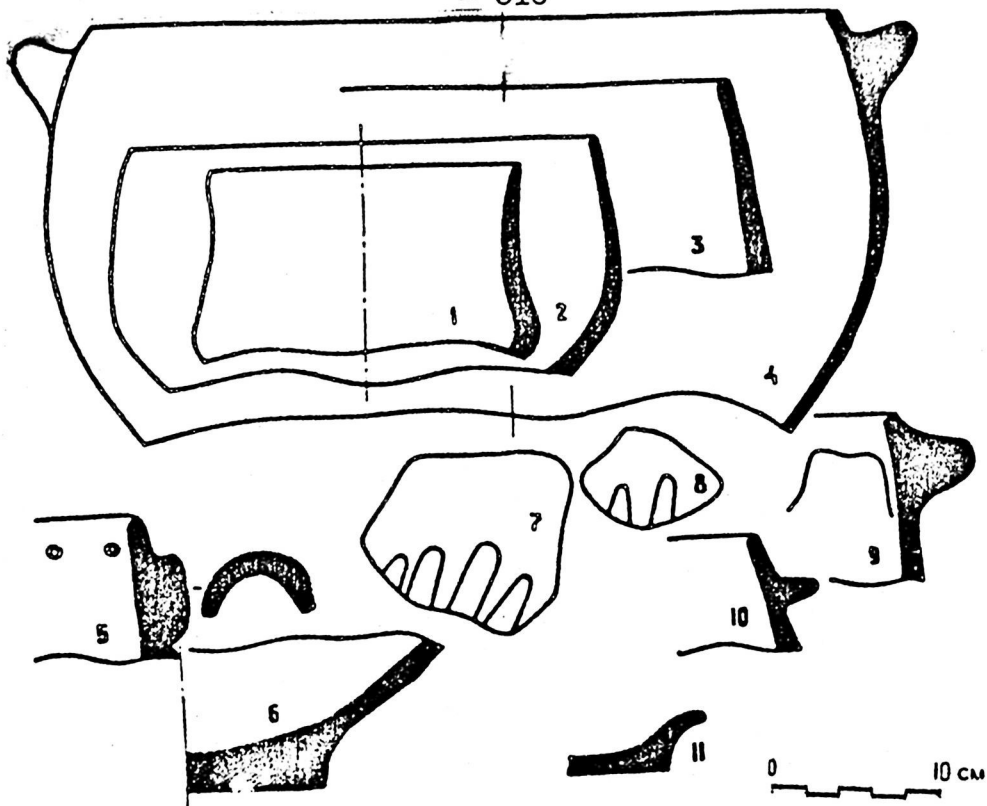


Рис.4. Городище Нуртепа. Раскоп 2. Лепная керамика VП-VI вв. до н.э.

плоские с небольшим венчиком. Гончарный материал находит аналогии среди материала Сапаллитепа, Джаркутана, Бандыхана, Кызылтепа в слоях, относящихся к эпохе бронзы.⁵ Среди лепной керамики несколько фрагментов от котлов и чаш имеют отпечатки матерчатого шаблона. Два фрагмента сохранили отпечатки пальцев руки при изготовлении сосуда. Вся лепная посуда делалась из глины, в которую добавляли мелкодробленый шамот и речной песок.

5. А с к а р о в А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, с.118; А с к а р о в А., А б д у л л а е в Д. Раскопки могильника Джаркутан (результаты работ весной 1975 г.). - ИМКУ, вып.14, Ташкент, 1978, с.39, табл.5 (8,9).

Раскоп 3 заложен в юго-восточной части городища около южного вала. Вскрыли 90 м², на которых обнаружили довольно сложную стратиграфию. От Р-3 провели разрез вала размером 1,4х1,3 м. Вал по микрорельефу выделяется с южной стороны и немного возвышается над прилегающим к нему участком. Разрез показал, что южная часть вала состоит из естественной лёссовой гряды желтого цвета, подправленного человеком. Его толщина 4,25, высота 1,2-1,5 м. Около оборонительного вала - пахсовая стена толщиной 2,1 м. Она с валом образовала внутриваленный коридор шириной 1,4 м. В коридоре на глубине 1,5 м от современной поверхности отмечен четкий уровень с линзой золы и керамикой. Керамический материал состоит из трех фрагментов нижних частей от кувшина. Он выполнен из песчаной глины, ангоб беловатый, плотный. Дно немного выпуклое и сохранило прилипший песок. Керамика находит аналогии среди материала Афрасиаб I, Ходжент I, Кабадиан I и других памятников,⁶ относящихся к VI-V вв. до н.э. Выше этого уровня на 30 см в рыхлом слое лежало два сырцовых кирпича. По структуре илестне, сероземного цвета, размером 34х14х? см. Разрез показал, что крепостная стена идет по возвышенному микрорельефу, который использован для усиления оборонной линии. Стена вместе с подправленным лёссовым валом составила 8 м. Крепостное сооружение в IV-V вв. до н.э. функционировало.

На Раскопе 3 сделаны следующие наблюдения: от пахсовой стены на глубине 1,1 м к северу простирается на 3 м зольный слой толщиной в 0,2 м. Он очень рыхлый и у краев повышается, образуя в срезе линзу. Слой явно жилой. В нем немного фрагментов керамики (рис.5), угольков, косточек. Видимо, строение было из легких материалов. От этого участка к се-

6. Ф и л а н о в и ч М.И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. - Афрасиаб, вып. I. Ташкент, 1969, с.212; Б е л я е в а Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада. - История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с.41-48; Д Ъ я к о н о в М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган. - МИА СССР, № 37, 1953, с.282.

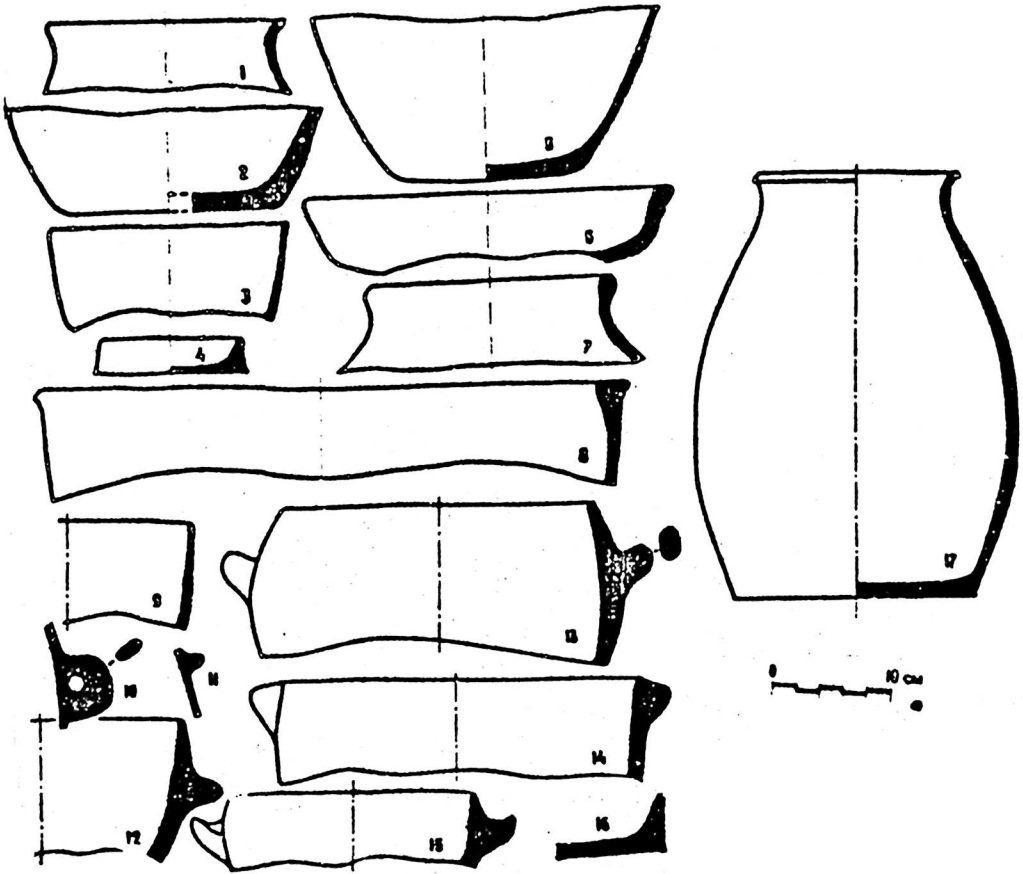


Рис.5. Городище Нуртепа. Раскоп 3. Лепная керамика УП-УІ вв. до н.э.

веру на глубине 1,5 м зачищен еще культурный уровень, также серого по цвету, рыхлого с угольками, керамикой, металлическим предметом в виде ножа. Он охватывает участок 1,4 м². Третий участок отмечен к северу от второго. Он четко прослеживается в срезе раскопа. Все три участка явно остатки от землянок, в которых сохранился жилой уровень. Керамика очень мало, она представлена фрагментами от лепных и гончарных изделий. Сосуды, изготовленные лепкой имеют красный черепок или красные края и серую середину. В глину добавлен мелкий песок или дробленый шамот. Среди форм имеются чашечки с чуть вогнутым краем, верхние части от горшков, у которых венчик слегка отогнут наружу, котлы

небольшие в диаметре и почти с вертикальным венчиком, переходящие в округлое дно. У края котлов крепились шишковидные ручки. Баровни плоские, с большим вертикальным венчиком. Гончарная посуда имеет плотный красный черепок с беловатым или кремоватым ангобным покрытием. Сосуды представлены нижними частями от горшков или кувшинов. Во втором участке в слое был найден железный серповидный нож. Вся керамика описанного уровня очень схожа с керамическим комплексом из Раскопа I и, вероятно, характеризует тот же период жизни.

Выше этих отмеченных участков лежит однородный по структуре пласт желтого цвета 0,8-1 м. Видимо, он образовался от надува лессовой структуры у крепостного вала. В 30 см от дерновой поверхности в этом лессово-надувном слое отмечен еще один уровень обживания. Он серого цвета, содержал угольки и маленький лепной сосудик с носиком.

После перекрытия этого уровня надувным плотным слоем здесь в древности выкопаны прямоугольные ямы размером 2х1 м. Их отмечено три: одна зачищена полностью, две другие сохранились частично. В них не отмечено ни жилищ уровней, ни находок. Они могли быть погребальными, так как в северо-западном углу Раскопа 3 зачищена полностью могильная яма с подбойной камерой, в которой находились останки скелета. Яма, размером 0,8х1,8 м, ориентирована, как и другие, В-З, а в северном срезе имеет подбойную камеру. Камера была закрыта сырцовыми кирпичами, поставленными на торцовые стороны. Кирпичи целые и большими кусками размером 42х26х12-14 см. Скелет лежал на спине, головой на запад. Левая рука расположена вдоль туловища, кисть сомкнута, видимо, что-то находилось в ладони. Правая рука согнута в локте так, что кисть находится на животе. Ноги вытянуты и только ступни лежат в перекрестии. Около балла ног стоял кувшин, покрытый беловатым ангобом, по плечу проходит рельефный валик, дно немного выпуклое, венчик чуть отогнут, высота его 31 см. Кувшин бракованный, так как у него смещен центр. Другой кувшинчик стоял у голени правой ноги. Он серого

цвета от переобжига, тонкостенный, венчик чуть отогнут, по плечуку проходят слегка рельефных два валика. Около бедра с левой стороны лежал бокал цилиндрической формы на маленьком плоском дне. Все три изделия выполнены на гончарном круге, но у каждого есть дефект. Погребенная оказалась женщиной в возрасте 20-23 лет. Черепная коробка мезокранного типа, довольно широкая, с прямым лбом. Измерения симметрической высоты и ширины указывают, что женщина была европеоидного типа.⁷ Для определения времени захоронения привлекаем сравнительный материал для керамики и формата кирпичей. Посуда находит аналогий среди материалов Актамского, Кунгайского могильников Ферганы, Ходжента I,⁸ что касается сырцовых кирпичей, то подобные были зафиксированы на Сымтепе I, II, относящиеся к V-IV вв. до н.э.⁹ Проводимые сравнения позволяют нам датировать захоронение V-IV вв. до н.э., скорее его последним этапом.

Совсем другие данные получили на восточном участке Раскопа 3. Он вскрыт по направлению С-В и Ю-В вдоль плохо сохранившейся грани стен. Здесь отмечен культурный слой в I м, серого цвета, рыхлый, с керамикой, несколькими пряслицами, алебастровой чашечкой, тремя фрагментами керамических матриц. Он накопился при длительном функционировании какого-то сооружения. Керамика тонкостенная, красноангобированная, относящаяся к античному периоду, его последнему этапу. Интересны оттиски с матриц, передающих рельефные

7. Череп был очень рыхлый и распался на части. По нашей просьбе определение любезно провела антрополог Кляткина Т.П.

8. Горбунова Н.Г., Гамбург Б.З. Актамский могильник. - КСИМК, № 69, 1957, с.78-90; Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. - АСТЭ, № 5, 1962; Беляева Т.В. К открытию..., с.44.

9. Горбунова Н.Г., Козенкова Б.И. Сымтепе - поселение в Фергане. - АСТЭ, № 16, с.93.

изображения специфических действий охоты человека на животного, обрамленные в картуш переплетенных лент.

Так, наблюдения на Раскопе 3 показали, что здесь сохранилась довольно сложная стратиграфия культурных слоев, которые характеризуют несколько этапов жизни на данном участке в эпоху поздней бронзы и раннего железа, и в античный период.

Раскоп 4 заложен в юго-восточном участке городища, ближе к восточному краю, на площадке 24 м². Отмечено два культурных горизонта и довольно много керамики с поверхности раскопа. Первый, верхний, культурный горизонт залегает на глубине 0,5 м от поверхности. Он зачищен до уровня выкладки сырцового кирпича (размером 42x42x11 см). Вдоль южной линии раскопа проходит пахсовая стена желтого цвета. Керамики в слое очень мало, она невыразительная. Второй горизонт находится на глубине 0,8 м. В восточном углу зачистили очаг (D=0,4 м), углубленный в лессовой структуре и обложенный фрагментами толстостенной керамики. К западу от очага в лессе расчищена хозяйственная яма глубиной 0,3 м, шириной 0,9 м. В заполнении этого горизонта находились мелкие фрагменты лепной керамики и один сосудик, форму которого можно восстановить (рис.6). Это сероглиняная лепная кружка с носиком-сливом и петлеобразной ручкой с другой стороны. Подобные кружки были отмечены среди материала из поселений 27 и 6 Кайраккумской культуры, относящихся к III-VII вв. до н.э.¹⁰

У самого края раскопа в северном участке зачищены две ямы, содержащие большое количество керамики. Ямы прорезали второй культурный горизонт и часть лессового останца. Керамика самая разнообразная, изготовленная лепкой и гончарным способом. Преобладает гончарная. Она хорошего качества, черепок плотный красного тона, а лицевая беловатый, чаще розова-

¹⁰ Ю. Литвинский Б.А., Рянов В.А., Окладников А.П. Древности Кайраккумов, с.251, табл.89 (3), 63 (9).

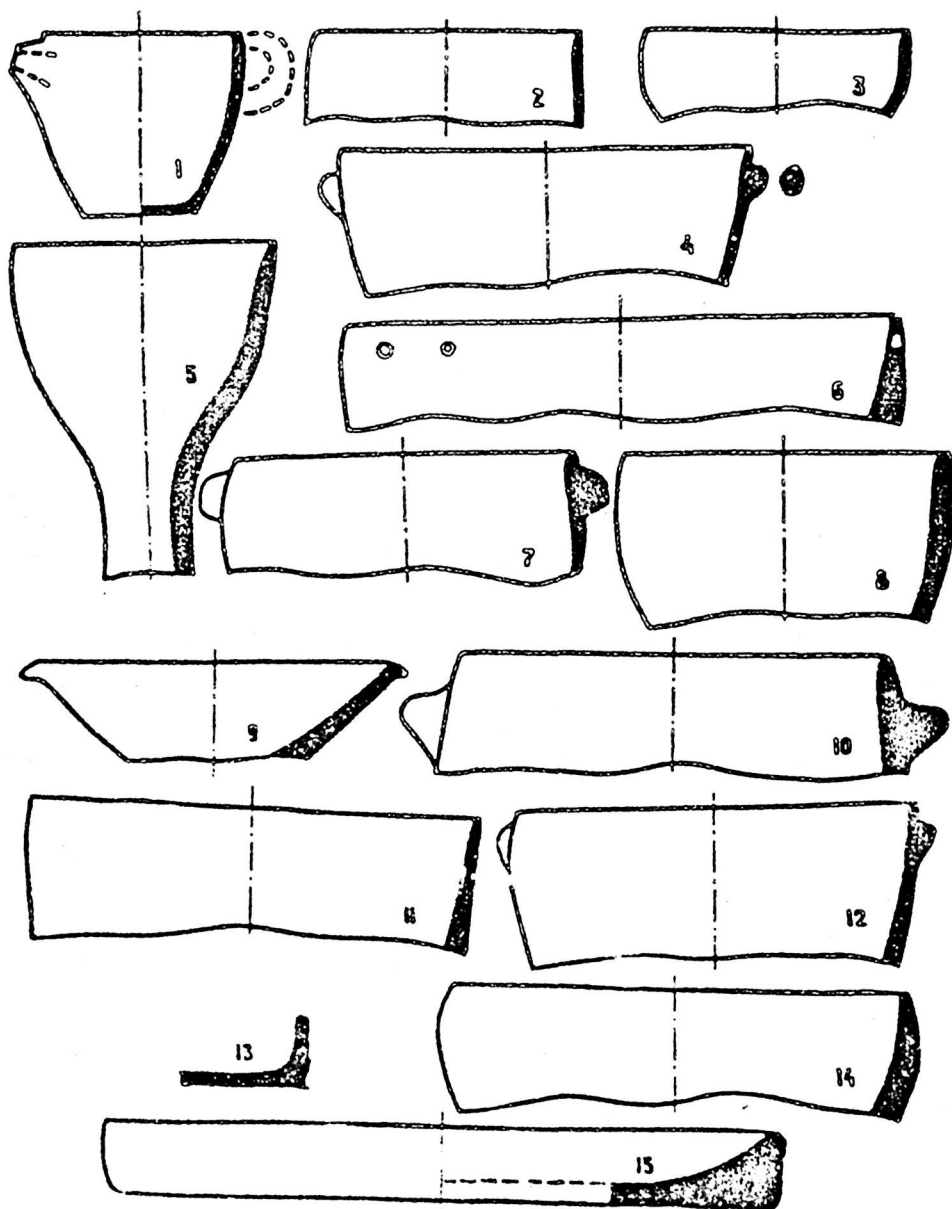


Рис. 6. Горокище Нуртепа. Раскоп 4. Лепная керамика V-II вв. до н.э.

го-красный, в тон черепка. По формам подразделится на столовую и тарную, последней больше. Среди столовой есть тонкостенные бокалы с прямым краем и округлым туловом на маленьком плоском донце. Чашы подобны бокалам, но больше

размером. Миски с чуть загнутым во внутрь краем и округлым туловом на плоском дне, снаружи иногда украшены горизонтальными рифлеными полосками. Кувшины маленькие без ручки с рифленным валиком по плечу. Хумчи, хумы имеют утолщенный край, отогнутый наружу. Иногда плечики их украшает наклепная лента с ритмичным вдавлением пальца. Дно у хумов выполнялось на шаблоне, что придавало ему слегка округлую форму. Очень редки формы больших кувшинов с одной ручкой у горловины.

Лепная посуда представлена мисками с прямым или чуть загнутым во внутрь венчиком. Горшки с небольшим горлом, переходящим в яйцевидное тулово, котлы с шишковидными уступами и жаровни. В глину добавлен дробленый шамот. Поверхность чисто шероховатая. Своеобразен один сосуд с маленьким резервуаром и вытянутым туловом. Возможно, это курильница. Лепная посуда не отличается от форм и выделки посуды из Раскопа I. Она находит аналогии среди материала памятников Бургулукской, Кайраккумской культур Северной Средней Азии, а также в материалах Кучуктепа, Яздепе I на юге Средней Азии. Гончарная же очень схожа с комплексом Яздепе II, II у нее такой же черепок красного тона, плотный беловатый ангоб или в тон черепка, те же формы в столовой и тарной посуде, подобное оформление плечиков рельефным валиком или наклепным жгутом с ритмичными вдавлениями. Такая близость комплексов позволяет нам отнести материал этот ко времени середины УП - середины У вв. до н.э. Возможно, ямы были опущены с первого уровня пола и относятся к этому периоду обживания. В дерновом слое раскопа и на поверхности вокруг собрано много керамики. Она представляет уже другой комплекс. Среди форм есть бокалы с маленьким вертикальным кра-

II. М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Мар-
гианн. - МИА СССР, № 73. М.-Л., 1959, с.37-41, табл.
23(4); 28 (3,58); 29(1,2-12); 33(10-17); 39 (16-26);
40(1,2-10); 41(3-6,21,23).

ем и коническим корпусом на маленьком донце, покрытые красным ангобом. Тарелки с г-образным и т-образным венчиком, кувшины тонкостенные, покрытые красным ангобом. На изделиях хорошо видны следы металлического лощения. Миски, бокалы и тарелки есть светлофонные. Очень мало лепной посуды и она довольно грубая по исполнению.

Возможно, здесь были строения и культурный слой, относящиеся к античному периоду, но сильная эрозия почвы оставила только развеванным керамический материал. Интересен один фрагмент плечика от кувшина. По плечу две процарапанные бороздки, в середине которых ломаной линией пространство разделено на угольники. Угольники в чередовании закрашены черным ангобом с коричневатым в тон черепка. Сам кувшин был покрыт красно-коричневым ангобом. Подобная техника оформления сосудов существовала в Хорезме в кангуйский период (IY-II вв. до н.э.).¹² Эта датировка подтверждается и в сравнении форм бокалов и тарелок с материалом из Афрасиаба П.¹³

Суммируя все наблюдения на Раскопе 4 приходим к заключению, что здесь также сохранилась стратиграфия слоев, охватывающая период обживания с эпохи бронзы до античного, его эллинистического этапа.

Раскоп 5 заложен в 50 м севернее Раскопа 4 на площади 45 м². Вскрыли верхний культурный горизонт, уровень которого находится на глубине 0,7 м. На этом участке сохранились в очень плохом состоянии стены, выведенные из сырцового кирпича. Они проходят в перекрестии, образуя четыре помещения. Стык стен разрушен поздней ямой. Все четыре помещения не вскрыты полностью, так как их края уходят за пределы раскопа. Находок было очень мало, все-

12. В о р о б ь е в а М.Г. Керамика Хорезма в античный период. - Тр. ХАЭЭ, т. IY. И.-Л., 1959, с. 136, рис. 42(1-3); 43(4-8).

13. Ш и ш к и н а Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба. - СА, № 2, 1975, с. 60-71.

го несколько фрагментов керамики. Под полом в третьем помещении зафиксирован второй горизонт, лежащий на лессовом массиве. Его толщина 0,3 м и пока не вскрыт. Малочисленная керамика красноангобированная, можно предварительно наметить период обживания этого участка - I - III вв. н.э.

Раскоп 6 начат в восточной части цитадели в виде стратиграфического шурфа размером 6x10 м. Дерновая поверхность и часть первого яруса оказались занятыми гнездами сусликов. Их ходы и норы сцементировались в огромные глыбы, что очень затруднило процесс вскрытия. Уже в срезе шурфа проявился уровень помещения и его западная стена, уходящая за линию раскопа. Второй и начало третьего ярусов содержат культурный слой и архитектурное строение, выведенное из сырцового кирпича 40x28x10 см. По структуре кирпичи илистые, на подушках имеют знаки в виде углубленных дугообразных спаренных линий. Стена шириной 0,9 м проходит в северном участке раскопа и поворачивает на восток. В помещении было заполнение средней плотности с включением угольков и керамики. Остальная часть раскопа содержала однородный слой желтоватого тона. Ниже в третьем и начале четвертого ярусов, вскрытых только в северной части, находится культурный слой с угольками, керамикой. На западном участке вдоль края раскопа проходит твердая структура сероватого тона, возможно, стены. В восточной части была отмечена стена из сырцового кирпича в ширину на один кирпич. Видимо, это внутренняя стена в каком-то архитектурном строении.

Керамики во всех трех горизонтах довольно много и вся фрагментарная, гончарная и немного лепной работы. Лепная представлена чашечкой с прямым венчиком и плоским широким дном, миски по форме подобны чашечке, а также с чуть загнутым во внутрь краем и овальным туловом. Есть экземпляры котла и жаровни. Гончарная керамика - тонкостенная, светлоангобированная и красноангобирозанная. На тарелках с г-образным, т-образным венчиком есть следы от

тщательного лощения. Кувшины и хумчи имеют слегка отогнутый венчик. Весь комплекс находят аналогии среди материала Афрасиаба II, Ходжента II и определяется III-II вв. до н.э.

Керамический комплекс из третьего - четвертого ярусов также лепной и гончарный. Лепной посуды мало: чашечки, миски, котлы и жаровни. Гончарная - светлофонная или в тон черепка. Имеются тарелки с т-образным венчиком и чуть оттянутым наружу краем, кувшины и горшки с небольшой горловиной и слегка отогнутым краем, есть миски большие, хумчи и венчики хумов. Интересны два фрагмента донца от хума, которые выполнены на шаблоне с крестообразными рельефными полосками. В комплексе несколько фрагментов от круглодонных мисок с перегибом стенки у края. Подобные миски часто встречаются в комплексе с керамикой, относящейся к VI-IV вв. до н.э. на памятниках Иранского плато и Центральной Азии. Несколько фрагментов было отмечено и в комплексе Афрасиаб II, где они трактуются как подражания металлическим чашам Ирана.¹⁴ Учитывая эти аналогии, относим наш комплекс к VI-IV вв. до н.э.

Раскоп 7 начат на бугре, расположенного в центре цитадели (рис.7). Он четко вклинивается к югу из общего пониженного к нему микрорельефа. Его размеры по центру 27x36 м при высоте около 7 м. Вскрытие начато в центре раскопом 6x4 м. Никаких находок не было, шел пахсово-кирпичный монолит высотой 1 м с постепенным понижением к востоку и западу, в радиусе занимает 4 м. Монолит возведен на галечной выстилке, которая покоится на пахсово-лессовом останце. В центре холма, в галечном слое сделано углубление 0,4 м диаметром 0,8 м. В нем и выше лежали куски от кувшина, который когда-то был брошен сюда. Кувшин с

14. J e r i s h e P. Ai-Khanoum in rempart hellenistique en Asie Central "Revue archeologique", 1974, f.2, p.231; Ш и е н и н а Г.Б. Эллинистическая керамика...

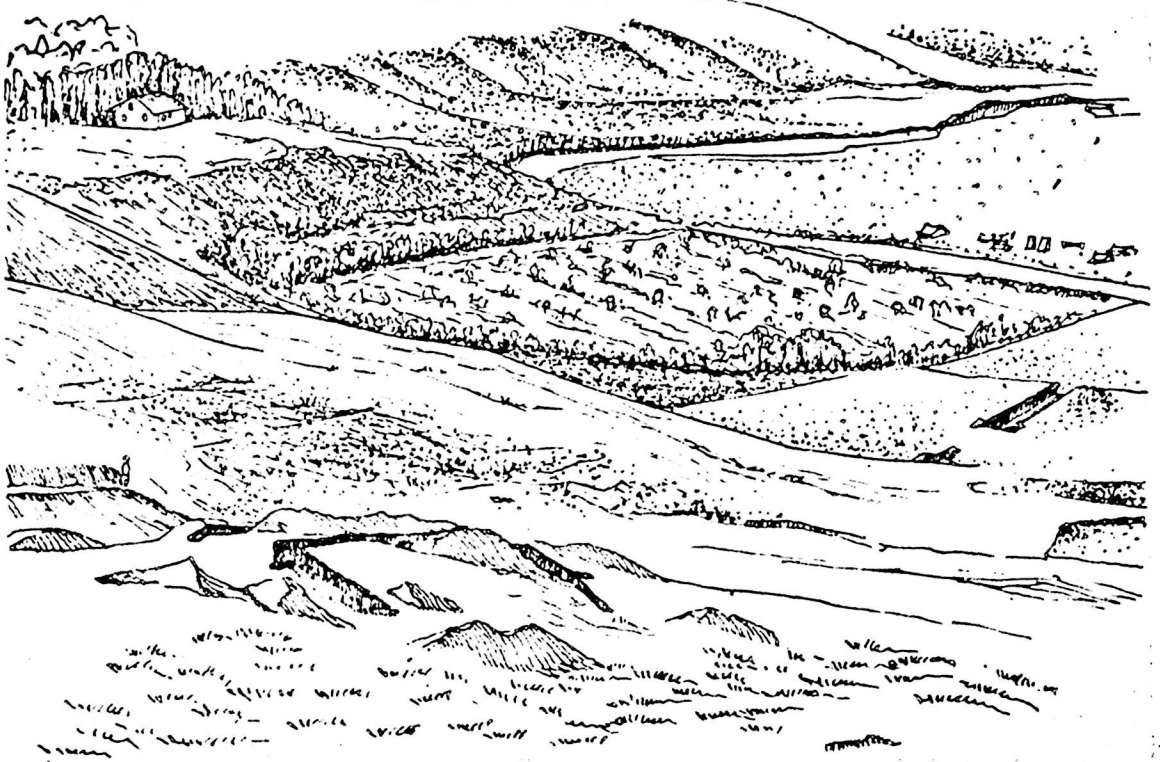


Рис.7. Городище Нуртепа. Раскоп 7.

сильно расширенным рифнем туловом на плоском дне, покрыт красным ангобом, венчик чуть отогнут наружу.

Дальнейшие вскрытия повели траншеями: на восток и два на юг, вскрывая дерновый слой, а также немного ниже до галечной выстилки. В восточной траншее зачищен край пахсово-лессового монолита. Он отстоит от центра на 9 м и имеет высоту 1,5 м. К нему примыкают культурные слои, но они под действием солей спрессованы и вскрывать их очень сложно, поэтому удалось расширяться всего на 3,5 м в южном и северном направлениях. Южная траншея прошла по центральной оси на 11 м. В ней зафиксирована пахсовая стена 1,8 м шириной, а через 9 м кирпичная с внутренним заполнением сырой глины. Между двумя стенами находятся галечные и песчаные линзы. Вторая траншея на южном фесе про-

ложена в направлении В-З. В 5 м от угла осевой траншеи зачищен очаг, выложенный сырцовым прямоугольным кирпичом, поставленным на ребро. В верхнем слое на всех участках вскрытия встречались керамика гончарная и лепная. Гончарная представлена тонкостенными бокалами, с прямым венчиком и округлым туловом на маленьком донце, горшочек с отогнутым венчиком и выделенным ребром на плечике, покрыт беловатым ангобом. На т-образных профилях тарелок хорошо сохранились следы металлического лощения. Лепная представлена маленькой чашечкой с сильно загнутым во внутрь краем на широком плоском дне, фрагментами котлов с шишковидными ручками, мисками, горшочками во фрагментарном виде. Весь собранный материал может быть определен античным периодом. Само назначение бугра осталось пока невыясненным.

Раскоп 8 расположен на южной стене цитадели (рис.8). После снятия дернового слоя на площади 2х10 м обнажилась кладка сырцовых кирпичей размером 33х33х11 см, 40х28х10 см, 42х33х11 см. На кирпичах сделаны знаки в виде отпечатков пальцев правой руки, дугообразных полос вдоль большей стороны, большой и малой полосы по центру. Хорошо зачищена южная грань стены, покрытая глиняной штукатуркой. Стена только в верхней части на данном этапе вскрытия имеет 8 м толщину. Очень важен факт для определения функционирования, ее выведение сырцовым кирпичом из двух форматов, квадратного и прямоугольного. Известно, что в Средней Азии прямоугольный формат кирпичей заменяется на квадратный в IV в. до н.э. В Согде, Хорезме, Бактрии в V-IV вв. оба формата сосуществуют.¹⁵

15. Толстов С.П. Итоги работ ХАЭЭ АН СССР. - ВДИ, 1955, № 3, с.186-193; Крашенинникова Н.И. Разрез крепостной стены древнего Кеша. - ОНУ, 1968, № 8, с. 62; Ртвеладзе Э.В., Запоров Ш.Х. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкентепа I. - Бактрийские древности. Д., 1976, с.20.

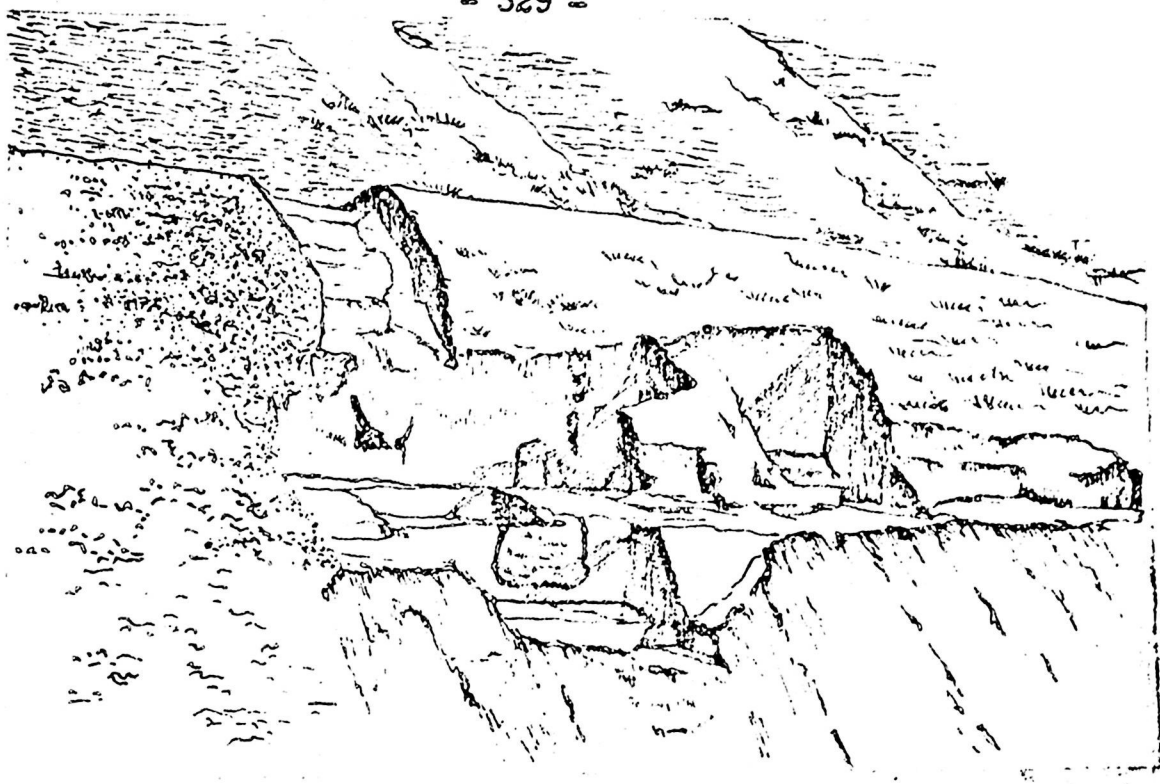


Рис. 8. Городище Нуртепа. Раскоп 8. Южная стена цитадели.

В Ходженге и Фергане формат кирпича почти не изменялся, кирпич прямоугольный, крупных размеров, продолжал изготавливаться в античное время. В Нуртепа наблюдается влияние южных районов. Отсюда можно предположить, что стена в V-IV вв. до н.э. уже была выведена из сырцовых кирпичей. Однако мы не исследовали еще ее нижний участок и пока остаемся с предварительными данными.

Производилась зачистка в двух промоинах на западном участке городища. В промоине обнажился почти целый хум. Зачистки показали, что хум высотой 1,2 м изготовлен ленточным способом, имеет утолщенный круглый венчик, оттянутый наружу, тулово немного вытянутое, сужается ко дну, которое изготавливалось на шаблоне и поэтому имеет выпуклость в середине, а переход к тулову тщательно замазан. Около него накопился культурный слой, из которого извлечены тонкостен-

ные фрагменты от бокала, покрытые светлым ангобом, маленький сосудик, венчик от кувшина. Период обживания этого участка предварительно можно отнести к эпохе раннего железа.

Второе место зачищено в середине городища около сформировавшейся здесь слиянием селей ложбины. Четко виден в разрезе уровень пола и стены помещения. С этого уровня извлечены фрагмент тонкостенного светлого бокала и часть корчаги баночной формы с манжетовидным венчиком.

Фрагменты от баночных форм сосудов средних размеров были встречены в подъемном материале.

Итак, в результате работ первого года исследования Нуртепа показали довольно насыщенную стратиграфию много-слойного памятника. Сейчас только в одном месте отмечен культурный слой, позволяющий говорить о первоначальном заселении этой территории в эпоху бронзы. Разрозненные фрагменты керамики, относящиеся к этому времени, дают возможность предположить, что при дальнейших работах будут выявлены еще культурные слои и хорошие керамические комплексы того исторического этапа. Раскопки показали, что уже дальнейшее обживание распространяется на большей части (Р-1, Р-3, Р-4). Вместе они представили материал по культуре этого региона в период поздней бронзы и раннего железа (VII - сер. V вв. до н.э.). Находясь в торговых контактах с северными скотоводческими племенами, жители Нуртепа воспринимали в какой-то степени северные культурные влияния, проявляющиеся прежде всего в комплексе домашней посуды. Сами же они занимались земледелием и, видимо, отгонным скотоводством и имели контакты с довольно отдаленными южными земледельческими регионами. Это подтверждает большое сходство культур Кучуктепа II, Яздепа II. В своих исследованиях по этим памятникам, в вопросе о формировании культур, авторы отмечают культурное влияние северных племен, в частности Ферганского региона.¹⁶

¹⁶. А с к а р о в А., А л ь б а у м Л.И. Кучуктепа..., с.71; М а с с о н В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с.114-115.

Следующий этап жизни Нуртеда связан с созданием городских укреплений. Керамический комплекс эпохи железа собран пока недостаточно, однако он выявляет уже свои локальные черты. Продолжает изготавливаться лепная посуда, а столовая становится разнообразнее в формах и более тонкостенной. Заметно некоторое влияние культуры Ахеменидской державы, но характерный для них банкообразный профиль посуды большого распространения здесь не получает. В оформлении столовой посуды есть некоторое влияние Кангуйского Хорезма. Керамический комплекс античного периода свидетельствует о влиянии эллинистической культуры. Посуда изготовлена в едином стиле, выработанном в регионе Согда.

В результате работ 1980 г. на Нуртеда были выявлены ранние периоды жизни в среднесырдарьинском бассейне. Городище содержит слои самых древних периодов значительно старших среди ранее известных на этой территории памятников. Получены новые данные историко-фортификационного и историко-культурного значения, выявлены торгово-экономические связи между северными и южными регионами Средней Азии.

У.П.Пулатов, Е.Д.Салтовская

РАСКОПКИ НИЖНЕГО ГОРИЗОНТА ТИРКАШТЕПА

В предыдущие годы на холме Тиркаштепа изучались первый и второй строительные горизонты, выявившие остатки довольно интересных архитектурных сооружений.¹ Здание третьего (самого древнего) строительного горизонта, с одной стороны, совершенно отличается от остатков замковых сооружений верхних горизонтов, с другой стороны, имеет и схожие с ним черты. Замок нижнего слоя по площади значительно меньше верхнего, и для того чтобы построить верхний замок, обитатели Тиркаштепа полностью забутовали замок третьего слоя, и, представив мощные дополнительные стены, значительно расширили площадку для новой постройки.

В нижнем слое Тиркаштепа открыты два строительных периода, второй из которых значительно изменил планировочный облик зданий. Первоначально замок состоял из небольшого почти квадратного зала, окруженного по периметру четырьмя довольно длинными коридорообразными помещениями. Каждый коридор (кроме южного) имел сообщение через небольшие арочные проемы только с предыдущим и последующим коридорами. А южный коридор сообщался, помимо западного и восточного коридоров, двумя проемами и с залом. А главный вход в здание находился почти в центре южной продольной стены того же южного коридора, обозначенного нами под № I.

1. С а л т о в с к а я Е.Д. Начало раскопок Тиркаштепа. — АРТ (1978 год). Душанбе: Дониш, 1984; П у л а т о в У.П., С а л т о в с к а я Е.Д. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г. — АРТ (1979 год). Душанбе: Дониш, 1985.

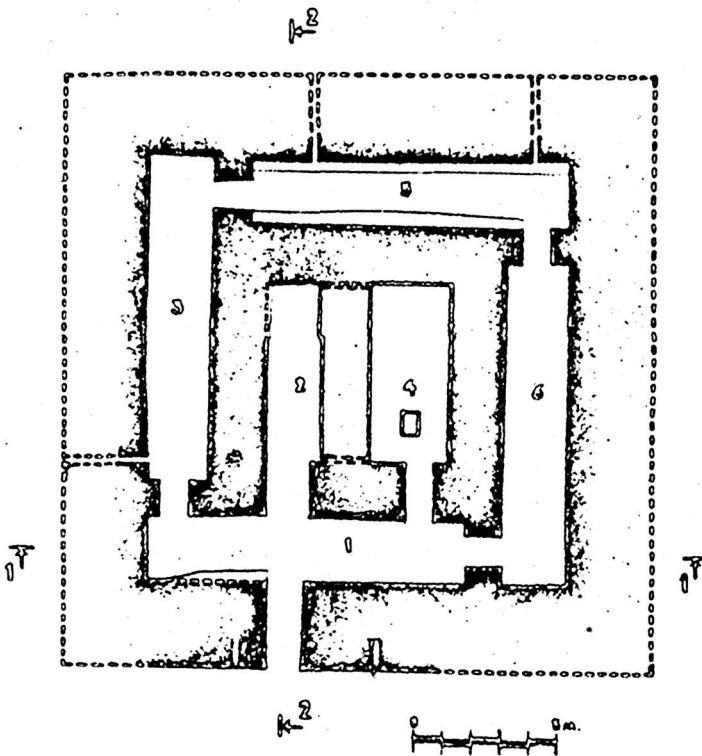


Рис. I. Тиркаштепа. Общий план здания нижнего слоя.

Во втором строительном периоде одной стеной, направленной с севера на юг, центральный зал был разделен на два коридорообразных помещения, причем восточное оказалось чуть шире (подобно всем остальным коридорам), а западное значительно уже.

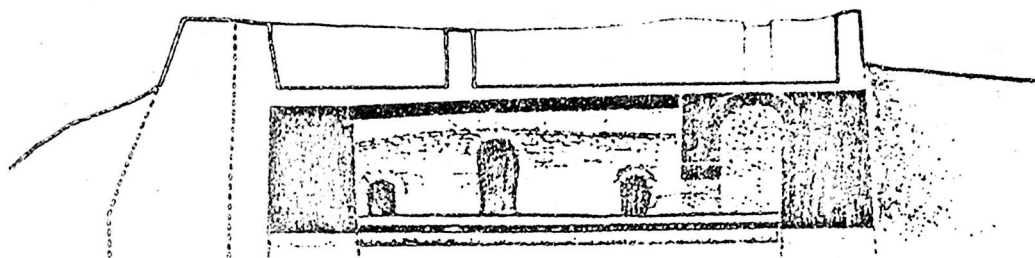
Как отмечалось выше, главный вход в здание был расположен в центре южной стены помещения № I. Его ширина 125 см, высота от пола до замка арки 260 см. В арке над главным входом сырец лежит нечеткими рядами и кривая сложена в нерегулярную перевязку. Например, наружная сторона квадратного сырца в арке колеблется от 34 до 44 см. А весь использованный сырец квадратной формы.

Кривая арки над главным входом приближается к трех-центрковой.

В южной стене здания, как и во всех остальных стенах, использован квадратный сырец со средней длиной сторон 40 см и толщиной от 9 до 12 см (40x40x10; 41x41x9; 39x39x12; 40x41x11; 39x38x10 см). Она была обмазана глиной с саманом, а кое-где сохранились следы белой обмазки, видимо, глины с примесью гача. В верхних частях этой стены снаружи сохранились нижние наклонные плоскости бойниц, обнаруженных в южной торцовой стене здания второго строительного горизонта. Это говорит о том, что в здании нижнего горизонта южная стена и, возможно, другие торцовые стены поднимались выше уровня крыши и создавали парапет по всему периметру здания, прорезанный двумя рядами бойниц. Позже эта стена была наращена и использована при строительстве здания второго горизонта. Причем и бойницы продолжали выполнять свои прямые функции.

Вход с наружной стороны не был оформлен никакими дополнительными деталями, импост арки также не выделен, а щековые стенки проема плавно переходят в кривую арки.

Помещение I (рис. I и 2) расположено в южной части здания и вытянуто с запада на восток. Его размеры 11,10x x2,15 м. Стены помещения до высоты 105 см сложены из паком, выше идет регулярная сырцовая кладка вперевязку и шов между двумя сырцами нижнего ряда приходится на середину сырца верхнего ряда. Между рядами сырца толстый слой глиняного раствора. Десять рядов сырца с учетом десяти слоев раствора равны 166 см высоты. Таким образом, толщина раствора не намного уступает толщине сырца - всего в среднем на 1,7 см. На высоте 2,90 м от пола на южной наружной стене и на высоте 2,70 м на северной стене кладка отступает от линии стены на 10 см и образуется полочка с двух продольных сторон помещения. Если в Чальхуджре и в некото-



РАЗРЕЗ 2-2

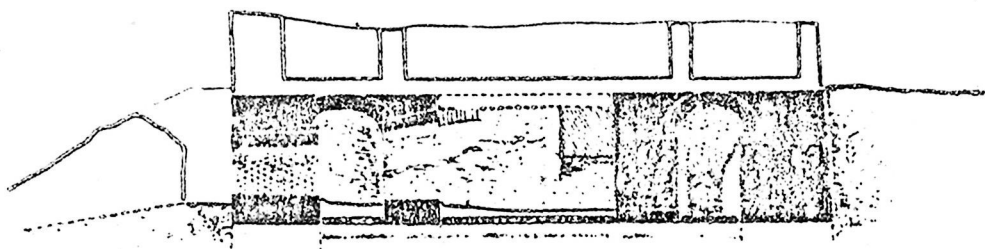
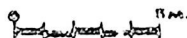


Рис. 2. Тиркаштепа. Разрезы I-I и 2-2.

рых других памятниках² под основанием свода кирпичи выступали на несколько сантиметров внутрь помещения и таким путем скрадывалась ширина помещения, то на Тиркаштепа получается обратная картина: у основания свода ширина помещения увеличивается на 20 см и достигает 2,35 м.

Два ряда сырцовый кладки образуют основание свода. Свод сложен из поперечных наклонных отрезков. Угол наклона сначала у торцевой стены совсем невелик - около 10° .

2. Пулатов У.П. Чильхуджра. - Материальная культура Уструшань, вып.3. Душанбе: Донит, 1975, с.132; Воронья В.Л. Изучение архитектуры древнего Панджикента. - Тр. СТАЭ, т.1, МИА СССР, № 15. М.-Л., 1950, с.198; она же. Древняя строительная техника Средней Азии. Архитектурное наследие, т.3. М., 1953, с.17; она же. Архитектура замка Актепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. - Тр. ИИА АН УзССР, т.1. Ташкент, 1948, с.150 и др.

Но дальше он все увеличивается и постепенно доходит до 30°. Наклон поперечных отрезков в своде помещения I направляет с запада на восток.

Интересно, что для выкладки свода использован уже не квадратный сырец, а прямоугольный размером 55x30x10; 53x29x9; 55x33x10 см. По некоторым кирпичам видно, что они специально сформованы трапецевидными. Размеры их 55x30-24x10; 53x28-23x9; 55x33-27x10; 55x29-23x9; 55x32-26x10 см. На отдельных экземплярах сырца встречаются знаки - тамги в виде небольшого сомкнутого круга; креста на всю длину и ширину сырца, более крупного несомкнутого круга и т.д. Некоторые из этих знаков встречались и на кирпичах других памятников.³ Высота от пола до замка свода помещения I равна 3,90 см. Помещение было забутовано сырцом на глине. Интересно, что в забутовке использован сырец обыкновенного светло-серого цвета, а раствор имеет огненно-красный цвет. Сырец того же размера, что и в кладке свода. Лишь восточная половина помещения от пола на высоту до 90 - 100 см завалена крупными рваными камнями (гранит, известняк), а между ними горелая земля, угольки, зола. Редко встречаются невыразительные фрагменты кухонной, хозяйственной и столовой посуды. Некоторые фрагменты столовой посуды покрыты красным и коричневым ангобом. Но эти фрагменты формы, к сожалению, не дают. Можно лишь отметить фрагмент стенки лепной жаровни с частью венчика и дна, стенка невысокая, видны следы довольно крупного отверстия в ней, с внутренней стороны наблюдается далеко расставленный точечный орнамент, в глину примешан мелко истолченный шамот; венчик небольшого кума, рассчитанного на крышку; венчик небольшого широкогорлого кувшина; керамическое пряслице, сделанное из стенки сосуда, с просверленным от-

3. В о р о н я н а В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии, с.6. Такие же знаки были обнаружены одним из авторов данной статьи на Ахтапа близ Нау, а также на Калаи Кахкаха П.

верстием в центре и две подобные заготовки к нему. В этом же помещении был найден один рог коровы или оленя длиной 42 см.

Северная стена помещения I прорезана тремя проемами, ведущими в помещения 3, 2 и 4. Два проема, расположенных по краям, почти у углов, одинаковых очертаний. Хотя проем, ведущий в помещение 3, сохранился хуже (его арка почти полностью разрушена), но по остаткам можно заключить, что арки двух крайних проемов по высоте, ширине, по очертаниям кривой, по технике клинчатой кладки были одинаковы.

Средний проем, связывающий помещение I с помещением 2, расположен прямо против главного входа. Он значительно шире и намного выше двух боковых проемов и даже выше главного входа. Его ширина составляет 1,35 м, а высота от пола до замка арки (со стороны помещения I) 2,93 м. Дальше к северу арка идет на подъем, т.е. выложена не строго по горизонтальной линии, а с уклоном, и в конце (при глубине арки 1,98 м) ее высота уже достигает 3,33 м (со стороны помещения 2). Кривая арки низкая, трехцентровая, приближающаяся к лучковой. Еще одна отличительная черта перемычки этого проема заключается в том, что поверх клинчатой кладки имеется еще один ряд обкладки сырцом, уложенным плашмя по внешнему периметру арки.

Через проем мы попадаем в помещение 2 — узкое, небольшое коридорообразное (рис. I, 2). Первоначальные его размеры 6,20x1,65 м. Но позже в его северной части была выложена арка высотой 1,80 м, глубиной 1,80 м, а ширина совпадает с шириной помещения. В результате размер помещения уменьшился до 4,40x1,65 м с глубокой нишей в северной части.

Наблюдения показали, что стены помещения и эта арка не одновременны. Для выкладки арки в двух стенах вырублено что-то вроде наклонных полочек, которые и послужили импостом для арки.

Стены помещения 2 до высоты 1,05 м сложены из паксы, выше идет регулярная сырцовая кладка вперевязку. В помещении 2 отсутствуют в продольных стенах, под основанием сво-

да, полочки, столь характерные для всех без исключения периферийных коридоров. Но и это помещение не лишено оригинальной архитектурной детали. Как уже упоминалось, арка проема из помещения I в сторону помещения 2 идет на повышение. Точно также идет на повышение к северу свод помещения 2. Если в начальной части, примыкающей к арке проема, от пола до замка свода 3,60 м, то через полтора метра (на такое расстояние сохранился свод) его высота уже достигает 3,60 м. К сожалению, невозможно дальше проследить, до конца ли шел свод на подъем и какой высоты он достигал у северной торцовой стены помещения, или вскоре линия замка свода шла по горизонтали.

Свод сложен из прямоугольного сырца, как и свод помещения I. Его поперечные отрезки наклонены на юг.

Заполнение помещения также составляет забутовка сырцом на растворе и лишь на высоту до 60 см от пола отмечено обилие камней различных размеров и веса. Находок в этом помещении нет. Найдена лишь одна археологически целая лепная кружка для кипячения воды с петлеобразной ручкой. Высота кружки 12,2 см, максимальная ширина 13 см, диаметр дна 5,5 см, диаметр венчика 8,5 см. Глина светло-розовая, с примесью шамота. Стенки и дно кружки сильно прокопчены.

Если арку в северной части помещения 2 считать аркой проема, то этот проем оказался бы проемом в никуда, так как он упирается в северную стену помещения.

Проем в северо-западном углу помещения I ведет в помещение 3. Ширина проема 1 м, высота от пола до замка арки 1,75 м, высота от пола до импоста, откуда начинается клинчатая кладка арки, 1,20 м, так что стрела подъема кривой получается не очень высокой. Арка трехцентровая. Проем был заложен там же светло-серым сырцом на огненно-красном растворе.

Помещение 3 вытянуто с юга на север, имеет размеры 11,45x2,30 м (рис. I). Стены в нижней части сложены из пахсы, высота блоков которой от пола достигает 1 м. Выше кладка сырцовая, регулярная. На высоте 2,70 м на внешней

продольной стене и 2,90 м на внутренней два ряда сырцовый кладки, образующие основание свода, отступают от линии стены на 10 см, и на этом уровне ширина помещения достигает уже 2,50 м.

В западной стене, в 60 см от юго-западного угла, на высоте 1,90 м от пола расположен световой проем пирамидальной формы. Нижняя его часть значительно шире (20 см), нежели верхняя (9 см), причем нижняя стенка (т.е. левая от смотрящего) почти вертикальна, а северная имеет значительный наклон. Высота светового проема 60 см. Над ним проложен один единственный ряд сырцовый кладки, одновременно перекрывающий проем и создающий полочку под основание свода.

Точно такой световой проем расчищен на той же стене, ближе к северо-западному углу. Свод сложен в той же технике, и из того же прямоугольного сырца, что и в других помещениях. Наклон поперечных отрезков направлен на север. От пола до замка свода 3,60 м.

Из находок отметим лишь венчик хума, горловину широкогорлого кувшина довольно крупных размеров, венчик с частью боковины кувшина меньших размеров и венчик чаши средних размеров.

Заполнение помещения 3 — сплошная забутовка сырцом на глине, но глина здесь серого цвета, чуть темнее цвета сырца. Здесь, в отличие от помещений 1 и 2, не обнаружено ни камней, ни зольных скоплений.

В северо-восточном углу помещения 3, в восточной его стене расположен проем, ведущий в помещение 5. Это самый маленький проем во всем здании. Его ширина 90 см, а высота всего 1,30 м. В клинчатой кладке арки применен квадратный сырец.

Помещение 3 снизу доверху забутовано сырцом на глине, и полностью отсутствуют какие бы то ни были находки.

Помещение 5 (рис. 2 и I) расположено в северной части здания и вытянуто с востока на запад. Размеры помещения 11,20x2,10 м. Стены до высоты 95-105 см сложены из пахсы

(во всех помещениях в пахсовой части стен не наблюдаются вертикальные швы, может быть, от большой сырости в здании). Дальше идет все та же регулярная сырцовая кладка в перевязку.

На высоте 2,60 м от пола все те же два ряда сырца, служивших основанием свода, отступают от линии стены и образуют полочки шириной по 10 см с каждой стороны. В северной продольной стене в 2,10 м от северо-западного угла, прямо под основанием свода расчищен световой проем прямоугольной формы небольших размеров. Его верхний срез находится на уровне полочки, образованной в результате отступления основания свода от линии стены. Ширина светового проема 20 см, высота 43 см.

Во время функционирования помещения его продольные стены уже были довольно значительно разрушены в нижних частях. Для их укрепления к ним были приставлены дополнительные наклонные стенки, которые не только выступают внутрь помещения, основательно сузив его, но и входят внутрь стен, заполнив их разрушенные части. В результате этого ремонта помещение на уровне пола сузилось до 103 см. Во многих частях ремонтные приставные стены захлестывают полочки под основанием свода, в западной части южной стены не доходят до полочки, а в восточной половине северной стены сходят на нет уже на половине высоты между полом и основанием свода. Цвет сырца и раствора в ремонтных стенках резко отличается от цвета сырца и раствора основной стены. В основной стене он темно-серый, а в приставке светло-серый, приближающийся к белому.

Свод сложен все в той же технике поперечных отрезков и имеет небольшую стрелу подъема кривой. Наклон отрезков, направленный с востока на запад, невелик. Если у западной поперечной стены отрезки почти вертикальные, то дальше, увеличиваясь, угол наклона достигает всего градусов 15.

От пола до замка свода 3,70 м.

Помещение было от пола до потолка забутовано сырцом на растворе. В забутовке встречается сырец следующих размеров: 40x40x12; 40x38x11; 46x27x12; 44x28x11 см.

Лишь на самом полу обнаружены следы камышовой подстилки, истлевшей в западной половине помещения и сгоревшей в восточной.

В забутовке этого помещения явственно видно, что она проводилась небольшими отрезками, пока доставала рука. В этих отдельных обрезках цвет сырца отличается, он то светло-серый на красном растворе, то темно-серый на растворе того же цвета.

В 1,10 м от северо-восточного угла, на высоте 2,20 м от пола расчищен еще один световой проем, значительно большей высоты (70 см при ширине 10 см). Проем щелевидный, прямоугольный, но не имеет никаких расширений ни внутрь, как положено световым проемам, ни наружу, как положено бойницам. Конечно, было бы наивно предположить, что этот проем при такой высоте служил бойницей. Но уместно и правомерно считать, что он одновременно служил и источником света, и вентиляционным проемом, продухом.

Пята свода с северной (наружной) стороны на 20 см выше, чем с южной (внутренней), а также кривая свода с севера выше, чем с юга, и вследствие этого сводчатая оболочка, на первый взгляд, кажется просто деформированной. Но это сделано для правильного распределения силы распора свода: он давит на внутреннюю стену больше, чем на наружную. Это, как и во всех других помещениях этого горизонта Тиркаштепа, ползуший свод.

В восточной части южной стены, примыкая к юго-восточному углу помещения, расположен проем, ведущий в помещение 6. Ширина проема 95 см, высота до замка арки 1,55 м. Кладка арки кланчатая, кривая трехцентровая. Кривая арки сверху обложена одним рядом сырца, положенного лязмя. В кладке арки применен тот же квадратный сырец, из которого выложены стены.

Помещение 6 вытянуто с севера на юг. Его размеры II,25x2,25 м (рис. I и 2). Стены до высоты 100 см от пола сложены из пахсы, дальше идет регулярная сырцовая кладка вперевязку. На высоте 2,70 м от пола та же полочка шириной 10 см, отчего выше ширина помещения достигает 2,45 м.

Свод, как и в других помещениях, ползущий, выложен также в технике поперечных наклонных отрезков. Наклон направлен на юг. От пола до замка свода 3,55 м. В южной половине помещения свод разрушен.

Помещение 6 заполнено той же забутовкой из сырца на глине красного цвета. Лишь у пола отмечен 10-15-см слой с остатками истлевшего камыша, зольных пятен, редких костей мелкого рогатого скота и бесформенных камней. Других находок обнаружено не было.

Помещение 6 сообщается с помещением I через проем, расположенный в западной стене, ближе или даже вплотную к юго-восточному углу. Ширина проема 1 м, высота от пола до замка арки 1,75 м, высота imposta арки 1,20 м. Так что его описание в точности совпадает с описанием проема, ведущего из помещения I в помещение 3. Совпадает даже и то, что он был заложен светло-серым сырцом на огненно-красном растворе. В помещение 4 ведет проем из помещения I, расположенный в северной стене, близко к северо-восточному углу. Описывать этот проем нет надобности, так как он в мельчайших деталях совпадает с проемами в помещениях 3 и 6 из помещения I. Сохранность его хорошая.

Помещение 4 (рис. I) расположено рядом и параллельно с помещением 2 и, хотя его длина (6,20 м) совпадает с длиной помещения 2, ширина больше и составляет 2,25 м. Стены и своды его совпадают со стенами и сводами других помещений с той только разницей, что свод здесь не ползущий и пята свода с двух сторон находится на одинаковом уровне. Наклон отрезков свода направлен на север, в то время как в двух соседних помещениях этот наклон направлен на юг.

Заполнение помещения 4 отличается от заполнения других помещений. Здесь вдоль всех четырех стен на растворе уложено два ряда крупных камней, в результате чего получился внутренний "кожух" толщиной 60-70 см. Остальное пространство забутовано сырцом на растворе. Высота "кожу-ха" достигает пят свода.

Еще одной существенной отличительной чертой помещения 4 является то, что близко ко входу, почти по оси С-Ю расположен колодец, прямоугольный в плане 75x50 см. Стенки его обложены сырцом. При расчистке колодца на глубине 1,55 м выступила довольно обильная вода. Наши надежды наткнуться на дне колодца хоть на какие-нибудь находки, к сожалению, не оправдались.

Примечательно, что при забутовке здания третьего, самого нижнего горизонта, к которому принадлежал колодец, и строительстве здания второго строительного горизонта, шахта колодца и его обкладка была выведена до уровня нового горизонта, и колодец продолжал действовать.

Нижний слой Тиркаштепа оказался очень бедным на находки. Здесь найдено лишь чуть более двух десятков фрагментов керамической посуды, куда входят фрагменты венчиков хумов, хумчей, горшков, кувшинов, кружек, мисок, жаровен и пять керамических заготовок пряслиц (рис.3 и 4). Весь керамический комплекс укладывается в хронологические рамки III-IV вв., хотя два фрагмента (рис.4. 9,10) можно датировать более ранним периодом.

Здание нижнего слоя Тиркаштепа до перестройки, когда оно состояло из центрального зала и обходных коридоров, по планировке представляло собой типично культовое, храмовое сооружение. Нам представляется возможным, что в случае правильности такого определения можно предположить, что здание служило храмом богини плодородия и вод Анахиты (или Нанн). Довольно сильным аргументом в пользу такого предположения служит наличие колодца в зале. Однако утверждать такое предположение со всей категоричностью пока, до полного научного исследования памятника, не будем,

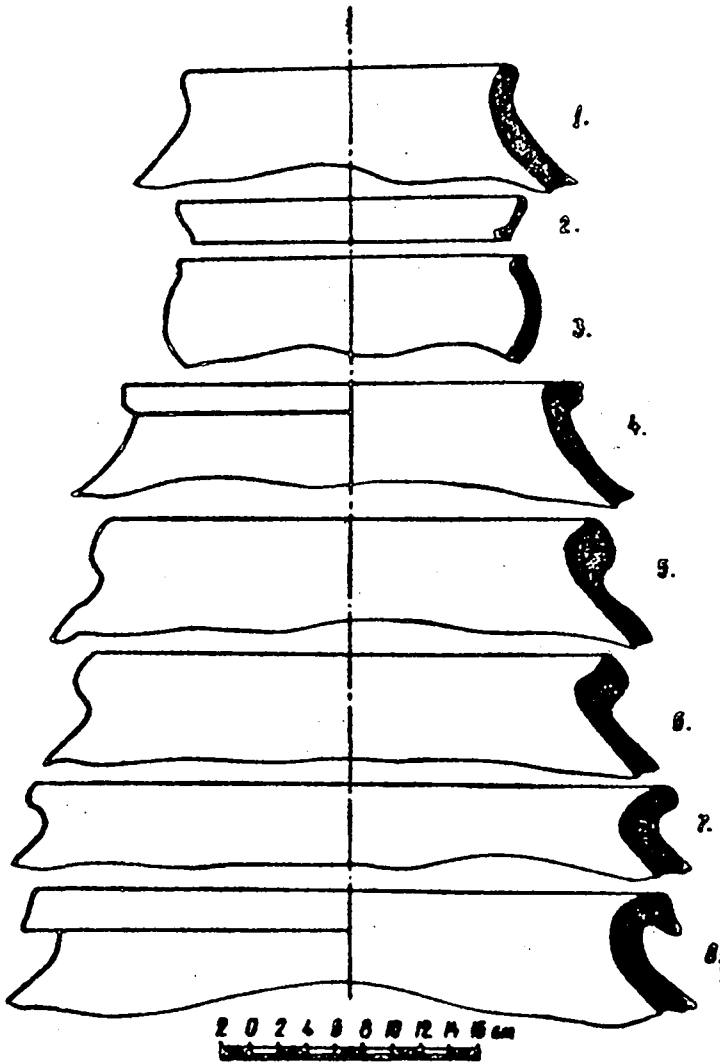


Рис.3. Тиркаштепа. Керамика.

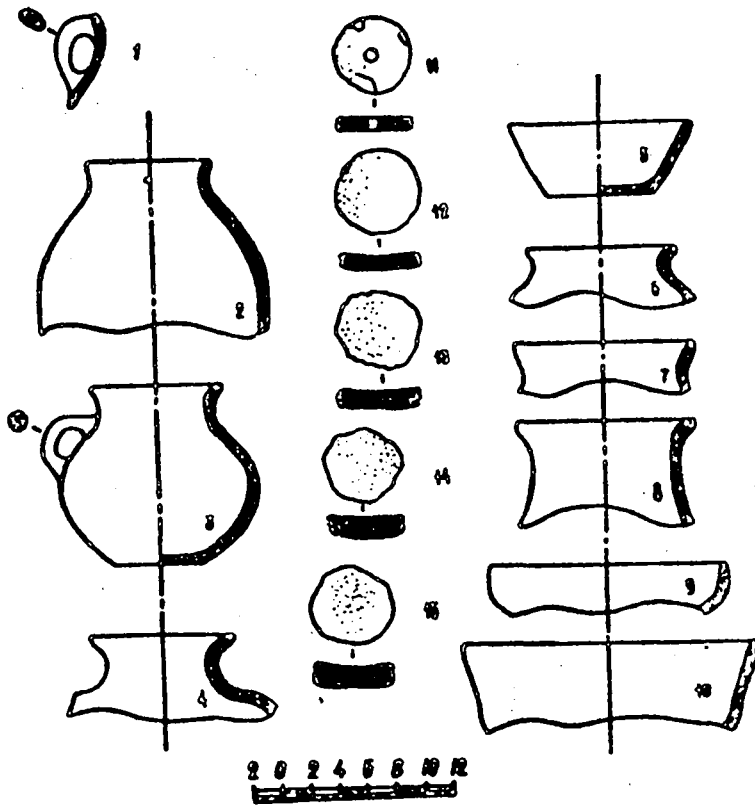


Рис.4. Тиркаштепа. Керамика.

а лишь рискнем выдвинуть такую идею в виде гипотезы, что нам кажется возможным.

После того, как возведением одной стены зад был разделен на два коридорообразных помещения, здание приобрело коридорно-гребенчатую планировку, а замковое назначение его в этот период не вызывает сомнений.

Здание нижнего слоя Тиркаштепа на основе данных строительной техники, размера сырца, архитектурно-планировочных приемов и в совокупности с находками твердо можно датировать III и IV вв.

А.К.Мирбабаев

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛАНГАРИ ХОДЖИЁН ИСФАРИНСКОГО РАЙОНА

Весной 1980 г. по сообщению Отдела культуры Исфаринского горисполкома автор этой статьи и инженер-археолог Госинспекции по охране памятников Министерства культуры Ф.Абдуллаев были командированы в Исфару для уточнения места находок.

Они были извлечены из могильных ям уже известного могильника Лангари Ходжиён, расположенного у восточной окрестности с.Чорку, недалеко от ключевой воды Чашмай Мохиён, на холмистом отроге горной гряды. Общая площадь первоначального могильника равна приблизительно 10 га. Северная половина памятника застроена жлыми домами.

Б.А.Литвинский, исследовавший в 50-х годах исфаринские курганы, отмечает, что местности между кишлаком Чорку и прилегающими горами насыщены крупными захоронениями. Он кратко описал шесть могильников в Чорку,¹ однако в его списке Лангари Ходжиён отсутствует, возможно, он упомянут под другим названием.

Директор средней школы № 27 Я.Касымов сообщил, что во время военно-спортивной игры "Зарница" ученики выкопали несколько ям и в одной наткнулись на два погребения. По словам учителя истории, в первой могильной яме были обнаружены два черепа плохой сохранности, относящиеся к европеоидному брахикранному типу среднеазиатского междуречья. Т.П.Кияткина, изучившая краниологические материалы могиль-

1. Д а в и д о в и ч Е.А., Л и т в и н с к и й Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. - Тр. АН ТаджССР, т. XXXV, 1955, с.141.

яков Воруха и Чорку отмечает, что "исфаринская группа более европеоидная".² В могильной яме были найдены узкогорлый горшок и приземистый лепной керамический чайник, много бус, бубенчик, ножи, кинжал и др. Основная часть находок разошлась по рукам и вернуть их было невозможно. Второе курганное захоронение состояло из могильной ямы с хумом. Еще задолго до нашего приезда хум был разбит, а его содержимое - костные останки разбросаны. Много могильных ям провалены и уничтожены при прокладке подъездной дороги с серпантинами.

Опишем наиболее характерные находки, собранные нами при поездке.

Горшок - узкогорлый с шаровидным рифленным туловом, венчик отбит у основания. Сделан на гончарном круге, доншко плоское. Высота уцелевшей части - 18,5 см, ширина тулова - 16,5 см, горловины - 5 см, дна - 9 см. Поверхность светло-красного цвета, шероховатая, не заглаженная (рис.1а). Имеет прямую аналогию с сосудами той же формы из курганного могильника в Чорку³ и Ферганы вообще.

Чайник - приземистый, лепной, горловина невысокая, венчик оттянут назад, с-образная ручка круглого сечения прикреплена верхним концом к венчику, нижним - к верхней половине сосуда. У основания горловины, напротив ручки, насажен носик слива с отбитым концом. Общая высота сосуда 4,5 см, диаметр тулова - 14,8 см, ширина горловины - 6,7 см. Поверхность гладко заглажена, светло-красного цвета (рис.1б). Форма довольно редкая, в известных керамических комплексах Ферганы не встречается.

Ножка от вазы - с полым поддоном, рифленая, конической формы и темно-коричневого цвета. Общая высота 4,4 см,

2. К и я т к и н а Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976, с.161.

3. Д а в и д о в и ч Е.А., Л и т в и н с к и й Б.А. Археологический очерк..., с.37.

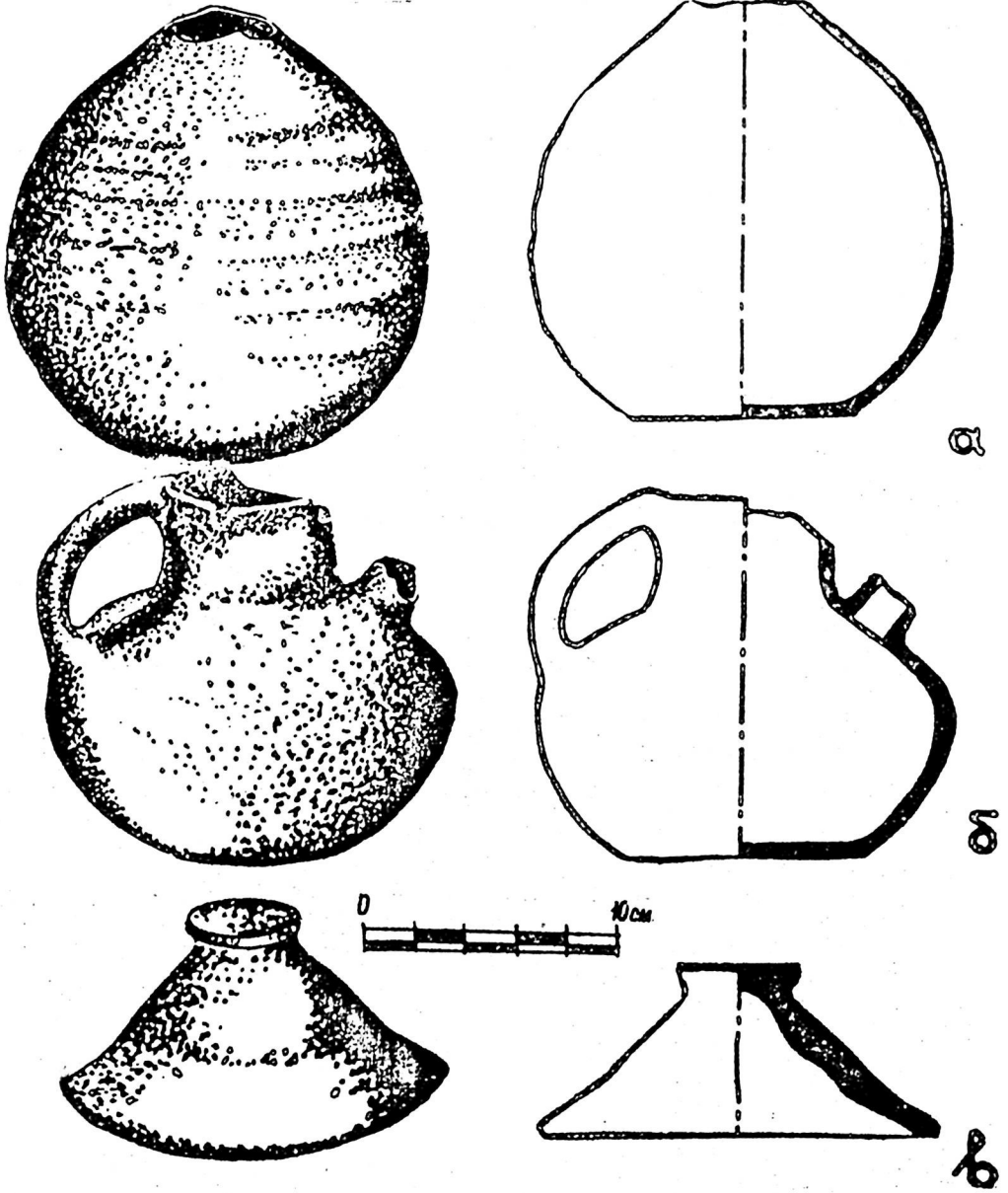


Рис. I. Находки из могильника Лангари Ходжиён:
а - горшок из могильника, б - чайник
из могильника, в - ножка от вазы.

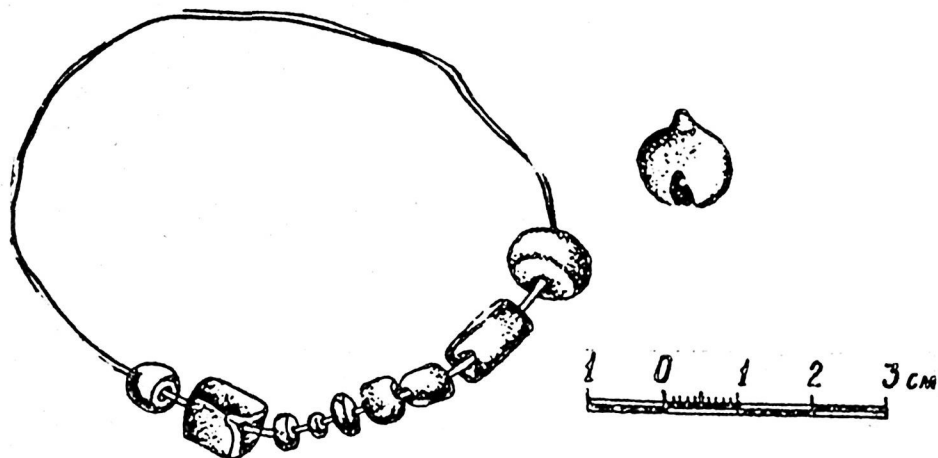


Рис. 2. Ожерелье и бубенчик из могильника
Лалгари Ходжиён.

диаметр поддона 10,2 см (рис.1в). Найдена в местности Чашмай Сари Постон (по ул. Гагарина) с/с Чорку.

Там же в могильной яме найдены несколько бус из сердолика, камня, стекла и пасты, а также один бубенчик (рис. 2), имеющий близкую аналогию с бубенцами из могильников Ферганы⁴ и датируемый широким диапазоном времени от VI-VII вв. до н.э. до III-V вв. н.э.⁵ Горшок близко соответствует сосудам типа 20-23 классификации Б.А.Литвинского, датируется III-V вв. н.э.⁶

4. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973, с.48, рис.4-24.

5. Там же, с.48-51.

6. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973, с.125.

Т.В.Беляева

О РАБОТАХ ХОДЖЕНТСКОГО ОТРЯДА В 1980 г.

Археологические работы Ходжентский отряд СТАКЭ проводил под руководством профессора Н.Н.Негматова. Раскопочные работы на протяжении пяти лет сконцентрированы на Арке Ходжентской цитадели: Раскоп I в юго-западном углу и Стратиграфический шурф 29 на северном участке.

В юго-западном углу Арка, заложенный Раскоп I на площади 100 м² вскрыт на глубину 4 м и зафиксировал 4 культурных горизонта, относящихся к XVI-XIX вв. После небольшого расширения площади, уборки верхних архитектурных остатков, приступили к вскрытию У культурного горизонта. Однако он дал пока только культурный пласт с материалом XII-XV вв. Видимо, эта территория была занята двором, а основная планировка смещена к северо-востоку.

Остановимся более подробно на керамическом материале, полученном из культурного горизонта. Он представлен тремя небольшими комплексами, которые характеризуют совершенно определенные этапы в развитии керамического производства (рис. I). По всей территории Средней Азии на протяжении XIII в. гончары применяют однотонную голубую глазурь. Внутри тарелочки, касы, пиалы, маленькие тагора покрывались однотонной голубой глазурью, а снаружи проводилась красно-коричневая ангобная полоса. Постепенно художественное оформление посуды восстанавливается, но оно не изменяет уже нового стиля в колорите. Щелочная подцветенная синебирзовым цветом глазурь наносится на рисунок, выполненный окисью марганца. Узор получался черного цвета на голубом фоне. Опишем несколько рисунков из художественного материала.

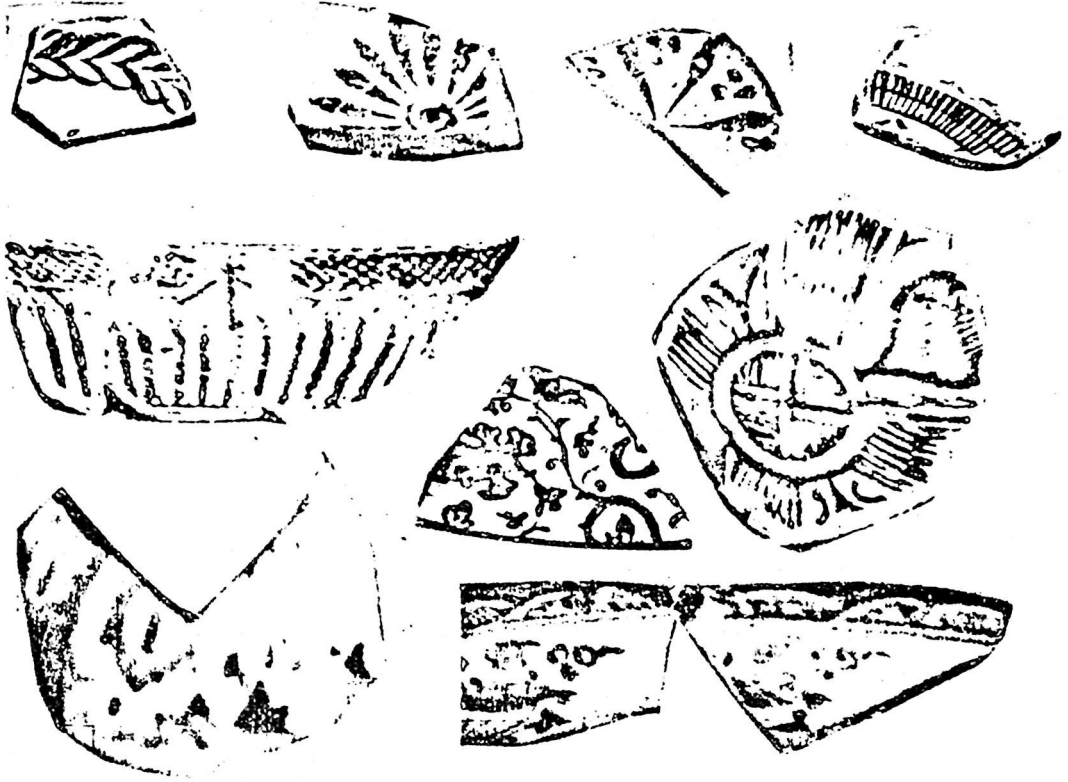


Рис. I. Керамика XIII-XV вв.

В центре касы нарисован восьмилепестковый цветок, а между лепестками поставлены точки. На другой чашке в центре проведен круг, в котором нарисован цветок. Его лепестки слегка держатся на маленькой сердцевине. Между лепестками нарисованы тоненькие веточки с тремя бутонами. И еще один фрагмент от тарелки, у которого по бортику проведены тонкие линии, а между ними цепочка, на стенке нарисована веточка с частыми мелкими листочками.

По мотивам рисунков видно, что художники усвершенствуют мастерство владения кистью. Узоры становятся все ближе к реалистичной передаче растительного мотива.

Постепенное ослабление монгольской династии позволило взойти на престол представителю рода Барласов - Тимуру.

Бурная деятельность Тимура в объединении земель, завоевательные походы, сопровождающиеся переселением ремесленников в Мавераннахр, способствовали быстрому развитию культуры, архитектуры, художественных ремесел. С караванами стали поступать не только красивые ткани, ковры, ювелирные предметы, но и дорогостоящая посуда, новые красители. Одним из таких красителей был кобальт. Наблюдаем, как постепенно изменяется гончарная продукция. Вновь применяют в формовке каолиновую глину, вводится полихромия в гамму рисунка. Фон под узор опять становится белым, так как каолиновые глины дают белый черепок. Глазурь не подщечивается. Рисунок выводится кистью, но очень насыщенный и измельченный.

Опишем несколько вещей. Внутри касы по белому фону все пространство разделено на радикальные сектора двумя тонкими линиями черного цвета, а в середине бирюзовой. В каждом секторе изображено деревце с ветками, на которых мелкие листочки. Дерево выведено тонкой черной линией, а листочки в одном секторе кобальтовые, в другом черные, так и чередуются. Снаружи по белому фону проведены черные линии по вертикали, разделив поле на сектора и в них бирюзовые полосы. Другая чаша заполнена внутри рисунком, где по бортику проходит лента, заполненная кривой сеткой. Она выполнена кобальтовой краской. На стенке рисунок в виде чередования угольников и кружочков, выполненных черной и кобальтовой линиями. Снаружи по белому фону черной краской проведены линии по вертикали, а в каждом секторе голубой краской введены спирали. По краю проходит голубая полоска. И еще один фрагмент от касы. По белому фону внутри тонкой черной линией выведен рисунок, а для выделения объема, в некоторых местах фон заштрихован тонкими линиями кобальтовой краской. Снаружи черной тонкой линией проведены вертикальные линии. Здесь мы видим, как на силикатном тонком черепке художник дает трехцветный узор очень измельченный. Это для того, чтобы легкость и изящество самого черепка не ущемлялось крупным рисунком.

Средняя Азия имела широкие международные торговые связи. Особенно поражала всех своей красотой фарфоровая посуда, завезенная из Китая. Экспортные вещи становились не только предметами обогащения, но и превосходными образцами.¹ Дорогостоящие фарфоровые предметы толкали местных мастеров на поиски подражания. Чистый белый черепок с ярким синим рисунком (кобальт) заставили мастеров сменить художественный стиль. Кашиные глины (силикатные), которые привозились из Ирана, давали белый пористый черепок. Хрупкость и пористость черепка позволяли достичь точных копий. Пористый черепок давал возможность глубоко проникнуть кобальту и глазури, создавая тем самым толстый слой стекловидной поверхности. Были в начале и прямые копии художественных мотивов, но вскоре выработался свой стиль росписи. Рисунок выводился мелким, но не перегруженным. Распределение рисунка было свободным по полю. Реалистическая передача растительных узоров веточек, цветочков, плодов деревьев с листочками размещали внутри. Реже изображали животный мир. Опишем несколько предметов. Каса с тонким хрупким черепком. По белому фону рисунок наносится только кобальтовой краской. Внутри по бортику проведены две прямые линии, а в середине волнистая. Что было в центре — неизвестно. Снаружи вся поверхность разбита на три лепестка. Арочки и цветки белые, а все поле синее. Здесь мы видим поиск мастера, как смотрится одна полоска синяя на белом фоне и наоборот — белые полоски на синем фоне. Другая тарелка украшена внутри синими тесемчатыми полосками в переплетении ромбов. Тесьма сетчатая. В каждом ромбе помещена ветка с листочками. С внешней стороны проведены вертикальные полоски и крючки. Кобальтовая краска на обеих этих вещах не дает еще четкой линии. Блюдо с толстым черепком. Внутри расписаны крупные розетки. Одна розетка вы-

1. Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV в. — Тр. САГУ, вып. XI. Ташкент, 1951, с. 91-119.

ведена кобальтовой тонкой линией, а внутри заполнена сеткой из спаренных черной и кобальтовой линией. Другая по краю украшена мелкими спиральками, а середина заполнена частыми черными точками. Между спиральками проходит веточка синего цвета. Глазурь имеет слегка подвыеченный голубоватый тон. Елдо украшено букетами цветов в свободном размещении. Рисунок уже имеет четкие тонкие линии. Так мы видим, что основной стиль в художественном направлении был в сочетании белого с синим.

Столовая посуда изготовлялась из кашинной такой глины. Но такие глины тщательно обрабатывались и покрывались густым белым ангобом. И если мы видим изумительно парадную столовую посуду, то кухонная и таровая совсем остались без внимания. Кувшины, котлы, тагора делались без всякого украшения. Кувшины с одной ручкой. Прикреплялась она на горле и яйцевидном тулове. С другой стороны ручки появляется небольшой носик.

Материал этого периода охватывает три этапа развития в художественном направлении. Керамическое производство, пострадавшее от полчищ монгольских орд, постепенно поднималось к новым высотам. От щелочно-натриевого состава глазурей, которые давали глухую однотонную глазурь, покрывавшей посуду без каких-либо художественных украшений, мастера в XV в. достигают виртуозности во владении кистью, а также и в самом совершенстве черепка. Белоснежные, тонкие, почти просвечивающиеся стенки чаш, кося, украшались изумительно созвучным синим рисунком. Предметы становились шедеврами прикладного искусства.

Стратиграфический шурф 29 размером 16x4 м вскрыт по всей площади до XIII яруса с культурными горизонтами XIII-XIX вв. К сожалению, после зимних дождей верхние слои на западном срезе шурфа в пределах кв. Ia, 1,2,3 обрушатся и создают опасность для работ. Группа специалистов из Ленинабадского управления по горно-аварийным работам по поручению Отдела науки Обкома Компартии Таджикистана созда-

ла обшивку по верхнему горизонту из досок и бревен. На всех уже ранее оставленных ступенях было много осыпавшейся земли. После довольно объемного труда по очистке ступеней, приступили к работам по вскрытию зафиксированных кладок стен. На трех ступенях в кв. А-1,5,6 опустились на 1,5 м и получили возможность начать работы в кв. Б-6 с ХLIУ яруса. Кладка из сырцового кирпича шла до ХLI яруса. Здесь отметили выкладку из мелкого галечника. Ниже кирпич, но немного другой по структуре, продолжается до LI яруса. Они были положены на культурный слой, сохранившийся 0,5-0,8 м. В свою очередь, культурный слой образовался на иловых отложениях толщиной 0,6-0,9 м. Вскрытие иловых отложений обнажили на LV ярусе желтый с железистыми прожилками материковый лёсс, который на данном участке залегает с уклоном к югу, а на северном участке поднимается до LI яруса. На этом возвышении и была сооружена первоначальная стена из сырцового кирпича. В наш вскрытый участок вошла ее южная грань. Стена поднимается на 1,6 м. Так, доведя шурф до материкового лёсса, получили более четкую картину возведения стен на данном участке. Первоначальная стена из сырцового кирпича размером 43x?x14 см была создана на естественном лёссовом возвышении.² Видимо, вдоль южной линии определенное время находилась линза воды, оставив иловые отложения. Их впоследствии перекрывает культурный горизонт, содержащий немного керамического материала VI-IV вв. до н.э. На втором этапе фортификационных работ, стену поднимают на 2 м и расширяют к югу, выравнивая уровень пола внутрестенной камеры сырцовым кирпичом. Она и была зафиксирована на ХLIX ярусе. Еще один этап перестроек и повышения уровня до ХLVII яруса отмечен нами.

2. Стена на лёссовом возвышении зафиксирована и под восточной крепостной стеной. См.: Б е л я е в а Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада. - История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с.41-48.

В третий строительный период проводится повышение уровня пола до ХLIV яруса; а в последующий этап - до ХLII яруса. Соответственно наращивались и стены. Хорошо сохранилась глиняная штукатурка на западной и северной гранях внутрисканной камеры.

В четвертый строительный период произвели закладку внутрисканной камеры. Видимо, это произошло в один из последних периодов строительных работ, который проводился в первых веках нашей эры. Гребень этой стены находится на ХХХУ ярусе. На его подправленной вершине создали основание стен, выведенных в раннее средневековье.

Таким образом, на данном этапе работ стратиграфический шурф доведен до материкового лёсса. Он прорезал 27-метровую толщу напластований 10 культурных горизонтов. Кратко повторим их, начиная снизу. Обозначим буквами ХА - Ходжентский арк, римскими цифрами - культурные горизонты (рис.2).

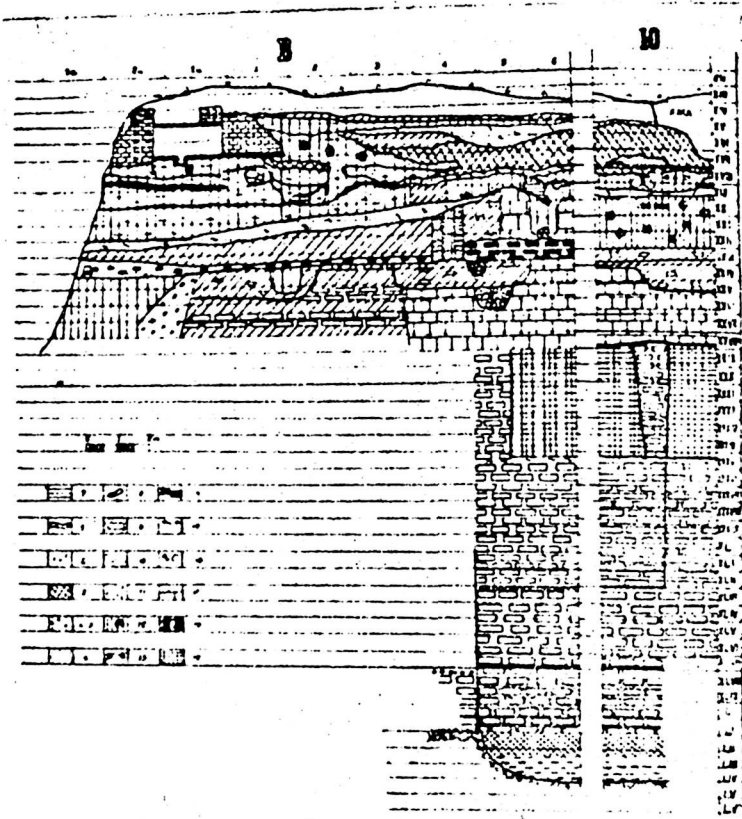


Рис.2. Стратиграфический шурф 29.

- ХА I - LI-X VIII ярусн; VI-IV вв. до н.э. Возводится самая первая стена из сырцового кирпича. Около нее накапливается культурный слой VI-IV вв. до н.э.
- ХА II - XLVII-XXXV яр.; III в. до н.э.-III в. н.э. Охватывает четыре строительных этапа возведения стен на протяжении античного периода.
- ХА III - XXXIV-XXIX яр.; IV-VIII вв. Охватывает три строительных этапа возведения стен на протяжении раннего средневековья.
- ХА IV - XXVII-XXV яр.; IX-X вв. Возведение стены из пахсовых блоков
- ХА V - XXV-XXIII яр.; X-XI вв. Возведение стены из пахсовых блоков в сочетании с сырцовыми кирпичами.
- ХА VI - XXIII-XIX яр.; XII-XIV вв. Возведение стены, культурные слои, следы пожара, предметы оборонн.
- ХА VII - XIX-XVII яр.; XV-XVI вв. Культурные слои.
- ХА VIII - XVII-XV яр.; XVII в. Культурные слои, но не связанные с функционированием Арка.
- ХА IX - XV-XIII яр.; XVIII в. Восстановление крепостных стен и дворцового комплекса Арка.
- ХА X - XII-I яр.; XIX-нач. XX вв. Функционирование Арка как бастиона.

Итак, раскопочные работы этого года дали результаты по двум направлениям. Позволили хоть и на небольших комплексах изучить три очень важных этапа в развитии керамического производства. На материале XIII-XV вв. хорошо ощутилось переплетение политических и экономических ситуаций эпохи с творческим формированием мастеров, достигших в XV в. наивысшего художественного подъема. Исследование шурфом 29-

двадцатисеми метровую толщю напластования 10 культурных горизонтов, охватывающих все периоды жизни, начиная с середины первого тысячелетия до н.э., предоставило ценный материал к исторической топографии формирования городской структуры. Арк Ходжента, таким образом, был ядром древнего, античного и средневекового города.

Полученные материалы стратиграфического шурфа 29, давшие конкретную картину культурных напластований и позволившие наметить впервые хронологическую таблицу Арка, при дальнейших обобщениях с привлечением материалов других шурфов на территории города и цитадели, несомненно, станет основой составления общей археологической стратиграфической таблицы Ходжента в целом с более полной характеристикой материальной культуры города на всех этапах его 2500-летней истории.

Р.З.Авзалов

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КАЛАИ КАХКАХА I В 1980 г.

Шахристанский отряд СТАКЭ наряду с другими памятниками производил раскопки в центральной и южной частях городища Калаи Кахкаха I на объектах У и УI.

На объекте У были вскрыты частично два помещения № 21 и 22 и продолжена расчистка восточной траншеи вдоль всего объекта по направлению север-юг.

Восточная траншея. В 1978 г. с целью полного оконтуривания квартала У в восточной его части, выходящей на так называемую "придворцовую площадь" была заложена траншея. Первоначальный размер траншеи был шириной в полтора метра.¹ Позже ширина была доведена до 3 м. Траншея расчищена на расстоянии около 33 м. На расстоянии 27 м у конца границы раскопанных помещений объекта У траншею повернули на запад длиной в 7,50 м и шириной 2,15 м. В пределах траншеи следов застроек не обнаружено. Возможно, подтверждается мысль, что восточнее объекта У построек не имеется и там находится "придворцовая площадь" (Н.Н.Негматов).

При расчистке траншеи на разных уровнях было обнаружено много фрагментов жженого кирпича, керамики, костей животных. Очень интересной оказалась раскопанная яма-камнехранилище. В самом начале траншеи под полом расчищенного участка и под восточной стеной помещения 7 на глубине 1,4 м от дневной поверхности была замечена огромная яма.

1. Авзалов Р.З. Раскопки на городище Калаи Кахкаха I в 1978 г. - АРТ, вып.ХУШ (1978 год). Душанбе: До-ниш, 1984.

При расчистке оказалось, что она заполнена разноразмерными камнями - всего 9 тысяч штук. Камней, которые можно бросать рукой (от 0,5 до 3,5 кг), оказалось 6,3 тысячи, более тяжелых - 2,7 тысяч штук. Заметим, что это количество вынута только из половины площади ямы. Таким образом, перед нами под тонким слоем обмазки пола оказалось огромное камнехранилище-арсенал. "Камнехранилище расположено недалеко от северных ворот. Очевидно, камни предназначались для обороны".² Это подтверждается и тем, что подобные хранилища обнаружены и в других объектах. Так, при раскопках дворца Калаи Кахкаха I вскрыто дворцовое помещение - "арсенал" наряду с другими предметами для защиты (специальными керамическими сосудами - средневековыми "гранатами"³) в помещении обнаружено камнехранилище. "В специальном помещении "арсенале" царь держал более 5000 шт. камней весом от четверти пуда до 2-3 пудов каждый и несметное количество величиной с кулак каменных ядер для камнеметных пращей, предназначенных для отражения штурмующего противника. Заметим, что дворец находился на гребне выступающей над Шахристансаем горы на высоте 50 м от ложа сая".⁴ Камнехранилище было зафиксировано также в замке Чильхудхра.⁵ Таким образом, подтверждаются данные письменных источников о том, что Бунджикат - столица Уструшаны был сдан предателями арабским отрядам без боев.⁶

2. Негматов Н.Н. О работах в Шахристане. - АО 1980 года. М.: Наука, 1981, с.477.

3. Самойлик П.Т. Об одной керамической форме УИ-УП вв.н.э. - Изв. АН ТаджССР, Отд. общ. наук, № 2 (80), 1975, с.25-28.

4. Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. - АРТ, вып.Х (1970 год). М.: Наука, 1973, с.98.

5. Пулатов У.П. Чильхудхра (Материальная культура Уструшаны. Вып.3). Душанбе: Донис, 1975, с.20, 170.

6. Негматов Н.Н. Уструшана в древности и средневековье. Сталинабад, 1957, с.138-139.

Только так можно объяснить причину сохранения до наших дней этого камнехранилища. Вероятно, помещение 7 первоначально исполняло функцию айвана и только позже была возведена восточная стена, оказавшаяся над камнехранилищем. Обнаружено единственное в своем роде каменное ядро, отшлифованное, напоминающее по размерам современное спортивное ядро. Оно в нескольких местах точечками отбито. Думается, что обнаруженный предмет - спортивное ядро.

Обнаруженные фрагменты керамических сосудов разновременные. С пола и нижних слоев траншей обнаруживается керамика УП-IX вв. Среди керамики верхнего слоя имеются фрагменты, которые относятся даже к XIX веку. С нижнего слоя происходят фрагменты венчика хума (рис.1. 1), три фрагмента от энахоевидного венчика кувшина (рис.2. 4), донца хумчи с симметрично вдавленными точками по придонцевой части (рис.2. 12).

Особо следует отметить горловину от узкогорлого сосуда. Сохранившаяся высота 10 см, диаметр устья 1,5 см и далее к туловищу резко расширяется, сначала образуя один валик в виде выступа. Сохранилась верхняя часть ручки, прилепленной почти к самому концу горловины. Ручка на верхней точке имеет налест высотой в 2 см, напоминающий головку животного (рис.2. 3).

Горловина такого же сосуда, более крупного. Сохранившаяся высота 12 см, диаметр устья 3 см, к туловищу резко расширяется. В изломе ясно видно, что горловина отдельно изготовлена на круге и приделана к тулову при помощи другой массы глины. Во внутренней части сохранились следы пальцев. Фрагмент орнаментирован коричневой краской: в верхней части отчетливо видны буквы арабской графики, которые из-за фрагментарности трудно прочесть. Ниже идет ряд пирамидообразного орнамента (рис.1. 14).

Интересен фрагмент придонной части сосуда баночной формы. Сохранившаяся высота 9 см, дно плоское, на высоте 4 см от дна имеется отверстие, сохранились следы налеста над отверстием (рис.2. 9).

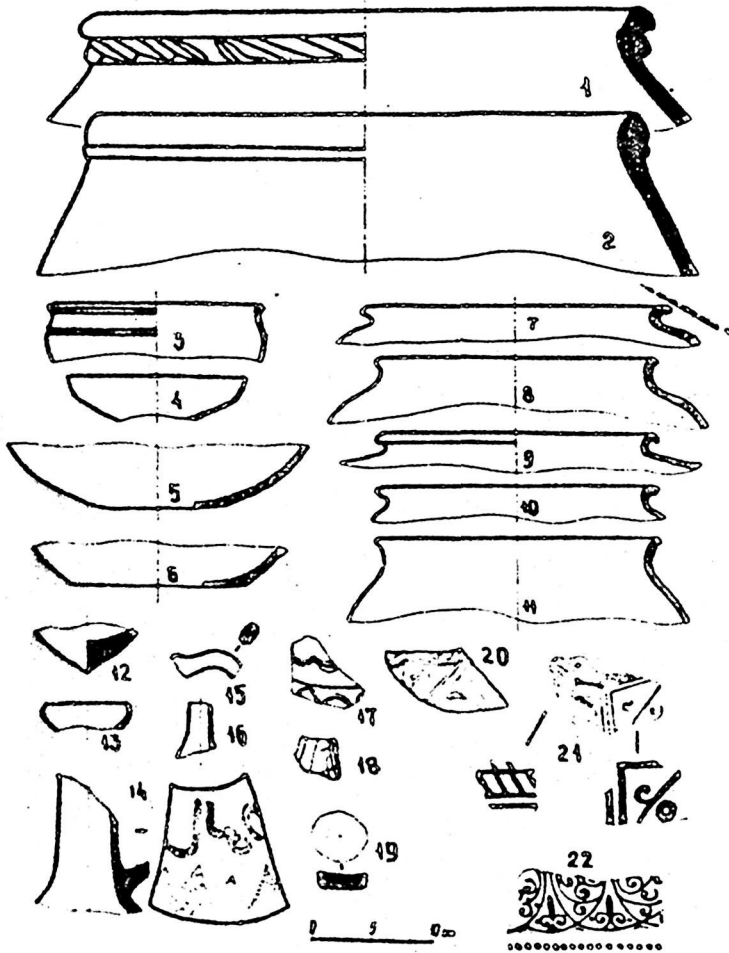


Рис. I. Керамика из объекта У-УІ: 1-2 - венчики хумов, 3 - венчик хумчи, 4-6 бортики тонкостенных чашек, 7-11 - венчики котлов, 12 - фрагмент сфероконического сосуда, 13 - бортик кося, 14 - горловина сосуда с подписью, 15 - слив, 17-18, 20 - фрагменты стенок сосудов с процарапанным орнаментом, 19 - заготовка пряслиц, 21-22 - фрагменты переносного очага.

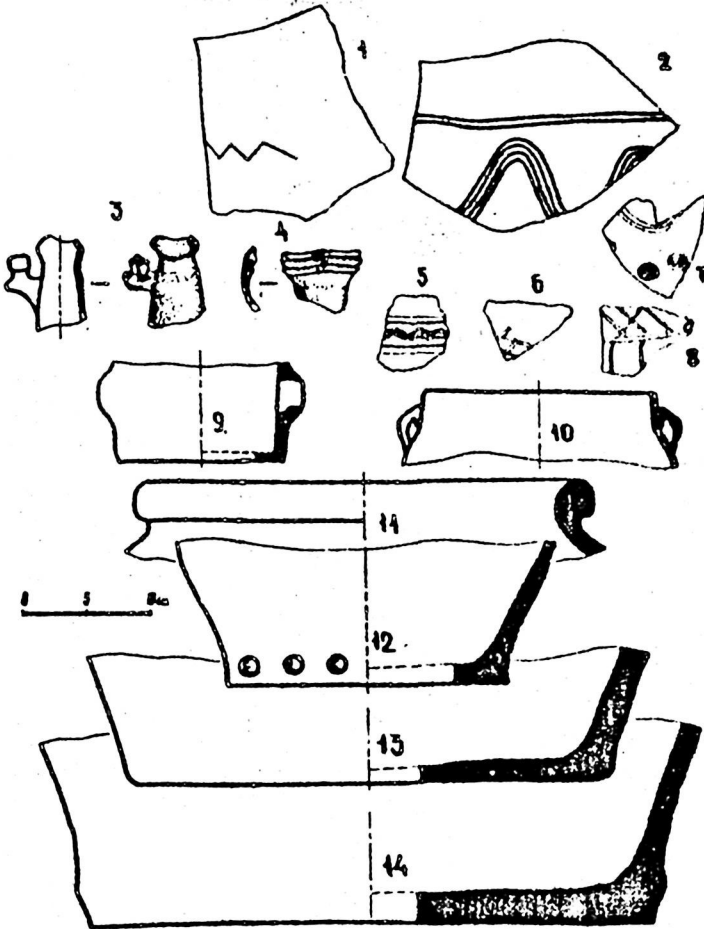


Рис.2. Керамика с объекта У: 1-2, 5-8 - фрагменты стенок сосудов с процарапанным орнаментом, 3 - горловина сосуда с налепом на ручке, 4 - фрагмент энахоевидного сосуда, 9 - баночнообразный сосуд, 10 - хумча, 11 - венчик хума, 12-14 довца хумчи и хумов.

Из обнаруженной керамики верхнего слоя следует отметить два фрагмента (один из красной, другой из серой глины) стенки сосудов, имеющие одинаковый двухлинейный процарапанный орнамент в виде X. Найдено несколько фрагментов поздней поливной керамики. Интересен фрагмент бортика тонкостенной поливной чашечки станковой работы, покрытый по-

верху зеленой поливой, с подтеками на обратной стороне. Внутри плоскодонной чашечки сохранилась надпись красивой арабской вязью. Из верхнего слоя происходит также фрагмент переносного очажка (рис. I. 2I).

Из южного угла траншеи обнаружен фрагмент стенки мустахары с отштампованным орнаментом. Сохранившаяся часть средней гладкой площадки обведена двумя неглубокими кругами, а ниже вдавлены штампы в виде спиральных кругов (рис. 2. 7).

помещение № 2I. Расположено на стыке помещений I3 и I7, ближе к центральной части объекта У. Помещение полностью не раскопано. Расчищена вся северная стена, частично западная и восточная. Оно в плане прямоугольное, вытянуто с севера на юг: размеры вскрытой части 4,24x8,25 м. Западная и восточная стены прослеживаются хорошо. Южная стена и проем в помещении еще не обнаружены. В раскопанной части помещения вдоль стен нет суф. Только в северо-восточном углу зафиксирован каменный настил. Расчищены четыре впускные ямы, которые прорезаны даже ниже пола. Завал помещения - чистый лёсс, без примесей. В ямах много золы, поздней керамики, костей животных. Над полом прослеживается горелый слой. В этом слое было обнаружено большое количество скорлупы куриных яиц.

В помещении № 2I обнаружено некоторое количество находок керамики, фигурных кирпичей, каменная подставка и т.д. Среди них в северо-восточном углу, над каменным настилом была вынута каменная подставка, обработанная, квадратной формы (размеры 18x18 см, высота сохранившейся части 12 см). Верхняя часть разбита.

В завале и над полом было найдено несколько фрагментов декоративных жженных кирпичей (рис. 3): I) трехзубый фигурный кирпич. Сохранилось два зубца, третий обломан. Длина зубцов: среднего 20 см, крайнего 13 см. Толщина кирпича 8 см (рис. 3. 2). Подобный кирпич на городище встречается впервые, хотя ранее были обнаружены фигурные кирпичи в ви-

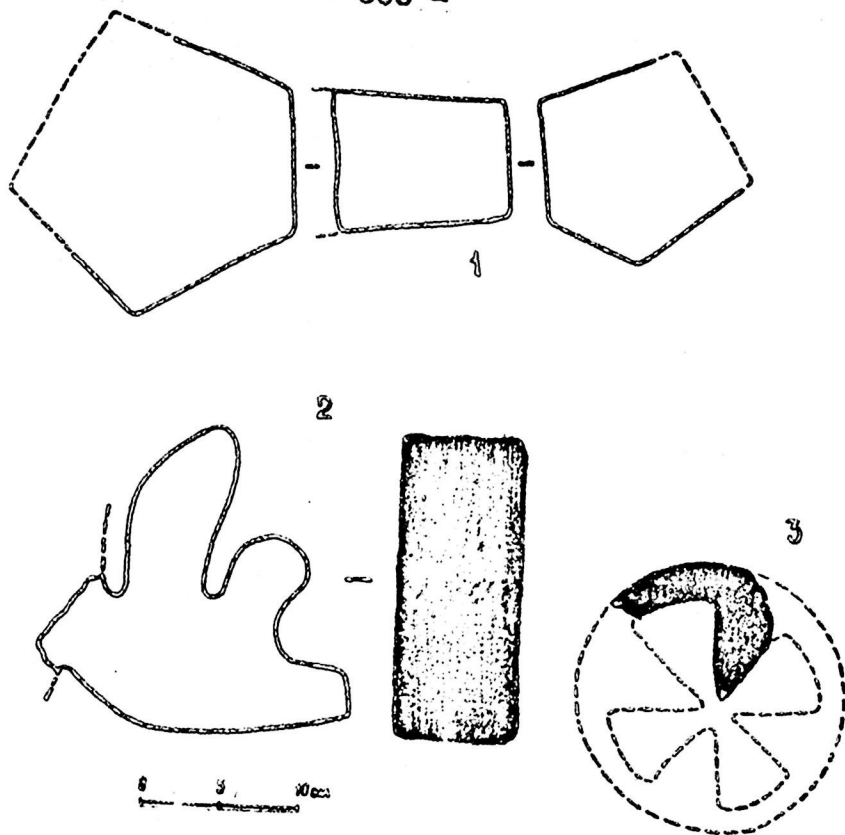


Рис.3. Декоративные жженые кирпичи с объектов У-УІ:
1 - пятигранный кирпич-подставка, 2 - трех-
зубый фигурный кирпич, 3 - крестообразный
кирпич.

де буквы У при раскопках дворца и объектов У и УІ. Безусловно, эти формы напоминают династийный знак уструшанских ассириков.⁷ 2) Фрагмент декоративного кирпича с крестообразным вырезом, примерный диаметр круга около 20 см, сохранившаяся высота 21 см. Как известно, такие кирпичи вставлялись в стены. 3) Фрагмент зуба фигурного кирпича.

7. Смирнова О.И. Первые монеты из Уструшаны (Предварительное сообщение на юбилейной сессии ИА АН СССР 21/IX-1969). - Эпиграфика Востока, № 20, 1971, с.61-62.

Он немного больше вышеописанного, вероятно, средний зубец (длина 21 см, толщина 9 см). Видимо, эти кирпичи изготовлены не в форме: оба фрагмента обнаружены в одном месте, но не подходят по форме друг другу, изгибы не равны, видны следы подреза.

Керамика в основном происходит с нижних слоев и над полом помещения. Это фрагменты хумов, хумчи, котлов. Хумы представлены двумя фрагментами донца (36 и 44 см в диаметре), двумя фрагментами венчика (диаметром 36 и 44 см). Все четыре фрагмента от разных сосудов. Хумчи представлены двумя стенками от разных сосудов. Первая - кирпичного обжига, по самой середине идет процарапанная полоса из трех линий, выше, ближе к плечикам, тем же инструментом придавлены глубокие полосы в виде змеи с большими изгибами. Второй фрагмент стенки покрыт белым ангобом, на нем процарапана линия, имитирующая змею. На керамике Уструшаны нередко встречается этот прием: атрибут змеи как оберег широко известен (рис.2. I).

В 8 м от помещения № 21 к востоку был заложен шурф (2х3 м), условно названный помещением № 22. Углубились до пола и обнаружили северную стену помещения. Помещение пока не околонуено полностью.

При расчистке завала и на полу помещения № 22 было обнаружено некоторое количество находок. Над полом были обнаружены венчики от котлов (5 экземпляров), диаметр их 22-23 см. В составе их глины большое количество шамота. Все фрагменты различаются изгибами венчиков (рис. I. 7-II). Обнаружены придонная часть хурмачи (диаметр донца 14 см) и венчик хурмачи из серой глины (диаметр 18 см). Из среднего слоя происходят два фрагмента стенок мелких сосудов. На красноангобированном фрагменте стенки по двум сторонам процарапанной линией специальным инструментом вырезаны красивые волнообразные линии. На другом фрагменте нанесен сложный орнамент в виде ровных многолинейных полос, образующих треугольники, заполненные, в свою очередь, такими

же линейными полосами (рис. I. 20). Обнаружено также несколько фрагментов поливной керамики, симобдон из серой глины.

Особый интерес вызывает обнаруженный здесь жженный пятигранный кирпич (рис. 3. I). Все грани разной длины. Кирпич в плане напоминает пятиконечную звезду. Сохранившаяся высота достигает 17 см. О его назначении говорить трудно, так как найден в единственном экземпляре. По всей вероятности, он мог служить подставкой. Дно кирпича неровное, неаккуратно подправлено.

На объекте У, в восточной траншее был найдена одна монета, покрытая патиной и стертая, по фактуре похожа на караханидскую. Она использована под подвеску и имеет отверстие для нанизывания.

Таким образом, раскопками на объекте У выяснены несколько вопросов: во-первых, полностью стало ясно, что восточнее описываемого объекта килых построек не имеется, во-вторых, в центральной части объекта по направлению к югу располагается еще ряд помещений и, в-третьих, обнаруженный не использованный каменный арсенал подтвердил мысль о захвате города арабами без военных действий.

Объект У I. Здесь было вскрыто одно помещение № 22, вытянутое по направлению запад-восток. На всю более 1,5-метровую глубину помещение было забито нанесенным слоем гравия и мелких камней. В плане оно прямоугольное, размером 4,7x7 м. Северная стена пока не обнаружена. В западной части помещение соединяется с ранее раскопанным помещением № 21.



При расчистке помещения было обнаружено очень мало находок. На полу найдено два фрагмента тонкостенной чашечки, среди гравийного олоя завала фигурный кирпич и монета.

Керамика с пола: I) бортик тонкостенной мисочки, диаметр 15 см, высота 4 см, толщина венчика 0,2 см, дна 0,15 см. Она изготовлена на гончарном круге из хорошо от-

мученой глины, обжиг хороший. Поверху покрыта красным ангобом. Переход бортика к стенке резкий. Подобные миски обнаружены в большом количестве в рядом стоящих секциях. Они также хорошо известны в Пенджикенте. Исследователями Пенджикента они датированы УП-УШ вв.⁸ Но некоторые из подобных мисок могут быть датированы и более ранним периодом (УІ в.).

2) Фрагмент стенки и придонной части чаши, по обеим сторонам покрыта ангобом вишневого цвета. Чаша также датируется УП-УШ вв., возможно УІ веком.⁹ В целом керамика, обнаруженная на полу помещения № 22, аналогична керамике с других объектов городища.

В нижнем слое завала над полом был обнаружен фрагмент фигурного кирпича круглой формы с крестообразным вырезом на лицевой стороне. Диаметр 17,5 см, высота 12 см (рис.3.3). Подобные декоративные кирпичи обнаружены почти на всех объектах городища.¹⁰ Данный экземпляр можно считать миниатюрным по сравнению с ранее обнаруженными.

Уникальной находкой сезона явилась обнаруженная на полу помещения № 22 медная монета (рис.4) отличной сохранности. Диаметр 2,2 см, вес 3,7 г. Лицевая сторона монеты в середине имеет отверстие в виде квадрата (размером 7x7 мм). По сторонам от отверстия два знака: слева , а справа . На обратной стороне по кругу надпись на согдийском языке. Аналогичные монеты обнаружены во многих памятниках Средней Азии: на городище Древне-

8. М а р ш а к Б.И. Керамика нижнего слоя Пенджикента. - Изв. Стд. общ. наук АИ Таджикской ССР, вып.14. Сталинабад, 1957, с.93.

9. М а р ш а к Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику УП-УШ вв. - Тр. Гос. Эрмитажа. Т.5. Л., 1961, с.178.

10. С е р г и н В.Я. Раскопки на городище Калаи Кахкаха I. - Сообщ. Гос. республи. объединенного музея историко-краеведческого и изобразительного искусства. Вып.4. Душанбе, 1966.

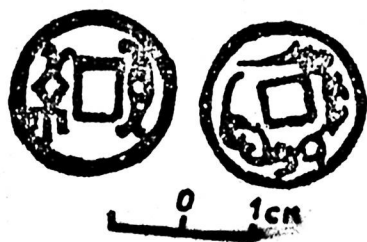


Рис. 4. Медная монета.

го Пенджикента, Афрасиабе, других памятниках. Но подобная монета обнаружена на территории Уструшаны, видимо, впервые. Монеты подобного рода О.И.Смирнова назвала: "согдийские монеты китайского подражания". Надпись оказалась согдийской с легендой *tzywn MLK'* "господина Тархун". В составленном ею каталоге монета на рис.19 аналогична нашей и определена как монета ишхида Согда Тархуна, правившего в 700-710 году.¹¹ Аналогичная нашей монета хранится в Нумизматическом собрании Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР под № 59/1. Она опубликована в каталоге, составленном Б.И.Вайнберг в разделе "Монеты нехорезмийского чекана, найденные в Хорезме", под № III.¹² Как известно, ареал распространения согдийских монет очень широк, но наиболее интенсивно торговля шла с соседними областями Чач, Уструшана, Фергана, Семиречье, Хорезм. Об этом свидетельствует обнаружение большого количества мо-

11. С м и р н о в а О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949-1956 гг.). М.: Наука, 1963, с.72.

12. В а й н б е р г Б.И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1977, с.184.

нет из этих областей, в том числе из Уструшаны, на территории Пенджикента и Самарканда.¹³

Отметим также случайные находки, принесенные местными жителями. На площади Майдона Сая у подножия Калаи Кахкаха I автором был обнаружен фрагмент стенки переносного очажка. Он отштампован в матрице. На фрагменте четкие геометрические (в виде полукругов) и растительные (в виде имитации цветов) рисунки. Край фрагмента обрамлен точечками (рис. I. 22).

Местным жителем Мамуровым Узбеком были принесены две бусы и одна медная монета. Монета происходит с территории Калаи Кахкаха III, средней сохранности, видимо, караханидская.

Буса из обожженной глины в виде шестигранного купола, покрыта бледно-зеленым поливом, а глубины граней - темно-зеленой поливой. Другая буса изготовлена из черной пасты и орнаментирована четырьмя синими и бледно-синими линиями в виде волны.

13. Р а с п о п о в а В.И. Археологические данные о согдийской торговле. - Краткие тез. докл. к симп. Теоретического семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 22-24 марта 1972 г. "Обмен и торговля в древнем обществе". Л., 1972, с.26-29.

О.В. Панфилов

НОВАЯ ГРУППА ПЕТРОГЛИФОВ В ПАНГАЗЕ

13-14 августа 1980 г. во время полевой работы СТАКЭ была зафиксирована небольшая группа петроглифов, находящаяся на территории сельсовета Пангаз Аштского района Ленинадской области.¹

Расположенный в срединной части широкого ущелья Пангазсая Пангаз уже привлекал внимание археологов,² но наскальные изображения отмечены не были. Территориально новая группа близка к известным петроглифам Шайдана³ и Даханы.⁴

Фиксация проводилась перенесением рисунков на кальку и фотографированием. Рисунки выбиты на трех северных вертикальных плоскостях 2 скал, сложенных из гранита, правого берега Пангазсая, напротив жилых зданий участка Суджа. У основания скал проходит тропа. Четыре рисунка находятся на высоте II-12 м от тропы.

1. П а н ф и л о в О.В. Петроглифы "Хари Даччол". - Тез. докл. Респуб. конф. мол. ученых и специалистов, посвященной 30-летию образования АН Таджикской ССР. Душанбе, 1982, с.41.
2. А г з а м х о д ж а е в Т.Р. Археологическая разведка в селении Пангаз. - ИМКУ, вып.6. Ташкент: Фан, 1965.
3. Р а н о в В.А. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. - Труды ИИАЭ ТаджССР, т. XXIX, вып.2. Сталинабад, 1960.
4. Р а н о в В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г. - АРЧ, вып. XII (1972 г.). Душанбе: Дониш, 1976, с.5; Петроглифы Даханы зафиксированы нами в августе 1978 г.



Рис. I . Петроглифы Пангаза

Рис. I. Антропоморфная фигура (размеры: высота - 31 см, ширина 36 см) с выраженным признаком мужского пола. Части тела показаны прямыми линиями. Вверху туловища две небольшие параллельные линии пересекаются с линией тела. Руки раскинуты в стороны, гипертрофированные пальцы

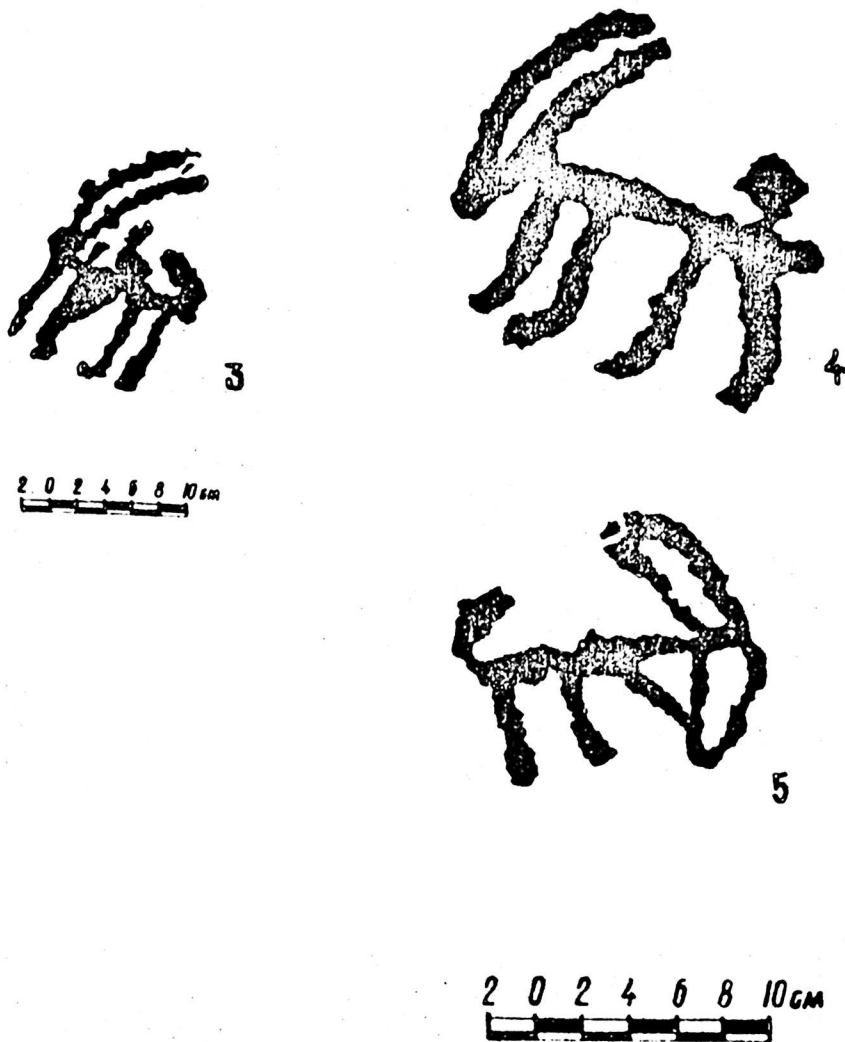


Рис.2. Петроглифы Пангаза.

широко расставлены. Ноги в виде развилки, подчеркнуты развернутые в противоположные стороны ступни. Изображение крупного фаллоса выходит за нижние границы фигуры.

Рис. 2. Слева, рядом с "человеком" изображение изогнутой сабли (35x13 см), на которой хорошо показано прямое перекрестие и загнутый конец рукояти.

Рис.2. 3,4,5. Три рисунка горных козлов, изображенные одинаково, в свойственной для данной группы линей-

ностью, выбиты прямыми линиями различной ширины от 0,5 до 1,8 см. Фигуры козлов имеют по четыре ноги и два слегка изогнутых рога, обозначены поднятые вверх хвосты. Один козел (5) отличается от остальных необычной передачей изображения рогов, соединенных концами, и морды образующейся линиями передней ноги и линией, выбитой дополнительно. Первые два изображения (15x16, 19x12) повернуты влево, третий (11x13) - вправо.

На той же плоскости скалы в 2 м ниже выбиты еще 4 изображения.

Рис. 3, 6, 7. Рисунки горных козлов (18x14, 12x12), ориентированные в противоположные стороны, по стилю изображения аналогичны описанным выше.

Две антропоморфные фигуры (8, 9) в общих чертах похожи на фигуры на рис. I. Однако на фигуре козла (8) (22x17) не показаны пальцы, на рисунке 9 (30x18) не исполнены два пальца на левой руке, левая нога и фаллос.

На рисунках 10, 11 неясны переплетения линий (20x13, 40x24).

В небольшой впадине второй скалы зафиксированы два изображения.

Схематичная фигура горного козла на рисунке 12 ориентирована влево (13x15).

Надпись (13) выполнена арабской графикой и читается как 1294 г.х. Под датой надпись "сана" (9x17).⁵ Надпись выбита в полуметре ниже от рисунка 12.

На третьей плоскости отмечено лишь одно изображение.

Рис. 3, 14. Рисунок животного по экстерьеру напоминает горную туркестанскую лисицу (*Vulpes vulpes ferganensis* Ognev). Изображенные рисунки козлов относятся к виду *Sariga sibirica* Pallas - сибирский горный, или каменный козел.⁶

5. Дата и надпись прочитаны А. Мухтаровым.

6. Зоологические определения животных даны Г. Н. Сапожниковым.

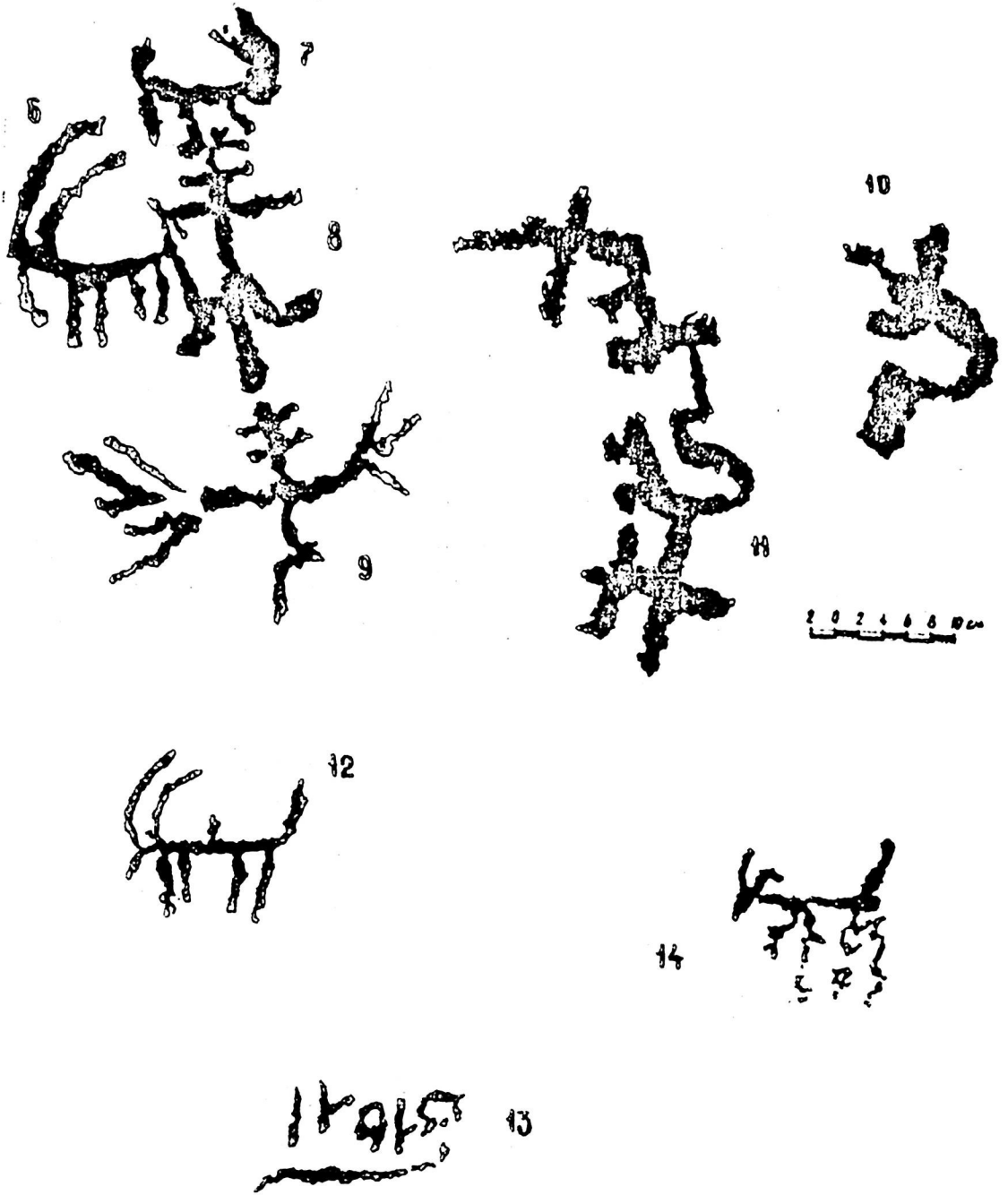


Рис. 3. Петроглифы Пангаза.

В целом все изображения хорошо сохранились. Выбитые на северных плоскостях скал они слабо подвержены скально-му загару. Фигуры, особенно крупные антропоморфные, про-сматриваются со 120-200 м. Однако замечены и различия в интенсивности патины - в данной группе отличается от дру-гих рисунков надпись. Она почти белого цвета.

По характеру спайки кристаллов гранита и конфигура-ции краев точек выбивки можно говорить (в известной доле предположения) о металлическом орудии исполнения петрог-лифов.

Разбросанные по плоскостям скальных выходов рисунки не связаны между собой композиционно. Животные, хотя и несколько отличаются друг от друга деталями и формой те-ла, а также орнаментацией, в этой группе не несут особой информации. Уникален редко встречаемый в наскальном ис-кусстве сюжет - лисица. Схематичность, сухость исполне-ния - признаки недавней выбивки фигурок козлов. Аналогич-ные им изображения встречаются во многих районах Средней и Центральной Азии и датируются исследователями эпохой средневековья.⁷ Подобные рисунки выбиваются и в наше время.

Большую смысловую нагрузку несут изображения антро-поморфных фигур.

Одновременно с фиксацией петроглифов нами проводился опрос местного населения.⁸ Получена, на наш взгляд, важ-ная информация о поверье, бытующем у населения Пангаза и

7. См., например: Б е р н ш т а м А.Н. Наскальные изо-бражения Саймалыташ. СЭ, 1952, № 2; П о д о л ь - с к и й Н.Л. О классификации наскальных изображений Саймалыташ Ферганского хребта. - Докл. восточной ко-миссии Географического общества СССР, вып.3. Л., 1966.

8. Основными информаторами были Ахмедов Нуриддин (1898 г. рожд.), Кодыров Хотамкул (1926 г. рожд.).

связанном, по словам информаторов, непосредственно с наскальными изображениями описываемой группы, и главным образом с центральной фигурой - изображением человека с саблей. В этом рисунке информаторы видят широко распространенный в мусульманском мире образ мифологического существа Хари Дацзол. Факт, несомненно, интересный в плане дальнейшего изучения и интерпретации пангазских петроглифов.

В этнографической литературе образ Хари Дацзол распространен на обширной территории, где население исповедует ислам. Легенды о Хари Дацзол известны также специалистам, занимающимся этнографией таджиков. Существенной деталью является то, что Хари Дацзол в той или иной мере связан с похоронами.

Отмеченные в различных районах названия этого демона имеют общий корень: Хари Чаддол (Пангаз), Хари Жаддол (Самаркандская область),⁹ Хари Чалод (Кулябская область),¹⁰ Хари Дацзол (Гиссарский район),¹¹ Харттеджал (туркмены - сарыки),¹² "...антихрист Деджал, едущий на осле..." (иранские курды).¹³

По сообщению О.Муродова, Хари Дацзол является одним из грозных демонических существ.¹⁴

"...По легенде, когда наступит конец света..., по земле будет проходить Харттеджал (великий кафир, враг религии ислама). Играя на музыкальном инструменте он будет

9. Устное сообщение С.Баратова, февр., 1981 г.

10. Устное сообщение Н.Бабаевой, март, 1981 г.

11. Устное сообщение А.Мардоновой, март, 1981 г.

12. О в е з б е р д н е в К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. - Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т.6, сер. этнографическая. Ашхабад: изд. АН ТуркмССР, 1962, с.168.

13. Н и к и т и н В. Курды. М.: Прогресс, 1964, с.359.

14. Устное сообщение, ноябрь, 1980 г.

привлекать к себе внимание и всех, кто присоединится к нему, поведут в ад..."¹⁵

В общих чертах описание Харттечджал туркменами-сарыками совпадает с поверьями, записанными в Пангазе и Самарканде.

Если схематичные изображения козлов в пангазской группе датируются средневековьем (не исключено, что они могли быть выбиты и в более поздний период), то рисунки антропоморфных фигур требуют более тщательной подборки аналогий.

Подобные рисунки отмечены в Сибири,¹⁶ Горном Алтае,¹⁷ Монголии.¹⁸ Имеется и отдаленная аналогия - антропоморфная фигура с характерной деталью - раскрытыми пальцами, так называемый "бес" на берегу Онежского озера в Карелии.¹⁹

Эти петроглифы датируются исследователями в основном эпохами бронзы и железа.

Однако схожесть приведенных аналогий с пангазскими фигурами лишь в общем скжете с одинаковыми деталями, стилистически же они отличаются: линейность, упрощенность пангазских рисунков больше напоминает схематичные изобра-

15. О в е з б е р д н е в К. Указ. раб., с.167-168.

16. О к л а д н и к о в А.П. Петроглифы Ангары. М.;Л.: Наука, 1966, с.173, табл.29(1); е г о ж е. Петроглифы Верхней Лени. Л.: Наука, 1977, с.142, табл.21(5).

17. Д э в л е т М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976, с.68, табл.25; Петроглифы долины реки Елангаш (юг горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979, с.82, табл.41(4).

18. О к л а д н и к о в А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбш). Л.: Наука, 1980, с.250, табл.150(13); е г о ж е. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981, с.175, табл.91(5).

19. С т о л я р А.Д. О генетической природе "беса" онежских петроглифов Карелии. - В кн.: Проблемы археологии. Вып.2. Изд. Ленингр. ун-та, 1978, с.209-221.

жения козлов. Вероятно, изображение воина позднее, выполненное одновременно с козлами.

Одна из интереснейших деталей петроглифов Пангаза - сабля.

Оружие нередко встречается в памятниках наскального искусства, в основном это различных размеров и форм луки, копья, в позднесредневековых петроглифах - ружье.

Если лук как оружие применялся в боевых сражениях, так и на охоте, то сабля являлась непосредственно атрибутом воина, причем воина-всадника.

В таком случае целесообразно проследить применение сабли в Средней Азии и в ближайших к ней областях.

Науке известны находки, обнаруженные в могильниках Западной Ферганы (первая пол. I тыс. н.э.),²⁰ в замке Кум долины Верхнего Зеравшана (УП-УШ вв.н.э.),²¹ в раннесогдийском замке Аултапа бассейна Кашкадарьи (У в.н.э.).²² Это небольшие ножи с искривленным лезвием. Однако о крупных клинках, способных применяться как боевое оружие, сведений нет.

А.Джалилов²³ и К.Г.Рудо,²⁴ рассматривающие в своих работах основные виды вооружения согдийских воинов, выделяют в категории крупного холодного оружия только прямой меч. Подобный по форме меч был на вооружении и у арабов в период захвата Средней Азии.²⁵

20. Л и т в и н с к и й Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Главн.ред.вост. лит-ры, 1978, табл. I (21-26).

21. Я к у б о в Ю. Паргар в УП-УШ веках нашей эры. Душанбе: Дониш, 1979, рис. II.

22. К а б а н о в С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-IV вв. Ташкент: Фан, 1981, рис. 36(4-5).

23. Д ж а л и л о в А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине УШ в. - Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. 30, Сталинабад, 1961, с. 101.

24. Р у д о К.Г. К вопросу о вооружении Согда УП-УШ вв. Сообщ. Респ. истор.-краев. музея ТаджССР, вып. I. Сталинабад, 1952, с. 67-68.

25. Д ж а л и л о в А. Указ. раб., с. 109.

Близкими известными нам центрами применения сабли в древности были районы современной Тувы и прилегающих районов Горного Алтая, Восточного Казахстана.

Многочисленные находки в могильниках тюркского времени,²⁶ изображения сабель на изваяниях Тувы и Прииртышья²⁷ исследовательская работа по оружию енисейских кыргызов²⁸ выделяют саблю почти прямого лезвия, с различными формами перекрестия. Некоторые сабли слегка изогнуты у конца лезвия, но в общем это оружие еще более простой формы, близкой к форме меча.

Таким образом, примером для сравнения с пангазской саблей может быть монгольская сабля.

О том, что монголотаатары, напавшие на Русь, были вооружены "кривыми" саблями подтверждают исследования Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского,²⁹ А.Н.Кирпичникова,³⁰ С.М.Соловьева.³¹ Более того, монголы во многом повлияли, хотя саблевидное оружие знали в Восточной Европе и раньше, с IX-X вв.,³²

-
26. К н з л а с о в Л.Р. История Тувы в средние века. Изд. Моск. ун-та, 1969, с.21; А р с л а н о в а Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. - В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969, с.52.
27. Г р а ч А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд. вост. лит-ры, 1961, с.63, табл.1; Ч а р и к о в А.А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья. - В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980, с.130-140.
28. Х у д я к о в Ю.С. Основные понятия оружеведения (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв. н.э.). - В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979, с.185, табл.1(3).
29. Г р е к о в В.Д., Я к у б о в с к и й А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.;Л.: Изд. АН СССР, 1950, с.149, рис.14.
30. К и р п и ч н и к о в А.Н. Куликовская битва. Л.: Наука, 1980, с.74; е г о ж е. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976, с.26, рис.5(4).
31. С о л о в ь е в С.М. История России с древнейших времен. Кн.2 (т.3-4). М.: Соцэкгиз, 1960, с.148.
32. К и р п и ч н и к о в А.Н. Древнерусское оружие. Вып.1. Археология СССР. САИ, вып.Е1-36. М.;Л.: Наука, 1966, с.66.

на распространение сабель в Руси.³³ В самой Монголии обломки сабель были найдены при раскопках древнемонгольской столицы Кара-Корум (XIII-XIV вв.).³⁴

В начале XIII в. полчища монголо-татар вторглись в Среднюю Азию. Легенда о происхождении названия селения Пангаз, записанная нами, повествует о том, что "... когда монголы захватили Ходжент, они двинулись вверх по Сырдарье. На защиту своего селения встали пятьсот воинов (панч сад фози). Они погибли, но спасли родные места от разрушений и разбоя. В их честь селение называли Пангаз..."

В этом случае наскальные изображения играют роль иллюстрации событий, происшедших непосредственно в Пангазском ущелье. Древние фаллические рисунки были полны магического смысла, здесь же человек с фаллосом является образом злого существа, олицетворяющего грозного захватчика. Дополнив изображение человека рисунком сабли, тем самым закончив "портрет" врага, жители называли петроглифы Хари Даччол (антихристом,³⁵ кафиром). Возможно, что примером для изображения такой фаллической фигуры послужили петроглифы Даханы, находящиеся недалеко от пангазской группы.

Ясно, что решающим фактором для определения времени исполнения пангазских рисунков стала сабля. Следует дополнить, что оружие Средней Азии также, вероятно, претерпевает изменения в форме под влиянием монголов.

Удобные в бою искривленные клинки и ножи изготавливались вплоть до XIX в.: серединой XVIII в. датируется сабля,

33. К и р п и ч н и к о в А.Н. Военное дело..., с.26.

34. К и с е л е в С.В., М е р п е р т Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. - В кн.: Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965, с.204.

35. Таджикско-русский словарь. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1954, с.125.

выставленная в экспозиции Республиканского историко-краеведческого изобразительных искусств музея им. К.Бехзода Таджикской ССР под № РМИ 153; крупный нож работы хивинских мастеров конца XIX в. показан в Музее истории народов Узбекистана им. Айбека³⁶; изображение сабли в наскальных рисунках у горы Айракты в Западном Казахстане, датируемое автором исследования XIII-XIX вв.³⁷

На примере пангазской группы мы видим, что средневековые петроглифы глубоко документальны. Народные рисунки на скалах в ущелье Пангаз - яркий пример переплетения древнего наскального искусства с устным творчеством, донесшее до нашего времени конкретный исторический этап из жизни населения Кураминского хребта, Западной Ферганы.

Исследование наскальных изображений Северного Таджикистана с каждым годом приносит все новые и новые интересные сюжеты, помогающие восстановить реальную историю горного края. Как бы настороженно не относиться к возможностям определения возраста петроглифов, отдельные реалии, как нами показано в данной работе - сабля, - позволяют очерчивать, хотя и широкие, но достаточно определенные возрастные рамки. Совокупность же реалий может определить и характер самих петроглифов (помимо, конечно, стиля), что уже создает определенную базу для выделения временных или этнических пластов, а отсюда прямой выход на исторические параллели, как это мы и пытались показать в настоящей статье.

36. Сокровищница истории Узбекистана. Ташкент: Узбекистан, 1970, вклейка между с.56-57.

37. М е д о е в А.Г. Наскальные изображения у горы Айракты на полуострове Мангышлак. - В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969, с.147, рис.1.

Добавим еще, что исследованию характера сабель как боевого оружия уделялось, по крайней мере в Средней Азии, явно недостаточное внимание. Несмотря на то что аналогия к реальным типам этого вооружения при использовании петроглифов провести довольно трудно из-за крайнего примитивизма изображений, нам кажется, что типологию этого оружия на временных отрезках петроглифического искусства построить можно.

Такую задачу, вероятно, предварительно можно решить, используя первоначально петроглифы Кураминского хребта, затем подключая к ним изображения Ферганской долины, регионов внутреннего Тянь-Шаня, а затем переходя к более широким аналогиям к известным изображениям этого оружия в Казахстане и Южной Сибири.

Н.А.Ахмадеев

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОСЕДЛОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КОЧЕВОЕ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

В постановлении ЦК КПСС "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы" говорится: "Воспитывать у всех советских людей чувство гордости за социалистическое Отечество, нерушимой братской дружбы народов СССР, уважение к национальному достоинству и национальной культуре, непримиримость к любым проявлениям национализма. Способствовать дальнейшему укреплению единства и сплоченности великого советского народа".¹

Уже в отдаленные времена народы СССР связывали теоретические узлы дружбы и сотрудничества, что в полной мере относится и к народам среднеазиатских республик, а также к народам, населяющим территорию Северного Таджикистана.

Исследование истории этих народов помогает выявить истоки взаимных контактов и влияния одного народа на другой.

Все сказанное выше относится и к изучению хозяйственной деятельности населения Северного Таджикистана, особенно к исследованию влияния оседлого земледельческого населения на население, ведущее кочевой образ жизни.

Хозяйственная деятельность населения Средней Азии чрезвычайно разнообразна и во многом определена природными особенностями климатических зон. Чем дальше отстоит та или

1. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М.: Политиздат, 1979, с.7.

иная эпоха от наших дней, тем эта зависимость выражена более четко. В настоящее время для Средней Азии второй половины XIX - начала XX в. выделяются три исторически сложившихся ведущих хозяйственно-культурных типа.

I. Оседлые земледельцы. Основу их хозяйства составляет плужное земледелие, базирующееся на искусственном, поливном орошении.

II. Кочевые скотоводы. Источником их существования является скот, содержащийся почти круглый год на пастбищах.

III. Комплексное хозяйство, сочетающее в себе одновременно неорошаемое или богарное земледелие с подвижным, в основном отгонным скотоводством.

Важно отметить, что на протяжении многих столетий истории Средней Азии взаимодействие групп населения, ведущих оседлое земледельческое хозяйство, с одной стороны, и кочевое скотоводство - с другой, являлось основой не только хозяйственной, но и всей социальной жизни населения.

Взаимоотношения между кочевыми и оседлыми группами населения отнюдь не сводились к грабегам, набегам и войнам. По словам А.Ю.Якубовского: "Всюду, где в феодальную эпоху по соседству жили земледельческие и скотоводческие общества, военные набег за добычей сменялись мирным торговым общением."² Больше того, мирные хозяйственные связи лежали в основе всех взаимоотношений между ними.

В.В.Бартольд отмечал: "Для культурных областей Средней Азии (куда мы несомненно относим и Северный Таджикистан - Н.А.) торговля с кочевниками-тюрками всегда имела большое экономическое значение. Для кочевников эти торговые отношения были еще более необходимы, чем для культурного населения: кочевникам было еще труднее обходиться

2. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950, с.28.

без произведений культурной промышленности, снабжавшей их одеждой, чем культурному населению без продуктов степного скотоводства; от того кочевники, как и везде, сами пригоняли свой стада для сбыта этих продуктов к границам культурных областей, не дожидаясь, чтобы купцы этих областей приехали в степь для закупки скота, мяса, шерсти и т.п. Но и культурное население извлекало из торговли с кочевниками большие выгоды"³

Эти хозяйственные связи для скотоводов играли большую роль потому, что их хозяйство имело более односторонний характер, чем хозяйство оседлых земледельцев. На всех этапах истории кочевники-скотоводы нуждались в продукции ремесла и земледелия, так как по самому характеру своего хозяйства они не могли сами обеспечить производство этой продукции в достаточном количестве. Именно поэтому кочевники особенно ценили регулярные торговые отношения с соседними оседло-земледельческими районами и зачастую сами выступали в активной роли инициаторов этой связи.

Большинство тюркоязычных групп в момент переселения на территорию Северного Таджикистана (независимо от времени прихода) вело кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевники с неодинаковой степенью интенсивности переходили к оседлости, что обусловило существование как "старых", так и "новых" скотоводческих и земледельческих (оседлых и полuosедлых) тюркоязычных групп населения.

Первые переселенцы, по мере оседания, стали заниматься орошаемым земледелием на равнине или отгонным скотоводством в сочетании с богарным земледелием в предгорьях. Последние переселенцы - юзы - пришли на территорию Северного Таджикистана уже с некоторыми навыками земледелия.

В процессе оседания произошли существенные изменения не только в хозяйстве, но и в социальной структуре скотоводов. Занятие земледелием потребовало изменений в системе скотоводства. В предгорьях кочевое скотоводство стало

3. Б а р т о л ь д В.В. История культурной жизни Туркестана. Соч., т.2, ч.1. М., 1963, с.239.

постепенно заменяться отгонным. Те же тюркоязычные группы, что осели на равнине, не имея пастбищ для выпаса скота, стали заниматься исключительно поливным земледелием, быстро смешиваясь с окружающим населением.

Но самое главное, на наш взгляд, заключается в том, что кочевники, вступая во взаимоотношения с населением земледельческих оазисов и расселяясь вокруг них, постепенно стали перенимать навыки земледелия и оседать на землю. И теперь наряду со своими соплеменниками они постоянно общаются с огромным количеством людей, постепенно утрачивая представление о своей племенной принадлежности. Кочевники-скотоводы заимствуют не только навыки земледелия, обычая, но и всю терминологию, связанную с земледелием, добавляя, конечно, кое-что свое. Это видно из того, что среди земледельческих терминов и обычаев, бытовавших среди тюркоязычного населения Северного Таджикистана подавляющее большинство (около 90%) таджикских и только незначительная часть тюркских. В связи с этим в конце XIX — начале XX вв. практически невозможно, за исключением языка, среди оседлого земледельческого населения, занимающегося поливным земледелием, провести "границу" между тюркоязычным и таджикоязычным населением по хозяйственной деятельности.

Все тюркоязычное население Северного Таджикистана конца XIX — начала XX вв. можно разделить на две большие группы: оседлое и полукочевое. Последние расселены главным образом в предгорьях и в горах, где кроме скотоводства занимаются еще и богарным земледелием. У полукочевников зимовки, с находящимися при них запашками, всегда постоянные, а летом часть жителей кишлаков выходят из года в год на одни и те же горные и степные пастбища.

О степени развития земледелия в Северном Таджикистане в 40-х годах XIX в. свидетельствуют размеры налогов, выплачиваемых населением этого края Коканду. Они составля-

ли 600 000 чареков разного хлеба,⁴ 4500 тилей пошля и 1500 тилей⁵ налога на землю, что составляло 28 125 пудов хлеба и 24 00 царских рублей.⁶

х х

х

Важнейшую роль для земледелия в Средней Азии имеет вода.⁷ Карл Марко указывал, что "условия климата и почвы... сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия".⁸

Тесная связь землепользования с водопользованием, возможность использовать землю лишь при условии получения воды, борьба за нее, наличие оросительных систем — все это в совокупности создало сложный комплекс взаимоотношений, наложило своеобразный отпечаток на аграрные отношения не только в Средней Азии, но и в Северном Таджикистане. Вопрос о земле всецело сводился к вопросу о воде: дехканям мог использовать лишь то количество земли, на которую он получал воду. Искусственное орошение создает особую связанность лиц, совместно пользующихся общим водным источником.

В Северном Таджикистане, как и во всей Средней Азии, вода, в отличие от земли, которая находилась в частном пользовании, считалась собственностью государства, кото-

4. 1 чарек = 7,7 пуда. См.: Х и н ц В. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с.44.

5. 1 тилля = 4 царским рублям.

6. "Туркестанский сборник", т.374. СПб., 1883, с.247.

7. О водопользовании см.: Д и н г е л ь ш т е д т Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Ч. I-II. СПб., 1898.

8. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т.9, с.347.

рое и устанавливало налог на воду. Но при сложной политической обстановке, когда большая часть территории этого края была объектом борьбы между Бухарой и Кокандом и отсутствовала стабильная политическая "государственная власть", призванная на Востоке следить за ирригацией; все заботы по поддержанию в порядке оросительных систем и организация этих работ ложилась целиком на местные общины.

Трудности, связанные с проведением и устройством ирригационных систем, содержанием каналов в исправности, периодические чистки их требовали коллективных усилий жителей всего кишлака или же нескольких селений. Кроме того, население вносило дополнительную плату (сув пули) либо Коканду, либо Бухаре, а позднее царской администрации на содержание ирригационных систем.

Оросительные системы, действовавшие на территории Северного Таджикистана в конце XIX - начале XX в., можно разделить на три вида: 1) крупная ирригационная система; 2) средние ирригационные системы; 3) мелкие ирригационные системы.

На обследованной нами территории Северного Таджикистана была всего лишь одна крупная ирригационная система, основанная на использовании воды Ходжа-Бақыргансая.

Ходжабақырганская ирригационная система орошала земли Унджинской, Костакозской и Гулякандозской волостей, а также снабжала водой город Ходжент.

К средним ирригационным системам можно отнести систему Даханасая, водой из которой орошались земли Ганчинской волости и ирригационную систему Баланчакыр, обеспечивавшую водой земли кишлаков, что расположены в центре Шахристанской котловины - Сароби, Паши, Инги-Курган, Каерма, Халдар-Кипчак и другие, а также земли кишлаков, которые впоследствии вошли в состав Узбекской ССР. К ним же можно отнести и ирригационную систему, дающую воду землям Исфаринского и Канибадамского районов.

Все остальные ирригационные системы, отходящие от небольших речек, которых было в достаточном количестве

на территории Северного Таджикистана, мы относим к мелким ирригационным системам.

Система использования ирригационных систем в конце XIX - начале XX в. выглядела следующим образом.

Контроль за очисткой и порядком распределения воды осуществляли мирабы, арык-амины и баш-мирабы. Мираб заведовал отдельной оросительной системой или каналом, обеспечивающим водой земли кишлаков данной территории. В крупных кишлаках, таких как Гулякандоз, Куркат, Исписар, Костакос, Джар-Булак (Курганча) и некоторых других, которые получали воду из двух или нескольких арыков, имелось несколько мирабов.

При определении объема пропускаемой воды в арыках использовались особые единицы мер: "тегермон" - количество воды, приводящее в движение одну мельницу, "кулок" - количество воды, необходимое для полива 10-15 танапов земли в течение суток, "батман" - количество воды, необходимое для орошения участка земли, засеянного одним батманом⁹ пшеницы или ячменя (батман как мера посевной площади равен 4-5 танапам земли).

Для получения воды каждым хозяйством, среди жителей кишлака устанавливалась очередность, которая определялась жребием.

Время получения воды каждым хозяйством или группой земледельцев определялось по солнцу, а также по времени, когда нужно было идти на чтение молитвы (намаз). Для того чтобы определить время получения воды по солнцу выбирали прямое и гладкое бревно высотой в человеческий рост и устанавливали его вертикально на открытой солнечным лучам площадке. Приблизительно через час после восхода солнца, когда четко выделялась тень от столба, делалась первая отметка на земле. Наблюдение за линией тени дли-

9. Батман как мера веса равен примерно 196 кг. См.: Д а в и д о в и ч Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. - М., 1970, с. 92.

лось почти до захода солнца. По всей линии, где проходила тень от восхода солнца до его захода, проводилась углубленная черта (3-5 см), и это расстояние делилось на четыре равные части. Каждая часть отделялась от другой поперечными (по отношению к линиям тени) отметкам. По этим четырем частям линии тени определялось время, в течении которого хозяйство или группа хозяйств данного кишлака получала положенную норму воды. Обычно предпочитали брать ночную очередь, потому что ночная вода была цельной, т.е. ее не делили между несколькими владельцами и поэтому из-за ночной воды было больше всего споров.¹⁰

Необходимо отметить, что даже при самом большом паводке хозяйство не могло получить больше того количества воды, на которое имелось право. Поэтому площадь поливных земель существенно не увеличивалась, а в отдельных волостях даже и сокращалась (Костакоская). Увеличение посевных площадей происходило только за счет запашки тех земель, которые раньше служили пастбищами для скота.

А.А.Кушакевич в свое время писал, что в связи с быстрым ростом населения надо позаботиться о его расселении, а достичь этого можно было только при развитии искусственного орошения.¹¹ Денег же царское правительство на развитие ирригации не выделяло.

Следует также отметить, что введение царским правительством во всех без исключения кишлаках Северного Таджикистана института мирабов, с точки зрения местного населения было неправильным. Предгорные и горные кишлаки, такие как Бураген, Джар-Кутан, Кем-Куль в Шахристане; Дагана и Гадж в Аштском массиве и многие другие, по сведе-

10. Такое устройство солнечных часов мы даем на примере селения Гулякандоз, но надо отметить, что такие же практически были в большинстве кишлаков Северного Таджикистана. См.: Полевые материалы СААЭЭ 1976 - 1978. Архив кафедры этнографии МГУ им. М.В. Ломоносова.

11. Кушакевич А.А. Заметки по Ходжентскому уезду. - Туркестанский сборник, т.340. СПб., 1883, с.5.

ниям информаторов, никогда не имели мираба, так как воды было достаточно и "воду каждый брал себе по совести".¹²

Вода, как самый необходимый элемент в сельскохозяйственной деятельности, оказывала доминирующее влияние на правовые отношения в землевладении. Государство считалось единственным органом способным оживить землю, поэтому все дальнейшие законодательства, выясняющие правовые отношения различных владельцев, прежде всего имеют в виду интересы водного хозяйства.¹³

После присоединения этой территории к России 12 июня 1886 г. выходит "Положение об управлении Туркестанским краем", которое не принесло больших изменений в системе землепользования и землевладения в Средней Азии.

В 80-х годах XIX в. все амляковые и мульковые земли были объявлены государственными, но при этом за землевладельцами оставалось право на наследственно-подворное владение.

Согласно Положению от 12 июня 1886 г. (статьи 255 и 285) были установлены следующие типы землевладения.

Землевладение на правах личной собственности. Это земли, находящиеся раньше в общинном пользовании, но теперь разделенные между общинниками на подворные участки.

Государственные земли, находящиеся в пользовании у кочевников и которые пользовались ими по обычаю, составляют основу следующего типа землевладения. Это население владеет небольшой по площади частью орошенной земли и огромной площадью неорошенной, служащей для выпаса скота. Все пастбища и орошенные земли находятся в пользовании общества, которое распределяет их между собой по обычаю. Такие земли неотчуждаемы и продаваться кому бы то ни было не могут. Но и этот пункт показывает, что и кочевники на-

12. Полевые материалы СААЭЭ 1976-1978. Архив кафедры этнографии ИГУ им. М.В. Ломоносова.

13. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1938, с.64.

чинают постепенно заниматься поливным земледелием, ведь в их руках находилась какая-то часть поливной земли.

Вакуфные земли составляют следующий тип землевладения.¹⁴

Таким образом, землевладение в Северном Таджикистане представляло собой смесь подворно-участкового с общинным, но община уже не играла той роли, что раньше, так как ей принадлежала незначительная часть земли, которая называлась общей землей "заминхой умуми". Это были выгоны и другие земли общественного пользования.

В общинном владении за населением, продолжавшим заниматься отгонным скотоводством, оставались лишь предгорные и горные пастбища. Урочища, как коллективные владения, закреплялись за отдельными племенами специальными грамотами.¹⁵ С течением времени индивидуальные пользователи пахотных участков стали фактическими их владельцами, продавая и пересдавая в аренду свои участки.

Вся обрабатываемая земля делилась на поливную и богарную. Поливная в свою очередь делилась на полевою (наибольшие площади), садовую и огородную.

Преобладающую роль в экономике Северного Таджикистана играло сельское хозяйство, а из его отраслей - земледелие, которым занималось как оседлое, так и полуседлое население края.

Главная роль в полеводстве принадлежала продовольственным культурам и прежде всего пшенице и ячменю, которые сеяли как на поливных, так и на богарных землях. По данным на 1868 г., под пшеницей в крае было занято 9071,6 га, валовой сбор составлял 214 500 пудов; под ячменем было занято 3588,7 га и валовой сбор равнялся 68 600 пудов.¹⁶

14. Шахназаров А.И. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1903, с.66.

15. Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. - "Русский вестник", т. IX. СПб., 1893, с.19.

16. Стеценко С.А. Аграрные отношения в Ходжентском уезде после присоединения его к России (вторая половина XIX в.). Автореф. канд. дис. Сталинабад, 1957.

Кроме пшеницы и ячменя культивировались рис, джугара, различные бобовые и масличные культуры, а также овощи. Хлопок на территории Северного Таджикистана накануне присоединения возделывался в малом количестве, он производился в размерах, необходимых для потребления его в основном внутри края, что было следствием господства натурального хозяйства, существовавшего здесь до присоединения к России.

Богарное земледелие также было широко распространено на исследуемой территории.

Богарные поля (ляльми) засеиваются "под дождь", без искусственного орошения. В условиях Северного Таджикистана такое земледелие было возможно только в предгорных районах, где весной выпадало достаточное количество осадков. Подавляющее большинство таких полей засеивалось яровой пшеницей. Для степных районов Северного Таджикистана - Шахристана, Ганчи, Ашта, Исфахи - богарные посеви имели большое значение и составляли в XIX в. более половины всех посевных площадей, а порой, особенно в предгорьях, были единственными посевами зерновых.

Богарное земледелие, по сравнению с поливным, имело существенное преимущество - не надо было затрачивать громадных усилий на сооружение оросительных систем, что делало этот тип земледелия неуязвимым (в отличие от орошаемого земледелия) для различных событий, вызванных социально-политическими факторами, когда в результате войн завоеватели разрушали оросительные системы. Богарное земледелие не нуждалось в организованных усилиях коллектива. На богаре урожай, помимо естественного плодородия почвы, зависел только от количества влаги, выпавшей в тот или иной год, и от качества обработки почвы.¹⁷ При

17. П о л я к о в С. П. Историческая этнография Средней Азии. Рукопись. Архив кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

хорошем сезоне стоимость зерна на богаре, по количеству затраченного труда, была значительно ниже, чем на равнине при орошаемом земледелии. В то же время, богарное земледелие в значительной мере зависело от погодных условий. Поэтому богарное земледелие почти везде сочеталось с отгонным скотоводством, которое в районах с преобладанием богары занимало в хозяйстве тюркоязычного населения очень видное, а порой и ведущее место. Этому способствовало и то обстоятельство, что в предгорных районах было много свободной от посевов земли, расположенной исподальку от кишлака, и которая могла быть использована под пастбища. Надо отметить, что богарой занимались главным образом состоятельные скотоводческие хозяйства или хозяйства, разорившиеся и не имеющие скота.¹⁸

Землю начинали пахать в марте (месяц "хамаль"), после того как сходил снег. В качестве тягловой силы использовали пару быков или лошадей. Поэтому работник, имевший одного быка или лошадь одалживал у другого, также имевшего в своем распоряжении одного быка или лошадь. Эта помощь рабочим скотом, оказываемая одним малоимущим другому, называлась "алгоу". В свою очередь, использование обычая "алгоу" обязывала пользующегося к оказанию такой же помощи. Помимо того, существовал еще один вид помощи, используемый при сельскохозяйственных работах - выпрашивание. Эта помощь оказывалась по просьбе неимущего работника, иногда и без взаимной услуги или отработки в течение сельскохозяйственного сезона. Необходимо отметить, что такой помощью часто пользовались более зажиточные хозяйства для того, чтобы закабалить своих бедных соседей или соплеменников.

Перед началом пахоты земледельцы устраивали "хатми курьон" - прочтение корана. Муллы заранее прочитывали

18. Полевые материалы СААЭЭ 1976-1978. Архив кафедры этнографии МГУ им. М.В.Ломоносова.

весь коран у себя дома и в назначенный день собирались в доме у земледельца, куда приглашались и гости, где они читали отрывок из корана и трактат о земледелии - "рисо-лая дехкони". После чего окончание прочтения корана посвящали Бобо-дехкану "деду земледельцу" (домусульманский обычай), и хозяин устраивал собравшимся угощение. Перед уходом гостей "саркор" - старший из чайрикеров по годам и самый опытный в земледелии - выводил быков из хлева, мазал им рога и шею лепешкой, обжаренной на растительном масле, и разломив эту лепешку, давал съесть быкам и с молитвой "бисмиллоху рахмону рахим" надевал на быков ярмо. Кроме того, он же брал семь баурсаков, сваренных в масле кусочков теста, нанизывал их на нитку и привязывал каждому быку между рогами. Это делалось с целью попросить у Бобо-дехкана хороший урожай и предохранить быков от сглаза. Потом быки обычно поедали баурсаки один у другого.¹⁹

При пахоте, как правило, первую борозду прокладывал самый богатый житель кишлака. В кишлаке Куль-Кутан таким человеком в начале XX в. был Атабай, у которого было много земли. До тех пор пока Атабай мог работать, он сам проводил первую борозду, за ним его сыновья и работники, а затем все остальные жители.²⁰ Такой порядок начала земледельческих работ, зафиксированный нами в большинстве кишлаков Северного Таджикистана, напоминает описанный Н.А.Кисляковым обряд прокладывания первой борозды у таджиков бассейна р.Хингоу, также связанный с почитанием Бобо-дехкана.²¹

19. Е р ш о в Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960, с.128.

20. Полевые материалы СААЭЭ 1976-1978. Архив кафедры этнографии МГУ им. М.В.Ломоносова.

21. К и с л я к о в Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна р.Хингоу. - Советская этнография, № I, 1947.

Пахоте раньше предшествовала молитва, которую читал мулла. При выполнении земледельческих работ тюркоязычное население как предгорных, так и равнинных кишлаков огня не жгло, хотя известен существовавший у них обычай (зафиксированный нами) прогонять скот перед выгоном его на кочевку между двух костров. Видимо, земледелие, как новое для тюркоязычного населения занятие, еще не успело обзавестись соответствующими обрядами, большинство из которых они переняли у таджикского населения, а скотоводческие обряды уже в значительной степени отмерли.

Весной землю вспахивали только один раз, осенью - несколько. Сразу после весенней вспашки приступали к севу. По окончании сева землю борошили, при этом посеянное зерно присыпали землей. На этом весенние работы заканчивались и на поля возвращались только для уборки урожая. Хлеб созревал в месяце "саратов" - в июле-августе. Первым к уборке урожая приступал опять же самый богатый житель кишлака.

Во время жатвы хлебов соблюдался обычай, который тюркоязычное и таджикское население называет "куян кочты" (заяц убежал). Этот обычай заключался в том, что когда жнецы заканчивали жать хлебное поле, к ним, при возгласе "куян кочты", присоединялись и другие присутствующие при этом лица; все торопливо начинали жать, окружая несжатый участок поля, а не имеющие серпов принимались вырывать колосья пшеницы и связывать их в пучки "гуша". Эти пучки люди брали себе, жнецы же брали себе по одному снопу каждый. Потом эти снопы обмолачивали и из муки пекли хлеб, называемый "нони доскаши" (скошенный хлеб).

Здесь можно без труда узнать обычай, которым сопровождалось окончание жатвы в Ягнобе и в Вахио,²² причем

22. К и с л я к о в Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р.Хингоу. Советская этнография, № I, 1947, с. 119-120.

умирающий "дух" поля принимал образ "убегающего зайца". Обычай "куян кочты" соблюдали все, имевшие посевы зерновых.²³

Скошенный хлеб вязали в снопы и перевозили к току "хирман", который обычно устраивали неподалеку от поля. Для него выбирали ровную площадку, расположенную в стороне от деревьев и построек. Здесь производился обмолот и веяние зерна. При обмолоте снопы раскладывались по всей площади тока, выгоняли несколько быков, связанных за шею друг с другом веревкой. За быками шел человек, который переворачивал снопы. Для этого зерно сгребали в кучу, причем не на середину тока, а ближе к наветренному краю для того, чтобы солому сносило ветром в сторону. Несколько человек подбрасывало солому с зерном вверх. Солому сносило ветром, а зерно оставалось в куче. Потом зерно сгребали в одну сторону, а солому в другую. Затем зерно просеивали через сито.

Прежде чем обмолоченное зерно с тока привозили домой, выполнялся обычай "чочбанди": хозяин зерна приглашал муллу и несколько человек гостей; на вершину отвеянного и ссыпанного в коняческую кучу зерна клали одна на другую две или четыре лепешки; мулла читал отрывки из корана и после этого говорил хозяину: "Чоч баста биит"; хозяин брал в руки большое решето - "чоч", наполнял его зерном, обсыпал этим зерном вокруг всю кучу отвеянного зерна, а опустевшее решето переворачивал вверх дном, чем вся церемония и оканчивалась. За этим следовало угощение, называемое "чочхури". Более состоятельные хозяева в этот день резали барана и готовили суп или плов. Приходившие на угощение люди иногда приносили в виде праздничного подарка "туена" хозяину гумна, одну или несколько пачек чая, несколько фунтов мя-

23. Е р ш о в Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960, с.135.

са или некоторое количество сахара и т.д. После угощения хозяин одаривал их зерном, а также давал зерна мулле за его участие в церемонии и отделял из зерна по одному решету "хаккуло" в пользу местного мазара и "кафсан" для сторожа оросительного канала, отделял зерно для пастуха, арбоба, мираба, парикмахера, кузнеца и сапожника.²⁴

Здесь необходимо отметить, что более зажиточные односельчане и соплеменники довольно часто использовали обычай подносить подарки для того, чтобы оббирать своих бедных соплеменников или односельчан и закабалить их.

Анализ хозяйственной деятельности тюркоязычного населения Северного Таджикистана позволяет сделать вывод, что большинство приемов сельскохозяйственных работ, а также обычай, связанные с этими работами заимствованы ими у оседлого земледельческого населения, в первую очередь таджикского.

Оседание скотоводов на землю привело к существенным изменениям в их социальной структуре. Постоянно вступая в контакты с окружающим населением, они забывают о своей племенной принадлежности и теперь для них на первом плане стоят уже не родственные связи, а экономические.

Присоединение Средней Азии к России оказало положительное влияние на развитие экономики не только всего Туркестанского края, но и Северного Таджикистана в частности. Прекращение войн, установление тесных торговых и экономических связей с Россией и строительство железной дороги способствовали расширению внутренней торговли, появлению первых промышленных предприятий капиталистического типа. Все это вызвало также и активизацию этнических процессов на территории Северного Таджикистана.

24. Е р ш о в Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Сталинабад, 1960, с.137-138.

В заключение хочется подчеркнуть, что изучение влияния оседлого земледельческого населения на кочевое представляет большой интерес для истории народов Средней Азии. Поэтому пока в памяти старшего поколения еще сохраняются какие-либо данные или факты, этнографическая наука обязана ими воспользоваться.

ДРУГИЕ ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ТАДЖИКИСТАНУ

Т.П.Кияткина

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В
1971-1980 гг.

Антропологические исследования в последние 10 лет были связаны, во-первых, с публикацией материалов, полученных в предшествующие годы и, во-вторых, с получением, обработкой и введением в научный оборот новых краниологических и остеологических серий. В связи с этим в этот период вышла в свет монография, подытожившая итоги работ в 50-60-е гг. и публиковались короткие предварительные сообщения, посвященные ежегодно поступающим костным материалам. Материалы, представленные в публикациях этого десятилетия, происходят из хронологически весьма удаленных друг от друга памятников - от каменного века до развитого средневековья, что в какой-то мере дает представление о трансформации типов на территории древнего Таджикистана.

Южный Таджикистан

В 1971 г. была опубликована статья, посвященная наиболее древнему на территории Таджикистана краниологическому материалу: женский и два детских черепа из погребений в неолитическом слое в Туткауле (среднее течение Вахша, выше Нурекской ГЭС), раскопанных в 1966 г.¹ Череп погреб-

1. К и я т к и н а Т.П., Р а н о в В.А. Новые антропологические находки каменного века в Таджикистане. - Вопросы антропологии, 1971, вып.37, с.149-157.

бонной женщины был помертно сплюснен и деформирован, что затрудняло его изучение, но тем не менее было сделано заключение о ее расовом типе. Массивность строения черепной коробки, выраженность надпереносья и надбровья, низкие орбиты, выраженный прогнатизм говорили о протоевропеоидном типе, однако общие пропорции лицевого скелета, его небольшая ширина и достаточно большая высота, определившие лептоморфность типа, заставили считать ее представителем южной ветви европеоидов, где сочетались европеоидные и некоторые экваториальные черты.

В 1972 г. недалеко от Туткаула, в Сайсаёде, было вскрыто непо потревоженное погребение женщины (?), датированное А. Юсуповым тем же временем. Погребенная лежала в углублении под скалой, на левом боку головой на запад. Черепная коробка очень массивная, резко долихокранная, с развитой областью надпереносья. Лицевой отдел мезопроцельный. Определенные черты заставляют видеть здесь признаки протоевропеоидного типа. Однако в строении лицевого отдела (достаточно грацильного) таких признаков не имеется, что склонило нас и эту погребенную относить к южным европеоидным лептодолихоморфным формам.

В этом плане представляет интерес сопоставление неолитического материала из горного Таджикистана с материалами из энеолитических слоев многослойного памятника Восточной Туркмении Алтындепе, в раскопках которого принимает участие автор. Все немногочисленные черепа и их фрагменты, поддающиеся определению, позволили говорить о европеоидном лептодолихоморфном типе погребенных в Алтыне. Отмечаются низкие орбиты и прогнатизм.² Однако алтындепинцы, несмотря на признаки, как будто бы сближающие их с туткаульцами,

2. К и я т к и н а Т. П. Краниология энеолитического Алтындепе. — Сб.: Каракумские древности, вып. 10. Ашхабад: Ёлым, 1981.

по своему антропологическому типу были отличны от своих восточных соседей.

Вопрос о их генетическом родстве вряд ли может быть поставлен, хотя некоторые черты (прогнатизм, низкие орбиты), возможно, в некотором роде и сближают эти две территориально удаленные группы. Видимо, можно говорить достаточно определенно о бытовании в эпоху энеолита двух морфологически отличающихся комплексов на юге Средней Азии — одном весьма грацильном, связанном с переднеазиатским регионом, и втором — более матуризованном, происхождение которого пока не ясно.

В 1973—1974 гг. были опубликованы краниологические материалы эпохи поздней бронзы, происходящие из могильников, расположенных в низовьях правых притоков Пянджа — Кызылсу и Вахша. Это известные памятники вахшской культуры, связанные, по-видимому, с движением группы населения эпохи Намазга VI на более западных территориях.³ Изучение краниологического материала из могильников Тигровая Балка, Вахш I, Ойкуль, Джаркуль, Маконимор показало, что население, оставившее эти могильники, было европеоидным долихокраным, мезопрозопом. Тип строения лица несколько выделяет группу из южнотаджикистанских могильников среди массы краниологических материалов из многочисленных памятников развитой и поздней бронзы на территории Средней Азии. Отличительной чертой антропологического типа населения юга Средней Азии в древности была лептопрозопность, что наряду с морфологией черепной коробки и резкой профилировкой лица позволяло относить население к каспийскому (восточномедиземноморскому) расовому типу. В материалах из могильников Южного Таджикистана к этому типу относится

3. К и я т к и н а Т.П. Краниология населения эпохи поздней бронзы (Таджикистан). Докл. сов. делегации на IX МКАЖ (Чикаго, 1973). М.: Наука, 1973; о н а ж е. Краниологические материалы эпохи поздней бронзы из Южного Таджикистана. — В кн.: Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974, с. 22—35.

группа из Маконимора, а все группы из низовий Вахша характеризуются мезоморфным строением лицевого скелета. Отличия в антропологическом типе групп в низовьях Вахша от группы из низовий Кызылсу (Маконимор) никак не подкрепляются какими-либо археологическими сведениями. Все могильники относятся к одной культуре и какие-либо особенности в погребальном обряде не выявлены. Единственное, что выделяет могильник Маконимор — его относительно богатство сопровождающего инвентаря по сравнению с могильниками в низовьях Вахша. Следует, однако, оговориться, что эти сведения почерпнуты нами из дневников и наблюдений, сделанных во время полевых работ, в которых участвовал автор. Опубликованы пока лишь материалы одного могильника — Тигровая Балка, так что все приведенные соображения об однообразии могильников носят относительный и предварительный характер.

Тип строения мозговой коробки позволил выделить небольшую группу, известную по погребениям в Ойкуле — продольный диаметр этих черепов самый большой, поперечный самый узкий, что характеризует группу, как гипердолихокранную. Строение лобного отдела, выраженность надпереносья не дают отличий от других групп. То же касается и лицевого отдела, хотя наиболее низкие орбиты (правда, всего лишь на двух черепах), наиболее резкая горизонтальная профилировка лица, наиболее широкий нос, возможно, позволяют улавливать в этой группе черты евроафриканского типа. Правда, черепов для подобных заключений в нашем распоряжении очень мало, что, естественно, снижает ценность информации.

В 1973 г. в Бешкентской долине раскапывались могильники эпохи бронзы БМ-I и БМ-II.⁴ Из БМ-I известен очень

4. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчет о работах Кжно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. — АРТ, вып. XIII (1973 г.). Душанбе: Дониш, 1977, с.65-103.

незначительный костный материал: к.7 - осколки черепа молодого мужчины; к.12 - нижняя челюсть мужчины 20-25 лет; к.15 - зубы ребенка 6-8 лет. В БМ-П (группа А) в могиле I было парное погребение в прямоугольном каменном ящике, сложенном из плит. В нем были кости трех скелетов. В фондах Института хранятся два черепа (№574 - западный и 576 - восточный) из этого ящика. Сохранность черепов очень плохая. Определение пола затруднительно; строение верхней части орбит, конфигурация затылка, сосцевидные отростки говорят о принадлежности обоих черепов женщинам: западная погребенная очень молодая - около 20 лет, восточная старше - 20-30 лет. Черепа помертно деформированы, однако можно говорить о безусловно европеоидном типе погребенных. Восточная погребенная, судя по общему впечатлению, была долихолептсоморфного типа с резко выступающим носом (средиземноморский тип), западная черепной коробкой и лицом типа мезен (скуловой диаметр 134 мм, верхняя высота лица 73 мм, верхнелицевой указатель 54,5), скорее всего, напоминает черепа из Тигровой Балки.

В 1975 г. Регарским отрядом ЮТАЭ раскапывался небольшой грунтовый могильник, датированный временем поздней бронзы и связанный с кругом оседлоземледельческих культур. Сохранность костного материала была крайне скверной, однако знакомство с ним в полевых условиях со всей очевидностью говорило, что погребенные относятся к широко известному в это время европеоидному долихоцефальному узко-высоколицемому типу с выступающим узким носом - средиземноморскому. Совершенно неожиданно было погребение II, где в необычной позе лежал мужчина, расовый тип которого квалифицирован как монголоидный центральноазиатский. Появление такого комплекса, неослужного даже для более поздних эпох (вплоть до сегодняшнего дня), вызвало у нас сомнения в правильности датировки этого погребения.

С 1971 г. в связи с работами автора на раскопках в Туркмении, на памятниках эпохи бронзы - Сумбарском и Пархайдском могильниках (Юго-Западная Туркмения) и городище Алтындепе (Восточная Туркмения), в фонды Института истории регулярно поступает материал из этих памятников. Серия из Сумбарского могильника небольшая - 8 мужских и 10 женских черепов, характеристика которых говорит о принадлежности группы, оставившей этот могильник, к европеоидному, резко долихолептоморфному типу с высоким, суженным вперед лицом, очень резко выступающим носом и низкими орбитами. Такой тип представлен на многих памятниках оседлоземледельческих культур на юге Средней Азии и в Иране в эпоху бронзы.

Пархайдский могильник (ранняя бронза) представлен как-такимбами и большими погребальными камерами, в которых захоронено большое число людей, до 70 человек в отдельной камере. Для вновь захораниваемых освобождалось место, кости и полуистлевшие предыдущие захороненные отодвигались, смещались в большую кучу, что естественно, не способствовало сохранению костей и черепов. Поэтому антропологический материал мы не смогли спасти и вывезти. Все измерения и описания производились на месте, *in situ*, что отразилось на представительности пархайдской серии, ее информативных возможностях. Расовый тип погребенных в Пархае европеоидный, резко долихокраний, мезопрозопный, со среднепрофилированным в горизонтальной плоскости лицевым отделом и резко выступающим носом. Этот тип несколько отличен от так называемого средиземноморского, фиксируемого на большинстве среднеазиатских и иранских памятников, но очень возможно, что эти отличия связаны с очень небольшим числом сделанных наблюдений.

На Алтындепе, памятнике протогородской цивилизации, рассказываемом В.М.Массоном с 1965 г., антропологический материал собирается весьма тщательно. Материалы, собран-

ные до 1970 г., хранятся в Ленинграде, в отделе антропологии Института этнографии; с 1971 г. материал собирается автором и поступает в фонды Института истории им. А.Дониша. Сохранность костей на Алтындепе очень хорошая, чему способствует очень большая сухость района, где расположен памятник. Захоронения совершались либо под полом или стенами жилища, либо в специальных погребальных камерах - толосах, либо в помещениях, предназначенных для совершения ритуальных обрядов и положения умерших. Большой антропологический материал дал возможность провести палеодемографический анализ. Средняя продолжительность жизни жителей Алтындепе, как и везде в то время, была очень небольшой: около 23 лет. Высокая смертность отмечалась у женщин в 13-18 лет. Продолжительность жизни мужчин больше, чем у женщин, примерно на 5 лет. Расовый тип жителей Алтындепе грацильный европеоидный, лептодолихоморфный (восточносредиземноморский).⁵

Антропологические работы на Памире

В первую очередь следует сказать о большой серии из курганных могильников сакского времени на Восточном Памире, раскопанных в конце 50-х гг. Б.А.Литвянским. Материалы были опубликованы в 1976 г. Серия, полученная из этих

5. К и я т к и н а Т.П. Новые палеоантропологические материалы из раскопок в Южной Туркмении (Алтындепе) и Южном Таджикистане (Шахтепе). - В кн.: Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых иссл. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с.192-193; М а с с о н В.М., - К и я т к и н а Т.П. Человек на заре урбанизации. - Природа, № 4, 1976, с.32-47; К и я т к и н а Т.П. Краниологический материал из Алтындепе (1971). - В кн.: Каракумские древности, вып.5. Ашхабад, 1977, с.170-175; о н а ж е. Краниологические материалы из Алтындепе (1972 г.). - В кн.: Каракумские древности, вып.6. Ашхабад, 1977, с.110-114; о н а ж е. Население Алтындепе в эпоху бронзы (в свете данных антропологии). - Изв. АН ТуркмССР, сер. общ. наук, 1979, № 6, с.9-16.

могильников, была не первой; ранее были известны материалы, изученные и опубликованные В.В.Гинзбургом. Все серии были объединены автором и подсчитаны общие генеральные средние, которые дали возможность судить о морфологическом комплексе в типе населения I тыс. до н.э. на Восточном Памире на основании более репрезентативного материала, насчитывающего 48 мужских и 39 женских черепов. Расовый тип населения сакского времени европеоидный, резко долихокраний, узковысоколицый, находящий себе аналогии в Передней Азии, Туркмении, Бухарском оазисе; генетические его корни следует искать, вероятнее всего, в населении предшествующих эпох этого обширного региона. Наибольшая близость обнаруживается с населением III-II тыс. до н.э.⁶

В 1973 г. на Западном Памире в долине р. Юзбюк А.Д.Бабаев раскопал могильник, датированный им концом II-началом I тыс. до н.э. Из могильника известно три мужских и два женских черепа, хранящиеся в кабинете археологии Таджикского государственного университета. Их изучение позволило считать население Западного Памира эпохи поздней бронзы - перехода к железу европеоидным лептодолихоморфным; обнаруживается морфологическое сходство с населением Восточного Памира I тыс. до н.э.

В 60-е гг. в районе Вахана (Ю-З Памир) А.Д.Бабаевым был раскопан могильник, оставленный, по его мнению, группами восточнопамирского сакского населения, продвинувшимися на запад. Краниологический материал небольшой - четыре мужских и четыре женских черепа. Их изучение позволило полагать, что это действительно какая-то группа восточнопамирских саксов (обнаружилось их чрезвычайное морфологичес-

6. К и я т к и н а Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1975; о н а ж е. Антропологические материалы эпохи бронзы и сакского времени с Восточного Памира. - Сб.: Памяти Александра Александровича Семенова. Душанбе: Дониш, 1980, с.177-194.

кое сходство), хотя некоторые особенности говорят о присутствии в Чильхоне более широколицего и мезоцефального типа.⁷

В 1974 г. на Восточном Памире, в районе хребта Базардара М.А.Бубнова раскапывала кладбища, расположенные недалеко от горнорудных поселений Базардара, Акджилга и Сасык I. Поселения и соответственно кладбища датированы XI в.н.э. Кладбище у поселения Базардара насчитывает не менее 450 погребений, однако труднодоступность этого района, сложности доставки туда и вывоза оттуда людей, экспедиционного снаряжения, находок, не дали пока возможности вести регулярные и целенаправленные его раскопки, хотя это представляется очень нужным, актуальным и важным в связи с вопросами заселения высокогорного Памира. В фондах Института хранятся пять мужских и три женских черепа, которые дают некоторое представление о типе людей, работавших на горнорудных промыслах. Этот тип квалифицирован нами как европеоидный Среднеазиатского междуречья, близкий к типу иранских племен Западного Памира, известным по раскопкам Ю.Г.Рычковым кладбищ VIII-XIII вв. в Горане и Илкахиме. Большое морфологическое сходство отмечается с населением Мавераннахра (Уструшана, Фергана).⁸

Северный Таджикистан

В 1963 г. на северных склонах Туркестанского хребта в 20 км к югу от с. Шахристан в ущелье Актанги раскапывался могильник Мачитли, датированный Н.Негматовым X-XII вв.н.э.

7. К и я т к и н а Т.П. Антропологические материалы эпохи бронзы и сакского времени с Западного Памира. - В сб.: Памироведение, вып.1. Душанбе, 1984.

8. К и я т к и н а Т.П. Население Базардара и его связи. - В сб.: Памироведение, вып.2. Душанбе, 1985.

Изучение краниологического материала показало, что на холме хоронила своих соплеменников группа в антропологическом отношении разнородная - здесь есть европеоидные и монголоидные типы. Смешанных форм не обнаружено. Группу из Мачитли, с примесью монголоидного расового типа, мы квалифицировали как расовый тип, аналогии которому имеются среди киргизов X—XIX вв. (Исыккульская и Тяньшаньская области), что, однако, не означает этнической общности. Европеоидный тип был характерен для местного автохтонного населения, которое мы знаем по раскопкам у с. Шахристан замка Кахкаха II. Монголоидный расовый тип, вероятнее всего, связан с появлением в X в. в северо-восточных областях государства Саманидов тюркских племен во главе с Караханаидами.⁹

В 1972 г. в Аштском районе Е.Д. Салтовская исследовала могильник Дашти Ашт, датированный ею сакским временем (УШ—Ш вв. до н.э.). Сохранились разрозненные фрагменты черепов и посткраниального скелета в отдельных погребениях. Знакомство с этими остатками позволяет говорить о европеоидном типе погребенных. Дать более детальную расовую характеристику не представляется возможным.

В 1978 г. недалеко от Лензнабада, на поселении Тиркаштепа (в районе пос. Табошар) Е.Д. Салтовская вскрыла погребение, датированное ею У—VI вв. н.э. Судя по сохранившемуся черепу с нижней челюстью и отдельным костям скелета, это было погребение женщины 25—30 лет. Ее рост определен в 157—160 см. Измерение и описание черепа (хранится в фондах Института под № 509, не публиковался), показывает, что погребенная относилась по строению мозговой коробки к высокоголовым мезоцефалам с среднешироким прямым лбом. Лицевая часть очень широкая и очень высокая, по указателю леп-

9. К и я т к и н а Т.П. Могильник Мачитли. - В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. IV. Душанбе, 1986.

топрозопная, слабо профилированная в горизонтальной плоскости, мезогнатная, с высокими орбитами, относительно узким носом и низкими величинами, характеризующими высоту переносья. Клыковая ямка тоже неглубокая. Нос выступает слабо ($2I^0$). Приведенная характеристика со всей очевидностью говорит о монголоидном типе, который бытовал на этой территории в то время, очевидно, в связи с появлением на исторической арене ранних тюрков.

С 1974 г. в районе Ширинская (Ленинабадская область) отрядом под руководством А. Мирбабаева раскапываются склепы, вырытые в крутом обрыве известнякового массива. В склепах были обнаружены скелеты большого числа людей (до 200 в одном склепе), погребенных там, видимо, ярусами, в несколько слоев. Однако все кости лежали в беспорядке, так как склепы, судя по открывшейся нам картине, были ограблены. На основании частично сохранившегося погребально-го инвентаря захоронения датируются широким временным диапазоном — от III в. до н.э. до III-IV вв. н.э. Этническая атрибуция их не ясна. Костный материал находится в стадии первичной обработки; следует отметить, что наряду с недеформированными черепами, фиксируется очень большой процент (не менее 50%) черепов с кольцевой деформацией.

В 1980 г. Ниджанийским отрядом СТАЭ в Ленинабадской области, в 22 км от Уратюбе, в Ховатаге, было вскрыто погребение в яме (ориентированной в направлении З-В) с подбоем, расположенном с северной стороны. Погребение датировано IV в. до н.э. Судя по отдельным сохранившимся фрагментам черепа, там было захоронение женщины. Строение переносья (симметрическая ширина 6,5 мм, высота 3,5 мм) говорит о европеоидном типе погребенной.

х

х

х

В 70-е гг. были опубликованы статьи, где автор предлагал ввести в фондах краниологических коллекций систему

перфокартирования, облегчающую поиск необходимой информации.¹⁰ С этой целью были обработаны и, соответственно, представлены перфокартотекой краниологические фонды Института. Предложенная система не оправдала себя, видимо, из-за плохой сохранности ископаемого костного материала, что ограничивает его информативные возможности, и делает неоправданными затраты труда на перфокартирование.

Кроме работ, ведущихся силами сотрудников сектора археологии, в республике работали экспедиции центральных исследовательских учреждений страны, которые собирали и изучали материалы по антропологии, серологии, физическому развитию населения.

В Северном Таджикистане работала экспедиция Института антропологии МГУ, изучавшая морфологию типа равнинных и предгорных таджиков и отметившая направление, степень различий между двумя группами: предгорные таджики более высокорослы и имеют тенденцию к долихоморфии пропорций, более развитую мускулатуру, слабое развитие подкожного жира. Равнинные таджики ниже ростом, брахиморфнее в пропорциях, мускульный тип в группе не выражен, отмечен высокий процент жиротложения.¹¹

Изучение особенностей роста и соматического созревания детей и подростков на Восточном и Западном Памире, проведенное Институтом антропологии МГУ, показало, что горцы Западного Памира относятся к соматически поздне развивающимся группам, что связано с адаптацией организма к условиям

10. К л я т к и я а Т.П. Применение перфокарт в краниологии. - СЭ, 1972, № 4, с.132-135; К и j а т к и н а Т.Р. Perfokarte u kranilogiji, Glasnik antropoloskog društva Iudoslavija. Belgrad, 1975, p.35-41.

11. С м и р н о в а Н.С. Сравнительная морфологическая характеристика двух групп населения Северного Таджикистана. - Вопросы антропологии, 1979, вып.61, с.60-69.

высокогорья.¹² Исследования по дерматоглифике показали, что памирские группы при сравнении европеоидов и монголоидов занимают положение, наиболее близкое к таджикам и туркменам.¹³ Проводились антропологические работы, ставившие своей целью дать более детальную характеристику населения и выявить локальные варианты внутри расы Среднеазиатского междуречья.¹⁴

Антропометрические исследования, проведенные на большом сравнительном материале, дали возможность детализировать отдельные моменты в становлении расы Среднеазиатского междуречья: имеются определенные различия в исходных компонентах в Северном и Южном Таджикистане. Серологические работы показали, что современное соотношение частот генов системы АВО сложилось под воздействием популяций переднеазиатского и степного евразийского происхождения.¹⁵

Приведенная краткая сводка свидетельствует о многостороннем и глубоком изучении антропологии Таджикистана, захватывающем вопросы становления и развития расового типа, вопросы этнической истории и морфологии современного населения.

-
12. М и к л а ш е в с к а я Н.Н., Г о д и н а Е.В., С о л о в ъ е в а В.С. Новые антропологические исследования на Памире. - В сб.: Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука, 1974, с.188-200.
 13. К о н д и к В.М. Дерматоглифика стопы горцев Западного Памира и киргизов. - Вопросы антропологии, 1979, вып. 62, с.116-124; Х и т ь Г.Л. Расовая дифференциация населения СССР. - В кн.: Расы и народы, вып.5. М.: Наука, 1975.
 14. Д у б о в а Н.А. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана. - Вопросы антропологии, 1976, вып.52, с.169-185.
 15. П е с т р я к о в А.П. Антропологическое изучение юго-востока Средней Азии (проблема генезиса расы Среднеазиатского междуречья). Автореф. канд. дис. М., 1980.

Л.П.Новикова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСТАВРАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЗА 10 ЛЕТ (1971-1980 гг.)

С момента образования реставрационно-технологической лаборатории Института истории АН Таджикской ССР прошло более пятнадцати лет. За это время, претерпев, как любая другая организация, период становления, лаборатория провела большую работу по восстановлению и исследованию археологических памятников изобразительного и прикладного искусства. В начальный, организационный период шефство над лабораторией взял на себя Государственный Эрмитаж. Осуществляла его прежде всего мастерская реставрации монументальной и фресковой живописи, возглавляемая заслуженным деятелем искусств П.И.Костровым, и мастерская реставрации памятников прикладного искусства, возглавляемая П.И.Захаровым. Под непосредственным руководством таких замечательных мастеров, как М.П.Винокурова, Е.Г.Шейнина, Т.В.Коваленко, Т.С.Василенко, А.В.Васильева, В.Е.Гусева, А.Брызгалова, К.И.Никитина, В.А.Дудина и др. наши сотрудники прошли курс обучения как в лабораторных, так и в полевых условиях (консервация и реставрация живописи, скульптуры, резьбы по дереву) и освоили основы реставрационной науки. Не случайно, что даже в период учебы (в последний, третий год обучения) им поручали серьезную, самостоятельную работу по подготовке произведений к экспонированию.

Теперь лаборатория имеет довольно большой опыт по восстановлению живописи и скульптуры, резьбы по дереву (особенно обуглившемуся) и ганчу, металлических изделий и тка-

ней, происходящих из разновременных археологических памятников.

Коллектив лаборатории в годы девятой и десятой пятилеток разрабатывал две темы: I) консервация и реставрация памятников искусства эпохи древности и средневековья и II) история техники и технологии древних и средневековых производств Средней Азии.

Касаясь первой темы, необходимо отметить, что при планировании реставрационных работ, мы руководствуемся следующими принципами: I) в первую очередь восстанавливать памятники, требующие неотложной помощи; 2) учитывать уникальность произведений; 3) отбор вещей на реставрацию вести таким образом, чтобы были представлены по возможности все памятники, открытые на территории Таджикистана. Следуя им, в настоящий момент лаборатория может наглядно представить искусство Аджинатепа, Калаи Кафирнигана, Кафьркалы, Гардани Хисора, Пенджикента¹ (V-VI вв. н.э.), Шахристана (VII-IX вв. н.э.), Ашта (IX-X вв.), Сайеда (X-XII вв. н.э.), Саксан Охура, Тахти Сангина (рубеж н.э.) и многих других археологических комплексов.

Назовем некоторые основные работы, выполняемые нами за указанный период. Завершена подготовка к экспонированию уникальной коллекции глиняной скульптуры и живописи из Аджинатепа; восстановлена большая часть живописи из Калаи Кафирнигана, Кафьркалы, Саксан Охура,² Шахристана; отреставрирован интереснейший памятник IX-X вв. — резной глиняный михраб из Ашта; приведена в экспозиционное состояние большая часть резьбы по дереву из Шахристана³ и

1. Реставрацией пенджикентской живописи и резного дерева занимается лаборатория реставрации монументальной и фресковой живописи Государственного Эрмитажа.
2. Начальник Узно-Таджикистанской археологической экспедиции Б.А. Литвинский.
3. Начальник Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции Н.Н. Негматов.

Гарданз Хисора. Подвергнута реставрации часть фрагментов резьбы по ганчу из Сайеда и Хульбука.

Особого внимания заслуживает работа лаборатории по восстановлению уникальной четырнадцатиметровой полихромной глиняной статуи Будды в нирване.⁴ Молодому коллективу пришлось приложить немало усилий, кропотливого труда по разработке методики восстановления необычно больших по размеру, сложных по конфигурации, различных по форме и толщине, разнящихся по степени засоленности и т.п. фрагментов этой огромной скульптуры. Прежде чем приступить к восстановлению фрагментов статуй, нужно было ответить на целый ряд вопросов: каким путем осуществлять наиболее эффективное глубинное закрепление скульптуры; как избежать возможной деформации во время работы (сохранен лишь скульптурный слой); каким образом лучше вести удаление солей; какой применить способ монтировки, учитывая огромные размеры скульптуры и то обстоятельство, что многие фрагменты при экспозиции должны занять вертикальное положение; необходимо было предусмотреть и условия жаркого среднеазиатского климата.

В результате долгих поисков и экспериментов были выработаны и применены затем на практике различные способы глубинной пропитки. Выбор того или иного способа закрепления рыхлой пористой скульптуры зависит от формы, высоты, и сложности рельефа, размеров, степени сохранности, засоленности образца, полевой консервации и других факторов.

При восстановлении отдельных фрагментов монументальной статуи Будды пришлось устранять различного рода деформации, "убирать" трещины, выбоины, восстанавливать (подтя-

4. Описание статуи до консервации и снятия - см.: Л и т в и н с к и Я. Е.А., З е й м а л ь Т.И. Аджинатеп. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971, с.81-83. Полевая консервация, снятие Будды были произведены реставраторами Государственного Эрмитажа (г. Ленинград) М.П.Винокуровой, Г.Я.Тер-Оганян, Р.Беляевой, В.И.Соколовским во главе с тогдашним заведующим мастерской реставрации монументальной и фресковой живописи П.И.Костровым при участии сотрудников Института истории Ан Таджикской ССР Л.П.Новиковой и М.П.Страдомской.

гивать) цвет и т.д. Этим вопросам посвящены отдельные статьи,⁵ поэтому подробно на них мы в данной работе останавливаться не будем. Уже в 1974 г. работа по восстановлению всех фрагментов статуи была завершена. Запланированные работы по стыковке и монтажке статуи затягиваются из-за отсутствия специального выставочного помещения, где эта скульптура будет экспонироваться.

В лаборатории проведена вся подготовительная работа и по реконструкции статуи, так как несмотря на хорошую сохранность (статуя - археологически целая) она будет восприниматься в экспозиции фрагментарно. Кроме того, это иконографическое изображение, имеющее массу аналогий и в живописи, и в скульптуре практически на всей территории распространения буддизма.⁶ На основе подлинника, сохранившегося с учетом всех уцелевших фрагментов из завала, относящихся к этой статуе, множества аналогий, выполнено несколько графических рисунков - реконструкций, один рисунок - реконструкция в цвете, две скульптурные модели - в гипсе.⁷ Выполнение реконструкции на самой статуе возможно лишь после монтажа ее на месте экспонирования.

-
5. Н о в и к о в а Л.П. О консервации и извлечении глиняной статуи Будды в нирване. - АРТ, вып. XI. Душанбе, 1975; Н о в и к о в а Л.П. Проблемы реставрации Будды в нирване. - В сб.: Материальная культура Таджикистана, вып. 3. Душанбе, 1978.
 6. V o n l e S o a A. Die Buddhistische S'pätantike in Mittelasien. Neue Bildwerke, II. Berlin, 1927-28, Tafel. II; M a r s h a l l I. The Buddhist art of Ciandhara, fig. 68; S ä s t z i H. Excavations at Kasia. - ARASI, 1910, 1911, Calcutta, 1914, p. 65; T a c d e i M. A note on the Parinirvāna Buddha at Tapa S'ardar (Chazni, Afghanistan). - South Asian Archaeology, 1973; Вис-тавка памятников, реставрированных в Государственном Эрмитаже. Каталог, Л., 1973.
 7. Рисунки-реконструкции выполнены художником А. Лимзиним, скульптурные модели - скульптором, художником-реставратором высшей категории Г. И. Тер-Оганян.

Коллективом лаборатории за отчетный период восстановлена практически вся коллекция фрагментов из Аджинатепе,⁸ Калаи Кафирнигана (УП-УШ вв.н.э.). Начато изучение и восстановление скульптуры, датируемой III в. до н.э. - II в.н.э. из Тахти Сангина ("Каменного городища").

Наряду со скульптурой в лаборатории ведется работа по реставрации лессовой настенной живописи (стенописи) из таких археологических объектов, как Калаи Кафирниган, Аджинатепе, Калаи Шадмон, Шахристан (УП-УШ вв.н.э.), Саксан Охур (рубеж н.э.) и др.

Вопросам расчистки, укреплению, монтировке, восполнению утрат, реконструкции и другим процессам, из которых складывается методика восстановления живописи, посвящены статьи⁹ и доклады,¹⁰ поэтому останавливаться на этом вопросе здесь не имеет смысла.

Деревянная обуглившаяся скульптура в лаборатории представлена множеством рельефов с изображением человеческих фигур, животных; растительного и геометрического орнаментов; круглой скульптурой людей и птиц; фризами панно с сю-

-
8. Л и т в и н с к и й Б.А., З е й м а л ь Т.И. Аджинатепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
 9. Н о в и к о в а Л.П. Некоторые вопросы техники и реставрации стенописи Аджинатепе. - В сб.: АРТ, вып. XIII (1973). Душанбе, 1977; Т у р л ы г и н Н.В. Реставрация фрагмента Шахристанской росписи. - В сб.: Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977; С т р а д о м с к а я М.П. Некоторые вопросы консервации и реставрации настенной живописи Кафиркалы. - В сб.: Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977.
 10. Н о в и к о в а Л.П., С т р а д о м с к а я М.П. Монтировка фрагментов монументальной живописи, обнаруженных при археологических раскопках в Таджикистане. Тез. опубликованы в научном реферативном сб. "Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей", вып. 3. М., 1979; С т р а д о м с к а я М.П. Тонировки как частичная реконструкция при восполнении утрат на фрагментах живописи из Шахристана (УП-IX вв.); Н о в и к о в а Л.П. Методы восполнения утрат на археологических фрагментах стенописи и лессовой скульптуры из Аджинатепе (УП-УШ вв.н.э.). Доклады были представлены на Всесоюзной конференции в г.Тбилиси.

жетными композициями из Шахристана (Калаи Кахкаха, Чиль - Худжра,¹¹ Гардани Хисора,¹² Пенджикента,¹³ Калаи Кафирнигана,¹⁴ датируемых УП-IX вв.н.э.

Особо следует отметить сложную реставрационную работу по восстановлению уникального настенного панно "тимпана" из тронного зала дворца Калаи Кахкаха I с изображением сюжета древнеиранского героического эпоса о борьбе сил добра и зла, олицетворенных в образах носителей добра - царевича Ферудина и кузнеца Кова, и носителей зла - царя Зохака.¹⁵ Панно представляет собой полусферу (наибольшая ширина 300 см, высота 150 см, толщина 8-9 см), центральное поле которого занято четырьмя горизонтально идущими рядами скульптурных изображений. Центральная часть обрамлена тягами, две из которых одинаково орнаментированы полосой гирлянд и пальметт. В среднюю тягу, более широкую, вписаны одинаковые по размеру (d - 24 см) медальоны со сценами поединков, заполнены и пространства между медальонами -

-
11. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966; Пулатов У.П. Чильхуджра. Душанбе, 1975.
12. Якубов Ю.Я. Паргар в УП-УШ вв.н.э. Душанбе, 1979.
13. Костров П.И. Исследование, опыт реконструкции и консервации живописи и скульптуры древнего Пенджикента. - В сб.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. (Реставрация резного дерева из Пенджикента ведется в лаборатории реставрации монументальной и фресковой живописи Эрмитажа).
14. Литвинский Б.А. Фрески Калаи Кафирнигана. - Вокруг света, 1976, № 5.
15. Негматов Н.Н. Резное панно дворца афшинов Уструшаны. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1976. М., 1977; Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. АРТ, вып. X (1970). М., 1973.

изображениями атлетов. Всего на панно в полосе с медальонами насчитывается свыше 70 миниатюрных человеческих фигурок различной сохранности, выполненных в горельефе. Чтобы представить, насколько виртуозно передал древний резчик сюжет изображаемого, достаточно сказать, что все фигурки очень реалистичны, пропорциональны, четко проработаны все мельчайшие детали (вырезаны даже зрачки). Естественно, что такое панно потребовало и от реставраторов ювелирной работы.

Панно дошло до нас (сохранилось) сравнительно в удовлетворительном состоянии. В поле оно было расчищено от лесса завала, укреплено парафином, заклеено профилактической марлей и транспортировано для дальнейшей обработки в лабораторию. Панно было сильно деформировано по краям, фиксировалось много утрат резьбы, трещин, выбои, засорений различного рода, да и прочность его позволяла желать лучшего. Обработка этого памятника в лабораторных условиях заняла в общей сложности около двух лет.¹⁶ Была решена проблема укрепления полуистлевшей сердцевины панно (без ее удаления); по возможности ликвидирована деформация; произведена расчистка рельефной поверхности от засорений (частично путем разогрева, в основном — растворителями); произведено укрепление; беспаспортным углям найдены свои места; подкреплены все нависающие части фигурок; произведена мастиковка многочисленных трещин и выбои, мешающих целостному восприятию произведения. Проведя целую серию экспериментов в поисках удобного легкого каркаса для такого тяжеловесного уникального панно, с учетом того, что в экспозиции этот памятник займет вертикальное положение, мы остановились на заливочном пенопласте марки ППУ-305,

16. Н о в и к о в а Л.П. Реставрация резных панно из Шахристана. — В сб.: Художественное наследие, хранение, исследование, реставрация. 3 (33). М., 1977.

который с успехом применен в Эрмитаже¹⁷ и в нашей лаборатории¹⁸ для монтировки живописи и скульптуры. Обработаны условия, технические приемы его применения для дерева. Для жесткого крепления, дополнительной страховки этого памятника мы использовали самые простые и дешевые металлические скобы с просверленными отверстиями для штырей с гайками. Каркас получился прочный, надежный. По истечении пяти лет визуально никаких изменений на панно не наблюдается. Тимпан подвергся своеобразному испытанию на прочность и во время выставки в павильоне на ВДНХ (г.Душанбе) в неблагоприятных условиях для его экспонирования.

Из четырех тысяч фрагментов резного штука, находившегося в фондах Института истории, законсервированного и извлеченного при археологических раскопках городищ Сайеда и Хульбука (IX-XII вв.н.э.), лабораторией пока отреставрировано только лишь 15 фрагментов.¹⁹ После полного восстановления резных панно, панелей, фриз, капителей, колонн, мы получили возможность показать зрителю целый комплекс декора помещения дворца средневекового города.

В целом необходимо указать, что за отчетный период коллективом лаборатории восстановлено, подготовлено к экспонированию, введено в научный оборот свыше 300 произведений изобразительного искусства²⁰ из различных разновременных археологических объектов.

17. Виноградова В., Соколовский В., Тер-Оганьян Г., Шейнина Е. Применение заливочного пенопласта для монтировки лессовой скульптуры и монументальной живописи. - Сообщ. Государственного Эрмитажа, XXXVII. Л., 1973.

18. Начиная с 1971 г. лаборатория применяет ПЛУ-305 при изготовлении каркасов для лессовой скульптуры, резьбы по ганчу, выборочно для живописи.

19. Из общего числа 1000 фрагментов.

20. Восстановлением (реставрацией и консервацией) памятников изобразительного искусства в указанный период занимались младший научный сотрудник М.П.Страдомская, старшие лаборанты Ф.Ф.Сулякаева, Н.В.Турлыгин, Р.Абдуразыкова, Н.П.Гиряева, Н.К.Симаевская; заведующая лабораторией Л.П.Новикова.

Реставрации предметов прикладного искусства (монетных находок, изделий из различных металлов, тканей, стекла и т.п.) в лаборатории уделяется также большое внимание.²¹ Археологические изделия из бронзы и меди поступают в лабораторию в различном состоянии, но чаще всего покрыты солями коррозии, так называемой "дикой патиной", которая образуется в результате химического и электрохимического взаимодействия с почвенными солями. Встречаются и минерализованные полностью предметы. Каждый из поступающих на реставрацию предметов требует индивидуального подхода в методе реставрации. Прежде всего изделие должно быть тщательно очищено от почвенных загрязнений. В зависимости от состояния предмета, т.е. от степени корродирования предмета, применяются различные способы реставрации. Если предмет полностью поражен коррозией и металлического ядра нет, то проводится только механическая очистка и высаливание его в дистиллированной воде для удаления хлористых солей. Процесс высаливания контролируется подкисленным раствором азотнокислого серебра. Этот метод обработки используется и для железных изделий с несохранившимся ядром. Для очистки изделий, имеющих металлическое ядро, в нашей лаборатории применяются различные методы, описанные в литературе.²² К примеру, для удаления окиси меди применяются серная кислота и трилон "Б", для удаления хлористых солей - растворы аммиака, трилона "Б" и т.п. Массивные бронзовые изделия (зеркала) очищаются щелочью. Обычно химическая обработка

21. В отчетный период реставрацией археологических предметов прикладного искусства занимались младшие научные сотрудники: В.Ливоварова, Г.А.Каратаева, М.Фаязова, реставрацию ювелирных изделий проводила М.П.Страдомская.

22. К и р ь я н о в А.В. Реставрация археологических предметов. М., 1960; П л е н д е р л и с Г.Дж. Консервация древностей и произведений искусства. - Союз. ВНИИХР, № 10-11, вып.3. М., 1964.

чередуются с механической. В конце процесса производится высаливание в нескольких сменах дистиллированной воды.

Для обработки археологических предметов из железа хорошей сохранности применяются минеральные и органические кислоты.

Часто археологическое серебро бывает покрыто толстым слоем рогового серебра темно-серого цвета. Его удаляют электрохимическим способом, используя соду и муравьиную кислоту с алюминием. В результате роговое серебро размягчается и удаляется щеткой. Соли меди, которые появляются в результате коррозии на поверхности серебра (в серебре обязательно присутствует медь в том или ином количестве), снимают муравьиной кислотой, которая действует избирательно на соли меди, не действуя на серебро.

Что касается археологических тканей, то реставрация их в нашей лаборатории проводилась по известным методам.²³ Если суммировать все, что сделано по реставрации предметов прикладного искусства, то получается следующая картина. За отчетный период отреставрировано, введено в научный оборот 5858 археологических и нумизматических предметов и фрагментов прикладного искусства, из них 3733 единиц монетных находок, 1576 металлических изделий; 462 бусины (из фондов Института и археологических поступлений), практически по всей территории Таджикистана, датируемых от эпохи бронзы до развитого средневековья; 16 экземпляров ювелирных изделий (из фондов сектора этнографии Института), 4 фрагмента кожаных изделий (1 фрагмент - из Сарваде, 3 фрагмента - из Базардары); 15 фрагментов стеклянных изделий (из Хульбука) и 52 фрагмента тканей из поселения Базардара (X-XII вв. н.э.) и из могильника Иттифок (рубеж н.э.).

23. Д у д и н В.А. Реставрация археологических тканей. - Сообщ. ВДНИЛКР, № 19. М., 1967; Е л к и н а А.К. Сухая очистка музейных тканей. - В сб.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей, вып.2. М., 1977.

Специфика реставрационной работы над уникальными памятниками искусства предполагает постоянную работу по усовершенствованию методики восстановления. В лаборатории практически ежегодно намечаются планом и ставятся эксперименты по усовершенствованию таких важных процессов реставрации, как укрепление, сушка, расчистка, монтировка произведений. Положительные результаты экспериментов внедряются в практику нашей реставрационной работы. Так, удалось выявить наиболее эффективный способ пропитки глиняной скульптуры и настенной живописи путем подсоса концентрированного раствора закрепляющей смолы. Отработан и режим сушки памятников после их укрепления, что также имеет большое значение для дальнейшей сохранности предметов, подвергнутых реставрации.

Нами опробирован целый ряд новых закрепляющих смол: БМК-5, Пя БМА, "АС", ПММ-яв, М-40 БМ и др., предложенные НИИ г. Дзержинска.

Впервые в практике реставрационных работ в полевых условиях была разработана и применена новая методика извлечения рыхлой глиняной скульптуры и живописи из сухого спученого завала (на г. Калаа Кафрриган, УП-УШ вв. н. э.) при помощи заливочного пенопласта ППУ-305.²⁴ Этот метод очень удобен, экономичен, эффективен,²⁵ может быть применен на других археологических объектах при снятии резного штука, резного дерева и т.п.

Нами также впервые уже в лабораторных условиях для монтировки резного обуглившегося дерева с успехом применен пенополиуретан. Мы считаем, что в условиях Средней Азии с жарким климатом такой каркас просто незаменим.

24. Н о в и к о в а Л. П. Новый способ извлечения скульптуры из завалов. Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981, с. 80.

25. Краткая информация о новой методике извлечения глиняной скульптуры и живописи из завалов опубликована в реферативном сборнике "Реставрация, исследование и хранение музейных и художественных ценностей". М., 1977.

При реставрации уникальной археологической ткани из могильника Итифок (эпохи Кушан) был применен безводный метод очистки с помощью перхлорэтилена (по методу старшего научного сотрудника ВЦНИЛКРА А.К.Елжиной).

По теме I (4.19.5) "История техники и технологии древних и средневековых производств Средней Азии" лабораторией проводились исследования по нескольким разделам.

По разделу "История техники и технологии и расписной древней глиняной скульптуры" (ведет этот раздел зав.лабораторией Л.П.Новикова) поставлена задача: на основе всестороннего исследования техники и технологии глиняной скульптуры из различных археологических объектов путем сопоставления и анализа различных образцов получить данные о природе, составе, структуре, происхождении материалов. За отчетный период исследована техника и технология скульптуры таких объектов, как Аджинатапа, Калай Кафирниган, Тепай Шах. Выполнена серия анализов: гранулометрический, рентгеноструктурный, минералогический, петрографический, карбонатный; проведено определение физико-механических образцов глиняной скульптуры.²⁶ На основе тщательного изучения удалось ответить на вопрос, почему древние мастера применяли послойное наложение глин (каждый слой имеет свою, отличную от другого, структуру, плотность) при наращивании формы скульптуры, почему именно в такой последовательности, почему на одних памятниках при изготовлении употреблен инородный каркас, на других - нет.

Многочисленные и разнообразные анализы скульптурных глин дали возможность решить несколько задач, очень важных для вопроса исследования техники и технологии изготовления

26. Все перечисленные анализы выполнены в Институте геологии АН Таджикской ССР и в литологической лаборатории Геологоуправления.

древней скульптуры.²⁷ Уже можно сделать вывод, что для изготовления скульптурных компонентов на Аджинатепе и Калай Кафирниган использованы лессовидные суглинки четвертичного возраста, развитые на месте раскопок, различные по генезису, имея в Аджинатепе аллювиальное (речное) происхождение, а на Калай Кафирниган — делювиально-пролювиальное (т.е. формирование его происходило в непосредственной близости от отложения). Исходная порода в Аджинатепе была более плотная, прочная и менее размокаемая, чем на Калай Кафирниган, что объясняет наши наблюдения об использовании каркаса при изготовлении скульптуры на Калай Кафирниган и отсутствие его на Аджинатепе.

Минеральный состав зерен песчано-пылевой размерности свидетельствует о том, что для создания запесоченного, так называемого "моделирующего" слоя на Аджинатепе и Калай Кафирниган использовался исходный суглинок, в который добавлялся речной песок, находящийся в непосредственной близости от раскопок. А вот гранулометрический анализ, исследование плотности, пористости и размокаемости скульптуры из Тепай Шах показала, что для запесоченности слоя здесь была использована искусственная смесь.

Результаты рентгенографических исследований образцов красок Аджинатепе и Калай Кафирниган показали,²⁸ что для окраски скульптуры и исполнения живописи на этих объектах были использованы разнообразные краски минерального происхождения, главенствующее место среди которых занимали гематит, киноварь, пирсоморфит. Предположительно, они доставлялись из различных, порой отдаленных районов. Кроме

27. Н о в и к о в а Л.П., М а р к о в А.Б. Некоторые данные анализа материалов настенной живописи и глиняной скульптуры Аджинатепе (УП-УШ вв.). — В сб.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей, вып. I. М., 1977.

28. Н о в и к о в а Л.П., М а р к о в А.Б. Минеральные красители глиняной скульптуры и росписи Аджинатепе и Калай Кафирниган (УП-УШ вв. н.э.).

того, для отдельных работ использовалось золото (золотая фольга), четко идентифицированное с эталонным образцом на рентгенограмме.

Изучение вопроса "Обессоливание глиняной скульптуры и живописи" имеет большое значение в деле сохранности памятников искусства, извлеченных при археологических раскопках из засоленных объектов (ведет этот раздел младший научный сотрудник - химик Т.А.Сладкова). Определение содержания легкорастворимых ионов Cl^- , а также SO_4^{2-} их извлечение и консервация - один из важнейших этапов консервации и реставрации предметов древнего и средневекового искусства. Анализ водной вытяжки показывает, что содержание сульфат-ионов²⁹, как правило, превалирует над содержанием хлорид-ионов. Работа по обессоливанию скульптуры и живописи ведется методом пульпирования, предложенным Государственным Эрмитажем. За отчетный период выполнено 670 анализов по определению Cl^- и SO_4^{2-} . Делаются первые попытки консервации солей в толще объектов.³⁰ Положительные результаты дает $CaCl_2$, но необходимо еще отработать технику его введения. Разрешение этой проблемы дало бы гарантию длительной сохранности произведений искусства, помогло бы спасти многочисленные разрушающиеся сырцовые среднеазиатские памятники.

По разделу "Металлургическое производство на территории Таджикистана" (исполнитель - младший научный сотрудник Г.А.Каратаева) было начато исследование образцов, обнаруженных при археологических раскопках на территории

29. Определение сульфат-ионов в лаборатории ведется по методу, предложенному кандидатом химических наук В.А.Малеванным из Белгородского технологического института. Одна из его статей опубликована в журнале "Лакокрасочные материалы и их применение", № 2, 1972.

30. Шарипова Т.А. Обессоливание фрагментов скульптуры из необожженной глины. - В сб.: Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей, вып.4. М., 1974.

Памира, датированных от древнейших времен до развитого средневековья. В целом по разделу поставлена задача — проследить историю развития металлургического производства на территории Таджикистана, характер употребления сплавов, выявление рудных источников металла, круг распространения. В отчетный период удалось установить методом спектрального анализа состав металлических изделий. Оказалось, что многие сплавы многокомпонентны. Это свойство сплавов может свидетельствовать о том, что на территории Памира была довольно высоко развита металлургия (было проделано 252 спектральных анализа).

По разделу "История ткачества Средней Азии" (исполнитель младший научный сотрудник М.Фаязова) поставлена задача: исследование техники и технологии археологических тканей (в фондах Института насчитывается свыше двух тысяч фрагментов археологических тканей из различных поселений, городищ, могильников, начиная с эпохи поздней бронзы (отпечатки на керамике) до периода развитого средневековья. Предметом исследования в отчетный период была классификация богатейшей коллекции тканей поселения Базардара X-XII вв.н.э., состоящей из хлопчатобумажных тканей, шерстяных, шелковых, ковровых. На основе исследования выявлено, что хлопчатобумажные ткани Базардара представляют собой ткани домашнего производства среднего качества. Среди них есть образцы, свидетельствующие о профессиональной выделке. Технологическое исследование шерстяных, шелковых и других видов тканей этой коллекции — дело будущего.

Исследовалась уникальная ткань из женского погребения могильника Иттифок, датированная эпохой кушан (II в. до н.э. — II в.н.э.). Исследование этой ткани проводилось совместно со старшим научным сотрудником ВЦНИЛКРа (г.Москва) А.К.Елкиной. Удалось выявить и даже реконструировать рисунок. Перед нами памятник древнего шитья, расшитый позолоченной латунной нитью. На подоле платья мотив дерева

с птицами, шесть раз повторяющихся в горизонтальной композиции (судя по количеству птиц и другим частям сохранившегося узора). Выявлен краситель — софар, некогда ткань была ярко розовая.

Младшим научным сотрудником М.П. Страдомской в отчетный период была написана первая часть научного каталога "Произведения древнего и раннесредневекового искусства, восстановленные реставрационно-технологической лабораторией..." и проводился сбор материалов по второй его части. В каталоге дается характеристика памятников искусства, подвергаемых консервации и реставрации, а также перечень подготовленных к экспонированию фрагментов настенной живописи, скульптуры, резного дерева и штука. Составитель указывает на основные реставрационные процессы, которым подвергались произведения древних мастеров, и фамилии реставраторов.

Итогом работы коллектива лаборатории за отчетный период явится и сборник "Реставрация в Таджикистане" (по археологическим материалам), посвященный вопросам техники и технологии, консервации и реставрации памятников искусства эпохи древности и средневековья, подготовленный в настоящий момент к изданию.

Сотрудники лаборатории практически ежегодно принимают участие в археологических экспедициях, где они непосредственно на месте проводят выемку (извлечение) и консервацию глиняной и ганчевой скульптуры, резной кости, резного дерева, настенной живописи, резного штука, часто в очень трудных условиях. Чтобы наглядно представить объем и сложность работы реставраторов, приведем один пример: в 1976 г. на городище Сайед было снято со стен и из завалов, не законсервировано и привезено в Институт 917 фрагментов резьбы по ганчу. Объектами, на которых работали реставраторы в полевых условиях, в отчетный период были Тахта Сангия (греко-бактрийская кушанская эпоха), Аджинатепе, Калай Кафирниган, Кафиркала, Калай Шодмон (УП-УШ вв. н.э.); Шахри-

стан (УШ-IX вв.н.э.), Сайед (X-XII вв.н.э.), Хульбук (IX-X вв.н.э.) и др. В целом за этот период нами извлечено из земли около шести тысяч фрагментов различных видов изобразительного искусства. Необходимо отметить, что благодаря систематически проводимым археологическим раскопкам, которые ведутся практически на всей территории республики, фонды нашего института постоянно пополняются древними памятниками, среди которых немало шедевров мирового значения.

Лаборатория - постоянный участник Выставки достижений народного хозяйства (г.Душанбе). Особенный резонанс у многочисленных гостей и общественности столицы вызвала открывшаяся осенью 1980 г. выставка, посвященная тысячелетнему юбилею великого ученого-энциклопедиста средневекового Востока Абуали ибн Сино. На ней были широко представлены памятники культуры и быта эпохи Авиценны (свыше 70 уникальных произведений искусства экспонировались после реставрации).

Интерес к историческим памятникам, их судьбам у населения огромен, о чем свидетельствуют не только отзывы о выставках, но и постоянные вопросы в прессу, на телевидение, многочисленные заявки на экскурсии в лабораторию с целью ознакомления не только с произведениями, но и с моментами их восстановления, реставрации. В отчетный период лабораторию посетили свыше двух тысяч человек. Это участники Всесоюзных и региональных конференций различного профиля, в том числе иностранные гости, студенты вузов страны и Душанбе, художники, скульпторы, корреспонденты, учителя, инженеры, рабочие, колхозники, туристы и т.п. В среднем проведено по пятидесяти и более лекций в каждом отчетном году.

Сотрудники лаборатории неоднократно принимали участие во Всесоюзных конференциях, совещаниях, посвященных вопросам реставрации, исследованию техники и технологии произведений искусства, а также в региональных конференциях.

По перспективному плану развития реставрационно-технологической лаборатории предполагается комплексное исследование техники и технологии древних и средневековых археологических памятников искусства путем анализов и сопоставлений различных материалов: решать эти задачи в координации с другими научно-исследовательскими институтами республики и страны; подготовить обобщающие монографические труды по истории науки и техники в Таджикистане; постоянно совершенствовать консервации и реставрации; создать "Музей древностей", где найдут место все имеющиеся в фондах Института уникальные коллекции исторических памятников (отреставрированные в лабораториях и вновь открытые); издать серию альбомов и сборников, посвященных вопросам реставрации, истории техники и технологии.

Н.М.Симакова

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К СБОРНИКАМ
"АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ", ВЫП. X-XX

- I. Абдуллаев А. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август-сентябрь 1971 г.), вып. XI, 1975.
2. Абдуллаев А., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г., вып. XI, 1975.
3. Абдуллаев А. Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г., вып. XII, 1976.
4. Абдуллаев А. Отчет о раскопках Тамошо-Тепе в 1973 г., вып. XIII, 1977.
5. Абдуллаев А. Раскопки городища Тамошо-Тепе в 1974 г., вып. XIV, 1979.
6. Абдуллаев А. Раскопки в Яванской долине в 1975 г., вып. XV, 1980.
7. Абдуллаев А. Разведки и раскопки в Яванском районе в 1976 г., вып. XVI, 1982.
8. Абдуллаев А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 г., вып. XVII, 1983.
9. Абдуллаев А. Отчет о работе Яванского археологического отряда за 1978 г., вып. XVIII, 1984.
10. Абдуллаев А. Отчет о работе в Яванской долине в 1979 г., вып. XIX, 1986.
- II. Авзалов Р.З. Раскопки на городище Калаи Кажкаха I в 1976 г., вып. XVI, 1982.
12. Авзалов Р.З., Самойлик П.Т. Майдонисайское погребение, вып. XVI, 1982.
13. Авзалов Р.З. О работах на городище Калаи Кажкаха I в 1977 г., вып. XVII, 1983.

14. Авзалов Р.З. Раскопки объектов У и УІ городища Калай Кяхкаха в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
15. Авзалов Р.З. Раскопки на городище Калай Кяхкаха I в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
16. Амосова А.Г., Соловьев В.С. Стоянка каменного века в Бешкентской долине, вып.ХІІ, 1976.
17. Амосова А.Г., Соловьев В.С. Находки каменного века в долине Кафирнигана, вып.ХІУ, 1979.
18. Амосова А.Г., Додонов А.Е. О работе по изучению каменного века в Бешкентской долине, вып.ХУШ, 1984.
19. Амосова А.Г., Ломов С.П. О работе по изучению каменного века Бешкентской долины, вып.ХІХ, 1986.
20. Антонова Е.В., Вязноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г., вып.ХІУ, 1979.
21. Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг., вып.Х, 1973.
22. Атаханов Т.М. О работе Гиссарского отряда в 1969-1970 гг., вып.Х, 1973.
23. Атаханов Т.М. О работе Гиссарского археологического отряда в 1971 г., вып.ХІ, 1975.
24. Атаханов Т.М. О работе Гиссарского археологического отряда в 1972 г., вып.ХІІ, 1976.
25. Атаханов Т.М. Отчет о работах в Гиссаре в 1974 г., вып.ХІУ, 1979.
26. Атаханов Т.М. О работе Гиссарского отряда в 1977 г., вып.ХУІІ, 1983.
27. Атаханов Т.М., Радилиловский В.В. Археологическое исследование городища Калай Шодмон в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
28. Ахмадеев Н.А. К вопросу о влиянии оседлого земледельческого населения на кочевое в Северном Таджикистане, вып.ХХ, 1986.
29. Бабаев А.Д. Могильник Юзбок II - памятник эпохи бронзы на Западном Памире, вып.ХУ, 1980.

30. Беленицкий А.М. Раскопки на городище Древнего Пенджикента (1970 г.), вып.Х, 1973.
31. Беленицкий А.М. Приложение: Краткая хроника археологических работ на городище Древнего Пенджикента за 1962-1969 гг., вып.Х, 1973.
32. Беленицкий А.М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1971 г., вып.ХI, 1975.
33. Беленицкий А.М. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1972 г., вып.ХII, 1976.
34. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г., вып.ХIII, 1977.
35. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г., вып.ХIV, 1979.
36. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г., вып. ХV, 1980.
37. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г., вып.ХVI, 1982.
38. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г., вып.ХVII, 1983.
39. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 г., вып.ХVIII, 1984.
40. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 г., вып. ХIХ, 1986.
41. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Основные результаты раскопок древнего Пенджикента в 1970-1980 гг., вып.ХХ, 1986.
42. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г., вып.ХХ, 1986.

43. Беляева Т.В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 г., вып.ХVI, 1982.
44. Беляева Т.В. Исследования Ходжентского отряда в 1977 г., вып.ХVII, 1983.
45. Беляева Т.В. Некоторые итоги работ Ходжентского отряда в 1978 г., вып.ХVIII, 1984.
46. Беляева Т.В. Раскопки на Ходжентском Арке в 1979 г., вып.ХIХ, 1986.
47. Беляева Т.В. О работах Ходжентского отряда в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
48. Билалов А.И. Памятники древней ирригации в районе поселка Калининабад, вып.ХI, 1975.
49. Билалов А.И. Изучение памятников ирригации бассейна Аксу в 1973 г., вып.ХIII, 1977.
50. Билалов А.И. О работе Горного археолого-топографического отряда СТАКЭ в 1974 г., вып.ХIУ, 1979.
51. Билалов А.И., Беляева Т.В. Исследование цитадели Ходжента в 1975 г., вып.ХV, 1980.
52. Бубнова М.А. Изучение памятников, связанных с горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г., вып.Х, 1973.
53. Бубнова М.А. Древние серебряные рудники в Шугнанае (Западный Памир, полевые исследования 1971 г.), вып.ХI, 1975.
54. Бубнова М.А. Средневековые памятники Шугнана (материалы 1972 г.), вып.ХII, 1976.
55. Бубнова М.А. Результаты раскопок поселения Базар-Дара в 1973 г., вып.ХIII, 1977.
56. Бубнова М.А. Раскопки рабада на поселении Базар-Дара (полевой сезон 1974 г.), вып.ХIУ, 1979.
57. Бубнова М.А. Поселение Базар-Дара (полевые исследования 1975 г.), вып.ХV, 1980.
58. Бубнова М.А. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 г., вып.ХVI, 1982.
59. Бубнова М.А. Сельская усадьба X-XI веков в Вахане (полевые исследования 1978 г.), вып.ХVIII, 1984.

60. Бубнова М.А. Культовый комплекс в кишлаке Вранг (Западный Памир), вып. XIX, 1986.
61. Бубнова М.А. Работы Памирского отряда в 1980 г., вып. XX, 1986.
62. Виноградова Н.М. Отчет о раскопках могильника Тандыр-Юл в 1975 г., вып. XV, 1980.
63. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссарской долине в 1977 г., вып. XVII, 1983.
64. Виноградова Н.М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ, вып. XVIII, 1984.
65. Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г., вып. XIX, 1986.
66. Виноградова Н.М. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангурттут на юге Таджикистана в 1980 году, вып. XX, 1986.
67. Воронина В.Л. Отчет о работах 1972 г. в Ура-Тюбе, вып. XII, 1976.
68. Воронина В.Л. Изучение архитектурных памятников Дангарзинского района в 1973 г., вып. XIII, 1977.
69. Воронина В.Л. Памятники Калининабада и его окрестностей, вып. XV, 1980.
70. Гулямова Э.Г. Раскопки у селения Саят (Пархарский район), вып. X, 1973.
71. Гулямова Э.Г. Отчет о работах Пархарского отряда в 1972 г., вып. XII, 1976.
72. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1973 г., вып. XIII, 1973.
73. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1974 г., вып. XIV, 1979.
74. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1975 г., вып. XV, 1980.
75. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1976 г., вып. XVI, 1982.
76. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1977 г., вып. XVII, 1983.

77. Гулямова Э.Г. Раскопки средневековых городищ Хульбук и Сайед (1978 г.), вып.ХУШ, 1984.
78. Гулямова Э.Г. О работах Хульбукского и Московского отрядов в 1979 г., вып.ХІХ, 1986.
79. Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Сайед в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
80. Давутов Д. Новые монетные находки на территории ТаджССР, вып.ХУ, 1980.
81. Давутов Д. Монетные находки в Таджикистане (1976 г.), вып.ХУІ, 1982.
82. Денисов Е.П. Отчет о работе Дангаринского отряда в 1974 г., вып.ХІУ, 1979.
83. Денисов Е.П. Отчет о работе Дангаринского отряда, вып.ХУ, 1980.
84. Денисов Е.П. Археологические работы в Дангаринском районе Вахшского отряда по изучению античных и средневековых памятников, вып.ХУІ, 1982.
85. Денисов Е.П. Работы в Ленинградском и Дангаринском районах, вып.ХУП, 1983.
86. Денисов Е.П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
87. Денисов Е.П. Раскопки в Дангаринском и Кобадиянском районах, вып.ХІХ, 1986.
88. Денисов Е.П. Исследования могильников на реке Ксиров (Саргазон) в Дангаринском районе в 1980 г., вып. ХХ, 1986.
89. Довидович Е.А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г., вып.Х, 1973.
90. Жуков В.А. Результаты разведки на плато Сагыр-Ахун (Малое Даштако), вып.Х, 1973.
91. Жуков В.А. Новая стоянка каменного века на Восточном Памире, вып.ХІ, 1975.
92. Жуков В.А. Новая стоянка каменного века в Аличурской долине (Восточный Памир), вып.ХІУ, 1979.

93. Жуков В.А. Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда (раскопки стоянки Ошхона), вып.ХУ, 1980.
94. Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1976 г., вып.ХУІ, 1982.
95. Жуков В.А. Отчет о работе Маркансуйского археологического отряда в 1977 году, вып.ХУП, 1983.
96. Жуков В.А. Раскопки пещеры "Истыкская" (1978-1979 гг.), вып.ХІХ, 1986.
97. Жуков В.А. Работы Маркансуйского отряда в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
98. Зеймаль Е.В. Разведочные работы Гиссаро-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г., вып.ХІУ, 1979.
99. Зеймаль Е.В. Работы в Гиссарской долине в 1975 г., вып.ХУ, 1980.
100. Зеймаль Е.В. Раскопки на Шахринауском городища, вып. ХУІ, 1982.
101. Зеймаль Е.В. Раскопки в окрестностях Шахринау, вып. ХУП, 1983.
102. Зеймаль Е.В. Работы Гиссарского отряда в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
103. Зеймаль Е.В. Археологические работы в Шахринау, вып.ХІХ, 1986.
104. Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссарской долине в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
105. Зеймаль Т.И. Раскопки на Аджина-Тепе в 1975 г., вып. ХУ, 1980.
106. Зеймаль Т.И., Соловьев В.С. Работы Уртабозского отряда, вып.ХУП, 1983.
107. Зеймаль Т.И. Раскопки крепости Нижний Урта-Боз в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
108. Зеймаль Т.И. Буддийский комплекс Шутур-Мулло, вып. ХІХ, 1986.
109. Исаков А.И. Раскопки дворца правителей древнего Пенджикента, вып.ХІ, 1975.

- II0. Исаков А.И. Разведки и раскопки Косаторошского отряда в 1974 г., вып. XIV, 1979.
- III. Исаков А.И. Работы Косаторошского отряда в 1975 г., вып. XV, 1980.
- II2. Исаков А.И. Отчет о работах Косаторошского отряда за 1976 г., вып. XVI, 1982.
- II3. Исаков А.И. Работы Косаторошского отряда в 1977 году, вып. XVII, 1983.
- II4. Исаков А.И. Раскопки Косаторошского отряда в 1978 г., вып. XVIII, 1984.
- II5. Исаков А.И. Раскопки третьего сезона на Саразме (1979 г.), вып. XIX, 1986.
- II6. Исаков А.И. Отчет о работе на Саразме в 1980 г., вып. XX, 1986.
- II7. Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1970-1980 гг., вып. XX, 1986.
- II8. Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы), вып. X, 1973.
- II9. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Раскопки на Аджинатепе и Кафиркале в 1970 г., вып. X, 1973.
- II0. Литвинский Б.А., Денисов Е.П. Буддийская часовня на Кафиркале, вып. X, 1973.
- II1. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Раскопочные работы на Аджинатепе, вып. XI, 1975.
- II2. Литвинский Б.А. Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района), вып. XII, 1976.
- II3. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г., вып. XIII, 1977.
- II4. Литвинский Б.А. Калай Кафирниган (раскопки в 1974 г.), вып. XIV, 1979.
- II5. Литвинский Б.А. Калай Кафирниган (раскопки в 1975 г.), вып. XV, 1980.

126. Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки в 1976 г.), вып. XVI, 1982.
127. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти Сангин - Каменное Городище - 1979 г., вып. XIX, 1986.
128. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Раскопки на Калаи Шодмон, вып. XIX, 1986.
129. Литвинский Б.А. Проблема истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971-1980 гг., вып. XX, 1986.
130. Малаева З.А. О раскопках на объектах УП и УШ Калаи Кахкаха I в 1977-1979 гг., вып. XIX, 1986.
131. Маняхина А.И. Археологические работы на мавзолее Ходжа Машад в 1979 г., вып. XIX, 1986.
132. Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г., вып. XII, 1979.
133. Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1975 г., вып. XV, 1980.
134. Медведская И.Н. Раскопки Шаартузского отряда в 1977 году, вып. XVII, 1983.
135. Мирбабаев А.К. К археологическому изучению медресе Рустам бека в Ура-Тюбе, вып. XIII, 1977.
136. Мирбабаев А.К. Мадраса Канибадама и Исфары как памятники архитектуры, вып. XIV, 1979.
137. Мирбабаев А.К. Раскопки Куркатских склепов, вып. XV, 1980.
138. Мирбабаев А.К. О работе Уструшанского отряда в 1976 г., вып. XVI, 1982.
139. Мирбабаев А.К. О работах Куркатского отряда в 1977 г., вып. XVII, 1983.
140. Мирбабаев А.К. О работах Куркатского отряда в 1978 г., вып. XVIII, 1984.
141. Мирбабаев А.К. Некоторые материалы могильника Лангари Ходжен Исфаринского района, вып. XX, 1986.
142. Москаленко Н.А. Калаикахкахинские стоянки, вып. XVIII, 1982.

- I43. Москаленко Н.А. Шахристанский палеолит (к постановке проблемы), вып. XIX, 1986.
- I44. Муллокандов М. Археологические работы в долине Оби-мазар в 1980 г., вып. XX, 1986.
- I45. Мухтаров А.М. Хроника полевых работ отряда сектора истории средних веков (1963-1973 гг.), вып. XIII, 1977.
- I46. Мухтаров А.М. О работе археографического отряда в 1974-1980 гг., вып. XIX, 1986.
- I47. Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г., вып. X, 1973.
- I48. Негматов Н.Н. Терракотовая статуэтка воина из Регарского района, вып. XI, 1975.
- I49. Негматов Н.Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1971 г., вып. XI, 1975.
- I50. Негматов Н.Н. Работы Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1972 г., вып. XII, 1976.
- I51. Негматов Н.Н. Работы Северо-Таджикистанского археологического отряда в 1973 г., вып. XIII, 1977.
- I52. Негматов Н.Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1974 г., вып. XIV, 1979.
- I53. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Архитектурный комплекс Ходжа Ягона, вып. XIV, 1979.
- I54. Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г., вып. XV, 1980.
- I55. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Мадраса Мирраджаб додхо, вып. XV, 1980.
- I56. Негматов Н.Н. О работах СТАКЭ в 1976 г., вып. XVI, 1982.
- I57. Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К., Абдурасулов М.А. Начало раскопок городища Ширин (предварительное сообщение), вып. XVI, 1982.
- I58. Негматов Н.Н. О работах СТАКЭ в 1977 г., вып. XVII, 1983.

159. Негматов Н.Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1978 г., вып.ХУШ, 1984.
160. Негматов Н.Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1979 г., вып.ХІХ, 1986.
161. Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины, вып.ХІХ, 1986.
162. Негматов Н.Н. Некоторые проблемы археологии Таджикистана и Северной Средней Азии, вып.ХХ, 1986.
163. Негматов Н.Н. Полевые исследования СТАКЭ в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
164. Негматов Н.Н., Белыева Т.В., Мирбабаев А.К. Начало исследований городища Нуртена, вып.ХХ, 1986.
165. Новиков В.П., Погребной П.А., Радилиловский В.В., Смирнов Ю.М. Металлургический центр древнего Гиссара (работы 1980 г.), вып.ХХ, 1986.
166. Новикова Л.П. Работа реставрационно-технологической лаборатории, вып.Х, 1973.
167. Новикова Л.П. О консервации и извлечении глиняной статуи Будды в нирване, вып.ХІ, 1975.
168. Новикова Л.П. Некоторые вопросы техники и реставрации стенописи Аджинатепе, вып. ХШ, 1977.
169. Новикова Л.П., Марков А.Б. Минеральные красители глиняной скульптуры и стенописи Аджинатепе и Калаи Кафирнигана (УП-УШ вв.н.э.), вып.ХУП, 1983.
170. Новикова Л.П. Деятельность реставрационно-технологической лаборатории за 10 лет (1971-1980 гг.), вып.ХХ, 1986.
171. Панфилов О.В. Поиски и фиксация наскальных изображений Северного Таджикистана в 1976-1979 гг., вып. ХІХ, 1986.
172. Панфилов О.В. Новая группа петроглифов в Пангазе, вып.ХХ, 1986.
173. Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище (раскопки Тахтикувадского отряда КТАЭ 1976 г.), вып.ХУІ, 1982.

174. Пичикян И.Р. Раскопки Каменного городища в 1977 г., вып.ХVII, 1983.
175. Пичикян И.Р. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г., вып.ХVIII, 1984.
176. Поляков С.П. Отчет о раскопках средневековых погребений у кишлака Пушинг, вып.ХII, 1976.
177. Поляков С.П. Культовое здание селения Унджи (предварительное сообщение), вып.ХVI, 1982.
178. Поляков С.П. Могильник Калаи Сара, вып.ХVII, 1983.
179. Пулатов У.П. Замок Тоштемиртепа, вып.ХV, 1980.
180. Пулатов У.П. Раскопки замка Калаи Сара в 1976 г., вып.ХVI, 1982.
181. Пулатов У.П. Раскопки Калаи Сара в 1977 г., вып.ХVII, 1983.
182. Пулатов У.П., Джумаев В.К. К изучению фортификации Калаи Сара, вып.ХVIII, 1984.
183. Пулатов У.П., Салтовская Е.Д. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштепа, вып.ХХ, 1986.
184. Пьянкова Л.Т. Отчет о работе Нурекского археологического отряда, вып.ХIV, 1979.
185. Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г., вып.ХIХ, 1986.
186. Пьянкова Л.Т. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году, вып.ХХ, 1986.
187. Равич И.Г. Технологическое исследование бронзовых предметов с поселения Кангурттут, вып.ХVIII, 1984.
188. Равич И.Г. Технология изготовления кельта из Карим-Берды, вып.ХIХ, 1986.
189. Радилиловский В.В. Стоянка каменного века в Барзобском ущелье, вып.ХIV, 1979.
190. Ранов В.А. Шугноу - многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.), вып.Х, 1973.
191. Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик), вып.ХI, 1975.

192. Ранов В.А. Изучение наскальных изображений Западного Памира в 1972 г., вып. XII, 1976.
193. Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1973 г., вып. XIII, 1977.
194. Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1974 г., вып. XIV, 1979.
195. Ранов В.А. Раскопки в Огзи-Кичике в 1975 г., вып. XV, 1980.
196. Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г., вып. XVI, 1982.
197. Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки пещерной стоянки Огзи-Кичик в 1977 г., вып. XVII, 1983.
198. Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г., вып. XVIII, 1984.
199. Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г., вып. XIX, 1986.
200. Ранов В.А. Десять лет изучения каменного века Южного Таджикистана и Памира, вып. XX, 1986.
201. Ранов В.А. Работы по изучению каменного века в 1980 г., вып. XX, 1986.
202. Распопова В.И. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1970 г., вып. X, 1973.
203. Салтовская Е.Д. О могильнике Хазина-хона, вып. X, 1973.
204. Салтовская Е.Д. О раскопках Аштского могильника в 1971 г., вып. XI, 1975.
205. Салтовская Е.Д. О раскопках могильника VI-IV вв. до н.э. в Северо-Западной Фергане, вып. XII, 1976.
206. Салтовская Е.Д. О раскопках могильников Ашт и Дашти Ашт в 1973 г., вып. XIII, 1977.
207. Салтовская Е.Д. О работах Аштского отряда СТАКЭ в 1974 г., вып. XIV, 1979.
208. Салтовская Е.Д. О раскопках могильника Дашти Ашт в 1976 г., вып. XVI, 1982.
209. Салтовская Е.Д. О раскопках Дунгчатела, вып. XVII, 1983.

210. Салтовская Е.Д. Начало раскопок Тиркаштепа, вып. XVIII, 1984.
211. Салтовская Е.Д. Раскопки Дунгчатепы в 1978 г., вып. XVIII, 1984.
212. Салтовская Е.Д., Пулатов У.П. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г., вып. XIX, 1986.
213. Самойлик П.Т. Погребения в хумах у селений Паши и Расравут, вып. X, 1973.
214. Самойлик П.Т. К датировке Калаибаландского клада бронзовых изделий, вып. XIII, 1977.
215. Самойлик П.Т. О работах в районе обжигательных печей Бунджиката в 1975 г., вып. XV, 1980.
216. Самойлик П.Т. Обжигательные печи Бунджиката (IX-XI вв.), вып. XIX, 1986.
217. Седов А.В. Работы Шаартузского отряда в 1976 г., вып. XVI, 1982.
218. Седов А.В. Разведки и раскопки в Бешкентской долине, вып. XVII, 1983.
219. Седов А.В., Керзум А.П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г., вып. XVIII, 1984.
220. Седов А.В., Керзум А.П. Работы в Бешкентской долине в 1979 г., вып. XIX, 1986.
221. Седов А.В. Отчет о работах на Калаи Кафирниган в 1980 г., вып. XX, 1986.
222. Соловьев В.С. Керамика Кафыркалы (раскопки 1969-1970 гг.), вып. X, 1973.
223. Соловьев В.С. Раскопки на городище Кафыркалы в 1973 г., вып. XIII, 1977.
224. Соловьев В.С. Раскопки на городище Кафыркалы в 1974 г., вып. XIV, 1979.
225. Соловьев В.С. Работы Колхозабадского археологического отряда в 1975 г., вып. XV, 1980.
226. Соловьев В.С. Работы Колхозабадского отряда в 1976 г., вып. XVI, 1982.

227. Соловьев В.С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине (раскопки 1978 г.), вып.ХУШ, 1984.
228. Соловьев В.С. Раскопки на Кафыркале в 1979 г., вып.ХІХ, 1986.
229. Соловьев В.С. Работы в Бешкентской долине в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
230. Соловьев В.С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
231. Юсупов А.Х., Соловьев В.С. Новые археологические открытия в Яванской долине, вып.Х, 1973.
232. Юсупов А.Х. Изучение памятников каменного века в Яванской долине, вып.ХІ, 1975.
233. Юсупов А.Х. Отчет Нурекской группы (1972 г.), вып. ХІ, 1976.
234. Юсупов А.Х. Разведки каменного века в Яванской долине в 1973 г., вып.ХШ, 1977.
235. Юсупов А.Х. Разведовательные работы Яванского отряда в 1974 г., вып.ХІУ, 1979.
236. Юсупов А.Х. Разведовательные работы Вахшского отряда в 1975 г., вып.ХУ, 1980.
237. Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Разведовательные работы Вахшского отряда в 1976 г., вып.ХУІ, 1982.
238. Юсупов А.Х. Работы по изучению каменного века среднего течения р.Вахш в 1977 г., вып.ХУП, 1983.
239. Юсупов А.Х. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения реки Вахш (работы 1978 г.), вып.ХУІІІ, 1984.
240. Юсупов А.Х. Разведки каменного века на юге Таджикистана в 1979 г., вып.ХІХ, 1986.
241. Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследование археологических памятников на юге Таджикистана в 1980 г., вып.ХХ, 1986.
242. Якубов Ю.Я. О раскопках в Куме в 1970 г., вып.Х, 1973.
243. Якубов Ю.Я. Отчет о работах Нурекского археологического отряда за 1971 г. на памятнике Тенаи Муборак-ходжа, вып.ХІ, 1975.

244. Якубов Ю.Я. Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. О раскопках дворцового комплекса Гарданихисор в сел.Мадм, вып.ХI, 1975.
245. Якубов Ю.Я. О раскопках крепости Сарводи, вып.ХI, 1975.
246. Якубов Ю.Я. О работах Нурекского отряда в 1972 г. (На пещерных средневековых памятниках), вып.ХII, 1976.
247. Якубов Ю.Я., Хмельницкий С.Г. Археологические исследования в Орджоникидзеабдском районе в 1972 г., вып.ХII, 1976.
248. Якубов Ю.Я. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гарданъ Хисор, вып.ХIII, 1977.
249. Якубов Ю.Я. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор в 1974 г., вып.ХIV, 1979.
250. Якубов Ю.Я. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г., вып.ХV, 1980.
251. Якубов Ю.Я. О работах Верхнезеравшанского отряда в 1976 г., вып.ХVI, 1982.
252. Якубов Ю.Я. О работах Верхнезеравшанского отряда в 1977 г., вып.ХVII, 1983.
253. Якубов Ю.Я. Археологические памятники Вахша (исследования 1978 г.), вып.ХVIII, 1984.
254. Якубов Ю.Я. Работы Каратегинского отряда в 1979 г., вып.ХIX, 1986.
255. Якубов Ю.Я. Поселение Кум, вып.ХХ, 1986.
256. Якубов Ю.Я., Муллокандов М. Работы Каратегинского отряда (1980 г.), вып.ХХ, 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЮЖНО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Б.А.Литвинский. Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971-1980 гг. 15

В.А.Ранов. Десять лет изучения каменного века Южного Таджикистана и Памира 50

В.А.Ранов. Работы отряда по изучению каменного века в 1980 г. 86

А.Х.Юсупов, Т.Г.Филимонова. Исследование археологических памятников на юге Таджикистана в 1980 г. 96

В.А.Жуков. Работы Маркансуйского отряда в 1980 г. 105

Л.Т.Пьянкова. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 г. 117

Н.М.Виноградова. Раскопки поселения эпохи бронзы Кангурттут на юге Таджикистана в 1980 г. . . . 126

Е.П.Денисов. Исследования могильников на р. Ксиров (Саргазон) в Дангаринском районе в 1980 г. 138

Е.В.Зеймаль. Археологические работы в Гиссарской долине в 1980 г. 148

А.В.Седов. Отчет о работах на Калаи Кафирниган в 1980 г. 157

В.С.Соловьев. Работы в Бешкентской долине в 1980 г. 165

В.С.Соловьев. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. 172

В.П.Новиков, В.В.Радилюловский, Ю.М.Смирнов. Металлургический центр древнего Гиссара (ра- боты 1980 г.)	179
Ю.Я.Якубов. Поселение Кум (раскопки 1980 г.) .	186
Ю.Я.Якубов, М.Муллокандов. Работы Каратегин- ского отряда (1980 г.)	194
Э.Гулямова. Раскопки городища Сайед в 1980 г.	202
М.А.Бубнова. Работы Памирского отряда в 1980 г.	211
М.Муллокандов. Археологические работы в до- лине р.Обимазар в 1980 г.	219

ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова. Основные результаты раскопок древнего Пенджикен- та в 1970—1980 гг.	229
А.М.Беленицкий, Б.И.Маршак, В.И.Распопова. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г. . . .	255
А.И.Исаков. Отчет о работе на Саразме в 1980 г.	269

СЕВЕРО-ТАДЖИКИСТАНСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Н.Н.Негматов. Некоторые проблемы археологии Тад- жикистана и Северной Средней Азии	281
Н.Н.Негматов. Полевые исследования СТАКЭ в 1980 г.	302
Н.Н.Негматов, Т.В.Беляева, А.К.Мирбабаев. На- чало исследований городища Нуртепа	310
У.П.Пулатов, Е.Д.Салтовская. Раскопки нижнего горизонта Тиркаштепа	332
А.К.Мирбабаев. Некоторые материалы из могиль- ника Лангари Ходжиен Исфаринского района . . .	346

Т.В.Белыева. О работах Ходжентского отряда в 1980 г.	350
Р.З.Авзалов. Раскопки на городище Калаи Кахкаха I в 1980 г.	359
О.В.Панфилов. Новая группа петроглифов в Пангазе	371
Н.А.Ахмадеев. К вопросу о влиянии оседлого земледельческого населения на кочевое в Северном Таджикистане	384

ДРУГИЕ ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ТАДЖИКИСТАНУ

Т.П.Кияткина. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг.	403
Л.П.Новикова. Деятельность Реставрационно-технологической лаборатории за 10 лет (1971 - 1980 гг.)	416
Н.М.Симакова. Алфавитный указатель к сборникам "Археологические работы в Таджикистане" вып. X - XH	434

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ
Выпуск XX (1980 г.)

Ответственные редакторы: Борис Анатольевич Литвинский,
Нуман Негматович Негматов, Вадим Александрович Ранов

Редактор издательства Л.Г.Котунова
Технический редактор В.Н.Щемелинина
Художественный редактор Ю.Н.Ярочкин

ИБ № 978

Сдано в набор 16.05.88 г. Подписано в печать 13.06.88 г.
Кл 05132. Формат 60x84¹/16. Бумага тип. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 26,3. Усл.кр.-отт. 26,5. Уч.изд.л. 23,0.
Тираж 560. Заказ 700. Цена 3 руб. 50 коп.

Издательство и типография "Дониш", 734029, г.Душанбе, ул.
Айни, 121, корп. 2.

3 руб. 50 коп.